ИНСТИТУТ ЛЕНИНА при ЦК ВКП(б)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

13-й ГОД ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

М А Й

5 (100)

1 9 3 0

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

СОДЕРЖАНИЕ

XVI съезду ВКП(б) . . . . . .

СТАТЬИ

М. Савельев. Об изучении истории партии (к выпуску сотого номера «Пролетарской революции») 5

П. Горин. Из истории борьбы Ленина за III съезд 10

Г. Крамольников. III съезд РСДРП 25

П. Прагер. К постановке вопроса о некапиталистическом пути развития отсталых стран 55

Я. Бронин. К вопросу об особенностях двух «потоков» мелкобуржуазных шатаний. (Продолжение) 95

ИЗ ИСТОРИИ РАБОЧЕЙ ПЕЧАТИ

К истории рабкоровского движения: М. Павлова. Рабкоры «Искры», «Вперед» и «Пролетария».—**С. И.** Рабкоры «Звезды» и «Правды» 135

К выходу сотого номера «Пролетарской революции»: М. Ольминский. Возникновение Истпарта и журнала «Пролетарская революция».—**А. Елизарова.** Ретроспективный взгляд на Истпарт и журнал «Пролетарская революция».—**В. Адоратский.** Воспоминания о возникновении Истпарта.—**П. Лепешинский.** Четверть века на большевистском литературном посту. (О тов. Ольминском) 154

ТРИБУНА

А. Рындич. К вопросу о классовой природе революционного народничества 176

М. Поташ. Как не следует писать о революционном народничестве и народовольчестве 208

Продолжение на 3 странице обложки

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА при ЦК ВКП(б)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

13-й ГОД ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

МАЙ

5 (100)

1930

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Отпечатано в типографии Госиздата
„КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ",
Москва, Краснопролетарская, 16,
в количестве 5 750 экземпл.
Главлит № А — 68730
Гиз П—10 № 39827
Зак. № 993
19 п. л.

☆

XVI СЪЕЗДУ ВКП(б)

Редакция журнала «Пролетарская революция» шлет свой горячий привет XVI съезду ВКП (б), продолжателю ленинских заветов, проводимых нашей партией и ее ЦК в неуклонной борьбе за чистоту революционной большевистской теории и за решительное пресечение мелкобуржуазных уклонов и примиренчества к ним.

Редакция журнала «Пролетарская революция»

ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ПАРТИИ

(К выпуску сотого номера «Пролетарской революции»)

Выход сотого номера «Пролетарской революции», вне всякого сомнения, представляет значительный факт в деле изучения истории нашей партии.

История партии—наука молодая. На первый взгляд это как будто не соответствует грандиозной работе, проделанной нашей партией. Кажется непонятным, что наша партия, выступившая в начале девятисотых годов в виде горстки революционеров и затем ставшая политической силой всемирно-исторического значения, все еще не имеет научно написанной истории и не блещет обширным числом ее историков. Но такова, очевидно, судьба всех величайших исторических переломных моментов, когда историю приходится писать на основании уже достаточно пожелтевших документов, а те, кто могли бы с большим успехом заняться партийно-историческими исследованиями, предпочитают пока что «делать» историю, чем ее писать.

Все же, несмотря на свою «молодость», наука истории нашей партии за последнее время начинает приковывать к себе сравнительно более серьезное внимание, а тяга к углубленному изучению прошлого, чтобы лучше разобраться в нашем настоящем, начинает охватывать более значительные кадры наших партийцев. Это, впрочем, и понятно.

Условия развития диктатуры рабочего класса и обстановка развертывающейся обостренной классовой борьбы ставят перед нашей партией (и рабочим классом как таковым) в качестве особо настоятельной задачи прежде всего задачу усиления всех тех идеологических рычагов, которые обеспечивают чистоту и идеологическую выдержанность партийного актива, которые содействуют повышению классового самосознания широчайшего пролетарского актива, которые ведут к вооружению масс марксизмом-ленинизмом, дают в руки массам это важнейшее орудие.

Мы все отлично знаем, какое громадное значение придавал Ленин революционной теории. Его собрание сочинений ярко демонстрирует нам, как оттачивалась гениальная теория ленинизма в процессе непримиримой борьбы со всякого рода враждебными пролетарской идеологии воззрениями, со всякого рода уклонами в партии. Борьба за чистоту революционной теории, за большевистскую принципиальность и чистоту уче-

ния марксизма-ленинизма проходит красной нитью через всю его жизнь, а, следовательно, и через всю историю партии, поскольку Ленин и партия едино суть. Касаясь в предисловии к книге «За 12 лет» еще полемики с легальным марксизмом и Струве, т. е. для нас давнопрошедших времен, он подчеркивает (как, впрочем, подчеркивает десятки и сотни раз позже) «практически политическую ценность непримиримой теоретической полемики».

Громадное значение революционной теории, конечно, не уменьшается и в наше время. Именно она является важнейшей цементирующей основой миллионного состава нашей партии. Лишь сознательная волевая работа всего нашего партийного актива, лишь жесточайшая критика всего окостенелого, гнилостного, лишь суровая самокритика отдельных теоретических и практических ошибок обеспечивают партию от тлетворного влияния со стороны идеологически чуждых элементов, гарантируют от обывательщины, либерализма, оппортунистического влияния мелкобуржуазного окружения. Отсюда естественная потребность со стороны партии значительно усилить все те идеологические позиции, которые являются лучшей защитой ее от буржуазного и мелкобуржуазного давления на пролетариат, лучшим средством укрепления ее монолитности, ее непоколебимой стальной сплоченности.

Момент, который в настоящее время переживает наша страна, момент глубокой социалистической реконструкции нашего народного хозяйства, момент развертывающегося и углубляющегося социалистического строительства характеризуется не только тем, что выдвигаются все новые и новые рекордные задачи в области социалистического строительства, но и тем, что вместе с новыми возникающими трудностями, в результате новых задач создаются и новые условия для их преодоления и вырастают те новые силы, которые обеспечивают осуществление дальнейших, еще более грандиозных задач. Эти из недр рабочего класса и его партии подымающиеся колоссальные подспудные силы не могут не являться естественным источником также для укрепления и наших идеологических позиций, для оживления партийной мысли во всех отраслях идеологического фронта, они дают возможность и на фронте историческом решать такие задачи, которые еще недавно казались совершенно невыполнимыми.

В настоящее время мы уже довольно решительно отошли от того «трафарета», что писать историю партии должны по преимуществу лишь те, кто не в состоянии ее творить. Параллельно с ростом новых задач и новых сил мы серьезно поставили вопрос трактовки нашей собственной истории партии, как науки, требующей разработки научных методов ее написания, требующей углубленного теоретического, ленинского подхода в решении этих партийно-исторических задач. *История партии, как наука*,—это тот новый лозунг, который знаменует новую высшую ступень по сравнению с предыдущей в деле изучения истории нашей партии, который накладывает серьезнейшие обязательства на нас самих, на

историко-партийную общественность. Это развитие изучения истории партии находит свое отражение и в вышедших ста номерах «Пролетарской революции».

Журнал «Пролетарская революция» зародился и возник в тот самый момент, когда время позволило по окончании гражданской войны наскоро записать наиболее важное, чтобы дать возможность старой гвардии поделиться с молодым поколением героическим прошлым нашей партии, ознакомить подрастающие новые кадры с методами борьбы в подполье.

Так возникла «Пролетарская революция», довольно быстро сумевшая сконцентрировать вокруг себя значительный кадр историков партии и завоевать довольно широкий кадр читателей из нашего партийного актива. Журнал, однако, не остается на одном месте, он растет не только вместе со своим активом, но и постепенно объединяет вокруг себя более значительное число сотрудников, все решительнее переключаясь на рельсы углубленного подхода в постановке и решении историко-партийных проблем. Он как бы проделывает на примере собственной истории всю ту сложную эволюцию, которую проделывает вся наша партийно-историческая мысль, демонстрируя на собственном росте ее укрепление и развитие.

Не приходится перечислять большие и вполне заслуженные успехи журнала за время его существования. Нужно прямо сказать, что качество журнала, его большая литературность в значительной степени связана с личными качествами нашего старейшего партийного журналиста М. С. Ольминского, остающегося и поднесь непременным членом редакции журнала, сумевшего в качестве его первого редактора положить начало разрешению труднейшей задачи. Нужно отметить также и работу в журнале, особенно в первый период, А. И. Елизаровой, П. Н. Лепешинского, М. Н. Покровского, Н. Н. Батурина и т. д.

Постепенно журнал развертывается в солидный научно-исследовательский журнал. В этом отношении он имеет ряд достижений, сделанных за последнее время. Но не в этом однако сейчас дело и было бы вредно в какой-либо степени довольствоваться уже достигнутыми результатами. Нас должны в гораздо большей степени занимать задачи дальнейшего развертывания журнала, его органическая увязка с очередными задачами партии. Необходимо, чтобы исследовательская мысль в области истории партии заняла гораздо более серьзное место, чем это было до сих пор. И вот если мы установили некий закон, подчеркивающий параллелизм в развитии журнала и изучении истории нашей партии, если журнал все более и более превращается в научно-исследовательский журнал по истории партии, Коминтерна и проблем ленинизма и идет нога в ногу с задачами изучения истории партии «как науки», о чем мы говорили выше,—все же нам кажется, что это «неотставание» от основных научно-исследовательских задач партийно-исторического порядка далеко еще не решает весь вопрос о дальнейших перспективах развития «Пролетарской революции».

Несомненно, «Пролетарская революция» имела возможность в связи с общим ростом научно-исследовательской работы и особенно в связи с публикацией богатейшего партийно-исторического наследства Ленина и подрастанием новых кадров значительно двинуться вперед по пути превращения ее в научно-исследовательский журнал. Но не нужно забывать важности и громадности задач, стоящих перед ней. Это роль и и значение изучения истории партии и ленинизма для самой партии, ее борьбы. Нужно взвесить роль «Пролетарской революции» в деле помощи партии—если можно так выразиться—в выполнении партией очередных задач в области «своей собственной истории». Мы установили выше неразрывную связь революционной теории ленинизма с изучением его исторических корней, мы отлично усвоили себе то положение, что ленинизм есть, так же как и марксизм, не догма, а руководство к действию,—вот почему мы должны поставить перед журналом следующий коренной вопрос: если он желает быть органом, ставящим и решающим основные теоретические проблемы ленинизма (а как партийно-исторический журнал он другим и не может быть), то ясно, что он должен вместе с тем и быть органом *воинствующего* ленинизма—не в том, конечно, смысле, что якобы есть какой-то другой ленинизм, кроме воинствующего, а в том смысле, что *задачу изучения вопросов и проблем ленинизма, истории партии, он должен теснейшим образом увязывать с задачами социалистической реконструкции и строительства социализма, с задачами социалистического наступления на капиталистические элементы в стране.*

Вот почему правильно понятая научно-исследовательская работа нашего журнала приобретает такой сугубо политический и злободневный характер. Наша партия со всей решительностью ставит сейчас вопрос о борьбе на два фронта, о борьбе с правой опасностью, как главной опасностью в наших рядах. Правая опасность не раз угрожала партии. Недаром Ленин, подводя итоги в предисловии своей книги «За 12 лет» своим еще первым работам и затронутым в них вопросам, писал: «Вопросы эти ставятся и разрабатываются все время в борьбе против правого крыла марксистского течения в России». Были затем моменты, когда, наоборот, таковой становилась и для партии и для международного коммунистического движения опасность «левая», она тоже не является изжитой и сейчас. Недаром в статье «Детская болезнь левизны» и др. мы видим теснейшую связь в исторических высказываниях Владимира Ильича с самой жгучей современностью, с выяснением вопросов нашей партийной и политической борьбы на два фронта и т. д.

Сочинения Ленина учат нас, как нужно связывать теорию и практику. Они учат партию бороться за целостную революционную теорию. они показывают несовместимость боевой революционной доктрины ленинизма с взглядами желающих пригладить все острые углы наших «добродетельных» примиренцев. Может быть именно поэтому Ленин так жестоко и по заслугам высмеивал «добренькие» и «пустые» фразы прими-

ренчества, всегда в нашей истории партии лившего воду на мельницу то правого, то «левого» уклонов.

Партия развертывает свое гигантское социалистическое строительство без Ленина. Партия вошла в период обострения в настоящий момент классовой борьбы в СССР. Вот почему задача содействию выработки идеологически крепких партийных кадров, задача идейного вооружения монолитной ленинской теорией никогда не стояла так остро, как в настоящее время. «Пролетарская революция», отмечающая своим сотым номером большой пройденный этап, является одним из органов партии в деле ленинизма. Это ко многому обязывает. Это заставляет на основе самокритики еще усиленнее развертывать и ставить на страницах журнала ряд новых боевых партийно-исторических проблем, стремясь к тому, чтобы углубленная работа журнала была связана с актуальными политическими задачами партии, получающими правильное отражение и оценку в ее серьезном изучении своей собственной истории.

М. Савельев

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЛЕНИНА ЗА III СЪЕЗД

«Без революционной теории не может быть и революционного движения» (Ленин).

История нашей партии в период II—III съездов РСДРП представляет исключительный интерес. Внутрипартийная борьба за революционную теорию, за формы ее практического проведения в жизнь и за создание массовой пролетарской партии,—этого основного условия претворения революционной теории в действенную силу,—в период II—III съездов выковала прочный фундамент, на котором выросла наша коммунистическая партия. Огромнейшая заслуга в этой борьбе принадлежит Ленину, ясно предвидевшему известные пути, которые предстоит пройти пролетариату в революционных боях.

Борьба за революционную теорию, как за могучее средство руководства массами, всегда была в центре внимания большевистской партии. Непримиримость ко всякого рода «поправочкам» и извращениям марксизма, решительная борьба за чистоту революционной теории и в наши дни является глубоким водоразделом, отделяющим большевиков от оппортунистов. Благодаря нетерпимости большевиков ко всякого рода мелкобуржуазным шатаниям коммунистическая партия является единственной боевой пролетарской партией, способной руководить рабочими массами и крестьянством в штурме капитализма. В этом отношении внутрипартийная борьба в рядах РСДРП в период II—III съездов[1] является ярким образцом могучей роли революционной теории. В этой борьбе за революционную теорию только одни большевики выступали последовательными марксистами.

«Без теоретического смысла,—писал напр. Энгельс в 1874 г. в предисловии к «Крестьянской войне в Германии»,—у рабочих (речь идет о немецких рабочих.—*П. Г.)* этот научный социализм не вошел бы до такой степени в их плоть и кровь, как это мы видим теперь. А как необъятно велико это преимущество, показывает, с одной стороны, то равнодушие ко всякой теории, которое является одной из главных причин того, почему английское рабочее движение так медленно двигается

[1] III съезд РСДРП происходил в Лондоне 25 апреля — 9 мая (н. с.) 1905 г.

вперед, несмотря на великолепную организацию отдельных ремесл; с другой стороны, это показывает ту смуту и те шатания, которые посеял прудонизм, в его первоначальной форме у французов и бельгийцев, в его карикатурной, Бакуниным приданной форме—у испанцев и итальянцев». Опыт последующей революционной борьбы западно-европейского и русского рабочего движения дал тысячи примеров, подтвердивших правильность высказывания Энгельса о могучей роли революционной теории. Иное отношение к революционной теории мы встречаем у оппортунистов. Неслучайно пренебрежение к революционной теории лучше всего обосновано Э. Бернштейном и вполне отвечает политическим установкам буржуазии. Лозунг, выброшенный Э. Бернштейном: «движение—все, конечная цель—ничто»—стал азбукой оппортунизма социал-реформистов Германии, тредъюнионистов в Англии, синдикалистов во Франции, меньшевиков в России и т. д. Оппортунисты, питающиеся соками капиталистического общества, как известно, обнаруживают политическую близорукость в оценке революционных перспектив современного общества, и поэтому понятно, что лозунг «движение—все, конечная цель—ничто» стал знаменем оппортунизма. Это выражение лучше всего выявляет современную буржуазную идеологию в ее практическом преломлении [1].

В противоположность оппортунистам Маркс, Энгельс, Ленин являются непримиримыми борцами за революционную теорию. Недаром и современное руководство нашей партии во главе с т. Сталиным неоднократно подчеркивает роль теоретической работы коммунистов и ведет решительную борьбу с извращениями марксизма-ленинизма. «Известно, что теория,—говорит т. Сталин,—если она является действительной теорией, дает практикам силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела. Все это имеет и не может не иметь громадного значения в деле нашего социалистического строительства» [2].

III съезд, этот первый большевистский съезд, 25-летие которого исполняется в текущем году, собственно подводил итог большой теоретической работе, которую Ленин и его соратники вели еще в 90-х годах и

---

[1] Недаром крупнейший представитель оппортунизма Э. Бернштейн в общих, философских вопросах скатывается к идеализму. Так, в своей работе «Условия возможности социализма и задачи с.-д.» он дает такое определение материализма: «материалист есть кальвинист без бога». В этой фразе философия оппортунизма выявлена целиком. Скат к идеализму всегда сопровождал бывших попутчиков пролетариата, напр. Струве, Кускову, Макдональда и т. д. Любопытно отметить, что этой же участи начинает подвергаться и Л. Троцкий, который в своей последней работе дал такое объяснение «исторического процесса». «Широко говоря,—пишет он,— весь исторический процесс есть преломление закономерного через случайное. Если пользоваться языком биологии, то можно сказать, что историческая закономерность есть естественный подбор случайностей» (Л. Троцкий, Моя жизнь, ч. II, стр. 234, изд. 1930 г. Берлин). Не случайно поэтому Л. Троцкий, обосновывая категорию случайности и утеряв революционную перспективу ближайшей борьбы мирового пролетариата, выступает в наши дни злейшим ренегатом пролетарской борьбы.

[2] И. Сталин, К вопросам аграрной политики в СССР, стр. 4, Гиз. 1930 г.

начале XX в. Классическими образцами борьбы с оппортунизмом в этот период, как известно, явились такие работы Ленина, как «Что такое «друзья народа», «Экономическое содержание народничества», «Задачи русских с.-д.», «Дто делать?» и т. п. Борьба за революционную теорию в период II—III съездов приобрела тем большее значение, что с.-д. деятельность, расширяясь, ставила в порядок дня оформление русской с.-д. как массовой политической партии. Эти задачи, стоявшие перед II съездом, состоявшимся в 1903 г., как известно, целиком не были разрешены. Наличие либерально-буржуазных течений, просачивавшихся в с.-д. под видом экономизма, махаевщины и меньшевизма, в то время было еще тяжелой гирей на ногах поднимающегося пролетарского движения. Именно наличие этих настроений, оформившихся в период II съезда партии в виде меньшевизма или «мягкого искрячества», не позволило выполнить задачи создания мощной пролетарской партии перед II съездом партии. Несмотря на успехи, достигнутые большевиками при выборе центральных руководящих органов, борьба с меньшевиками однако не прекращалась и единого партийного руководства не было. После же съезда Лиги заграничных организаций с.-д., на котором меньшевики попытались взять реванш за поражение на II съезде, взаимоотношения двух фракций наоборот дошли до открытого раскола. Борьба выливалась в очень тяжелые формы. Ленину борьбу за чистоту революционной теории приходилось вести со своими вчерашними друзьями, спаянными с ним годами личной дружбы. Эта борьба притом обострялась потоком лжи и клеветы про Ленина, распускаемой Мартовыми и его сторонниками. Чаще всего меньшевики старались изобразить раскол как результат интриг и личных качеств Ленина. Им было непонятно, что нетерпимость Ленина была только результатом его борьбы против малейших искажений революционного марксизма. Обывательская клевета, широко распускавшаяся меньшевиками, осложнялась и обостряла и без того напряженнейшую обстановку. Ленину приходилось рвать с Плехановым, Мартовым и Засулич, т. е. с теми людьми, с которыми его долгое время связывали совместная работа и личная дружба. Однако как бы дороги ни были эти личные отношения, Лениным они подчинялись политическим принципам.

Когда Мартов добился изменения состава Совета партии, ЦК и редакции «Искры» и Плеханов переметнулся в сторону меньшевиков, Ленин решительно порвал не только с Мартовым, но и с Плехановым. К сожалению, ни в одном из наших учебников, касающихся этого периода, не обращается внимания на то, как большевики с твердостью, свойственной подлинным революционерам, отметают личное перед принципиальными вопросами. Это качество, конечно, не присуще оппортунистам, всегда отличающимся колебаниями и беспринципностью в вопросах теоретической борьбы. Недаром в этот период Ленин особенно настойчиво подчеркивал, что для с.-д., становящейся массовой политической партией, преступно семейственное, беспринципное решение дел. «Именно семейственность шестерки,—писал Ленин А. Калмыковой в сентябре 1903 г.,—

терзала нас все три года. *Вы-то это отлично знаете*, и с того момента, как «Искра» стала партией и партия стала «Искрой», мы *должны* были, *обязаны* были порвать с 6-ой, порвать с семейственностью»[1].

Как известно, период после II съезда был не особенно благоприятным для большинства. Меньшевики, ободренные успехами, достигнутыми на съезде Лиги заграничных с.-д. организаций, состоявшемся в октябре 1903 г., повели решительное наступление с целью захватить руководящие партийные органы. Огромную услугу им в в этом направлении оказало примиренчество в рядах большевиков. Как всегда, при своей активизации, примиренчество выявляло свою оппортунистическую сущность. Примиренчество Плеханова фактически явилось тем мостом, по которому в редакцию ЦО «Искры» прошли меньшевистские редактора, забаллотированные съездом. При таких условиях работа для Ленина в редакции «Искры» становилась явно невозможной. 1 ноября 1903 г. он подал заявление о выходе из редакции «Искры» и Совета партии [2]. Раскол становился фактом. Захват меньшевиками руководящих органов создавал для большевиков чрезвычайно тяжелые условия работы. Несмотря на это, Ленин в вопросах революционной теории не шел ни на какие компромиссы и уступки. Непримиримая борьба за чистоту революционной теории, подчиняя себе все личное, красной нитью проходит через всю деятельность Ленина в этот период. Эта непримиримость исторически целиком себя оправдала. Она объясняет, почему меньшевики, даже располагая хорошо налаженным партийным аппаратом и кадром блестящих организаторов (напр. П. Аксельрод), вскоре вынуждены были капитулировать перед большевиками. Меньшевикам было непонятно, что сила большевиков и рост их влияния объяснялись четкой революционной линией, которая,

---

[1] VI Ленинский сборник, стр. 205, 1927 г. Курсив Ленина. — *П. Г.*

[2] Первоначально 29 октября Ленин предполагал подать мотивированное заявление об уходе, которое, однако, осталось неподанным и впервые опубликовано в VIII Ленинском сборнике. Заявление же об уходе из редакции «Искры» и Совета, поданное 1 ноября носило формальный характер, свидетельствующий, повидимому, что Ленин вообще не счел нужным отвечать на ту грязь и гору сплетен, с которой обрушился на него Л. Мартов. Любопытна, однако, характеристика этих меньшевистких приемов борьбы, данная Лениным в неподанном заявлении от 29 октября. «Я ушел вчера (28. X) с заседания съезда потому, что слишком омерзительно было присутствовать при том расковыривании грязных сплетен, слухов, частных разговоров, которые предпринял Мартов и проделал с истерическими взвизгиваниями при ликовании всех и всяческих любителей скандала... Этот прием — вызывать на скандал такой постановкой вопроса, *кто солгал?*—достоин только либо бреттера, ищущего дешевого случая к драке, либо истерически взвинченного человека, неспособного взвесить бессмысленности своего поведения. Со стороны политического деятеля, которого обвиняют в определенных политических ошибках, употребление подобного приема безошибочно свидетельствует об отсутствии иных средств защиты, о жалком перенесении политического разногласия в область дрязг и сплетен» (Ленин, т. VI, стр. 101). Думаем, было бы не бесполезно эту ленинскую оценку меньшевистских приемов замазывания принципиальных вопросов запомнить правооппортунистической и «левой» оппозициям, часто пытающимся обсуждение важных политических вопросов подменить спором о личных качествах наших партийных руководителей.

будучи воспринята массами, становилась и могущественной силой, в то время как теоретическая беспринципность меньшевиков разоблачала их псевдопролетарскую идеологию. Этого не понимает также и Л. Троцкий, который поражение Л. Мартова склонен объяснить исключительно недостатком его личных волевых качеств. Ленин же, наоборот, в ряде статей, а затем в брошюре «Шаг вперед, два шага назад» ярко вскрывает теоретическое убожество меньшевиков, произрастающее на мелкобуржуазной основе, выливаясь впоследствии в оппортунизм.

Подводя итог шатаниям меньшевиков, Ленин дал следующее классическое определение оппортунизма. «Когда говорится о борьбе с оппортунизмом,—пишет он,—не следует никогда забывать характерной черты всего современного оппортунизма во всех и всяческих областях: его неопределенности, расплывчатости, неуловимости. Оппортунист, по самой своей природе, уклоняется всегда от определенной и бесповоротной постановки вопроса, отыскивает равнодействующую, вьется ужом между исключающими одна другую точками зрения, стараясь быть согласным и с той и с другой, сводя свои разногласия с поправочками к сомнениям, к благим и невинным положениям и проч. и проч.» [1]. Учитывая свойство оппортунизма быстро расплываться, Ленин всегда зорко стоял на страже революционной теории, решительно разоблачая малейшие попытки отклонений от нее. Уже выход № 52 «Искры» давал материал, требующий разоблачения. Так, касаясь статьи Плеханова «Чего не делать», помещенной в «Искре» № 52, Ленин беспощадно разоблачает оппортунистическое откровение Плеханова о возможности уступок в области революционной теории. Сравнивая рассуждения Плеханова с подобными же положениями же Бернштейна и Гайндмана, Ленин вскрывает оппортунистический характер уступки Плеханова, сделанной им Мартову. «Плеханов,—пишет Ленин,—пожелал посредством мягкости убить» маленький анархизм и маленький оппортунизм тт. Аксельрода и Мартова. Правда, наряду с совершенно ясными намеками на «анархических индивидуалистов», т. Плеханов умышленно неясно выразился насчет ревизионистов, выразился так, как будто он имел в виду рабочедельцев, поворачивающих от оппортунизма к ортодоксии, а не Аксельрода с Мартовым, начавшим поворачивать от *ортодоксии к ревизионизму*, но это была невинная военная хитрость, это было плохонькое фортификационное сооружение, неспособное устоять перед артиллерийским огнем партийной гласности. И вот, кто знакомится с конкретной конъюнктурой описываемого политического момента, кто вникнет в психологию Плеханова, тот поймет, что я никак не могу поступить иначе, чем я поступил» [2]. В письме Л. Мартова к П. Аксельроду от 3.XI 1903 г., т. е. относящемся к этому периоду, мы имеем откровенные признания Л. Мартова, блестяще подтверждающие данную в то время Лениным оценку создавшегося положения и свиде-

---

[1] Ленин, Сочинения, т. VI, стр. 320, 2-е изд.

[2] Там же, 293—294. Курсив Ленина.—*П. Г.*

тельствующие, что идейные шатания Плеханова тотчас выливались в организационные формы. «Плеханов,—пишет Л. Мартов,—пригласил Веру Ивановну (Засулич.—*П. Г.)* и Александра Николаевича (Потресова.—*П. Г.)* и заявил, что «coup d'état не удался» и что он решился немедленно *сделать все уступки*» (курсив Мартова.—*П. Г.)*. Вынуждай Ленина на кооптацию меньшевиков в редакцию «Искры», как видно, имелось в виду отнюдь не желание избежать раскола, а только закрепление позиции против большевиков. Так, в том же письме Л. Мартов пишет: «Тогда—по словам Плеханова—Ленин вероятно согласится на кооптацию и уйдет под сень ЦК, а Плеханов предлагает нам вести (вместе с ним!) в «Искре» войну против ЦК» [1].

Как видим, Ленин ясно сознавал, что поступок Плеханова является только отражением его оппортунистической уступки в вопросах революционной теории; это и привело к заявлению Ленина о недопустимости сделки, заключенной на основе теоретической беспринципности. Следует заметить, что разрыв Ленина с Мартовым и Плехановым происходил, когда партийная масса, даже сторонники Ленина далеко еще не осознали глубины раскола, все же это не помешало Ленину порвать с Плехановым. Поступок Ленина с своей стороны только ускорил и помог партийным массам быстрее осознать измену Плеханова революционной теории и пагубность примиренчества по отношению к оппортунизму.

На протяжении всего периода между II и III съездами Ленин неоднократно напоминал о недопустимости гнилых компромиссов в области революционной теории. Его при этом не пугала предстоящая борьба, так как с проницательностью, свойственной революционеру, он сознавал, что борьба только закалит массы. «Мы неизбежно будем спорить,—писал Ленин в начале 1905 г. в ст. «О боевом соглашении для восстания»,—расходиться, враждовать и в будущих революционных комитетах в России, но надо же учиться у истории. Надо думать о том, чтобы это не были неожиданные, ни для кого непонятные, путаные споры в момент действия, надо подготовиться к тому, чтобы спорить принципиально, чтобы знать исходные точки каждого направления, чтобы заранее наметить возможное единение и неизбежную вражду. История революционных эпох дает слишком, слишком много примеров гигантского вреда от скоропалительных и незрелых опытов «боевого единения», склеивающего *для взаимных трений и горьких разочарований* разнороднейшие элементы в комитетах революционного народа. Мы хотим воспользоваться уроком этой истории. Мы видим в марксизме, который кажется вам узкой догмой, именно квинтэссенцию этого исторического урока и руководства» [2].

Эти замечания Ленина чрезвычайно существенны. Сознавая огромную роль революционной теории как могучего средства руководства массами, Ленин ее однако отнюдь не рассматривает как продукт кабинетного

[1] Письма П. Аксельрода и Л. Мартова, т. I, стр. 97, изд. Русск. револ. архива. Берлин.

[2] Ленин, Сочинения, т. VII, стр. 116. Курсив Ленина.—*П. Г.*

размышления революционера. Революционная теория—это сгусток опыта борьбы широчайших масс, который служит путеводной звездой для новых боев. Огромная историческая роль Ленина и состояла именно в том, что он гениально обобщал опыт борьбы масс, беспощадно вскрывал их слабые стороны, неустанно приковывая внимание пролетариата к основным задачам, учил выделять главное от второстепенного. Непобедимая сила ленинизма в том, что это действенное учение пролетариата основано на богатейшем учете борьбы масс, отточенное в повседневной, непримиримой борьбе с беспринципностью и оппортунизмом.

Революционная теория ничего общего не имеет также и с теоретическим хвостизмом, регистрирующим пролетарское движение. Основываясь на опыте борьбы широких масс, революционная теория и руководит массами в дальнейшей борьбе. В этом заключается ее основной смысл; здесь уместно будет напомнить, что это участие масс в выковывании революционной теории также не имеет ничего общего с меньшевистской теорией «самодеятельности масс», слепо повторяемой троцкистами и в наши дни. Ленин, как известно, всегда выступал решительным врагом меньшевистского толкования лозунга «самодеятельности масс», который в устах оппортунистов означал освобождение рабочего движения «от партийной опеки», другими словами—лишение массового движения с.-д. руководства. «Они (т. е. оппортунисты.—*П. Г.*), писал Ленин,—плелись беспощадно в хвосте событий, бросались от одной крайности в другую, принижали во всех случаях размах деятельности революционного пролетариата и веру в его силы, причем больше всего и чаще всего прикрывалось все это ссылкой на самодеятельность пролетариата. Это курьезно, но это факт. Никто не рассуждал так много о самодеятельности рабочих и никто не суживал, не урезывал, не принижал так своей проповедью этой самодеятельности, как рабочедельцы».

Далее Ленин вскрывает, как лозунг «самодеятельности масс» в условиях игнорирования партийного руководства массами становится вполне приемлемым для буржуазии, ибо принижает революционное движение пролетариата, отвлекает его от основных задач и дезорганизует движение. «Со страниц «Искры»,—пишет Ленин,—опять полилась проповедь хвостизма, прикрываемая такими же тошнотворными клятвами: ей, господи, верую и исповедую самодеятельность пролетариата. Во имя самодеятельности пролетариата Аксельрод и Мартынов, Мартов и Либер (бундовец) защищали на съезде право профессоров и гимназистов, записываться в члены партии, не входя ни в какие организации. Во имя самодеятельности пролетариата сочинялась теория «организации—процесса,», оправдывавшая дезорганизацию и прославлявшая интеллигентский анархизм. Во имя самодеятельности пролетариата изобреталась не менее знаменитая теория «высшего типа демонстраций» в виде *соглашения* просеянной через троекратные выборы рабочей депутации с *земцами* о мирном манифестировании без произведения панического страха. Во имя самодеятельности пролетариата извращалась

и опошлялась, принижалась и запутывалась идея вооруженного восстания» [1].

Это разоблачение Лениным меньшевистского толкования «самодеятельности пролетариата» выясняет его учение о партии, складывавшееся еще до 1905 г. Как известно, Ленин решительно выступал против стирания границ партии, понимая под последней боевую организацию авангарда класса, вооруженного революционной теорией и тем самым способного к руководству классом. Революционная теория, таким образом, у Ленина не была абстрактной революционной истиной; с помощью партии она как бы организационно закреплялась в практической деятельности [2].

Могучая роль революционной теории, организационно закрепленной партией, очевидна сейчас каждому рабочему. Однако до 1905 г. это претворялось Лениным в жизнь в чрезвычайно тяжелых условиях, при вопле меньшевиков о его бонапартизме, при обвинениях его в извращении марксизма и т. д. 25-летнее существование большевистской партии, как известно, целиком подтвердило правильность ленинского учения о партии. Эти основы большевистского понимания партии к третьему съезду проводились Лениным в условиях тяжелой борьбы. Кроме борьбы с меньшинством, выражавшим оформлявшийся оппортунизм, Ленину пришлось также повести борьбу с примиренческими настроениями, бывшими сильным тормозом для создания подлинно-пролетарской большевистской партии. Несмотря на все эти трудности, Ленин энергично работает над строительством партии.

В настоящей статье мы ни в малейшей мере не претендуем на сколько-нибудь подробное изложение истории борьбы за созыв III съезда и деятельности Бюро комитетов большинства. Мы только хотели бы показать, как Ленин, со свойственной ему непримиримостью, вел решительную борьбу со всякими мелкобуржуазными колебаниями и беспринципностью в области теории, проникающими в среду революционной с.-д.

Необходимость созыва III съезда осозналась Лениным вскоре же после конференции Лиги заграничных с.-д. организаций. Однако Ленин учитывал наличие соглашательских иллюзий у значительного числа членов организаций и, зная, что решающей силой в предстоящих боях явятся партийные массы, зиму 1903—1904 гг. проводит в лихорадочной работе по выяснению и широкому разъяснению причин кризиса русской с.-д. Тщательному выявлению источников внутрипартийного кризиса и посвящена его работа «Шаг вперед, два шага назад», изданная в Женеве в 1904 г.

В этой работе политическая беспринципность меньшевиков вскрыта

---

[1] Ленин, Сочинения, т. VII, стр. 108—109. Курсив Ленина.—*П. Г.*

[2] Борьба за то, чтобы теория всегда была увязана с практикой — по воспоминаниям Н. К. Крупской — была отличительной чертой еще в начале революционной работы Ленина. «Увязка теории и практики, — пишет т. Крупская, — вот что было особенностью работы Владимира Ильича в кружках» (Н. Крупская, Воспоминания о Ленине, стр. 12, Гиз, 1930).

Лениным с присущим ему мастерством. Неизбежность созыва III съезда становилась очевидной. Однако примиренческими настроениями еще в начале января была заражена значительная часть членов русского ЦК.

Начало мобилизации Лениным большевистских сил за созыв III съезда можно отнести к декабрю 1903 г. Это нашло свое отражение в переписке Ленина с русской частью ЦК [1], хотя еще в ноябре 1903 г., т. е. вскоре после подачи Лениным заявления о выходе из состава Совета партии и ЦО, в непосланном письме к М. Лядову (от 10/XI 1903 г.) единственным выходом из создавшегося положения Ленин считает, что «борьба за ЦК, за скорый (летом) новый съезд—вот что нам остается» [2]. Непосредственным же поводом, толкнувшим Ленина на борьбу за новый съезд, создать боевую партию на основе подлинно революционной теории, по-видимому, послужил выход № 52 «Искры», редактированного уже новой редакцией и отразившего изменение политического лица газеты.

С № 52 «Искра», как известно, стала меньшевистским органом. Уступки чистоте революционной теории нашли свое отражение в статье Плеханова «Чего не делать», вызвавшей ответное письмо Ленина, помещенное в № 53 «Искры». Зная, что в момент кризисов партии решающее слово принадлежит массе, Ленин, отвечая на вопрос, какие меры необходимо принять, чтобы предупредить раскол, писал: «Не скрывать от партии возникающих и нарастающих поводов к расколу, не скрывать ничего из тех обстоятельств и происшествий, которые являются такими поводами. Более того, не скрывать не только от партии, но по возможности и от посторонней публики. Я говорю «по возможности», имея в виду то, что необходимо скрыть в силу требований конспирации, но в наших расколах обстоятельства такого рода играют самую ничтожную роль. Широкая гласность—вот самое верное и единственное надежное средство для избежания расколов, которых можно избежать для уменьшения до минимума вреда от тех расколов, которые стали уже неизбежными» [3].

Ленин не боялся апеллировать к партийным массам, ибо был уверен, что активность широких партийных масс является лучшим средством в борьбе с оппортунизмом. «В самом деле,—говорит он дальше,—вдумайтесь в те обязанности, которые налагает на партию то обстоятельство, что она имеет уже дело с *массой*, а не с кружками. Чтобы не на словах только стать партией масс, мы должны к участию во всех партийных делах привлекать все более и более широкие массы, постоянно поднимая их от политического безразличия к протесту и борьбе, от общего духа протеста к сознательному принятию социал-демократических воззрений, от принятия этих воззрений к поддержке движения, от поддержки к организационному участию в партии... И для того чтобы рабочие *не могли* перестать понимать нас, для того чтобы их опытность в борьбе

---

[1] См. Лен. сб. X.

[2] VII Лен. сб., стр. 226.

[3] Ленин, Соч., т. VI, стр. 121.

и их пролетарское чутье *научили кое-чему и нас,* «руководителей»,—для этого необходимо, чтобы организованные рабочие приучились следить за возникающими поводами к расколу (такие поводы всегда бывали и всегда будут возвращаться во всякой массовой партии), сознательно относиться к этим поводам, оценивать происшествия какого-нибудь русского или заграничного пошехонья с точки зрения интересов всей партии, интересов всего движения в целом» [1].

Постоянная и теснейшая связь с массами, как известно, основное отличие коммунистической партии от современных с.-д. организаций, где с.-д. ренегаты боятся ставить обсуждение политических вопросов. Это и вполне понятно. Стремление с.-д. замазать острые вопросы, не ставить их перед широкими пролетарскими массами и тем самым притупить классовое сознание пролетариата, в значительной мере объясняет, почему современные с.-д. Германии и др. стран недостаточно еще разоблачены. Оппортунизм, как неоднократно отмечал Ленин, всегда боится масс, хотя и прикрывает эту боязнь лицемерными заявлениями о желании избежать лишних расколов. Ленин неоднократно вскрывал фальшь этих лицемерных заявлений. Недаром он свою брошюру «Что делать?» снабдил следующим эпиграфом из письма Лассаля к Марксу: «Партийная борьба,—пишет он,—придает партии силу и жизненность, величайшим доказательством слабости партии является ее расплывчивость и притупление резко обозначенных границ, партия укрепляется тем, что очищает себя» [2]. Обращение к активности партийных масс как лучшему средству разоблачения оппортунизма в уверенности, что в результате борьбы партийные массы закалятся, отбросив от себя все гнилое и чуждое, Ленин считал обязательным за время всей своей борьбы с меньшевиками. Достаточно отчетливо это и было формулировано в ответ на статью Плеханова «Чего не делать». Открытый призыв к партийным массам за созыв III съезда Лениным был выброшен на январской сессии Совета партии в 1904 г.

После некоторых попыток достигнуть единства партии, грубо отвергнутых Мартовым, Плехановым и Аксельродом, которые со свойственным оппортунистам лицемерием не возражали против необходимости единства партии, но тут же рядом организационных предложений поставили своей задачей изоляцию большевиков, представителями ЦК было внесено особое мнение, в котором признавалась необходимость скорейшего созыва партийного съезда. «Мы заявляем,—писал Ленин в составленном им особом мнении представителей ЦК в Совете партии,—что решительно безусловно не видим никакого иного способа честного и правильного выхода из настоящих партийных раздоров, иного способа прекратить эту недопустимую борьбу,—из-за состава центров, кроме созыва немедленно партийного съезда» [3].

---

[1] Ленин, Соч.. т. VI, стр. 121—122. Курсив Ленина.—*П. Г.*

[2] Ленин, Соч,, т. IV, стр. 361.

[3] Ленин, Соч., т. VI, стр. 148.

Немедленный созыв съезда значительно задержался ввиду сильных примиренческих тенденций в ЦК. Примиренчество на сей раз выступало той главной силой, которая затушевывала споры и безусловно сыграло крупнейшую роль в том, что к 1905 году мы не имели крепко сколоченной большевистской партии. Борьба с примиренчеством отнимала много внимания и сил. Но несмотря на наличие сильных примиренческих настроений, Ленин вел неустанную борьбу. Весной 1904 года пять членов ЦК—Носков, Красин, Гальперин, Гусаров и Кржижановский—вынесли порицание Ленину за вотум в Совете партии в пользу созыва съезда и его агитацию за съезд. Несмотря на это решение ЦК, Ленин не отказался от своей борьбы за съезд и в ответном письме в ЦК вскрывает близорукость членов ЦК, непонимание изменившихся условий, недооценку того, что организационные «дрязги», были только началом борьбы по крупным политическим вопросам. «Сегодняшняя ситуация,—пишет Ленин в ответном письме членам ЦК,—уже другая: принципы оттесняют дрязгу. Дело уже не в кооптации, далеко нет. Дело в том, *права ли в принципе новая Искра?* Именно недовольство принципиальной позицией новой Искры, которое неизбежно будет расти и расти, вызывает все сильнее агитацию за съезд: этого обстоятельства не оценивает Борис (Носков, В. А.—*П. Г.*). Завтрашняя ситуация еще дальше отодвигает назад дрязгу... Агитации за съезд не остановить теперь ничем» [1]. Ближайшее будущее целиком подтвердило правильность ленинского прогноза. Предстояла упорнейшая борьба. Июльская декларация примиренчески настроенного ЦК по существу означала капитуляцию перед меньшевиками и Ленин заявил о своем уходе из него. Капитуляция примиренческого ЦК перед меньшевиками не повлияла на Ленина, и он еще энергичнее повел борьбу за партию. Уже в августе 1904 года—на «конференции 22» было приступлено к формированию бюро комитетов большинства. В воззвании «К партии», написанном Лениным, определенно заявлялось, что «все возражения, выставляемые против созыва съезда, мы считаем безусловно несостоятельными».

Оформление Бюро комитетов большинства, явившееся результатом борьбы низовых организаций за новый съезд, представляло, конечно, крупный этап в истории нашей партии. Оно организационно оформляло недовольство низовых организаций примиренческой позицией ЦК. Примиренчество в истории нашей партии всегда играло отрицательную роль, являясь выражением партийной обывательщины или тактическим маневром оппортунистов, стремящихся скрыть от партии свое настоящее лицо. Как известно, эту же роль играют и современные примиренцы, не проявляющие активной борьбы с правым оппортунизмом и «левыми» троцкистскими загибами (по существу тоже оппортунистическими). «Когда

---

[1] Ленин, Соч. т. VI, стр. 343. Курсив Ленина. *П. Г.* Любопытно, что примиренчество Носкова сразу было по достоинству оценено Мартовым, который в письме к Аксельроду от 3 августа 1904 г. считает его близким к меньшевикам (Письма П. Аксельрода и Л. Мартова, т. I, стр. 108).

объявляется война правому уклону,—пишет т. Сталин,—правые уклонисты обычно перекрашиваются в примиренцев и ставят партию в затруднительное положение. Чтобы предупредить этот маневр правых уклонистов, необходимо поставить вопрос о решительной борьбе с примиренчеством».

Вскоре же после образования Бюро комитетов большинства примиренческий ЦК повел переговоры с редакцией ЦО о желательности включения Ленина в редакцию. Это обращение ЦК в редакцию ЦО, поскольку активным инициатором всего этого дела являлся Носков, считавшийся Л. Мартовым своим человеком, дает основание предполагать, что действительная инициатива о включении Ленина в ЦО исходила из самой же редакции. Предложение ЦК о кооптации Ленина в число членов редакции «Искры» поэтому было принято ЦО. Ленин в своем ответе Носкову решительно отказывается от вхождения в редакцию, обстоятельно разоблачая лицемерность обращения к нему с таким предложением. Приводя ряд фактов оппортунистического поведения редакции «Искры» и ряд поступков со стороны примиренческого ЦК, Ленин выражает надежду, что Носков может понять, «почему при данной партийной ситуации не может быть и речи о моем вступлении в редакцию ЦО». Действительно, после ухода из редакции Ленина «Искра», оказавшаяся исключительно в руках меньшевиков, давала массу примеров политической беспринципности. Были моменты, когда даже Плеханов грозил уходом из редакции. Такой случай имел место в связи с помещением в № 62 «Искры» статьи Л. Троцкого «Наша военная кампания», где автор развивал мысль что русско-японская война происходила вопреки интересам русской буржуазии и предлагал социал-демократам в их агитации против русско-японской войны не разоблачать буржуазию[1]. Такое заигрывание с буржуазией покоробило даже Плеханова, заявившего о желании выйти из редакции. В связи с этим инцидентом чрезвычайно интересно письмо Л. Мартова к П. Аксельроду, показывающее идейную беспринципность вождя меньшевиков. Привлечение к сотрудничеству в «Искре» Л. Троцкого, Мартов, повидимому, рассматривал как начало широкой кампании по привлечению в «Искру» различных оппортунистических элементов. «Устраняя такого сотрудника как Троцкий,—писал Л. Мартов,—мы фатально отказываемся от расширения сотрудничества других работников, фразой становится наше предложение и рабочедельцам, и борьбистам, и большинству писать в «Искре» [2]. Эти сокровенные мысли Л. Мартова практически находили свое выражение и в теоретической беспринципности, ярко выраженной в меньшевистской «Искре», оформившейся наконец к концу 1904 г. в знаменитый план «земской кампании». Ленин, никогда не терпевший

[1] Только в надежде на незнакомство читателей с подлинной историей нашей партии, Л. Троцкий в «Моей жизни» мог заявить, что у него связь с меньшинством 2-го съезда имела кратковременный характер (т. I, стр. 190). Это абсолютно неверно, т. к. Л. Троцкий в действительности был активным сотрудником меньшевистской «Искры» даже в конце 1904 г., и недаром в это время его кандидатура выставлялась меньшевиками в примиренческий ЦК.

[2] Письма П. Б. Аксельрода и Л. Мартова, т. I, стр. 103.

гнилых компромиссов в области революционной теории, естественно не мог дать согласие на вхождение в редакцию. Наоборот, он энергично борется за издание подлинно-революционного органа, зорко стоящего на страже революционной теории, каким и явилась большевистская газета «Вперед».

Первый номер «Вперед» вышел в декабре 1904 г. В «письме к товарищам», посвященном выходу «Вперед», Ленин подчеркивает, что, «издавая «Вперед», мы боремся и будем бороться за выдержанное революционное направление против смуты и шатаний», и он твердо оставался верен этому основному принципу революционера, беспощадно разоблачая оппортунизм и примиренчество к нему, под видом которого часто проявляется политическая обывательщина. В этой борьбе он не знал компромиссов. В переписке Ленина и Крупской с Бюро комитетов большинства, опубликованной в журнале «Пролетарская революция» [1], сохранились ценнейшие материалы, свидетельствующие о нетерпимости Ленина ко всякого рода уклонам. Когда в начале 1905 года среди некоторых членов Бюро комитетов большинства появились примиренческие рецидивы, с которыми Ленин вел упорную борьбу в течение всего 1904 года, Ленин решительно выступил с их разоблачением. Он бичует за волокиту БКБ, задержавшее выпуск извещения о созыве съезда. Его особенно также обеспокоило принятое Богдановым в январе соглашение Петербургского комитета и группы меньшевиков с ЦК, вскоре однако ликвидированное под давлением Ленина. «Отказываемся верить,—писал он в письме к А. А. Богданову и С. И. Гусеву в начале 1905 г.,—чтобы такой самоубийственный и глупенький шаг могли сделать большевики... Единственная наша сила—открытая прямота и сплоченность, энергия натиска» [2]. Он разоблачал теперь всякую лойяльность в отношении меньшевиков, понимая, что малейшая уступка оппортунистам весьма пагубна для рабочего движения. «Мы провозгласили *раскол*, мы зовем на съезд *впередовцев*, мы хотим организовать *впередовскую* партию и рвем, немедленно рвем *все и всякие* отношения с дезорганизаторами, а нам толкуют о лойяльности, прикидываются, будто возможен общий съезд «Искры» и «Вперед». Комедия какая-то! Разумеется, первый же день, первый час съезда (если он будет) рассеет эту комедию, но до съезда подобная фальшь навредит нам десятки и сотни раз. Право, я часто думаю, что из большевиков $^{9}/_{10}$ действительно [жалкие] формалисты [которые абсолютно не способны воевать. Я бы всех их отдал Мартову]. Либо мы сплотим действительно железной организацией тех, кто хочет воевать, и этой маленькой, но крепкой партией будем громить рыхлое чудовище новоискровских разношерстных элементов, либо мы докажем своим поведением, что мы заслужили гибели, как презренные формалисты» [3]. В ряде писем начала 1905 года Ленин постоянно подчеркивал,

[1] См. «Пролетарская революция» за 1925 г. № 2 (37)—7 (42).
[2] V Лен. сб., стр. 152, 2 изд.
[3] Там же, стр. 152—153. Курсив всюду Ленина. Слова, взятые в скобки, по мнению ред. сборника, вычеркнуты Н. К. Крупской при отсылке ею этого письма в Россию. В ленинском же оригинале они сохранены.

что раскол с меньшевиками стал фактом и всякие иллюзии на этот счет политически чрезвычайно вредны. Эта решительная борьба Ленина против гнилых компромиссов сыграла исключительную роль в созыве III съезда. Работа БКБ быстро развивалась, встречая полное сочувствие местных партийных организаций, несмотря на те препятствия, которые ставил ему примиренческий ЦК. После ареста в Москве ряда членов ЦК оставшиеся члены ЦК, видя, что почти все партийные организации высказались за съезд, 4 марта дали свое согласие за созыв съезда. Собственно иначе ЦК поступить не мог, так как это означало бы полный разрыв с партийными массами. ЦК признал работу БКБ и хотел сам продолжать его дело. Это встретило решительный отпор со стороны БКБ, не доверявшего ЦК. По соглашению между БКБ и ЦК на паритетных началах был выделен Организационный комитет, который в дальнейшем и проводил всю подготовительную работу по созыву III съезда. Соглашение БКБ с ЦК было вызвано исключительно тактическими соображениями после согласия ЦК на созыв съезда и не исключало дальнейшей энергичной борьбы большевиков по разоблачению меньшевиков и примиренцев.

Несмотря на противодействие Плеханова, Мартова и др. лидеров меньшинства, III съезд открылся 25 апреля, т. е. в срок, намеченный БКБ. Съезд действительно оправдал предположение Ленина. Большинство делегатов целиком разделяло позицию Ленина о недопустимости уступок меньшевикам. Предчувствуя явный провал на съезде, меньшевики попытались его сорвать. Залучив несколько меньшевистски настроенных делегатов съезда, они одновременно со съездом состряпали свою конференцию (в Женеве). Женевская конференция меньшевиков вылилась в демонстрацию идейного убожества меньшевиков и их организационного развала.

III съезд РСДРП имел исключительное значение в истории нашей партии. Он подводил итог ожесточенной борьбе большевиков с меньшевиками. Он действительно оформил боевую пролетарскую партию. Революционная с.-д. в России становилась могучим фактором в политической жизни б. России. Значение III съезда заключалось также и в том, что он поставил своей задачей претворение в жизнь теоретической программы

---

[1] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 99. Любопытно отметить, что Л. Троцкий, явно извращая историческую действительность, пытается теперь доказать, о своем якобы единодушии с Лениным в понимании вопросов вооруженного восстания. В нашей работе «Очерки по истории советов раб. деп. в 1905 г.», изд. 1925 г., мы показали, что в 1905 г. в вопросах вооруженного восстания Л. Троцкий совершенно не понимал ленинского учения о вооруженном восстании. Л. Троцкий вскоре же пытался это обстоятельно опровергнуть (см. его Собр. сочинений, т. II, ч. II, стр. 380—386 и мой ответ ему в журн. «Прол. революция» № 65 за 1927 г.). Теперь в «Моей жизни» в качестве дополнительного «убийственного» факта, о котором якобы «красные профессора сталинской формации понятия не имеют», Л. Троцкий рассказывает о своих разговорах еще до съезда с Красиным о вооруженном восстании. Красин первоначально с ним не соглашался, а на III съезде внес якобы предложения Л. Троцкого, которые и были приняты съездом. К сведению Л. Троцкого напомним только общеизвестный факт: резолюции о вооруженном восстании были написаны Лениным еще до начала съезда.

нашей партии и наметил ясные политические и тактические лозунги в развертывающейся революционной борьбе.

Партия решительно отмежевалась от оппортунистов и взяла решительный курс на подготовку к вооруженной борьбе в предстоящей революции [1].

В классической работе «Две тактики» Ленин дал блестящее обоснование задач, стоявших перед III съездом. Эта работа и до сих пор поражает своей свежестью; она до сих пор является самой лучшей работой о III съезде и истории с.-д. в 1905 году. Непосредственно же после III съезда в своей статье «III съезд», помещенной в «Пролетарии» № 1, Ленин так определил задачи, стоявшие перед съездом: «Три главных вопроса стояли перед партией сознательного пролетариата в России накануне III съезда. Во-первых, вопрос о партийном кризисе. Во-вторых, более важный вопрос о форме организации партии вообще. В-третьих, главный вопрос о нашей тактике в переживаемый революционный момент» [1]. Эти задачи благодаря непримиримости Ленина ко всякого рода попыткам ревизии революционной теории и неуклонному стремлению организационного ее закрепления III съездом были блестяще разрешены. К 1905 году пролетариат имел свою боевую партию.

25 лет отделяют нас от этой знаменательной даты. Для истории это срок явно ничтожный. Но ни одна политическая партия не имела и не имеет такого авторитета и мощи, как партия большевиков. Ни одна партия не испытала на себе столько ударов реакции,—и несмотря на это, партия наша вышла непобедимой, бросив вызов мировому капитализму. Мы слишком современны, чтобы даже оценить работу партии за эти 25 лет! В чем же ее сила и непобедимость? Ответ один: революционная теория овладела массами, она нашей партией практически преломляется в жизнь. Этот великий ленинский завет борьбы за революционную теорию, как за могучее средство в руководстве массами остается незыблемым и в наши дни. «Только в борьбе с буржуазными предрассудками в теории,—говорит Сталин,—можно добиться укрепления позиций марксизма-ленинизма». Вот почему наша партия, верная заветам Ленина, ведет и всегда будет вести беспощадную борьбу с малейшими попытками извращения революционной теории и беспринципностью, независимо от того, будут ли они проявляться в виде правого оппортунизма или «левой» фразы. И никакие крики и жалобы обывателей не запугают ее в этой борьбе, ибо своевременно разоблаченная ошибка предохраняет партийные и рабочие массы от шатаний, пагубных в условиях осады СССР со стороны мировых империалистов.

П. Горин

---

[1] Ленин, Соч., том VII, стр. 301.

ТРЕТИЙ СЪЕЗД РСДРП [1]

(К 25-летию III съезда партии)

Партия в настоящий момент отмечает четвертьвековой юбилей III съезда РСДРП. Это был первый съезд большевиков, работавший в дни первой русской революции—этой генеральной репетиции Октября—и поставивший перед партией во весь рост задачу подготовки пролетариата к роли авангарда и гегемона революции. Резолюции первого съезда большевиков давали партии пролетариата директивы бороться за роль вождя народной революции, осуществляя боевой союз пролетариата с революционным крестьянством.

Съезд менее всего походил на парламент и более всего на военный совет штаба пролетарской армии. Съезд дал основную стратегическую установку: итти на завоевание революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, не забывая, что это лишь этап в борьбе за социалистическую диктатуру рабочего класса. Рожденный в дни революции, в дни «основательного исторического творчества масс», съезд партии в 1905 г. безбоязненно выводил весь Интернационал на новые тактические позиции.

«Долгие годы политической реакции,—говорит Ленин,—царящей в Европе почти беспрерывно со времени Парижской коммуны, слишком сроднили нас с мыслью о действии только снизу, вести борьбу только оборонительную» (Соч., т. VIII, стр. 42). И вот съезд решительно выступает с призывом к наступательной тактике, к действию «не только снизу, но и сверху». В соответствии с этим указывается, что нового вносит во все наши тактические приемы такой перелом, даются ясные лозунги к охвату руководством не только идейной, но и практически организационной стороны восстания.

III съезд РСДРП был первым съездом, состоявшим сплошь из профессиональных революционеров, смело вступивших на путь превращения большевизма из левого крыла единой РДСРП в самостоятельную большевистскую партию. Нелегко дался созыв этого съезда, он буквально был выстрадан большевиками в борьбе за принцип партийности, за торжество староискровских идей. Гигантскую работу проделала партия и Ленин во главе ее для осуществления съезда. И если в ВКП(б) партийные съезды вообще поднятыи на чрезвычайно большую высоту, как ни в одной партии, то этим партия отчасти обязана своему первому большевистскому съезду.

---

[1] В основу очерка положен доклад мой на собрании в МК ВКП(б), созванном Институтом Ленина, Об-вом старых большевиков и пр. 5/V 1930 г.—*Г. Кр.*

БОРЬБА ЗА СЪЕЗД

Ленин 10/XI 1903 г. в «непосланном письме» к Лядову писал: «Плеханов «сдал». Он не идет на раскол... Пусть уходит Плеханов: тогда Совет партии сдаст «Искру» комиссии и созовет экстренный съезд партии» (VII Лен. сб., стр. 223).

Таким образом еще 10/XI 1903 г. Ленин решил искать выхода из партийного кризиса в созыве III съезда. Кризис заключался в том, что меньшевики не стали подчиняться решениям II съезда и бойкотировали созданные съездом центральные учреждения. Лига отказалась дать на утверждение ЦК принятый ею устав. Ровно через месяц после цитируемого письма к Лядову Ленин пишет членам ЦК: «*Спесенье одно—съезд. Лозунг его: борьба с дезорганизаторами. О съезде пока* никому ни слова, тайна полная. Двинуть *все* силы, *все и вся в комитеты и в объезды* (X Лен. сб., стр. 45).

На фракционной конференции 17 меньшевиков в середине сентября 1903 г., происходившей в Женеве под руководством Мартова и Троцкого, была создана тайная организация меньшинства и выделено особое Бюро.

Эта тайная организация двинула все свои силы на завоевание местных комитетов и внесла склоку и раскол в местные организации. Измена Плеханова большевикам передала в руки меньшинства ЦО «Искру», а вместе с тем и Совет партии. После выхода Ленина из редакции «Искры» он был кооптирован (вместе с Гальпериным) в ЦК. Это было 25 или 24/XI 1903 г.

Таким образом в составе ЦК оказалось 9 человек: Носков, Ленгник, Кржижановский (избранные на II съезде в августе 1903 г.), Красин, Землячка, Эссен (Зверь), Гусаров (кооптированные в октябре) и наконец Ленин и Гальперин (кооптированные в ноябре). Летом 1904 г. в известной «июльской декларации» (см. Соч. Ленина, т. VI, стр. 407) «примиренцы» в ЦК объявили твердую большевичку Землячку вышедшей из состава ЦК; в июне—июле выбыли из ЦК вследствие ареста Эссен и Ленгник, и подал в отставку Гусаров. В России остались Носков, Красин и Гальперин, все трое «примиренцы», жаждавшие мира с меньшевиками «во что бы то ни стало»; Ленин был заграничным представителем ЦК. Три члена ЦК в России пополнили ЦК еще тремя примиренцами: Дубровинским, Карповым и Любимовым.

Примиренческий ЦК сдавал меньшевикам одну позицию за другой. Меньшевики добивались также и захвата ЦК в свои руки. Наконец и ЦК сдался на милость победителя. Тайно от Ленина были кооптированы трое меньшевиков, наиболее фракционно настроенные: Крохмаль, Розанов и Гельберштадт.

Борьба была начата меньшевиками из-за мест в центральных учреждениях. Разногласия вначале развернулись лишь как организационные. Оппортунизм меньшевиков в организационном вопросе был подтвержден самими меньшевиками. В своей брошюре «Наши политические задачи»,

вышедшей в свет в конце августа 1904 г., Троцкий (на стр. 86) писал: «Мы, так называемое «меньшинство», не выставляем самостоятельных организационных задач и думаем, что самые неотложные из них разрешаются попутно в процессе политической борьбы. В этом смысле мы, действительно, проявляем «оппортунизм в организационном вопросе». Но надо сказать, что наряду с тьмой выдуманных меньшевиками «принципиальных» разногласий постепенно у меньшевиков нарастала система взглядов и в вопросах тактики, проведшая черту между обеими фракциями. И Троцкий был прав, когда он в только что цитированной брошюре подводил итог: «между старой и новой «Искрой» лежит пропасть». Фельетоны Аксельрода и Потресова в «Искре» были первой ласточкой перерастания организационного оппортунизма в тактический. Уже самый факт, что на II съезде и особенно после съезда меньшевики в своей борьбе против Ленина должны были опереться на всех принципиальных антиискровцев (Мартынов, Акимов и др.), предопределил поворот меньшевиков к «экономизму», обнаружившийся со времен так называевой «весны» Святополка-Мирского, когда на арену шумно выступили либералы. «Земский план» «Искры», написанный Аксельродом, и особенно брошюра Мартынова «Две диктатуры», которую можно назвать жирондистским манифестом русской революции, заставили Ленина забить в набат. Стало очевидным, что революционным с.-д. с новоискровцами итти не по дороге. «Искра» не стала удовлетворять даже меньшевистские комитеты.

Когда до большевистских организаций дошел № 72 «Искры», где была опубликована декларация ЦК, возвещавшая полную сдачу всех позиций меньшевикам, запрещавшая агитацию за съезд, ставившая Ленина в осадное положение, терпение большевиков было исчерпано. Стали поступать резолюции за съезд (первые резолюции за съезд появились в феврале 1904 г.). Совет партии всю свою деятельность сосредоточил в борьбе против созыва съезда. Состоявшееся в августе заграничное совещание 22 большевиков выступило с призывом сплотиться и выйти из кризиса. «Декларация 22» была поддержана «Обращением к членам РСДРП», изданным Московским комитетом и исходившим от 19 большевиков (главным образом сидевших в тот момент в Москве в Таганской тюрьме). Три конференции—Северная, Южная и Кавказская—избрали Бюро комитетов большинства, которому большевистские организации и поручили созвать съезд. С января 1905 г. начал выходить орган большинства «Вперед». Ленин в течение 14 месяцев был лишен благодаря отсутствию своего органа, систематического общения с массами.

9 декабря 1904 г. Петербургский ком. предъявил ЦК ультиматум по вопросу о созыве съезда. ЦК взял месяц сроку для ответа, но ровно через месяц заговорил питерский пролетариат. Новые задачи, вставшие в связи с началом революции, производят сдвиг в отношении к съезду и у ЦК. Этому отчасти содействовал и провал в феврале 1905 г. всего ЦК (за исключением двух членов) в Москве, в квартире писателя Анд-

реева. Оставшиеся на свободе члены ЦК Красин и Любимов входят 4/III в соглашение с БКБ. 12/III ЦК совместно с БКБ составил Организационный комитет, которым и был созван съезд.

Выборы на съезд произвели 29 комитетов. Все делегаты прибыли за границу, но делегаты от 20 комитетов отправились в Лондон на съезд, остальные 9 комитетов направились в Женеву и там участвовали в конференции, организованной меньшевистской «Искрой». Таким образом, благодаря «любезности» меньшевиков большевики получили съезд монолитный, без подсиживателей. Конституирование съезда стало таким образом первым шагом к конституированию большевистской партии. Раскол был оформлен. Делегаты сначала направлялись в Петербург, там, на Николаевской ул., в д. 33 они являлись на явку к зубному врачу Лаврентьеву. Пароль был: «Долой бонапартизм». Лаврентьев должен был отвечать: «мы объединяемся в партию». Оттуда они ехали в Ригу, где и получали направление к контрабандисту для переправы через границу. Дорога лежала через Берлин, где делегатов принимали Бур (Эссен), Пятницкий и Мышь (Кулябко). С паролем в Берлине обстояло хуже, т. к. гласил он «Vom russischen Papst Leo den dreizehnten». Не знаю, что сказал бы случайный немец, к которому мы могли попасть по ошибке (в России такие ошибки случались, и не редко). Ответный пароль был тот же, что и в Питере. По приезде в Лондон делегатов встречали Алексеев и Лядов и развозили по квартирам. Всего на съезде участвовало 24 делегата с решающими голосами и 14 с совещательными. 11 делегатов уже нет в живых (Ленин, Воровский, Красин, Джапаридзе, Саммер, Владимиров, Романов, Богданов, Румянцев, Любимов, Шевелкин); относительно рабочего из Баку—Анашкина, екатеринославского делегата Лещинского и Лемана (Лиза)—сведений получить не удалось. Двое—Яблочкин (Антонов) с совещательным голосом и Минин (из Твери)—не установлены; остальные 22 здравствуют, из них 16 коммунистов (Крупская, Землячка, Литвинов, Луначарский, Скрыпник, Цхакая, Рыков, Каменев, Лядов, Красиков, Эссен, Алексеев, Аристархов, Шкловский, Лосев и Крамольников) и 6—беспартийные (Постоловский, Десницкий, Обухов, Квиткин, Фридолин и Авилов). Съезд продолжался 16 дней (с 25/IV по 10/V по нов. ст.). Заседания происходили 2 раза в день. Заседали по пивнушкам в разных местах. Председателем съезда был избран Ленин, вице-председателями два члена Организационного комитета: Красин от ЦК и Богданов от БКБ. Секретарем съезда был (до некоторой степени абориген Лондона) т. Алексеев. Перед съездом у членов БКБ и у редакторов «Вперед» было частное совещание с Лениным, на котором большинство из нас, коммунистов, не присутствовало. В Лондон из Женевы приехали 2 «агитатора» из меньшевиков сманивать комитетчиков в Женеву. Уловить удалось лишь одного смоленца. Посылали они и письма делегатам. Об одном из таких писем Крамольников сообщил на съезде.

Открытие съезда было поручено тов. Цхакая, как старейшему из делегатов. Стенографисток на съезде не было, и протокольные записи вели по очереди все делегаты. Кроме того каждый оратор обязан был не позже, чем через 2 часа после выступления, дать конспект своей речи. Все протоколы утверждались съездом.

В своей статье «Третий съезд» Владимир Ильич писал: «Три главных вопроса стояли перед партией сознательного пролетариата в России накануне III съезда. Во-первых, вопрос о партийном кризисе; во-вторых, более важный вопрос о форме организации партии вообще; в-третьих, главный вопрос о нашей тактике в переживаемый революционный момент» (Соч., т. VII, стр. 301).

НА СЪЕЗДЕ

Центральными политическими вопросами съезда были: 1) *вопрос о вооруженном восстании* и 2) *о временном революционном правительстве*. По первому вопросу было два докладчика. Луначарский дал общую постановку вопроса (идейно-политическая сторона), а Богданов сделал доклад о практической стороне вопроса. По вопросу о временном революционном правительстве с большим докладом 1/V выступил Ленин. Резолюции по обоим вопросам написаны Лениным.

Как был поставлен вопрос на съезде о восстании? Революция началась. Движение привело к *необходимости* вооруженного восстания. Кто в революционное время стоит на месте, тот идет назад. Говорить по-старому лишь о неизбежности восстания, значит преклоняться перед стихией. На почве революции стоят теперь, в 1905 г., даже либералы, ибо другой почвы под ногами нет.

Меньшевики дали лозунг—развязывать революцию. Это недостаточно,—отвечал Ленин,—мы должны организовать революцию. Наша обязанность,—говорила меньшевистская «Искра»,—вооружить пролетариат жгучей потребностью самовооружения. Наша обязанность,—сказал съезд,—взять на себя технически-организационную сторону вооруженного восстания, связать восстание с всеобщей стачкой, «принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковыми, создавая для этого, по мере надобности, особые группы из партийных работников».

Организовывать боевые тройки и пятки призывал Ленин.—Мы увидим не пятки́, а пя́тки,—зубоскалили новоискровцы.

«Нельзя откладывать военные действия до момента решительного восстания, нужно приобретать навыки»,—говорил на съезде Ленин. Эти навыки необходимы были партии для выработки постоянных руководителей военных действий масс. Полностью мысли о таком руководстве развиты Лениным в замечательных документах: «Задачи отрядов революционной армии» и «Письмо Боевому комитету» (см. Соч., т. VIII, стр. 325—330). В противовес большевикам «Искра» ждет боевой инициативы со стороны

случайных людей из рядов буржуазной демократии и даже из рядов либеральной бюрократии.

«Социал-демократия будет только рада,—писал Мартов в статье «Девятое января»,—если вслед за священником... русская революция обогатится генералом, который первым поведет народные массы, или чиновником, который первый провозгласит официальное ниспровержение правительства».

В основе всех блужданий меньшевизма лежит хвостистско-оппортунистическое понимание ими понятия буржуазная революция. Буржуазная—значит, согласно меньшевистской «Искре», по-буржуазному подлая. Революция буржуазная, рассуждали меньшевики, «поэтому» главной движущей силой революции является буржуазия. Пока буржуазия не выполнила своей исторической миссии, поскромнее выбирай себе местечко, рабочий класс. А то... «как бы не отшатнулась буржуазия». Боже упаси, брать социал-демократии на себя организационно-технические функции в вооруженном восстании. А то случись такое несчастие,—победит народ и вознесет своих вождей-руководителей в «чертоги» временного правительства. Так, именно так, ставил вопрос Мартынов в своей брошюре «Две диктатуры». Меньшевики—не заговорщики, не якобинцы.

Что отвечал Ленин? «Пугать якобинством в эпоху революции—величайшая пошлость?» «Не пугаться, а страстно желать победы должны мы». «К плебейскому, якобинскому методу разделаться с царизмом» звал он рабочих. Революция у нас буржуазная. Пусть же шире размах примет «основательное историческое творчество масс», чтобы можно было наложить «пролетарски-крестьянский отпечаток» на всю революцию, «не способную непосредственно выйти за рамки буржуазного строя». Буржуазная революция ведь бывает и такая, как в 1848 году, и такая, как в 1789 или точнее в 1793 году.

Ссылка Ленина на якобинскую революцию 1793 года ни в малой мере не означала, что он не видел коренного отличия русской революции 1905 года от Великой французской—в конце XVIII века.

«В современной России,—писал Ленин в 1905 г.,—не две борющиеся силы заполняют содержание революции, а две различных и разнородных социальных войны: одна в недрах современного самодержавно-крепостнического строя, другая в недрах будущего уже рождающегося на наших глазах буржуазно-демократического строя» (Соч., т. VIII, стр. 255).

Аналогия с 1793 годом в устах большевиков имела лишь тот смысл, что мы, в новых условиях, должны проявить тот же революционный энтузиазм, дерзание и революционную страсть, которые так характерны были для якобинцев 93 года.

В споре с меньшевиками Ленин не уставал указывать на недопустимость для революционера прятать новые задачи, пользуясь в качестве готового шаблона обязательными терминами хотя и героического, но исчезнувшего прошлого. Снова и снова обращал он внимание пролетари-

ата на те новые черты нашей первой революции, которой история открыла серию революций XX века. Будучи буржуазной по характеру социально-экономических преобразований, революция пятого года была пролетарски-крестьянской по составу движущих революцию сил и преимущественно пролетарской по основным методам борьбы (по той роли, которую сыграла всеобщая политическая стачка в соединении с вооруженным восстанием).

Давая в 1908 г. оценку революции 1905 г. на основе анализа движущих сил, Ленин делал вывод: «Победа буржуазной революции у нас невозможна *как победа буржуазии*» (Соч., т. XII, стр. 209).

Но ведь говорил же Маркс, что путь революции шел через такие ступени: сначала борьба за конституционную монархию, затем за демократическую республику и, наконец, за социализм. Ленин отвечал Мартынову: картина верна на долгом историческом пробеге, но «если отмеривать до всякого подъема скромненькую меру (не более одной ступени), то мы будем виртуозами филистерства».

Ленин в своей брошюре «Две тактики социал-демократов в демократической революции» подытожил работы III съезда и одновременно дал исчерпывающий анализ резолюций меньшевистской конференции. Разбору резолюций конференции по организационному вопросу Ленин уделил больше внимания в своей статье «Третий шаг назад» (см. Соч., т. VII, стр. 301—306).

Новый вопрос, который поставлен был начавшейся революцией, состоял в следующем: кто созовет учредительное собрание, кто обеспечит свободу выборов в него и то, что оно будет не на словах, а на деле учредительным?—Только власть, вышедшая из победоносного восстания, только революционное правительство, непосредственно опирающееся на вооруженный народ. И такое правительство само должно быть обвеяно порохом гражданской войны, само должно быть органом восстания. Контрреволюция не исчезнет, если мы даже гильетинируем Николая II, а, наоборот, она только тогда, в тылу революции, по-настоящему и будет мобилизовать свои ряды. И в эти ряды войдет немало слоев буржуазии, которые вчера еще фрондировали и были если не в лагере революции, то среди оппозиционеров правительству. Предстоит борьба за отстаивание завоеваний. Чем больше пролетариатом и крестьянством будет взято с бою, тем отчаяннее будет контратака со стороны имущих. Недостаточно вместе с крестьянством бить, надо вместе добить крепостничество, надо отбить эти атаки со стороны контрреволюции. «А это отбить,—говорил Ленин,—и есть диктатура».—«Ленин подменил понятия: революция и диктатура»,—писал в «Искре» Мартынов. Меньшевики не хотели такого «подмена». А между тем их женевская конференция среди 2 перспектив «победы» революции указывала и на возможность созыва учредительного собрания временным революционным правительством. Но говорить о временном революционном правительстве и чураться диктатуры—значит не сводить концов с концами.

«Попытка «Искры»,—говорит Ленин,—провести различие между вре-

менным правительством и революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства—мертвая схоластика. Отношения между ними таковы приблизительно, как отношения между юридической формой и классовым содержанием» (Соч., т. VIII, стр. 20). Ни в одной резолюции III съезда нет упоминания о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, но все они согреты и освещены этой идеей. Чем решительнее будет победа, чем больше будет возможности наложить пролетарский отпечаток на всю революцию, тем реальнее будет и участие с.-д. во временном правительстве, ибо потребность и необходимость дальнейшего развертывания и закрепления завоеваний революции для пролетариата не уменьшится, а увеличится.

Как же участвовать в «чертогах» правительства вместе с представителями крестьянства?!—недоумевали меньшевики. Разве может быть «единая воля» у этих двух классов, разве можно «освящать тюрьмы». Ведь мы же тогда будем «со связанными руками в борьбе с непоследовательной буржуазией». Власть не социалистическая, власть будет реализовать «исторические задачи буржуазии», а мы «будем сквернить уста сочетанием слов: «да здравствует» и «правительство». Нет, говорили новоискровцы, остаемся чисты, и во имя будущей, химически чистой диктатуры пролетариата, останемся лишь на положении пропагандистов, критиков, «на положении партии крайней революционной оппозиции». Через все рассуждения меньшевиков проходит их боязнь связать судьбу восстания с крестьянской революцией, боязнь, что крестьянство «подведет». Ведь крестьянин, получив землю, успокоится. Крестьянство непоследовательно. Мартынов приводил в свидетели Энгельса, говорившего о гибели вождя, который оказался бы у власти, когда класс, от имени которого он действует, к власти не готов. Плеханов апеллировал к Марксу. Маркс, дескать, в 50 году, говоря о революции 48 года, именно советовал то, что советуют теперь меньшевики: усиливать рабочую партию, расширять пропаганду, толкать буржуазию дальше, чем она сама собирается итти и... только.

Что отвечали большевики? Если меньшевикам и удалось бы остаться в положении критиков со стороны, остаться лишь партией крайней оппозиции, то чистыми, как дева, они из переворота все равно не выйдут. Зато бесплодными, как дева, они действительно окажутся. «Говорят,—отвечает Ленин,—после захвата земли крестьяне успокоятся. Но самодержавное правительство не может успокоиться при захвате крестьянами земли, и в этом вся суть». Крестьянство непоследовательно—это верно. Мы поэтому зовем к самостоятельной организации сельского пролетариата. «Но непоследовательность крестьянства коренным образом отличается от непоследовательности буржуазии» (Ленин).

Ведь крестьянство в настоящий момент не столько мечтает о защите самого института частной собственности, сколько о нарушении его по отношению к помещикам. Когда в мужицкой груди бушует целый океан социальной злобы против барина, когда сермяжная Русь собирается по

плебейски ударить по одной форме собственности, разве это может не вызвать смертельного страха собственников в городе перед выступающим вооруженно рабочим классом, так тесно, как нигде, спаянным с деревней.

Когда очистительный огонь начнет выжигать крепостническую нечисть из осиных гнезд, буржуа и помещики неизбежно окажутся в теснейшем блоке, а на другом полюсе столь же закономерно спаяется кровный боевой союз пролетариата и крестьянства, а победа этих классов и будет осуществлением революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Лишены были даже грана диалектики те, кто так мертво, схоластически говорил об отсутствии «единой воли у пролетариата и крестьянства». Единства воли с пролетариатом нет у крестьянства в целом при осуществлении социализма, но как же забывать об единстве воли в борьбе с крепостничеством. Недиалектичны иеремиады новоискровцев и об ужасах «освящения» тюрем и пр. Ведь признали же они на конференции возможность «эпизодического», «временного» захвата власти в одном городе. А среди городов есть такие, как Петербург, Москва. И взяв власть, придется и порядок революционный охранять и в тюрьмы контрреволюционеров сажать! Эпизодический захват принципиально ничем не отличается от вхождения во врем. рев. правительство. Недаром Ленин говорил о меньшевиках: «Диалектика вовсе не заключается в том, чтобы просовывать хвост там, где голова не лезет». Если толки о демократической диктатуре—«мильеранизм», «вульгарный жоресизм», то не надо говорить о захвате и отдельного города. Отсутствие диалектики в мышлении меньшевиков проявилось и в выставлении лозунга «оставаться партией крайней революционной оппозиции». Это—правильное марксистское положение для действий на почве парламентаризма. А его предлагают применять в бурную революционную эпоху, когда гражданская война в разгаре, когда еще идет ожесточенная борьба за осуществление парламентаризма, когда «оппозиция» правительству осуществляется низвержением этого правительства.

Неумение дать «ясные лозунги» всегда выдает неясность целей борьбы. Когда меньшевики говорили о «чертогах» временного правительства, им мерещилась мирная конституционная действительность с того самого момента, как только новое правительство станет фактом. А между тем, не «чертоги», а бивуаки—вот что такое временное революционное правительство.

«Конкретный вопрос о временном революционном правительстве,—говорит Ленин,—стушевался с их (делегатов конференции.—*Г. Кр.*) поля зрения перед вопросом о том будущем ряде правительств, которые осуществят задачи буржуазной революции вообще. Если вы желаете рассматривать вопрос «исторически», то пример любой европейской страны покажет вам, что именно ряд правительств, вовсе не «временных», осуществлял исторические задачи буржуазной революции, что даже правительства, побеждавшие революцию, вынуждены были все-таки осуществить исторические задачи этой побежденной революции. Но «временным ре-

волюционным правительством» называется вовсе не то, о чем вы говорите: так называется правительство революционной эпохи, непосредственно сменяющее свергнутое правительство и опирающееся на восстание народа, а не на какие-нибудь представительные учреждения, вышедшие из народа» (Соч., т. VIII, стр. 51).

Временное правительство—это организующий центр революции. «Не сконцентрированная революционным правительством революционная энергия народа после первой неудачи восстания лишь раздробится, рассыплется на мелочи, утратит общенациональный размах, не осилит задачи удержать захваченное и осуществить провозглашенное» (Соч., т. VIII, стр. 20).

Уже на самом съезде было упомянуто о необходимости работать над созданием «ядра революционной армии». Вполне ясные очертания лозунг «революционная армия» принял лишь с момента выступления «Потемкина», и в дальнейшем три лозунга: 1) вооруженное восстание, 2) временное революционное правительство и 3) революционная армия—всегда выдвигались вместе, как лозунги организации революции.

Мы указали, что меньшевики неустанно апеллировали к творцам научного социализма для того... чтобы оправдать шествие «медленным шагом» и «робким зигзагом». В V Ленинском сборнике (изд. 2-е, на стр. 304) приведен отзыв Ленина о Плеханове. «Не Плеханов ли *весь* багаж составил из цитат. Жалкий багаж!» На съезде Ленин говорил, что «лозунги свои «Вперед» высказал на основании анализа конкретной ситуации. К сожалению, Маркс этой ситуации не знал и о ней не писал, и поэтому ни подтверждать, ни опровергать одними только цитатами из Маркса анализа этой ситуации нельзя». Представляет исключительный интерес изучение того, как Ленин снова и снова изучает Маркса и Энгельса. В марксизме для Ленина ценны как метод, так и сгущенный и обобщенный опыт борьбы мирового пролетариата. Для Ленина—«теория—не догма, а руководство к действию»,—это живой, действующий, творящий марксизм. Усвоить для Ленина—это значит сделать своим. Научиться у Ленина его отношению к марксову наследству,—значит сделать не малый шаг к тому, чтобы научиться воспринимать наследство самого Ленина. В то время как меньшевики выуживали из исторических суждений Маркса и Энгельса о революции 48 года шаблоны, готовые схемы, рисунки для новой революции, Ленин на основе новой расстановки классовых сил 1905 года призывал не только «учиться у революции, но и научить чему-нибудь самую революцию». Он при свете новой борьбы рефлектором марксизма освещает историческую даль прежних революций и показывает, что нового вносит в понимание марксовых суждений о прежних революциях новая, небывало богатая и сложная комбинация движущих сил.

Ленин с изумительной ясностью и глубиной вскрывает неумение меньшевиков орудовать марксистским методом. Когда Плеханов в своих статьях (№ 106 «Искры» и № 2 «Дневника С.-Д.») сделал попытку опереться на написанное Марксом в марте 1850 года «Обращение ЦК союза

коммунистов» для доказательства недопустимости для с.-д. вступать во временное революционное правительство, Ленин, давая мастерской анализ ситуации 48—50 гг. в Германии, попутно вскрыл и некоторые основные болезни меньшевизма. Ленин показал, что Маркс не ставил вопроса об участии с.-д. во временном правительстве, а Плеханов утверждал, что Маркс решал этот вопрос отрицательно. Ленин обстоятельно пояснил меньшевикам, почему Маркс и не мог ставить этого вопроса. В марте 1850 года, когда писалось «Обращение», революция *уже не удалась*, причем мелкая буржуазия оказалась несравненно более организованной, чем пролетариат. Ведь еще даже об отдельном съезде рабочей партии говорилось как о чем-то весьма проблематичном. И вот, когда революция не удалась, а пролетариат оказался без штаба, Маркс выдвигает перед членами союза в качестве основной задачи: усилить пропаганду, налечь на оформление и расширение организации, давить на буржуазию, не позволяя ей останавливаться или даже пятиться назад. Похоже ли это на ситуацию 1905 г., когда пролетариат имеет свою партию, когда он организован лучше других революционных и оппозиционных партий, когда его «естественный союзник» в борьбе с царизмом и крепостничеством—крестьянство поднимается с дрекольем против вековых угнетателей.

В статьях «О временном революционном правительстве», написанных Лениным в развитие основных положений своего доклада на ту же тему на съезде, Ленин говорит: «Маркс и Энгельс в 1850 году не различали демократической и социалистической диктатуры, или вернее вовсе не говорили о первой, ибо капитализм казался им дряхлым, а социализм близким. Они не различали поэтому в то время и программы-минимум от программы-максимум. Если же делать это различение... то надо *особо* разобрать вопрос о социалистической и о демократической диктатуре... Отсюда вытекает...: если бы Маркс и Энгельс понимали неизбежность сравнительно продолжительного господства демократического строя, то они *тем больше* значения придавали бы *демократической* диктатуре пролетариата и крестьянства в целях упрочения республики, полного уничтожения всех следов абсолютизма и полной расчистки арены для битвы за социализм» (Соч., т. VIII, стр. 321).

Не больше славы принесла другому стратегу меньшевизма—Мартынову—попытка защититься Энгельсом в борьбе с лозунгом диктатуры. Цитируя «Новую рейнскую газету» от 14/IX 1848 г., Ленин вразумлял Мартынова следующими словами Маркса: «Всякое временное государственное устройство требует диктатуры».

На подробном изложении брошюры Энгельса «Бакунисты за работой» Ленин наглядно показал, что лозунг Мартынова «только снизу» есть лозунг анархистов; на выдержках из «Рейнской имперской кампании» Энгельса Ленин иллюстрировал, как выглядят те «чертоги» временного правительства, о которых так неумно говорили меньшевики.

Брошюра Энгельса «Крестьянская война» и его же Письмо к Турати в 1894 г. дали Ленину возможность вскрыть тот дефект у меньшевиков,

который окрасил собою значительное количество теоретических ошибок новоискровской стратегии и тактики. В обоих указанных документах Энгельс предостерегает против смешения демократического и социалистического переворота. Но это именно смешение и свойственно меньшевикам. Они никак не могли уразуметь, чем отличается участие Варлена в революционном правительстве при демократическом перевороте от участия Мильерана в буржуазном министерстве накануне социалистической революции.

Когда Ленин критиковал лозунг «коммуны», принятый меньшевистской конференцией, он в первую очередь указал на элемент смешения демократической и социалистической революции, которым страдала исторически действовавшая Парижская Коммуна.

В резолюции о временном революционном правительстве, принятой III съездом, особо оговорено, что участие с.-д. в правительстве допустимо лишь при строгом контроле партии над ее уполномоченными и при условии охраны самостоятельности партии. Кроме того указано, что независимо от того, возможно ли будет такое участие, давление на это правительство со стороны вооруженного и руководимого социал-демократией пролетариата необходимо всегда.

Съезд проявил полное единодушие в обоих рассмотренных вопросах. Небольшие колебания части делегатов были парализованы и отчасти изжиты тут же на съезде благодаря обмену коллективным опытом.

Некоторый диссонанс с общим тоном прений представляли речи трех делегатов—Постоловского, Авилова и Квиткина (все трое ныне вне рядов ВКП(б). Что касается до первого из них, то это в прошлом был хороший комитетчик, прошедший до III съезда все ступени работы, начиная с работы в периферии и кончая разъездами его в качестве агента ЦК. Ленину он был известен в качестве опытного организатора; на съезде все его знали, как примиренца, но не вносившего дезорганизации в работу (среди кличек его была известна: «талмудист»). Привожу выдержки из выступлений делегатов по протоколам съезда:

Постоловский. Я не придаю никакого значения чисто техническим соображениям. В момент революции обстоятельства будут так складываться, что все эти соображения будут выброшены за борт. Всеобщая стачка не относится к делу.

Авилов. На первом плане остается дело обще-социал-демократической пропаганды и агитации.

Квиткин. Толки о вооруженном восстании—это чисто бунтарское настроение после каждой неудавшейся стачки. Без нужды не выступать с пропагандой вооруженного восстания. Главная задача—дезорганизовать агитацией и пропагандой армию.

Прежде чем перейти к изложению дальнейших работ съезда, я должен посвятить несколько слов тому «откровению в грозе и буре», которое идет из Константинополя. Шехерезада жива, она рассказывает все новые и новые сказки, по временам довольно занимательные. Одна

из них—о III съезде РСДРП. В книге Троцкого «Моя жизнь», открывающейся апокалиптическим откровением, что лишь спустя несколько лет после Октябрьской революции Троцкий заметил, что день Октябрьской революции точно совпадает с знаменательным днем рождения Льва Давыдовича, повторено утверждение, что резолюция Ленина о временном революционном правительстве есть, в сущности, резолюция Троцкого[1]. По словам Троцкого, до отъезда в Лондон, на съезд, Красин, бывший членом ЦК, издал листовку Троцкого о временном правительстве. Эта листовка, как утверждает Троцкий, почти в точности совпадает с резолюцией о временном правительстве, принятой на III съезде. Красин на съезде, как известно, произнес речь, в которой подчеркнул, что надо более четко указать на связь вопроса о временном правительстве с вопросом о восстании и дал удачную формулировку для резолюции: временное правительство—орган восстания. Формулировка была принята докладчиком Лениным, а потом и съездом. Небольшие стилистические поправки тоже были Лениным приняты. Но никакой особой резолюции Красин не писал. В V Ленинском сборнике приведен и первоначальный набросок резолюции, написанный Лениным, и он мало чем отличается от принятой съездом резолюции. Речи делегатов не стенографировались. А в секретарской записи как раз опущена та часть речи Красина, которая обнаруживает некоторую неясность у Красина по вопросу о временном правительстве. Об этой опущенной в записях части речи Красина можно до некоторой степени составить представление по выступлению Луначарского. Он сказал: «Красин допустил ошибку, сказав, что когда буржуазия попытается вырвать у пролетариата и мелкой буржуазии их революционные завоевания, нам придется уйти из временного правительства, чтобы не обагрять своих рук в крови пролетариата. Нам придется,—продолжал Луначарский,—не уйти, а бороться всеми силами, с контрреволюцией. Уйти разве только на площадь согласия (т. е. на гильотину)». Троцкий, к сожалению, не сообщил, ему ли принадлежит мысль Красина, о которой говорил Луначарский.

Наряду с вопросом о вооруженном восстании и временном революционном правительстве, порядок дня съезда включал еще вопрос *об открытом выступлении социал-демократии*. В конспекте доклада о III съезде, сделанного Лениным в Женеве по возвращении со съезда, записано:

«Открытое выступление (один докладчик). Главная тема: переход к открытой деятельности. Обнаружение другой темы: тактика правительства (легальные союзы и спор о них). Две резолюции. «Безусловный бойкот выборов».

Докладчик П. П. Румянцев ознакомил съезд с той обстановкой, которая сложилась в петербургской партийной организации после 9/I; он показал, как мало подготовлены были социал-демократы в Питере, чтобы

---

[1] Первый раз об этом сообщили комментаторы к 1 ч. II тома Сочинений Троцкого, см. стр. 491.

охватить и подчинить себе бурно нараставшие события. В то время, как либералы использовали сумятицу в правительственных кругах, создавая легальные газеты, организуя союзы всевозможных либеральных профессий и пр., выходя где возможно на открытую арену, социал-демократы проявили некоторую неповоротливость, инертность, не сумели учесть новые задачи и приступить к использованию новых возможностей для закрепления захватным путем ряда зацепок к открытой деятельности. Докладчик попутно задел вопрос и об отношении к различным правительственным комиссиям, вроде комиссии Шидловского, которые поставили партию перед более широким вопросом об отношении вообще к политике правительства накануне переворота. Правительство, усиливая репрессии, направленные непосредственно против пролетариата, а также вводя в систему деятельность черных сотен, наряду с этим делало попытки внести политический разврат в сознание масс обещанием реформ и манифестами о созыве Земского собора, Государственной думы и пр.

По вопросу «об открытом выступлении» съезд постановил: не забрасывая конспиративной деятельности и нелегального аппарата, немедленно приступить к подготовке целесообразных форм перехода к открытой деятельности; для этого использовать легальные и полулегальные общества для превращения их в опорные пункты будущей открытой соц.-демократической партии в России.

В резолюции об отношении к тактике правительства накануне переворота III съезд дает целостный ответ. Резолюция учитывает «все разнообразные условия и задачи особого момента: и разоблачение лицемерия правительственных уступок, и использование карикатурных форм народного представительства, и революционное осуществление настоятельных требований рабочего класса (8-часовой рабочий день во главе их), и, наконец, отпор черным сотням».

Приводим выдержки из выступлений нескольких делегатов по вопросам о тактике правительства накануне переворота и об открытом выступлении с.-д.:

Романов. Вовлечение рабочих в такие (полулегальные.—*Г. Кр.*) общества совлекает их с революционного пути на легальный и заставляет ожидать улучшений от таких обществ. Соц.-демократия может и должна пользоваться такими обществами лишь механически, как местом для пропаганды и агитации своих идей...

Рыков. Резолютивная часть вовсе не указывает нам тактики, а лишь технические рамки для пропаганды и агитации. Это—не тактика, а вопрос о большом зале.

Анашкин (рабочий). Я хочу сообщить съезду, что рабочие готовы послать к чорту Земский собор, где не будет рабочих (*Ленин:* великолепно!).

Ленин в своем выступлении дал отпор той прямолинейности и некоторой косности части комитетчиков, которые не учитывали новых задач. Он призвал к творчеству новых форм работы и к большей гибкости в

тактике. «Съезд,—говорил он,—категорических указаний не может давать об участии в обществах. Надо пользоваться всеми средствами для агитации. Из опыта с комиссией Шидловского нельзя вывести безусловно отрицательного отношения... Ответить категорически, следует ли участвовать в Земском соборе, нельзя. Все будет зависеть от политической конъюнктуры, системы выборов и других конкретных условий, которых заранее учесть нельзя. Говорят: Земский собор—это обман. Но иногда, чтобы разоблачить обман, надо участвовать в выборах. Кроме общей директивы дать ничего нельзя».

Некоторая неповоротливость мысли, упорство и частью косность и инертность отдельных комитетчиков, о чем свидетельствуют приведенные выписки из протоколов, были вызваны необычайно крутым поворотом, который приняли события за последние месяцы перед съездом. Однако и уроки дальнейших событий и цикл идей, брошенный Лениным в его статьях во «Вперед», и политическая школа «профессиональных революционеров», каковыми были все делегаты съезда, все это помогло без большого труда преодолеть инертность и во всеоружии разрешать сложнейшие задачи развертывавшейся революции. Проведенный большевиками после съезда бойкот Булыгинской думы и тактика их в бурные дни октября—декабря 1905 г. наглядно доказали это.

В полном согласии с рассмотренными нами тактическими задачами, которые были поставлены и разрешены съездом, находилась постановка вопроса и *об отношении к крестьянскому движению*. Съезд признал необходимым поддерживать движение вплоть до конфискации всех помещичьих, кабинетских и пр. земель; он указал наряду с этим на необходимость очищать крестьянское движение от всяких реакционных примесей, а также и на задачу доведения до конца его демократических требований. Крестьянство призывалось к отказу от податей, от повиновения властям, от поставки рекрутов и т. д. Практически организующим лозунгом был выдвинут лозунг немедленного образования революционных крестьянских комитетов, которые необходимо превращались бы при победе движения в местные органы временного революционного правительства. Съезд указал на необходимость самостоятельной организации сельского пролетариата.

Сравнивая резолюции III съезда и меньшевистской конференции, Ленин в брошюре «Две тактики» писал: «Крестьянский вопрос» поставлен различно съездом партии и конференцией. Съезд выработал резолюцию об «отношении к крестьянскому движению», конференция—о «работе среди крестьян». В одном случае на первый план выдвинуты задачи руководства в общенациональных интересах борьбы с царизмом всем широким революционно-демократическим движением. В другом случае—дело сводится только к «работе» среди особого слоя. В одном случае выдвигается центральный практический лозунг агитации—немедленная организация революционных крестьянских комитетов для проведения всех демократических преобразований. В другом «требование образования комитетов»

должно быть предъявлено учредительному собранию... На всех решениях конференции так и отражается прослеженная нами общая мысль, что в буржуазной революции мы должны вести только свою специальную работу, не задаваясь целью руководства всем демократическим движением и самостоятельного проведения его» (Соч., т. VIII, стр. 88).

На съезде было два докладчика по данному вопросу. Теоретические основы изложил Ленин. Тов. Цхакая ознакомил съезд с практическим опытом партии. Цхакая, старый профессионал-революционер, сам непосредственно принимавший участие в гурийском восстании, дал красочную картину революционного крестьянского движения. Эта картина захвата власти в ряде мест крестьянами трех уездов Гурии была конкретной иллюстрацией для большевистской идеи революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Меньшевики из опыта Гурии сумели выжать лишь свой анемичный лозунг: революционное самоуправление. Съезд вынес единодушное решение по данному вопросу. Это было облегчено тщательной предварительной проработкой вопроса во «Вперед».

Статьи Ленина «Маркс об американском черном переделе», «Аграрная программа либералов» и статья «Пролетариат и крестьянство», давшая критику Каутского, предлагавшего держаться «нейтрально» по отношению к захватным стремлениям крестьян, дали уже четкую установку в наших рядах по данному вопросу.

Из резолюций об отношении к другим партиям отметим, прежде всего, резолюцию о либералах. Конечно, резолюция Старовера, принятая на II съезде, была отменена. Подтверждая резолюцию II съезда о либералах, написанную Плехановым, съезд подчеркнул необходимость борьбы с той «теорией соглашения», которой держатся все виды либералов от самых умеренных, кончая радикалами из «Союза освобождения».

Резолюция о практических соглашениях с социалистами-революционерами указывает на допустимость, под контролем ЦК, заключать боевые соглашения с с.-р., при условии охраны самостоятельности партии. В своем докладе Ленин информировал съезд о неудачном опыте участия в конференции 18 революционных и оппозиционных партий, конференции, созванной по инициативе Гапона в Женеве 2/IV 1905 г. Попутно Ленин рассказал о своем свидании с Гапоном. По поводу неудачи конференции Ленин говорил: «Я не вывожу отсюда, что конференция невозможна из-за принципиальных разногласий. Необходимо лишь, чтобы вопросы были чисто деловые». Не лишне отметить левый загиб делегата от Самары Крамольникова, выступившего с предложением вынести общую резолюцию об с.-р. и либералах. В конспекте упомянутого выше доклада в Женеве Ленин отмечает это выступление Крамольникова так: «пересол Самарца».

ОБ ОТКОЛОВШЕЙСЯ ЧАСТИ ПАРТИИ

По вопросу «об отколовшейся части партии» съездом приняты три резолюции: одна опубликована, а относительно двух остальных постановлено, что они не подлежат опубликованию. Первая резолюция, напи-

санная Богдановым, констатировала у меньшевиков еще со времен экономизма сохранившееся преклонение перед стихийностью («организация—процесс»), уклонение на практике от дисциплины, стремление в демагогических целях щеголять демократическими фразами. В политике отмечено оппортунистическое выступление против независимой тактики по отношению к либералам, отрицательное отношение к задаче с.-д. взять на себя организационно-технические функции руководства восстанием, отрицательное отношение к действию сверху, к участию с.-д. во временном правительстве и пр. Резолюция указывает, однако, на то, что участие меньшевиков в партийных организациях *допустимо* при условии соблюдения ими устава и подчинения партийной дисциплине.

Съезд оформил раскол. О расколе пишет Ленин определенно во всех предсъездовских письмах к Богданову, Эссен и другим товарищам. Составляя «Общий план работ съезда» (см. V Лен. сб., 2-е изд., стр. 201), Ленин в проекте резолюции о меньшевиках писал: «Съезд констатирует, что для сторонников партийности нет иного выхода, как работа отдельно и независимо от дезорганизаторов. Съезд постановляет поэтому, что ни в одну из организаций нашей партии *не могут быть принимаемы* (курсив мой.—*Г. Кр.*) сторонники меньшинства или новоискровцы».

11/II 1905 г. Вл. Ильич писал Богданову: «К чему лицемерить и прятаться? Это прямо позор! Мы провозгласили *раскол,* мы зовем на съезд *впередовцев,* мы хотели организовать впередовскую партию и рвем, немедленно рвем *все и всякие* отношения с дезорганизаторами, а нам толкуют о лояльности, прикидываются, будто возможен общий съезд «Искры» и «Вперед»... Право, я часто думаю, что из большевиков $^{9}/_{10}$ действительно жалкие формалисты, которые абсолютно не способны воевать. Я бы их всех отдал Мартову. Как это не понимают люди, что *до* Бюро и *до* «Вперед» мы все сделали для спасения лояльности, для спасения единства, для спасения формальных, т. е. высших методов улажения конфликта?!?! Теперь же, *после* Бюро, *после* «Вперед», раскол есть факт». (Там же, стр. 152—153.) 7/II, конспектируя реферат тов. Ольминского, Вл. Ильич между прочим отмечает: «...2 съезд—раскол (с момента организации меньшинства), «Вперед» лишь продолжение раскола. Меньшевики раньше это поняли, а мы были глупы. 2 *партии*». Резким диссонансом с этими словами звучит постановление съезда о допустимости в наши организации меньшевиков. Еще резче сказалось различие от предсъездовских настроений во второй (тайной) резолюции III съезда. Резолюция эта, написанная Лениным и внесенная на съезд от имени Эссена и Землячки, гласит: «III съезд поручает Центральному комитету принять все меры к подготовке и выработке условий слияния с отколовшейся частью РСДРП, причем окончательное утверждение должно быть предоставлено новому партийному съезду».

Чтобы понять сдвиг в сторону «объединительных» шагов, надо в первую очередь учесть тот факт, что на большинство и меньшинство делились и рабочие в России. Если на Севере, на Урале преобладание

большевиков среди рабочих было несомненно, то нельзя того же сказать про юг, Поволжье, Сибирь и про ряд организаций на Кавказе. Кроме того взаимоотношения между большевиками и меньшевиками на местах в России (за исключением нескольких мест, где постоянно разжигали склоку агенты «Искры») были не совсем похожи на взаимоотношения заграничных лидеров обоих фракций. Недаром Красин встретил некоторый отклик, когда на съезде заговорил о том, какая атмосфера царит «в провинциальном городе» Женеве. Ряд меньшевистских организаций отвергал аксельродовский план земской кампании, петербургская группа меньшевиков вразрез с «Искрой» высказывалась за бойкот Булыгинской думы. Надо учесть, что начавшаяся революция отметала множество спорных мелочей, ряд кооптационных вопросов терял остроту и значение; революционные события наглядно учили революционному мышлению. В статье «Революция учит» Ленин показывал, что даже «Искру» революционная обстановка заставила ковылять за событиями. Как всякие импрессионисты, новоискровцы вскоре даже «без руля и без ветрил» отдались стихии. Недаром про меньшевистскую газету «Начало», выходившую в ноябре, говорили: «Начало»—помчало». Делегаты с мест довольно согласно свидетельствовали, что различие между работающими в России меньшевиками и между их лидерами—заграничниками—дистанция настолько большая, что без ущерба для интересов движения нельзя отказаться от борьбы за завоевание ряда работников из их рядов. Особенно рабочие меньшевики должны быть отвоеваны у «Искры». Сути разногласий часто рабочие не могли узнать. Большевистские брошюры, разъясняющие вопрос, примиренческий ЦК доставлял неохотно и далеко не всем организациям. Начавший выходить лишь в январе 1905 г. «Вперед» до III съезда в ряд организаций попал в количестве не более 2—3 номеров. Все чаще давал себя знать следующий факт. Рабочие, видя, что борьба идет из-за не вполне близких и понятных вопросов (о полномочиях и правах комитета и периферии), в то время как насущные нужды революционной эпохи не удовлетворялись, начали уходить не от меньшевиков к большевикам или обратно, а совсем от с.-д. , с.-р, всяким независимцам, махаевцам и т .д.

Приведенная выше, не подлежавшая опубликованию, резолюция об условиях объединения *на новом съезде* сыграла в дальнейшем очень значительную роль и помогла Ленину настоять на *организованном* соглашении 2 фракций (см. V Лен. сб., стр. 495—503).

Наконец, съезд принял еще третью, тоже не подлежавшую опубликованию, резолюцию, предложенную Румянцевым, о том, что в местах, где существуют параллельноые (б-ские и м-ские) организации, распущение меньшевистских и утверждение большевистских комитетов должно производиться крайне осторожно.

В проекте резолюции Румянцева стоял в начале пункт о воспрещении агитации против меньшевиков. Но против этого восстал Ленин, который сказал: «Как же на почве раскола не агитировать. Распущение надо делать крайне осторожно». Очень порадовало Ленина выступление при-

миренца Постоловского, который сказал: «Я настаивал на том, что рабочие сами должны взять в свои руки объединение партии, а это значит не отказываться от завоевания рабочих организаций и отвоевывания у меньшевиков влияния на них (*Ленин:* да здравствуют примиренцы!)».

Этот инцидент с Постоловским подчеркнул значение всех трех резолюций об отколовшейся части партии. Объединение—борьба за завоевание идущих частью за меньшевиками рабочих масс.

В конспекте доклада о III съезде Ленин записал:

«Отношение к отколовшейся части,—умеренная резолюция». Полное согласие. Воронежец (Румянцев—*Г. Кр.*) за воздержание в борьбе. Примиренец—за уничтожение».

В принятом съездом уставе закреплены гарантии прав всякого меньшинства. В «Извещении о съезде», написанном Лениным, говорится, что, несмотря на отсутствие на съезде меньшевиков, приняты были все меры, чтобы большинство могло работать с меньшинством в одной партии.

«Меньшинство имеет теперь безусловное, обеспеченное уставом партии, право отстаивать свои взгляды, вести идейную борьбу,—лишь бы споры и разногласия не вели к дезорганизации, не мешали положительной работе, не дробили наших сил, не препятствовали дружной борьбе с самодержавием и с капиталистами. Право на издание партийной литературы дано теперь уставом всякой полноправной организации партии. ЦК партии вменено теперь в обязанность транспортировать всякую партийную литературу, раз этого требуют пять полноправных комитетов, т. е. одна шестая доля всех полноправных комитетов партии. Автономия комитетов определена точнее, личный состав комитетов объявлен неприкосновенным, т. е. у ЦК отнято право исключать членов из местных комитетов и вводить новых без согласия комитета. Единственным исключением из этого является тот случай, когда $^2/_3$ организованных рабочих требуют смещения комитета: тогда по уставу, принятому III съездом, это смещение обязательно для ЦК, раз $^2/_3$ его согласны с решением рабочих. Каждому местному комитету дано право утверждать периферийные организации в звании партийных организаций. Периферии дано право представлять кандидатов в члены комитетов. Границы партии определены точнее, согласно желанию большинства партии. Создан один центр вместо двух или трех. Обеспечено решительное преобладание работающих в России товарищей над заграничной частью партии» (Соч. т. VII, стр. 296—297).

В статье «Третий шаг назад» Лениным показано, куда завела меньшевиков на конференции их тяга к «организационным туманностям». Картинно изображена там шестиэтажная колымага меньшевистской схемы организации и подведен итог: до апреля 1905 г. меньшевики старались внести дезорганизацию в большевистские комитеты. Теперь они с неменьшим рвением принялись дезорганизовывать самих себя.

«И хаос царствовал слепой, безумный, дикий!» Литераторы из «Искры» оказались вне организации, ЦК упразднен. Полномочия Организационной

комиссии не определены. Установлен анархический принцип соглашения между коллективом и комитетом. Воистину, вместо «организации—процесс», это был сплошной процесс дезорганизации!

Съезд вынес постановление, что «Искра» перестает быть ЦО, и дал поручение ЦК создать новый орган, дав ему имя «Пролетарий». Одновременно с этим съезд вынес благодарность «Впереду» за революционную чуткость и инициативу, проявленную в постановке новых вопросов революции, и за ту громадную работу по восстановлению партийности, которую проделал «Вперед». Особо отмечена его заслуга в деле реализации съезда.

Была съездом принята также не подлежавшая опубликованию резолюция, предложенная Десницким: «III съезд предлагает ЦК приложить все усилия к перенесению издания ЦО в Россию».

ВОПРОС ОБ ЕДИНОЦЕНТРИИ

Дезорганизаторская роль заграничников, ютившихся около новой «Искры», Совета партии и «Лиги», обилие околопартийной интеллигенции, сочувствовавшей меньшевикам и чувствовавшей себя более всего к месту в сфере кооптационных вопросов, более всего интересовавшейся партийными анекдотами и «тайнами мадридского двора» (напр.: что сказал Плеханов о Троцком, какое письмо написал Аксельрод Лядову и пр. и т. п.)—все это при «доходящем до грации» игнорировании запросов практиков на брошюры, листки, программы на злободневные вопросы—к концу 1904 года дало свои результаты. Насколько раньше заграница пользовалась уважением, доходящим до пиетета, настолько же велико было озлобление теперь. Да и независимо от этого сложность и богатство форм работы, которые с каждым днем все более создавали стремительно развертывавшиеся события, делали неизбежным перенесение центра тяжести руководства в Россию.

В извещении о созыве III съезда БКБ писало: «*Центр должен быть один и притом русский*» [1]. Но к этому диктуемому жизнью требованию на съезде примешался привходящий и уже далеко не жизненный момент. Несколько влиятельных работников (Десницкий, Красин и др.) и во главе их Богданов не прочь были воспользоваться указанным лютым озлоблением против заграничников чтобы ослабить контроль Ленина над собой. Было проведено на съезде, что ЦО не избирается на съезде, а назначается Центральным комитетом. Правда, Богданов внес и провел на съезде резолюцию об общих собраниях ЦК (неподлежавшую опубликованию): «Признавая тесное общение заграничной и находящейся в России части безусловно необходимым для нормального течения общепартийных дел, съезд вменяет ЦК в обязанность периодические, не реже раза в четыре месяца, съезды той и другой его части». Но сопротивление этой мере было настолько сильно, что несмотря на повторные напоминания Ленина в письмах

[1] Ленин в шутку называл Богданова и Красина «истинно-русскими» цекистами.

к Центральному комитету об исполнении этого постановления, ни одного совещания до приезда Ленина в ноябре в Россию так и не состоялось.

Не без возражений со стороны ряда делегатов удалось провести и единогласную кооптацию в ЦК. Так *Квиткин* говорил на съезде: «Против единогласной кооптации. Один член может затормозить всю работу. Единогласной кооптацией закрепляется влияние заграницы». На съезде имел место инцидент (на XIX заседании, 5/V 1905 г.). 10 делегатов (среди них: Обухов, Крамольников, Рыков, Квиткин, Романов, Лосев и др.) подали съезду два заявления: 1) «предлагаем съезду вновь пересмотреть свое постановление о регулярных совещаниях русской и заграничной части ЦК» и 2) (к нему присоединился еще Постоловский): «Предлагаем съезду вновь пересмотреть вопрос об единогласной кооптации в ЦК». Съезд отверг эти предложения. Взгляды Ленина, которые были у него до съезда, на вопрос *о реформе* Центральных учреждений, нашли выражение в заметке «Изменение пункта устава о центрах». Заключительные строки абзаца этого документа таковы:

«Итог: на деле, на практике, «один» центр будет либо *фикцией,* либо он сведется, непременно и неминуемо сведется к теперешней системе того, что насмешливо зовут «троецентрием». На деле, на практике различие условий географических, политических, условий характера работы неизбежно и неминуемо вызовет и будет вызывать (впредь до падения самодержавия) два центра в нашей партии, объединяемые лишь *время от времени* «совещаниями», которые *на деле* всегда и будут играть роль верховного или высшего «Совета» партии.

Вполне понятно, что реакция против заграницы вызвала у россиян общий крик: долой заграницу! долой два центра! Эта реакция законная и *похвальная,* ибо она знаменует громадный рост партийных сил и партийного самосознания после II съезда. Эта реакция выражает шаг вперед нашей партии, об этом спору нет. Но не следует давать себя обольщать словами или возводить в «систему» *настроение* данной минуты, преходящий «гнев» против «заграничников». На гневе никакой партийной системы не построишь. Нет ничего легче, как постановить простое и краткое правило: «центр один», но таким постановлением нисколько не приближаемся к решению очень сложного вопроса о способах реального (а не бумажного) объединения различных функций работы в России и за границей» (Соч., т. VII, стр. 135—136).

Этот документ написан месяца за два до съезда. Но коллективная беседа Ленина на съезде с делегатами дала Ленину, обладавшему неоценимой способностью всегда брать все ценное из итогов массового опыта, четкое представление о том, насколько выросли практики, хотя и они допускали ряд промахов и нередко обнаруживали косность в ряде вопросов, в новой обстановке, при новой ситуации. Все же сразу по окончании съезда он в № 1 «Пролетария» в статье «Третий съезд» пишет:

«На вопросе об одном центре мы не будем долго останавливаться. III съезд таким же громадным большинством отверг «двоецентрие», каким

II съезд принял его. Причины этого легко поймет всякий внимательно следящий за историей партии. Съезды не столько творят новое, сколько закрепляют результаты уже выработанные. Ко времени II съезда опорой устойчивости была и считалась редакция «Искры»,—ей дан был перевес. Преобладание российских товарищей над заграничными казалось еще проблематичным при том уровне развития партии. После второго съезда неустойчивой оказалась именно заграничная редакция,—партия же выросла, несомненно и значительно выросла, именно в России. Назначение редакции ЦО Центральным комитетом партии не могло не встретить при этих условиях сочувствия массы партийных работников» (Ленин, Соч., т. VII, стр. 303).

В Центральный комитет были избраны следующие товарищи: Ленин, Красин, Богданов, Рыков и Постоловский. Ленин подал записки (их подавали 2, т. е. по числу решающих голосов делегата), в которых выставил следующих кандидатов в ЦК: Румянцев, Богданов, Красин, Постоловский и Саммер.

На Румянцеве Вл. Ильич настаивал прежде всего потому, что он его знал как опытного старого литератора (а литераторы среди большевиков были все наперечет: ведь все «старые и заслуженные» оказались в рядах меньшевиков). У Румянцева было основательное марксистское образование. Он в начале 90-х годов издал перевод Маркса «Zur Kritik». Кроме того Румянцев в качестве «бывшего земского статистика» (притом известного в этой среде) мог быть полезен для связей с «обществом». Наконец, на съезде Румянцев обнаружил понимание необходимости перейти на рельсы открытой деятельности, и ему же было поручено сделать доклад по этому вопросу на съезде. Но даже тот факт, что его кандидатура была выставлена самим Лениным, не мог преодолеть стихийного нерасположения к нему со стороны нас, комитетчиков. Все в этом человека было нам не по нутру: и вид барина и язык земца и то высокомерие, с которым он отзывался о подпольной технике. Комитетчики выставили и провели кандидатуру Рыкова. Ленин до съезда не знал Рыкова.

Рыков был молод, он был профессиональным революционером от головы до ног, говорил нашим немножечко жаргонным подпольным языком, и так же, как и большинство из нас, остальных комитетчиков, не склонен был дешево расстаться с навыками, приобретенными в комитетах (Саратовском и Московском) за годы 1902—1904. Румянцев на съезде бросил реплику по адресу Рыкова: «На следующий съезд мы малолетних пускать не будем».

Когда мы спросили Ленина: почему он хочет в ЦК провести Румянцева, Владимир Ильич полушутя ответил: «да куда же его, кроме ЦК». Тогда Крамольников громко возвестил комитетчикам: «Знаете, товарищи, почему Ильич хочет Румянцева провести в ЦК? Потому, что Румянцев кроме ЦК никуда не годится!»

Пленум ЦК, заседавший в день закрытия съезда—10/V, назначил на случай провала ЦК следующих кандидатов: Румянцева, Эссена и Гусева.

Рыков сразу после съезда на докладе своем о III съезде был в Питере арестован, и Румянцев тогда же был кооптирован в ЦК. Если персонально Владимир Ильич, выдвигая Румянцева, несколько и ошибся (Румянцев в дальнейшие годы держал курс на губернатора и умер в белой эмиграции), то политически борьба Ленина против наших кандидатур была правильна: нам был дан урок не замыкаться в комитетской ограниченности, преодолеть косность, по-новому подойти к решению ряда новых задач.

ОБ ОТНОШЕНИИ МЕЖДУ РАБОЧИМИ И ИНТЕЛЛИГЕНТАМИ В С.-Д. ОРГАНИЗАЦИЯХ

В очерке работ съезда особо стоит вопрос от отношении между рабочими и интеллигентами в с.-д. организациях., Это был единственный вопрос, по которому разгорелась борьба на съезде. В конспекте доклада о III съезде в Женеве Ленин отмечает: «Отношение рабочих к интеллигентам. Борьба на съезде. Провал докладчика. Переход к очередному вопросу». Докладчиком был Богданов. Резолюция, внесенная им, говорит о том, что меньшевики изображают интеллигентскими наши организации (этим пользуются и враги). Они обвиняют большевиков в стремлении сковать партийной дисциплиной самодеятельность пролетариата; щеголяют выборным началом без серьезных шагов к проведению его в жизнь. Констатируя демагогию меньшевиков, резолюция все же находит, что необходима подготовка условий организационных реформ (выборное начало, укрепление связи партии с массами, выделение возможно большего числа рабочих, способных руководить движением и партийной организацией).

После доклада Богданова был ряд выступлений делегатов. Мы приведем выдержки из них, а также и те реплики, которые давал Ленин во время этих выступлений.

Кампанию против резолюции начал *Каменев.* Он, между прочим, сказал: «Этого вопроса, как вопроса об отношении между интеллигенцией и рабочими, *в партийных организациях* не существует (*Ленин:* существует!).

Десницкий. Против резолюции, потому, что в ней есть игра в демократизм.

Цхакая. Если вопрос в последнее время поставлен жизнью в литературе «меньшевиками»,—то это еще не значит, что он—не жизненный вопрос.

Крамольников. Смешно *особо* говорить о праве рабочих быть в авангарде рабочего класса. Этого требует дух ленинского устава.

Обухов. Заседательские комитеты должны исчезнуть. Необходимо в комитеты вводить рабочих (*Ленин:* Совершенно верно!). Однако кустарническая пропаганда комитетов без всякого содействия центров не может дать достаточного контингента *вполне сознательных* с.-д. из рабочих, годных на роли комитетских руководителей. Мы долго искали рабочих для введения в комитет и только с осени могли осуществить эту задачу.

Воровский. Конечно, меньшевики внесли массу разврата и дезорганизации своей демагогией. Но ведь демагогия принесла плоды, она нашла почву. Значит, что-то было неладно, что-то благоприятствовало тому, что демагогические выходки дали такой пышный цветок. И состав комитетов, и состав настоящего собрания свидетельствуют о преобладающе-интеллигентском характере верхов нашей партии. В пролетарской партии это, безусловно, аномалия.

Луначарский. Более или менее замкнутый комитет—единственно пригодная организационная форма при политических условиях России, и нам волей-неволей приходится отстаивать эту форму. Но рабочие совершенно законно стремятся к тому, чтобы построить свою пролетарскую партию на новых, широких, свободных началах. Надо открыть предохранительные клапаны.

Рыков. Тов. Аксельрод совершенно правильно указывал в свое время, что вопрос об отношении интеллигентов к рабочим есть вопрос об отношении центров организации к низам ее. Вражду внутри партии они (т. е. сторонники резолюции.—*Г. Кр.*) объясняют враждою между рабочими и интеллигентами, а между тем во всех столкновениях всегда во главе оппозиции периферии стоят интеллигенты.

Ленин. В эпоху экономизма носителями революционных идей были рабочие, а не интеллигенты. Я давно уже в своих печатных произведениях советовал, чтобы в комитеты вводили рабочих в возможно большем числе. Если в Саратове в комитет ввели только одного рабочего, то, значит, не умели выбрать подходящих людей из рабочих. Несомненно, что это обусловливалось и расколом внутри партии: борьба из-за отстаивания комитетов вредно отразилась на практической работе. Задача будущего центра—переорганизовать значительное число наших комитетов,—*необходимо преодолеть инертность.* Я слышу, что Рыков свистит, а некомитетчики хлопают. Вводить рабочих в комитеты есть не только педагогическая, но и политическая задача. У рабочих есть классовый инстинкт, и при небольшом политическом навыке рабочие довольно скоро делаются выдержанными с.-д. Я очень сочувствовал бы тому, чтобы в составе наших комитетов на каждых двух интеллигентов было 8 рабочих. Если совет, высказанный в литературе,—по возможности вводить рабочих в комитеты,—оказался недостаточным, то было бы целесообразно, чтобы такой совет был высказан от имени съезда.

Постоловский. Критерий для приема в комитет рабочих должен быть не тот, какой прилагается к интеллигентам. Студенты 1 и 2 курса, знакомые с с.-д. идеями по Эрфуртской программе и нескольким номерам «Искры», признаются уже выдержанными с.-д. К интеллигентам на практике предъявляются очень низкие требования, а к рабочим непомерно высокие (крики: *Ленин:* Совершенно верно! *Большинство голосов:* Неверно!). Единственно правильным критерием для приема рабочих в комитеты должна быть степень их влияния в массах (свист, крики).

Красиков. Если на партийные съезды является ничтожный процент

рабочих, то это значит—работа всей партии идет плохо. В Бунде этого жгучего вопроса нет (*Ленин:* Слушайте!). Рабочие—бывшие рабочедельцы и старые работники нашей партии,—все находятся в наших рядах, в рядах революционной социал-демократии, в то время как интеллигенты Акимовы и Мартыновы продолжают сохранять свою оппортунистическую физиономию.

Анашкин. Я против принятия предложенной резолюции. О пожеланиях, чтобы рабочие были в комитетах, мы слышали уже давно, еще в «Союзе борьбы». Все это одни слова... Говорят здесь, что нет таких рабочих, которых можно было бы принимать в комитеты. Я не понимаю, как здесь могли выносить резолюции о вооруженном восстании и временном правительстве, если у нас нет рабочих—сознательных с.-д. Из Петербурга не прислали на съезд ни одного рабочего, хотя бы с совещательным голосом!

Румянцев. В Петербургском комитете только один рабочий (Липшиц.—*Г. Кр.*), несмотря на то, что работа в Петербурге ведется 15 лет (*Ленин:* Безобразие!).

Богданов. Если реальна самая демагогия,—а ее реальность иллюстрируется разрушением целых организаций,—то реален и порожденный ею вопрос. Съезд знал, когда поставил этот пункт в своем порядке дня *(Ленин:* Совершенно верно!) Одно дело—пожелания отдельных авторов в литературе, другое дело—определенная, выраженная в резолюции воля партийного съезда—верховного органа партии (*Ленин:* Правильно!) Надо итти в сторону демократизма. Жизнь дает новые возможности.

Десницкий. Рабочих, сознательных с.-д., могущих руководить движением местным, а тем более общерусским—из ЦК—у нас слишком мало.

Луначарский. Рабочим кандидатам предъявляются чрезмерные требования (напр., от них требуется умение сноситься с обществом.—*Г. Кр.*).

Обухов. Введению рабочих в комитеты препятствовало то, что от комитетчика требовалась своего рода специализация в «кооптационных» вопросах.

Джапаридзе. Удивляюсь, когда говорят, что нет рабочих, способных быть комитетчиками. Наоборот (*Ленин:* Слушайте! Слушайте!), их такое количество, что всех нет возможности включить в комитет и приходится вводить их в районные комитеты, которым поэтому необходимо дать решающий голос.

Авилов. Бедные комитетчики как будто отстаивают свои права против рабочих.

Рыков и Лосев вносят резолюцию: Съезд считает излишним выносить особую резолюцию об отношении рабочих и интеллигентов и переходит к следующему вопросу порядка дня.

Ленин. Я не мог сидеть спокойно, когда говорили, что рабочих, годных в члены комитета, нет. Вопрос оттягивается; очевидно, в партии есть болезнь. Рабочих надо вводить в комитеты. Удивительно: литераторов на съезде всего три, остальные комитетчики, а между тем литераторы—за

введение рабочих, а комитетчики—почему-то горячатся. Заявления тт. Джапаридзе и Постоловского в высшей степени ценны.

Красиков. В комитетах существует какая-то рабочая боязнь.

Квиткин. Резолюция не нужна. Не нужно пускать незрелых людей в комитеты.

Резолюция Рыкова и Лосева принята. Против голосовали Ленин, Румянцев, Джапаридзе, Красиков, Цхакая, Саммер, Посоловский, Леман, Богданов и Воровский; Анашкин воздержался.

Надо сказать, что отношение рабочих и интеллигентов вовсе не было так плохо в наших организациях, как может показаться по прочтении приведенных выписок из протоколов съезда. Краски несколько сгущены. В ряде комитетов рабочие были достаточно представлены. Указания на это есть в выступлениях делегатов. Демагогическое раздувание меньшевиками несогласий между периферией и комитетом объясняет страстность выступлений комитетчиков. И все же мы, комитетчики, были неправы, выступая против резолюции. Ибо то, что было только терпимо до 9 января, до выступления классов и партий на открытую арену, то грозило отбросить партию от масс в эпоху развертывающихся бурных событий. Здесь надо было ввести совершенно новые темпы «выдвиженчества» руководителей из влиятельных рабочих. Иначе уроки гапоновщины прошли бы неучтенными.

Провалив эту резолюцию, комитетчики частью содержание ее ввели в резолюцию о пропаганде и агитации. Пункт 2 этой резолюции говорит о необходимости усиления работы над подготовкой руководителей из рабочих.

Кроме указанного пункта, в резолюции о пропаганде и агитации говорится о поручении Центральному комитету создать литературно-пропагандистскую группу для подготовки брошюр и программ, затем постановление организовать популярный орган в России и разъездные группы агитаторов и пропагандистов (предложение Ленина.—*Г. Кр.*). Наконец, ЦК предложено издавать литературу на жаргоне украинском и др. языках.

Кроме резолюций, упомянутых нами в нашем очерке, съездом были приняты следующие резолюции: 1) о конституировании съезда (резолюция Ленина), 2) по поводу событий на Кавказе (рез. Ленина), 3) о расстрелах в Польше, 4) о национальных социал-демократических организациях, 5) о материальной поддержке партии, 6) о Комитете заграничных организаций, 7) о немедленном вступлении ЦК в должность (рез. Ленина), 8) об осведомлении периферии, 9) о периодических конференциях комитетов, 10) о двухнедельных отчетах организаций и 11) о протокольной комиссии.

В комиссию по изданиям протоколов съезда были избраны: Н. К. Крупская, В. В. Воровский и В. М. Обухов.

Протоколы, помимо материалов по рассмотренным нами вопросам,

содержат ценнейшие данные о фактическом положении партийных организаций в эпоху первой революции. Исключительно ценный материал о технике работы ЦК содержится в докладах Красина и Любимова, делавших отчет ЦК съезду, а также в докладах Красина же и Богданова, отчитывавшихся перед съездом в качестве членов Организационного комитета по созыву съезда. Нет только в этих докладах сведений о методах политического руководства со стороны ЦК. Но это и понятно. «Примиренческий» ЦК политического руководства и не осуществлял.

О РАБОТЕ ЛЕНИНА НА СЪЕЗДЕ

Чрезвычайно важное значение имеет ознакомление с той работой, которая проделана Лениным в связи со съездом. Прежде всего бросается в глаза необычайно большой объем этой работы. К съездовским работам Ленин готовится исподволь, не говоря уже о той громадной энергии, которая была положена им в борьбе за съезд, с конца 1903 г. и по апрель 1905. Ленин с величайшим вниманием и точностью прорабатывает все основные вопросы, подлежавшие рассмотрению съезда, еще за два месяца до съезда.

О том, как тщательно подготовлял Ленин новые вопросы, рожденные революцией, достаточно красноречиво свидетельствуют документы, опубликованные в V Ленинском сборнике. Очень характерна в этом отношении воспроизведенная с рукописи статья Ленина «Новые задачи и новые силы», со всеми этапами подготовительной к ней работы (см. Сборник, стр. 95—115).

В очень ценном документе, опубликованном в Ленинском сборнике, озаглавленном «Общий план работ съезда», Ленин делает сводку основных положений и ответов большевизма на все вопросы, как внутрипартийного кризиса, так и вопросы политические. В ряде статей он подготовляет партийные ряды к решению вопросов о временном правительстве, о восстании, об отношении к крестьянскому движению и т. д.

Заранее публикует он проект порядка дня съезда, пишет анкеты для делегатов. На съезде Ленин ведет дневник съезда, в котором, помимо общих отметок о выступлениях (с фиксированием продолжительности речи оратора с точностью до полуминуты), набрасывает в виде трех групп характеристику делегатов. Часть отнесена к агитаторам, часть—к пропагандистам и часть—к организаторам. Словно заботливый хозяин, он берет на учет живой инвентарь, намечает склонности отдельных работников для дальнейшего использования их на партийной работе. Участвуя в работе всех пленумов съезда, Ленин успевает принимать участие, и притом весьма активное, в большинстве комиссий; почти все проекты резолюций написаны им. Всех отдельных выступлений Ленина на съезде (считая доклады, речи и реплики) зарегистрировано 88, не считая свыше 60 выступлений его в качестве председателя съезда. Надо сказать, что на съезде Ленин успевает полностью просмотреть и проредактировать (в

гранках) корректуру присланного т. М. С. Ольминским из Женевы очередного номера (17-го) «Вперед».

А ведь на съезде Ленин имел такие ответственные доклады, как о временном правительстве и об отношении к крестьянскому движению и др. Сразу же по окончании съезда в Лондоне Ленин проводит 10 мая первый пленум первого большевистского ЦК. Рукопись протокола пленума, написанного рукой Ленина, сохранилась. В этом документе кратенько обрисована структура Центрального комитета, дается шифр для переписки цекистов, между прочим, цекисты в переписке должны были называть себя Дон-Жуанами, центр. орган получил имя Донна-Анна. Ленин тщательно указывает функции отдельных членов ЦК, между прочим из этого протокола мы видим, что ответственным редактором ЦО был назначен Ленин, ответственным техником Красин, Рыкову и Постоловскому поручалась организационная связь с комитетами, Богданов делался ответственным литератором России. Указаны областные и центральные бюро ЦК. Надежда Константиновна, которая поражала нас точным знанием как личного состава, так и положения дел в комитетах, назначалась секретарем Заграничного бюро ЦК. Указаны, где и какие есть техники, точно указаны районы объездов делегатов после съезда, зафиксирована кассовая наличность первого ЦК (360 руб. и 1 000 р. дефицита).

В дневнике имеется список лиц, среди которых находятся между прочим Каменев, Крамольников и др. и лаконически записано «из Лондона в Женеву». Я значительно позже понял смысл этой надписи: это значит, молодых и неопытных комитетчиков до тех пор, пока они поедут в Россию, необходимо проинструктировать и поработать над ними непосредственно Ленину в Женеве. Сразу по приезде в Женеву Ленин организует два доклада: один—замкнутый, инструктивный, для нас, делегатов; другой—открытый, на котором выступал Мартов (см. V Лен. сб., стр. 185—191).

Ленин готовит ряд статей для № 1 «Пролетария» и в первую очередь «Извещение о съезде». Подготовляет перевод «Извещения» и резолюций на французском, немецком языках; для брошюры на еврейском языке пишет предисловие. Сразу же садится за изучение результатов съезда и дает блестящий анализ сравнительного значения работ съезда и меньшевистской конференции в брошюре «Две тактики соц.-демократии в демократической революции». В ряде статей развертывает, конкретизирует идеи, данные в резолюциях, начинает цельную кампанию, связанную с популяризацией решений съезда. Ленин не устает вновь и вновь давать повторные трактовки по новым поводам, с новой стороны вопросов, связанных с решениями съезда, считая, что партийные решения, данные съездом, должны служить отправным пунктом всей работы партии после съезда. Вот эта черта не только идею бросить, но и добиться, чтобы она дошла до сознания самой маленькой ячейки, самых отсталых членов партии, необычайно ценна у Ленина.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

О значении III съезда нами сказано во вступлении к очерку. Мы говорили о той крупнейшей роли, которую сыграл съезд в революции, подготовляя пролетариат к роли гегемона и к осуществлению боевого союза его с крестьянством в борьбе с царизмом и крепостничеством. Как мы сказали, конституирование III съезда РСДРП, этого первого большевистского съезда, было первым шагом к конституированию самостоятельной большевистской партии. Правда, сам большевизм в ту эпоху мнил себя еще лишь левым крылом РСДРП и рассматривал этап раздельного существования фракций как переходную стадию для будущего единства, но самый факт существования отдельной партии со своими центральными учреждениями дал опыт, вполне оцененный партией лишь в позднейшие годы свирепой реакции в стране. Съезд подпольщиков, «профессиональных революционеров» сохранил верность основным установкам, данным Лениным в «Что делать» и в старой «Искре». В бурные дни октября—декабря комитетчики проявили более творчества, инициативы и способности к переорганизации, чем их противники, стращавшие «профессионалов» опасностью окостенеть, замкнуться в своей ячейке и пр.

Дальнейшие события наглядно показали правильность пути, на котором стоял съезд в своих работах. Блестяще проведенный бойкот Булыгинской думы показал, что партия всерьез берет директивы своего съезда. Соединение стачки с восстанием, осуществленное в дни октября—декабря 1905 г., было прямо указано в резолюции о вооруженном восстании.

И если на съезде и были шероховатости, если отдельными делегатами и проявлена недостаточная подвижность при переходе на новые рельсы работы, то, наряду с этим, ценной оказалась та настойчивость, с какой подпольщик отстаивал лучшие стороны боевой организации профессиональных революционеров. Неподвижность была вскоре на практике изжита, а навыки конспираторов оказали неоценимую услугу партии, когда после «дней свободы» ей снова пришлось долгие годы бороться с царизмом в потемках подполья.

Подытоживая обзор работ съезда в своей брошюре «Две тактики социал-демократии в демократической революции», Ленин следующими словами заканчивает брошюру:

«Революции—локомотивы истории,—говорил Маркс. Революции—праздник угнетенных и эксплоатируемых. Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции. В такие времена народ способен на чудеса, с точки зрения узкой, мещанской мерки постепеновского прогресса. Но надо, чтобы и руководители революционных партий шире и смелее ставили свои задачи в такое время, чтобы их лозунги шли всегда впереди революционной самодеятельности масс, служа маяком для нее, показывая во всем его величии и во всей его прелести наш демократический и социалисти-

ческий идеал, показывая самый близкий, самый прямой путь к полной, безусловной, решительной победе. Предоставим оппортунистам «освободженской» буржуазии сочинять, из страха перед революцией и из страха перед прямым путем, обходные, окольные, компромиссные пути. Если нас силой заставят волочиться по таким путям, мы сумеем исполнить свой долг и на мелкой будничной работе. Но пусть сначала беспощадная борьба решит вопрос о выборе пути. Мы окажемся изменниками и предателями революции, если мы не используем этой праздничной энергии масс и их революционного энтузиазма для беспощадной и беззаветной борьбы за прямой и решительный путь. Пусть оппортунисты буржуазии трусливо думают о будущей реакции. Рабочих не испугает мысль ни о том, что реакция собирается быть страшной, ни о том, что буржуазия собирается отшатнуться. Рабочие не ждут сделок, не просят подачек, они стремятся к тому, чтобы беспощадно раздавить реакционные силы, т. е. *к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства*». (Соч. т. VIII, стр. 104—105).

Эти огненные строки заставляют всех участников III съезда вспомнить день 1 мая 1905 г., когда Ильич делал свой доклад о Временном революционном правительстве. Этими же мыслями согрет был и доклад и все тактические резолюции III съезда.

Г. Крамольников

К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА О НЕКАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ПУТИ РАЗВИТИЯ ОТСТАЛЫХ СТРАН

Октябрьским переворотом открылась эпоха мировой пролетарской революции. Началась социалистическая переделка всего человеческого общества, смена капитализма принципиально иной, более высокой общественной формацией.

Но было бы неправильно представлять, что весь этот процесс перестройки человеческого общества совершается сразу, по мановению волшебной палочки, в какие-то исключительно короткие сроки. Так же неверным было бы представление о мировой революции, как об однохарактерном во всех частях, как об одновременном и однократном акте. В действительности мировой революционный процесс состоит из разнородных вначале по своему характеру движений; совершается он далеко не сразу и протекает в отдельных своих частях через различные этапы.

Программа Коминтерна следующим образом обобщает взгляды основоположников марксизма на процесс мировой пролетарской революции:

«Международная революция пролетариата складывается из разновременных и разнородных процессов: чисто пролетарских революций; революций буржуазно-демократического типа, перерастающих в революции пролетариата; освободительных национальных войн; колониальных революций. Лишь *в конечном счете* революционный процесс приводит *к мировой диктатуре пролетариата*».

С первого взгляда может показаться странным то обстоятельство, что буржуазно-демократические революции входят как бы составной частью в процесс мировой пролетарской революции.

Но ясно, что в программе Коминтерна речь идет не об обычных буржуазных или буржуазно-демократических революциях. Речь идет не о тех буржуазных революциях, которые происходили в эпоху подъема и расцвета капитализма, которые расчищали пути для капиталистического развития, которые шли под руководством буржуазии, игравшей революционную роль, когда последняя, как скажем к примеру, «французская буржуазия 1789 г. ни на минуту не покидала своих союзников, крестьян» (Маркс) [1].

Этот период, когда крупная буржуазия возглавляла революционную

---

[1] Цитирую по Ленину, Собр. соч., том XI, часть 1, стр. 232.

расчистку общественных отношений от феодальных пут, давно миновал. Мы можем считать, что уже во всех странах, как правило, произошел тот переломный момент, когда буржуазия перестала быть революционным фактором и, наоборот, прочно стала на контрреволюционные позиции. Уместно вспомнить, что говорил Энгельс в предисловии к «Крестьянской войне в Германии» об этом переломном моменте.

«Своеобразная особенность буржуазии по сравнению со всеми остальными господствовавшими ранее классами состоит в том, что в ее развитии имеется поворотный пункт, после которого всякое дальнейшее увеличение средств ее могущества, и в первую очередь ее капиталов, приводит лишь к тому, что она становится все более и более неспособной к политическому господству. *«За спиной крупной буржуазии стоит пролетариат»*. В той же мере, в которой буржуазия развивает свою промышленность, торговлю и средства сношений, в той же мере она порождает пролетариат. И в определенный момент, который наступает всюду не всегда одновременно и необязательно на одинаковой ступени развития, она начинает замечать, что ее спутник—пролетариат начинает перерастать ее. С этого момента она теряет способность к исключительному политическому господству; она ищет вокруг себя союзников, с которыми, смотря по обстоятельствам, она или делит свое господство, или уступает его им совершенно».

В России этот переломный момент отметился уже в период первой революции 1905 г., когда буржуазия пошла на союз с реакцией, переметнулась в лагерь царизма для того, чтобы совместными силами подавить движение рабочего класса. Как известно, в Германии переход буржуазии на контрреволюционные рельсы произошел еще раньше. Вот как Маркс оценивал позицию буржуазии в германской революции 1848 г. «Крупная буржуазия, антиреволюционная с самого начала, заключила оборонительный и наступательный союз с реакцией из страха перед народом, т. е. перед рабочими и демократической буржуазией (крестьянство)... Немецкая буржуазия без всякого зазрения совести предает крестьян».

Мы видим, таким образом, что в деле свержения феодального или полуфеодального режима роль русской буржуазии 1905 г. или германской 1848 г. должна была в корне отличаться от той, которую сыграла в иных в этом отношении исторических условиях французская буржуазия в революции 1789 г. И германская и русская буржуазия уже в предреволюционный период успели развеять свою оппозиционность, а в полосу самих революционных бурь продемонстрировали капитулянство перед силами феодальной реакции и смертельную боязнь перед поднявшимся к борьбе рабочим классом, в лице которого и русская и германская буржуазия не без основания усматривала более опасного врага, более серьезную угрозу ее классовым интересам.

Подобная позиция буржуазии, конечно, не снимала с порядка дня буржуазно-демократические революции в тех странах, где феодальные или полуфеодальные отношения продолжали существовать и тормозить по-

следующее развитие. Но буржуазия в этих странах не только переставала быть носительницей буржуазного характера революции, не только исключалась из движущих сил революции, но более того, благодаря ее союзу с представителями феодального или полуфеодального режима, превращалась в фактор, лишь в борьбе с которым могла достигнуть победы буржуазно-демократическая революция.

Перемена позиции буржуазии приводила к тому, что движущими силами революции оказывались пролетариат и крестьянство. Причем крестьянство выступало в качестве носителя буржуазного характера этих революций, а пролетариат выдвигался на авансцену в качестве организатора и руководителя крестьянских масс. Этим самым буржуазно-демократические революции приобретали несколько иной характер, становились «не совсем обычного типа». Сохраняя буржуазное содержание, эти революции разворачивались не только помимо участия буржуазии, но и против нее.

Не мог возбуждать сомнений вопрос и о том, должен ли пролетариат принимать участие в революции, не носящей непосредственно социалистический характер. Достаточно ясно выступала заинтересованность пролетариата в успешном завершении буржуазно-демократической революции. Классический ответ на этот вопрос мы находим у Ленина. «*Буржуазная* революция в *высшей степени выгодна пролетариату*. Буржуазная революция *безусловно* необходима в интересах пролетариата. Чем сильнее и решительнее, чем последовательнее будет буржуазная революция, тем обеспеченнее будет борьба пролетариата с буржуазией за социализм» [1].

Эти указания Ленина целиком базировались на известных положениях Маркса, в которых последний призывал рабочих к активному участию в буржуазно-демократической революции, признавая ее необходимым условием революции рабочего класса. В то же время Маркс подчеркивал, что рабочие «ни на одну секунду не должны видеть в буржуазной революции свою конечную цель».

В результате отмеченных нами изменений буржуазно-демократические революции приобретают как бы новое качество. Взамен прежних буржуазных революций, утверждавших господство буржуазии и открывавших широкую дорогу капиталистическому развитию—эти революции в настоящих исторических условиях преследуют задачей не только радикальную ломку всех пережитков феодальных отношений, они характеризуются не только тем, что расчищают поле для классовой борьбы пролетариата против буржуазии, но они сразу же превращаются в этап, означающий подготовку предпосылок пролетарской диктатуры и социалистической революции.

Таким образом в этих революциях сказывается новая черта—это

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. VI, стр. 330. Курсив Ленина.

тенденция к перерастанию буржуазно-демократической революции в социалистическую.

В результате неравномерного развития капитализма сложилась с точки зрения мировой социалистической революции довольно пестрая картина. В ряде стран вызрели или вызревают предпосылки непосредственно пролетарской революции. В других странах, позже вступивших на путь капиталистического развития или в которых, в результате разных причин, произошла задержка буржуазной революции, последняя становится преддверием социалистической революции пролетариата.

Этот изменившийся характер буржуазно-демократических революций был предусмотрен еще Марксом. Именно это положение послужило основанием для разработки Марксом теории непрерывной революции, сущность которой сводилась к тому, что революция должна развиваться непрерывно по восходящей линии «до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти». Позже эта теория была уточнена и конкретизирована Лениным в его учении о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Непосредственная близость и связанность буржуазно-демократической революции с пролетарской не могла служить поводом к ошибочному выводу о возможности перескоков в соответствующих странах через буржуазно-демократическую революцию, продолжающую оставаться и в этих странах необходимой промежуточной ступенью к революции пролетарской. В этом отношении показателен опыт революции 1917 г. в бывшей царской России, в этой империалистической тогда стране, которую война подвела к социалистическому перевороту, но которая, по меткому выражению Ленина, была оплетена «особенно густой сетью отношений докапиталистических».

«Именно большевики строго учли различие буржуазно-демократической революции от социалистической: доведя до конца первую, они открыли дверь для перехода ко второй. Это—единственно революционная и единственно марксистская политика» [1].

Но тот же Ленин, не стиравший граней между буржуазно-демократической и социалистической революцией, предостерегавший от перепрыгивания через буржуазно-демократический этап, в то же время подчеркивал, что «пытаться поставить искусственную китайскую стену между той и другой, отделить их друг от друга чем-либо иным, *кроме* степени подготовки пролетариата и степени объединения его с деревенской беднотой, есть величайшее извращение марксизма, опошление его, замена либерализмом» [2].

Эта ленинская формула перехода, перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую включает в себя целый ряд кон-

[1] Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 519.

[2] Там же, стр. 509. Курсив, как и во всех неоговоренных местах, принадлежит Ленину.

кретных условий. В самом деле, не трудно убедиться, что от целого ряда исторических и общеполитических условий зависит степень подготовки пролетариата и степень объединения его с деревенской беднотой, зависит, следовательно, возможность перерастания революции. В этом смысле, конечно, не может быть речи о перерастании, если в данной стране нет в наличии развитых до известной степени капиталистических противоречий, если борьба развивается только против феодально-крепостнических отношений и если отсутствует вовсе или находится в зачаточном состоянии классовая борьба пролетариата против буржуазии как в городе, так и в деревне. Таким образом, перерастание революции, предполагая известную степень подготовки пролетариата, предполагает, тем самым, известное развитие капиталистических отношений в данной стране. Лишь при наличии двух линий социальной войны возможно перерастание революции, означающее перенесение центра тяжести борьбы от первой линии ко второй.

С другой стороны, возможность перерастания революции обусловливается также изоляцией буржуазии от влияния на трудящиеся массы, парализацией ее попыток возглавить революцию с тем, чтобы ее обкарнать и обезглавить. Тем самым, нужно, чтобы буржуазно-демократическая революция вылилась в крестьянскую революцию, руководимую пролетариатом. Но и это еще не все. Революция может подняться на высшую ступень только в том еще случае, если пролетариату удастся присоединить к себе сельский пролетариат и деревенскую бедноту и повести их под своим руководством в наступление уже против буржуазных отношений. Понятно, что успешность осуществления задач революции на первом этапе и установление гегемонии пролетариата с самых начальных моментов революции, в свою очередь, должны сказаться на степени объединения пролетариата с деревенской беднотой и, тем самым, на возможности и темпе перерастания революции.

До сих пор мы говорили о внутренних условиях перерастания революции. Конечно, в дополнение к ним необходима благоприятная международная обстановка—как по линии обострения противоречий империализма, по линии обострения борьбы между империалистическими державами, так и в смысле наличия революционной ситуации в странах, непосредственно стоящих перед пролетарским переворотом. Понятно, что эта международная обстановка, в свою очередь, должна содействовать, а в известных случаях и предопределять возможность перехода революции в данной стране от буржуазного к пролетарскому этапу.

Но эти общие условия перерастания далеко еще не исчерпывают вопроса о ходе, форме и темпе перерастания революции, зависящих от конкретных исторических и общеполитических условий. Не вдаваясь в анализ (даже в той мере, в какой это возможно) различных вариаций перерастания революции по отношению к разным группам стран (классифицируемых в зависимости от общего уровня их развития, соотношения классовых сил, конкретных исторических условий и т. д.), мы хотели бы

коснуться лишь вопроса о том влиянии, которое оказывают *общие* исторические условия на постановку вопроса о перерастании революции. В этом отношении мы должны провести известное отличие в постановке вопроса о перерастании буржуазно-демократической революции, происходящей хотя и под гегемонией пролетариата, но еще *при восходящей линии капитализма* в данной стране, от перерастания буржуазно-демократической революции, совершающейся в эпоху развитого империализма, обнаженных и обостренных его противоречий, *в эпоху общего краха капитализма* и начавшейся мировой пролетарской революции.

Во избежание неправильного понимания тут же оговоримся, что, когда мы говорим о развитии капитализма по восходящей линии, мы имеем в виду не только и не столько способность капитализма развивать производительные силы, расширять материальное производство, но и отсутствие такого обострения капиталистических противоречий и, в первую очередь, между трудом и капиталом, когда не только пролетарские, но и полупролетарские массы видят безвыходность своего положения при капитализме и выступают на решающую с ним борьбу. Точно так же, когда мы говорим об эпохе империализма и общего краха капитализма, мы не предполагаем под этим непрерывно сокращающееся материальное производство и *полную* неспособность капитализма к дальнейшему промышленному развитию. Известно, что Ленин с точки зрения экономической сущности характеризовал империализм, как загнивающий и умирающий капитализм, как последнюю его ступень. Но тот же Ленин не исключал в эпоху империализма возможности роста капитализма по отдельным отраслям промышленности, в отдельных странах и даже капитализма в целом. Но рост этого становится все более неравномерным, все более конвульсивным, все чаще прерываемый судорогами экономических кризисов, сопряженный со все большими бедствиями основных масс населения и с сильнейшим углублением классовых антагонизмов, приводящий к войнам, к неслыханному обострению всех противоречий, разряжающихся крахом всей капиталистической системы.

После этой вынужденной оговорки вернемся к интересующему нас вопросу о различной постановке вопроса о перерастании революции в зависимости от общих исторических условий, в которых она происходит. Придавая этому вопросу, с точки зрения нашей темы, очень важное значение, мы хотели бы для лучшего его уяснения, хотя бы бегло, остановиться на опыте революции 1905 года в России для того, чтобы установить известное отличие в постановке вопроса о перерастании революции применительно к тогдашним условиям России и в нынешнюю эпоху мировой пролетарской революции. Приведем раньше всего одно место из Ленина, в котором он в общей форме намечает это отличие.

«А Индия и Китай кипят. Это—свыше 700 миллионов человек. Это с добавлением окрестных и вполне подобных им азиатских стран—большая половина населения земли. Там надвигается, неудержимо и все быстрее надвигается, 1905 г. с *тем существенным и громадным отличием, что*

в 1905 г. революция в России могла еще пройти (по крайней мере сначала) изолированно, т. е. не втягивая сразу в революцию другие страны. А растущая в Индии и в Китае революция уже сейчас втягивается в революционную борьбу, в революционное движение, в международную революцию» [1].

В приведенной нами цитате нас в данном случае интересует вторая, подчеркнутая нами часть, в которой констатируется «существенное и громадное» отличие в общих условиях революции 1905 г. в России и в надвигающихся в переживаемую нами эпоху революциях в Китае и в Индии. Не следует упускать из виду, что эта общая оценка давалась Лениным в 1922 г., когда Ленин имел возможность бросить ретроспективный взгляд на нашу революцию 1905 г. Уже не в порядке прогноза, предвидения, а с сознанием всего последующего исторического опыта, Ленин указывает, что наша революция 1905 года «могла еще пройти (по крайней мере, сначала) изолированно».

Для того, чтобы сделать правильные выводы из приведенной нами выдержки, необходимо хотя бы кратко установить программу, этапы и перспективы революции 1905 года, как они рисовались тогда большевикам, в частности Ленину. Напомним раньше всего, какие задачи ставились перед революцией 1905 г. При победоносной буржуазно-демократической революции 1905 г.,—писал Ленин,—«содержание переворота=создание демократического и политического строя, равносильное по своему экономическому значению, (1) *освобождению* развития капитализма; (2) уничтожению остатков крепостничества; (3) повышению жизненного уровня и культурного уровня массы населения, особенно низов его» [2]. Как видим, здесь Ленин экономическое содержание революции усматривает в освобождении развития капитализма, признавая тем самым русский капитализм способным развиваться по восходящей линии. Эта же мысль подчеркивается Лениным в его набросках «Картины временного революционного правительства». В этих набросках в качестве перспективы революции устанавливается «гигантское развитие *капиталистического* прогресса» и дальше ведется речь о будущем революционно-демократической диктатуры, которое ставится в прямую связь, как и в других местах у Ленина, с революционным пожаром Европы.

В корне неверным было бы отсюда приходить к выводу, что большевики предполагали после победы буржуазно-демократической революции свертывать оружие пролетариата, добровольно передать власть буржуазии, откладывая на известный срок борьбу за социализм. Нет, таких планов, конечно, не было. Большевики и Ленин в том числе понимали, что вопрос о дальнейших судьбах будет решаться ожесточенной классовой борьбой. Вот что по этому поводу писал Ленин: «Война: из рук в руки переходит *крепость*. Либо буржуазия свергает революционную дик-

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 69. Курсив мой.

[2] V Лен. сб. стр. 444, 445. Курсив мой.

татуру пролетариата и крестьянства, либо эта диктатура зажигает Европу и тогда?..»[1].

Мы видим, таким образом, что буржуазно-демократическая революция 1905 года должна была очистить производственные отношения в России от феодальных пут, должна была освободить дорогу капиталистическому развитию, причем дальнейшее углубление революции ставилось в зависимость от последующего хода классовой борьбы. Ленин при этом неоднократно подчеркивал, что у нас было достаточно внутренних условий, чтобы победить в буржуазно-демократической революции, но у нас было недостаточно своих собственных сил, чтобы удержать плоды победы, особенно, когда пролетариат «от свободы пойдет к социализму».

Но возможность перерастания революции и перехода российского пролетариата к прямой борьбе за социализм Ленин вовсе не считал тогда безнадежной, а, наоборот, вполне реальной при условии поддержки русской революции со стороны западно-европейского пролетариата. Такого рода перспектива давалась Лениным в 6 пункте «Этапов, направлений и перспектив революции».

«...растет и разгорается новый кризис и новая борьба, причем пролетариат борется уже за сохранение демократических завоеваний ради социалистического переворота. Эта борьба была бы почти безнадежна для одного российского пролетариата и его поражение было бы так же неизбежно, как поражение немецкой революционной партии в 1849—1850 гг. или как поражение французского пролетариата в 1871 г., *если бы* на помощь российскому пролетариату не пришел европейский социалистический пролетариат» [2].

Суммируя высказывания Ленина по поводу революции 1905 года, мы

---

[1] V Лен. сб., стр. 447.

[2] Там же, стр. 452.

Кстати, нам кажется неверной интерпретация К. А. Поповым (см. его статью «Об исторических условиях перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую») ленинской постановки вопроса о внешних и внутренних условиях перерастания революции 1905 г. Смешав в одну кучу ленинскую постановку вопроса об абсолютной и относительной гарантии от *реставрации* с вопросом о внешних и внутренних условиях *перерастания* революции 1905 г., К. А. Попов приходит к ничем недоказанному выводу (прямо противоречащему приводимым им же цитатам), что по Ленину в 1905 г. «социалистический переворот в Европе является безусловно абсолютной *гарантией* перерастания революции в России, но не его абсолютно необходимым *условием*». Этим положением Попов обосновывает ошибочность троцкизма, который, как в 1905 г., так и по вопросу о строительстве социализма в нашей стране, проявляет непонимание взаимоотношения между абсолютной и условной гарантией. По нашему мнению, критика неудачна. Попов допускает ту же *методологическую* ошибку, что и троцкизм, тем, что не видит никакого различия между условиями социалистической революции в 1917 г. и конкретно-исторической обстановкой революции 1905 года. Именно для Троцкого это было характерно, так как он перескакивал через буржуазно-демократический этап, не понимал тем самым характера перерастания революции в разных исторических условиях и одинаково с точки зрения своей перманентки решал проблемы обеих революций. Диалектический, конкретно-исторический подход отсутствует и у Попова.

должны констатировать, что общий его план заключался в том, что русская буржуазно-демократическая революция должна была послужить прологом западно-европейской пролетарской революции, помощь же последней должна была обеспечить переход ее на высшую, социалистическую ступень. И если принять во внимание отмеченные нами моменты, то перерастание русской революции могло мыслиться лишь как длительный процесс. Ко всему прочему обусловливалось оно также полной завершенностью буржуазно-демократического этапа революции и становилось возможным лишь после разрешения всех его задач. Слияние, переплетание демократического с социалистическим этапом в основном тем самым как бы и не намечалось. Это между прочим вытекало и из положения Ленина о том, что революция 1905 года могла по крайней мере сначала протекать изолированно.

Правда, Ленин, сравнивая обстановку Великой французской революции с условиями революции 1905 г. в России, видел ряд преимуществ на стороне последней. Прежде всего они проистекали из того, что Франция конца XVIII века окружена была отсталыми, полуфеодальными странами, служившими резервом реакции, а «Россия начала XX века, в эпоху своей буржуазно-демократической революции, окружена гораздо более передовыми странами, в которых есть налицо социальная сила, способная стать резервом революции» [1]. Но обстановка революции 1905 года давала далеко не самое максимально благоприятное сочетание внешних и внутренних условий.

С точки зрения внешних или международных условий существовала возможность для революции 1905 г., по крайней мере сначала, протекать изолированно. Неблагоприятным показателем внутренних условий в основном являлось то обстоятельство, что русский капитализм способен был еще развиваться по восходящей линии. Оба эти фактора не могли не приводить к тому, что перерастание буржуазно-демократической революции в 1905 г. в социалистическую, переход ее на высшую ступень мог мыслиться как замедленный в значительной мере процесс, с возможными перерывами, временными поражениями, частичными отступлениями, даже полосами реакции и т. д.

С одной стороны, эта замедленность процесса перерастания революции должна была являться следствием возможной задержки в помощи западно-европейского пролетариата. С другой стороны, победа буржуазно-демократической революции при тогдашних условиях означала более свободное, усиленное развитие капиталистических отношений, что на первых порах не могло не затруднять задачу по завоеванию деревенской бедноты на сторону пролетариата. Задержка в помощи западного пролетариата тогда и развитие капитализма в России по восходящей линии не могли не затруднить присоединение деревенской бедноты к пролетариату, превра-

---

[1] Ленин, Собр. соч., IX том, стр. 429. Социальная сила — это западный пролетариат, который «стоит во всеоружии накануне последней схватки с буржуазией».

щая это присоединение в длительный процесс. Вспомним, что говорил Ленин о позиции мелкого товаропроизводителя при благоприятных условиях развития капитализма, когда гнет его еще не осознается и не толкает на борьбу против буржуазных отношений.

«Мелкий товаропроизводитель колеблется между трудом и капиталом. Вместе с рабочим классом он борется против крепостничества и полицейского самодержавия. Но, в то же время, он тяготеет к укреплению своей собственнической позиции в буржуазном обществе и поэтому, если условия развития *этого* общества складываются сколько-нибудь благоприятно (например, промышленное процветание, расширение внутреннего рынка, вследствие аграрного переворота и т. п.), то мелкий товаропроизводитель *неизбежно* поворачивает против пролетария, который борется за социализм» [1].

В условиях 1905 г. деревенская беднота должна была пройти через мучительный искус капиталистического «рая»; должна была пройти через «ряд революционных испытаний»; должна была развеять свои иллюзии насчет возможности благополучия ее в рамках капитализма; должна была, подвергаясь уже незамаскированному, незавуалированному крепостничеством капиталистическому гнету, осознать безвыходность своего положения в рамках капитализма, постепенно присоединяясь к борьбе пролетариата за социализм. Процесс завоевания бедноты на сторону пролетариата, процесс перерастания революции, таким образом, растягивался на значительный промежуток времени. Таков был *тип* перерастания революции, как он мог намечаться применительно к внешним и внутренним условиям России 1905 г.

Как мы видели, условия революции 1905 г. не могут быть признаны максимально-благоприятными. Такая ли обстановка складывается в *нашу эпоху* перед буржуазно-демократическими революциями, нарастающими в ряде стран? Таков ли там тип перерастания революции, такова ли совокупность внешних и внутренних условий?

Что касается внешних условий, то мы находили ответ в уже приведенной нами выдержке из Ленина, где он подчеркивал громадное существенное отличие надвигающегося 1905 года в Индии и Китае от русского 1905 года. Русская революция могла еще пройти, по крайней мере, сначала, изолированно. «А растущие в Индии и в Китае революции уже сейчас втягиваются в революционную борьбу, в революционное движение, в международную революцию».

Революции в Индии, Китае и в сходных с ними странах развертываются в условиях кризиса мирового капитализма, в условиях начавшейся мировой пролетарской революции, в условиях существования СССР—все более крепнущего центра мирового социализма, в условиях гигантского расширения фронта антиимпериалистической борьбы, в условиях неслыханного раньше втягивания широчайших масс в революционное движение.

---

[1] Ленин, Собр. соч., том IX, стр. 428.

Исключительно благоприятные международные условия налицо. Конечно, в отдельных случаях, по отношению к отдельным странам положительная сторона внешних условий может быть снижена и ослаблена временным конъюнктурным оживлением мирового капитализма, разновременностью выступлений в разных странах, возможностью для международного империализма выступить единым фронтом против страны, подверженной революционному брожению, и т. д. Но все же ни в какое сравнение не идут международные условия теперешних буржуазно-демократических революций с 1905 годом.

А как обстоит дело с их внутренними условиями? Должны ли буржуазно-демократические революции, нарастающие в нынешнюю эпоху, очищать поле для свободного развития буржуазных отношений, должны ли они пройти через полосу развития капитализма по восходящей линии? Должны ли они обязательно пройти через все стадии развития капитализма, раньше чем в них не созреют условия для социалистического переворота?

Как известно, Ленин на этот вопрос отвечал отрицательно. В своей речи на II конгрессе Коминтерна Ленин говорил:

«Постановка вопроса была следующая: можем ли мы признать правильным утверждение, что капиталистическая стадия развития народного хозяйства неизбежна для тех отсталых народов, которые теперь освобождаются и в среде которых теперь, после войны, замечается движение по пути прогресса. Мы ответили на этот вопрос отрицательно. Если революционный, победоносный пролетариат поведет среди них систематическую пропаганду, а советские правительства придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами, тогда неправильно предполагать, что капиталистическая стадия развития неизбежна для отсталых народностей. Во всех колониях и отсталых странах мы должны не только образовывать самостоятельные кадры борцов, партийные организации, не только вести пропаганду за организацию крестьянских советов и стремиться приспособить их к докапиталистическим условиям, но Коммунистический интернационал должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата наиболее передовых стран, отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития— к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»[1].

Несколько позже составленная программа Коминтерна уточняет ленинское положение констатируя возможность для отсталых стран минования капитализма как *господствующей* системы.

Мы не вдаемся сейчас в объяснение этих положений. Это будет предметом нашего дальнейшего изложения. Ограничимая пока этим указанием на ленинский подход к вопросу о внешних и внутренних условиях буржуазно-демократических революций, нарастающих в настоящее время. Совокупность этих условий открывает благоприятные перспективы перед

[1] Ленин, Собр. соч., XIX том, стр 246.

буржуазно-демократическими революциями и накладывает особый отпечаток на их характере, сказываясь на темпе и формах перерастания их в революции социалистические.

В самом деле,—буржуазно-демократическая революция, открывающая путь некапиталистического развития—это не вяжется с прежними представлениями о буржуазно-демократической революции. Но это и придает им некое новое качество. Мы уже отмечали и позже вернемся еще к вопросу о том, что это обстоятельство не снимает с порядка политического дня буржуазно-демократические революции, но бесспорно их характер окрашивается в новые цвета. Сама эта возможность некапиталистического развития служит как бы материальным скелетом, материальной основой перерастания революции от буржуазно-демократического к социалистическому этапу. Она вносит, вместе с тем, ряд модификаций в постановку вопроса о перерастании, как она намечалась применительно к условиям революции 1905 г. Новая черта сказывается уже в вопросе о темпе перерастания. В отличие от революции 1905 г. теперь перерастание, как правило (речь идет, конечно, о победоносных буржуазно-демократических революциях), должно совершаться в быстрых темпах. Далее, завершение *всех* задач буржуазно-демократического этапа не является уже обязательным, предварительным условием перехода революции на высшую ступень. Наоборот, известное переплетание в осуществлении части задач обоих этапов революции вырисовывается как более реальная перспектива.

Короче,—теперь перерастание может скорее всего мыслиться по *типу* перерастания революции 1917 г. в России. Конечно, не может быть полного тождества—к этому мы еще вернемся—речь идет не о копировке, не о точном совпадении всех показателей и особенностей революционного процесса 1917 года. Будет ли начальный момент революции характеризоваться двоевластием или единовластием революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, осуществится ли она в чистом виде или неоторванной от буржуазного правительства, приведет ли империалистическая война или другие факторы к сходному соотношению классовых сил,—все эти моменты остаются сейчас вне поля нашего зрения. Ясно, что во всей конкретности революционный процесс 1917 г. не повторится. Но нужно брать общие вехи. Тогда нельзя будет не притти к выводу, что указанные нами и определяемые современной исторической обстановкой благоприятные условия назревающих буржуазно-демократических революций *приближают их к типу* перерастания революции 1917 г. в России.

Подведем итоги тому, о чем мы говорили в настоящий главе. Мы могли бы наметить *три основных типа* буржуазно-демократических революций:

Первый—это Великая французская революция. Она была классическим типом буржуазно-демократической революции, революцией «обычного типа». Шла она под главенством буржуазии, когда последняя была еще революционной силой и руководила крестьянскими массами. Вопрос о перерастании по понятным причинам тогда еще не мог возникать.

Второй тип—это революция 1905 г. в России. Это была уже буржуазно-демократическая революция не обычного типа, хотя задача ее сводилась к очистке буржуазных путей развития от докапиталистических препон. Но революция эта развивается уже помимо и против буржуазии, а пролетариат выдвигается на роль ее гегемона, на роль руководителя крестьянских масс. Изменение состава движущихся сил революции и наличие в других странах пролетариата, стоящего «во всеоружии накануне последней схватки с буржуазией», позволяют наметить перспективу перерастания революции, но как медленный затяжной процесс.

Третий тип—это революция 1917 г. в России. Мир уже не только чреват пролетарской революцией, но уже начался процесс ее становления. Русская революция одновременно и была началом мировой пролетарской революции, когда не только внутренние, но и международные пружины определяли ее ход. Перед происходящими в этих условиях буржуазно-демократическими революциями перспектива перерастания уже не только намечается, но становится законом этих революций. Характеризуются они быстрым темпом перерастания. Буржуазно-демократический этап не снимается, но осуществление его задач частью переплетается с социалистической революцией. Нарастающие в наших условиях буржуазно-демократические революции должны быть отнесены к третьему типу. Как мы видели, этим они обязаны как современной международной обстановке, так и возможности развития по некапиталистическому пути. Последнее обстоятельство приобретает, таким образом, исключительно важное значение. Хотя эта возможность некапиталистического развития стоит в неразрывной связи с международными условиями, все же она должна быть подвергнута самостоятельному анализу. Эта возможность некапиталистического пути развития должна быть теоретически обоснована. Недостаточно лишь констатировать, провозгласить возможность некапиталистического пути развития для отсталых стран. Что это положение *должно быть обосновано* и почему именно, мы как раз и сделаем предметом обсуждения в следующей главе.

2. ЗНАЧЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ НЕКАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПУТИ РАЗВИТИЯ

В корне ошибочным было бы представление о том, что вопрос о возможности некапиталистического пути развития отсталых стран касается только этих стран, что он связан только с их будущим, только с их судьбами. Такая точка зрения была бы ограниченной, методологически неверной и свидетельствовала бы о полном непонимании процесса мировой пролетарской революции.

В действительности вопрос о некапиталистическом пути развития отсталых стран глубоко интернационален и неразрывно связан с утверждением социалистических отношений во всем мире, в том числе и в передовых странах. В самом деле, куда пойдет развитие отсталых стран при победе

буржуазно-демократических революций у них? Пойдут ли они после ликвидации империалистической кабалы и феодальных пут по пути бурного развития своего капитализма или они в той или другой форме будут включаться в систему принципиально-противоположную капитализму?

Бесспорно, что вне зависимости от перспектив последующего развития буржуазно-демократические революции, происходящие в нашу эпоху и направленные против империализма, с самого начала играют *роль вспомогательной силы* мировой пролетарской революции, подрывая могущество всей империалистической системы. Но законно поставить вопрос,—что же дальше? Превратятся ли революции в этих странах при условии последующего некапиталистического развития и перехода их на высшую социалистическую ступень *в непосредственно составную часть* мировой пролетарской революции, или они, став на путь ускоренного капиталистического прогресса, повернут тем самым свое развитие уже против мировых социалистических центров? Не трансформируются ли они из вспомогательной силы во врага и в противодействующий фактор исторической тенденции социалистического преобразования человеческого общества? Значение этого вопроса усиливается тем обстоятельством, что перед этими буржуазно-демократическими революциями стоят страны с огромными территориями и с гигантскими человеческими массивами.

Этот вопрос возникал и у основоположников научного социализма. Еще Маркса в свое время занимала мысль,—не будет ли революция на континенте раздавлена развивающимся капитализмом в остальном мире и в частности на Востоке. Вот что Маркс писаль Энгельсу 8 октября 1858 года.

«Собственно, задача буржуазного общества заключается в том, чтобы установить мировой рынок хотя бы в общих чертах и установить производство, покоящееся на его основе. А так как земля шар, то, как мне кажется, с колонизацией Калифорнии и Австралии и с открытием дверей Китая и Японии это дело закончено. Трудным для нас вопросом является следующий: на континенте революция неизбежна и примет немедленно социалистический характер. Не будет ли она в этом маленьком уголке неизбежно раздавлена в виду того, что на неизмеримо более широкой территории движение буржуазного общества идет все еще по восходящей линии?» [1]

Вполне понятно, что эта угроза снимается в том случае, если будет доказана возможность и вероятность некапиталистического пути развития в отсталых странах в нашу эпоху начавшейся мировой пролетарской революции. К тому же мы хотели обратить внимание еще на один момент. Как мы видели, Маркс противопоставлял социалистическую революцию на *всем* континенте остальному миру. Но ведь необязательно, чтобы социалистическая революция захватила сразу весь континент, представляя тем самым собой более внушительную силу по отношению к остальному миру.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, перевод В. В. Адоратского, М., 1923, стр. 100—101.

Не исключена и даже более того, вероятнее другая перспектива в развитии мирового революционного процесса. Более реален такой порядок или ход революции, когда победа пролетарской диктатуры в одной из европейских стран будет достигаться, переплетаясь или, вернее, вперемежку с одной или несколькими буржуазно-демократическими революциями в отсталых странах, в том числе и на Востоке. А это усиливает значение проблемы некапиталистического пути развития. Пойдут ли революции в передовых и отсталых странах врозь или вместе,—вопрос, ответить на который нельзя вне зависимости и вне связи с проблемой некапиталистического развития отсталых народов.

Энгельс еще и в другой форме высказывал опасения, что колонии, развиваясь на основе восходящей линии капитализма, могут воспрепятствовать поступательному ходу социалистической революции в передовых странах. Он не исключал даже при этом возможности войн колониальных стран против бывших метрополий. Так в письме к Каутскому Энгельс, признавая в принципе неизбежным, что отсталые или, как он говорил, полуцивилизованные страны сами собой подтянутся за «реорганизованной Европой и Северной Америкой» и станут на путь социалистического преобразования, но не считая тогда своевременным и не вдаваясь поэтому в анализ, через какие фазы это будет осуществляться,—в то же время предостерегает от опасности прямых войн некоторых колоний против ставших социалистическими бывших метрополий.

«Какие социальные и политические фазы придется тогда проделать этим странам, пока они дойдут тоже до социалистической организации, об этом, я думаю, мы могли бы выставить лишь довольно праздные гипотезы. Одно лишь несомненно: победоносный пролетариат не может никакому чужому народу навязывать никакого осчастливления, не подрывая своей собственной победы. *Разумеется, этим не исключаются никоим образом оборонительные войны различного рода*»[1]. Ленин, комментируя это письмо, с своей стороны подчеркивал, что «экономический переворот побудит *все* народы *потянуться* к социализму, но при этом возможны и революции—против социалистического государства—и войны»[2].

Мы видим, как обнаженно, как остро ставился этот вопрос основоположниками марксизма, рассматривавшими пролетарские революции в передовых странах не изолированно, а в определенном взаимодействии и взаимозависимости с остальным миром, с буржуазно-демократическими движениями (национально-освободительными в том числе) в отсталых колониальных странах. Анализируя вопрос о судьбах пролетарских революций, они не могли обойти молчанием, не могли оставить вне рассмотрения вопросы о тех процессах, которые одновременно должны были протекать в отсталых странах.

«За периодом пробуждения Востока в современной революции на-

---

[1] Там же, стр. 359. Курсив мой.

[2] Ленин, Собр. соч., том XIX, стр. 209

ступает период прямого *участия народов Востока в решении* судеб всего мира, чтобы не быть только объектом обогащения. Народы Востока просыпаются, *чтобы каждый народ решал вопрос о судьбе всего человечества*»[1]. И, как нетрудно увидеть, положительное решение вопроса о судьбах всего человечества подводит к необходимости установления возможности некапиталистического пути развития отсталых стран, так как восходящая линия капитализма в этих странах ставит под удар и под угрозу социалистическую революцию пролетариата.

Но перспектива некапиталистического пути развития требует специального теоретического обоснования, так как дело не только и не столько в наших добрых желаниях направить отсталые страны по этому пути, сколько в реальной и объективной осуществимости его в данных исторических условиях. Мы знаем, что Маркс и Энгельс в свое время переоценивали зрелость предпосылок и сроки наступления социалистической революции именно в связи с неверной оценкой способности капитализма к дальнейшему расширению. В предисловии Энгельса к «Борьбе классов во Франции», написанном в 1895 г., он следующим образом признавался в своей ошибке насчет определения сроков краха мировой капиталистической системы.

«История показала, что мы и все, мыслящие подобно нам, были неправы. Она ясно показала, что тогдашний уровень экономического развития на континенте далеко еще недостаточен для того, чтобы устранить капиталистический способ производства. Она доказала это экономической революцией, которая в 1848 г. охватила весь континент и, собственно говоря, впервые водворила настоящую крупную промышленность во Франции, Австрии, Венгрии, Польше, а недавно и в России, из Германии же сразу сделала первоклассную промышленную страну. Все это произошло на основе капитализма, который, следовательно, в 1848 г. *обладал еще большой способностью к расширению*. Как раз эта промышленная революция впервые повсюду и прояснила классовые отношения; она покончила с массой промежуточных существований, перешедших из мануфактурного периода, а в Восточной Европе даже из периода цехового ремесла она породила настоящую буржуазию и настоящий крупно-промышленный пролетариат и выдвинула их на авансцену общественного развития»[2]. Мы не можем поэтому обойти вопроса о том, продолжает ли капитализм и поныне сохранять способность к расширению, не можем не исследовать вопроса о том, каковы его перспективы в отсталых и полуцивилизованных странах. Допущенная в свое время ошибка Марксом и Энгельсом о сроках социалистической революции обязывает нас со всей тщательностью проанализировать вопрос об экономической сущности и о перспективах развития нарастающих в наше время буржуазно-демократических революций, захватывающих основные человеческие массивы. При невозможности

[1] Ленин, Собр. соч., том XVI, стр. 389.

[2] Маркс и Энгельс. «Исторические работы», стр. 12—13.

обосновать некапиталистический путь развития отсталых стран сохраняется во всей своей силе опасение, высказанное Марксом и Энгельсом о судьбах социалистической революции в передовых странах нашего континента. Продолжает сохраняться угроза, что эти революции будут раздавлены развивающимся капитализмом в остальном мире, если действительно преждевременно сейчас петь отходную капитализму, если отсталым странам ни при каких обстоятельствах не суждено миновать полного капиталистического развития.

Может казаться, что один только факт существования СССР, опыт победоносного строительства социализма в нашей стране сам по себе автоматически и целиком снимает сейчас этот вопрос или, во всяком случае, притупляет его остроту. Подобное упрощенчество было бы неверным. Бесспорно, что СССР—все более растущий и крепнущий центр мирового социализма. Наша страна располагает всем необходимым для строительства социализма, но при этом нельзя упускать из вида все большее обострение противоречий между СССР и империалистическим миром, мобилизующим свои силы в надежде нанести сокрушающий удар нашей республике. Ленин никогда не снимал опасности военных интервенций против СССР; напротив, он указывал на неизбежность решающей борьбы между этими двумя мирами. И в этой борьбе Ленин следующее место отводил странам Востока:

«Можем ли мы спастись от грядущего столкновения с этими империалистическими государствами?.. На этот вопрос, мне кажется, следует ответить таким образом, что решение зависит здесь от слишком многих обстоятельств, и исход борьбы в общем и целом можно предвидеть лишь на том основании, что гигантское большинство населения земли, в конце концов, обучается и воспитывается в борьбе самим капитализмом. *Исход борьбы зависит в конечном счете от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнений в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена*».

Так Ленин рисовал перспективу решающей борьбы между двумя мирами. С точки зрения этой борьбы огромнейшее значение он придавал странам Востока. Окончательную победу социализма он считал вполне и безусловно обеспеченной имено в связи с той ролью, которую должны сыграть страны Востока. Но не трудно понять, что такой исход борьбы Ленин мог предвидеть, базируясь на возможности некапиталистического пути развития отсталых стран. Ибо стоит лишь на минуту представить себе, что эта возможность некапиталистического развития не входит составной частью в ленинское учение о мировой пролетарской революции, как

---

[1] Ленин, Собр. соч., том XVIII, ч. 2, стр. 127.

неминуемо придется поставить под сомнение ленинский прогноз насчет исхода этой решающей борьбы. Уже из этого видно, что вопрос о возможности некапиталистического пути развития отсталых стран не является случайной привеской, а, напротив, входит неотъемлемой частью в общую теорию Ленина о социалистической революции. Пренебречь, хоть на шаг отступить от этого учения значит скатиться к меньшевистским концепциям пролетарской революции.

Именно меньшевики, на словах признающие законной освободительную борьбу всех колониальных и полуколониальных наций против империалистической эксплоатации, но отметая «ни на чем не обоснованный утопизм», пророчат, что «в освобожденных странах с большей интенсивностью и планомерностью, чем раньше, начнется процесс развития своего «национального» капитализма, и что более развитым капиталистическим странам придется найти новые формы взаимоотношения и «сотрудничества» с бывшими колониями» [1].

Именно меньшевики на этом основании отодвигают пролетарскую революцию в неведомую даль и вещают о ее наступлении не раньше, чем когда во всем мире пролетариат составит большинство населения. Д. Далин в своей книжке «После войн и революций» ухитрился даже подсчитать, что социалистическая революция произойдет не раньше чем через 200 лет. Таков вывод законен и весьма характерен для меньшевиков. Извратив и превратив марксизм в готовые штампы, в мертвую безжизненную схему, меньшевики не поняли «решающего в марксизме: именно его революционной диалектики» (Ленин). Не поняли они, поэтому и не могли понять того исключительного своеобразия исторических условий, в которых развиваются сейчас колониальные антиимпериалистические революции. Иной подход к этому вопросу у Ленина. Во всеоружии марксистской методолигии, в своих гениальных заметках по поводу записок Н. Суханова, Ленин жестоко высменвал взгляды меньшевиков насчет невозможности видоизменения обычного исторического процесса.

«Нашим европейским мещанам и не снится, что дальнейшие революции в неизмеримо более богатых населением и неизмеримо более отличающихся разнообразием социальных условий странах Востока будут преподносить им, несомненно, больше своебразия, чем русская революция. Слов нет, учебник, написанный по Каутскому, был вещью для своего времени очень полезной. Но пора уже отказаться от мысли, что будто этот учебник предусмотрел все формы развития дальнейшей мировой истории. Тех, кто думает так, своевременно было бы объявить просто дураками» [2].

Констатируя значение постановки вопроса о некапиталистическом пути развития отсталых стран с точки зрения судеб мировой пролетарской революции, мы далеки от переоценки роли отсталых стран, далеки от

---

[1] «Социалистический вестник» № 13 за 1928 г., статья Абрамовича.

[2] Ленин, Собр. соч., том XVIII, часть 2, стр. 112.

утверждения, что революционный «свет с Востока» придет, что Восток и, следовательно, отсталые страны предопределяют победу социализма. Такой взгляд пытаются навязать нам меньшевики. Извращая программу Коминтерна, они злобно иронизируют по поводу того, что Коминтерн, будто бы разуверившись в социалистической революции на Западе, всю свою ставку перенес на Восток. Так меньшевистский «теоретик» в статье, посвященной программе Коминтерна, пишет: «Не находя на ближайший период времени элементов революционной ситуации во *внутренних* процессах, совершающихся в капиталистических государствах Запада, Коминтерн берет реванш на двух процессах, являющихся в известном смысле внешними для европейского капитализма. Недостающее в Европе революционное брожение будет привнесено извне; революционный факел будет брошен восстанием колониальных народов против своих метрополий... Коминтерн хочет, таким образом, поставить на голову мнение Энгельса по этому поводу, высказанное им в известном письме к Каутскому (от 12 сентября 1882 г.). Энгельс считал возможным, что колонии минуют стадию капиталистического развития, если предварительно совершится успешный социалистический переворот в Европе и Северной Америке. Коминтерн же хочет «социалистическую революцию» в полуцивилизованных странах превратить в рычаг для социалистического переворота в странах развитого капитализма» [1].

Нет смысла, конечно, останавливаться на разборе меньшевистского вымысла, согласно которому Коминтерн будто бы отдал социалистическое первородство отсталым странам Востока. Это нелепое утверждение не нуждается в опровержении. Никто не помышляет о социалистической революции в отсталых странах Востока, как о предвозвестнице социалистического переворота на Западе. Больше того, именно Ленин был далек от того, чтобы переоценивать подобным образом роль отсталых стран. Напомним, что не кто иной, как Ленин на заседании комиссии II конгресса Коминтерна по национальному и колониальному вопросам выступил против Роя и указал, что последний идет слишком далеко, утверждая, будто бы судьба Запада зависит *исключительно* от степени развития и силы революционного движения в восточных странах. Но отсюда нельзя приходить к отрицанию важнейшей роли, которую играют эти страны в судьбах международной пролетарской революции. Нельзя упускать прямую связь между ними. Нельзя игнорировать то обстоятельство, что буржуазно-демократические революции в отсталых и колониальных странах способны облегчить развязку социалистического переворота в передовых странах и уже с их помощью встать на рельсы своего социалистического преобразования. А для меньшевиков характерно—и это видно из приведенной нами выдержки—полное отрицание подобной перспективы. Конечно, такая установка может быть куплена лишь ценой полного отказа от традиций революционного марксизма.

---

[1] «Социалистический вестник» № 13 за 1928 г., стр. 5.

Напомним, что сам Маркс, в середине прошлого столетия с неослабным вниманием следил за революцией тайпинов в Китае и со всей тщательностью анализировал вопрос о том, «какое влияние китайская революция в свою очередь со временем окажет на Англию и через Англию на Европу». Прослеживая и обосновывая экономическими причинами это влияние, Маркс писал, что «можно смело предсказать, что китайская революция бросит искру в перегруженную мину современной промышленной системы и вызовет взрыв давно подготовлявшегося всеобщего кризиса, за которым, когда он распространится за границей, непосредственно последуют политические революции на континенте». И далее Маркс продолжал: «Это будет любопытное зрелище, когда Китай вызовет беспорядки в западном мире, между тем как западные державы посылкой английских, французских и американских военных кораблей будут насаждать «порядок» в Шанхае, Нанкине и в устьях Большого канала» [1].

Мы видим, таким образом, полную противоположность в подходе к вопросу о процессе мировой пролетарской революции у меньшевиков, с одной стороны, и у Маркса—Ленина, с другой. Первые шаблонизируют марксизм, превращают его в догму, не видят своеобразия теперешней обстановки, отрицают всякие новшества в развертывающихся в настоящее время революциях и в частности расценивают революции в отсталых, полуцивилизованных странах как чисто буржуазные, открывающие процесс более интенсивного и планомерного, чем раньше, развития национального капитализма. Именно поэтому с их точки зрения революции в колониальных странах «ни в какой мере не подрывают господствующей ныне хозяйственной системы».

Ленин же, сохраняя и неуклонно следуя традициям революционного марксизма, не сбиваясь с пролетарских рельс, не умаляя ни на одну минуту роли социалистического пролетариата передовых стран в деле перестройки общественных отношений, в то же время усматривает непреложную связь между пролетарской революцией и освободительными движениями в отсталых странах.

В известных тезисах по национальному и колониальному вопросам, представленных Лениным II Конгрессу Коминтерна, он писал, что «мировая политическая обстановка поставила теперь на очередь дня диктатуру пролетариата; и все события мировой политики сосредотачиваются неизбежно вокруг одного центрального пункта, именно: борьбы всемирной буржуазии против советской российской республики, которая группирует вокруг себя неминуемо, с одной стороны, советские движения передовых рабочих всех стран, с другой стороны, все национально-освободительные движения колоний и угнетенных народностей, убеждающихся на горьком опыте, что им нет спасения, кроме как в победе советской власти над всемирным империализмом» [2]. И если Ленин делил весь мир

[1] Брошюра «Китайские события и мировая революция». Ст. Маркса «Революция в Китае и Европе», стр. 15 и 19. Изд. «Пролетарий» 1925 г.

[2] Ленин, Собр. соч., том XIX, стр. 237.

на два полюса, если он высказывал глубокую уверенность в том, что советская российская республика неминуемо группирует вокруг себя борьбу передовых рабочих всех стран и освободительные движения колоний, если он был убежден в окончательной победе социализма, то это неразрывно связывалось с его учением о крахе всей капиталистической системы, с его учением о мировой пролетарской революции, с его учением о возможности некапиталистического пути развития отсталых стран.

Но возможность некапиталистического пути развития не означает его обязательности в каждом конкретном случае революционно-освободительной борьбы, развертывающейся в той или иной отсталой стране. Уже в первой главе, когда мы писали о современных буржуазно-демократических революциях и когда мы устанавливали неизбежность их перерастания в революции социалистические, мы далеки были от отрицания возможных и в нашу эпоху незавершенных революций в отсталых странах, ограничивающихся достижением формальной политической независимости или государственной самостоятельности. Нами не исключалась возможность осуществления перерастания революции не по прямому, а по зигзагообразному пути. Мы не уподоблялись Пятакову, Радеку и другим, отрицавшим в эпоху империализма возможность частичной эмансипации угнетенных наций, колониальных и полуколониальных стран. Мы устанавливали тенденцию, линию борьбы, но не обязательный фатальный путь.

С этой точки зрения мы считаем необходимым хотя бы бегло остановиться на конкретных исторических примерах, а именно на революционных движениях в Турции, Мексике и Монголии, с разных сторон подводящих нас к чрезвычайно важным выводам.

Опыт турецкой революции интересен для нас по многим причинам. Во-первых, уже тем, что он подтвердил правильность ленинского положения насчет возможности достижения формально политической независимости без выхода данной страны из системы мирового капиталистического хозяйства. С другой стороны, последующее развитие турецкой революции служит для нас примером того, как исторически невозможно сейчас под главенством буржуазии добиться самостоятельного экономического развития отсталых стран и отстоять действительную государственную независимость. На примере Турции видно, как с ростом экономической зависимости перерождается и некогда революционное по отношению к международному империализму кемалистское буржуазное правительство, пришедшее к власти на гребне революционной волны. В Турции к началу национальной революции еще не было рабочего класса, могущего возглавить движение. Общее число рабочих не достигало 100 000 человек, из которых лишь десятая часть могла быть причислена к индустриальному пролетариату. Отсутствовали и сколько-нибудь влиятельные организации рабочего класса. К тому же этот малочисленный рабочий класс сосредоточен был в оккупированных английскими и греческими войсками городах и был тем самым изолирован от борющихся масс. Руководство движением находилось в руках национальной буржуазии. Последняя сумела

направить социальное недовольство и борьбу крестьянских масс по руслу национального антагонизма, на путь борьбы против Антанты и греческо-армянской буржуазии и ростовщиков. Революция завоевала государственную независимость страны, но не переросла в аграрную революцию и задержалась на полпути. При условии гегемонии пролетариата турецкая национальная революция могла бы добиваться все большего экономического сближения с СССР—со страной строящегося социализма,—могла бы все больше высвобождаться от связи и экономической зависимости от капиталистического мира, могла бы стать на путь самостоятельного некапиталистического развития. Но этот путь оказался закрытым именно в силу буржуазной классовой природы кемалистской власти. Гегемония буржуазии в национальной революции обрекла Турцию в угоду капиталистическому развитию на все большую зависимость от иностранного капитала, на все большую утрату ее самостоятельности. Играя на противоречиях между империалистическими державами, с одной стороны, и между капиталистическим миром и СССР—с другой, кемализм все же в основном развивается в направлении полной капитуляции перед иностранным капиталом. Таков первый исторический пример национально-освободительной борьбы, на который мы считали необходимым сослаться.

Вторым примером мы избрали, и не случайно, Мексику. Мексика—страна богатейших сырьевых ресурсов. Она занимает второе место в мире по добыче нефти и золота, первое—по серебру, располагая одновременно огромными залежами различных естественных богатств (железо, олово, ртуть, свинец, марганец, цинк и т. д.). В Мексике свыше 300 000 промышленных рабочих. Живут они в чрезвычайно скверных условиях. С другой стороны, 80% населения—крестьяне—подвергаются не менее суровой эксплоатации. Достаточно указать, что до сих пор 80% земли находится в руках помещиков. Но для Мексики характерен слабый удельный вес национальной буржуазии. Крупная и средняя мексиканская торговля и промышленная буржуазия не мексиканского по преимуществу происхождения. В подавляющем большинстве—это американцы, испанцы, французы и т. д. Да и среди помещиков не меньше половины—иностранцы. Значительные прослойки рабочего класса были заражены анархосиндикалистскими настроениями. До сих пор они играли мало ощутимую роль на политической арене Мексики. В лучшем случае они плелись в хвосте за городской мелкой буржуазией, давая себя увлечь национально-реформистской идеологией. Отсутствие самостоятельной роли за мексиканским пролетариатом имело и то последствие, что рабочее движение до последнего времени было разобщено от крестьянской борьбы. Крестьянское же движение, протекавшее без организующей и руководящей роли промышленного пролетариата, оказывалось не в состоянии вылиться в радикальную социальную аграрную революцию. В этих условиях и особенно при слабости национальной буржуазии на авансцену политической жизни в Мексике выдвинулась городская мелкая и средняя буржуазия. Характерным для мексиканской революции (вернее—для целой цепочки революций)

является как раз проявление крупной самостоятельной силы мелкой и средней городской буржуазии. В результате в Мексике сложилась весьма своеобразная военно-полицейская диктатура городской мелкой и средней буржуазии. Последняя вела довольно интенсивную и в начале не безуспешную борьбу против иностранного империализма, а в своей внутренней политике эквилибрируя между различными классами, опираясь то на рабочие, то на крестьянские организации, а иногда и на те и на другие одновременно, не боясь провозглашать довольно радикальные требования, направленные к улучшению положения рабочих и крестьянских масс. В этом отношении показательна хотя бы принятая конституция 1917 г. Но лишь в ничтожной степени осуществив свою крикливую и многообещавшую аграрную и рабочую программу, мексиканское правительство успело растерять свои антиимпериалистические принципы и катится, обгоняя даже Турцию, по наклонной плоскости к полной капитуляции перед иностранным и в данном случае американским капиталом. Темп и глубина этой капитуляции, по всей видимости, и определяются мелкобуржуазной природой мексиканской некогда революционной власти. Буржуазия более упорно пыталась бы отстоять свои экономические позиции, свое самостоятельное развитие, для мелкой буржуазии это оказалось безнадежным. С другой стороны, мелкая буржуазия обычно плетется в хвосте за крупной. В Мексике, где почти вся промышленность и торговля находится в руках иностранного капитала, и главным образом американского, позиция мелкой и средней городской буржуазии не может не определяться в сторону капитуляции перед этим иностранным капиталом. Но, так или иначе, для нас важно извлечь из мексиканской революции тот урок, что руководящая роль городской мелкой буржуазии в национально-освободительном движении не только не обеспечивает действительной эмансипации от империалистической зависимости, не только не обеспечивает всестороннего самостоятельного развития, а, напротив, прокладывает пути для еще большего империалистического закабаления колониальных и полуколониальных стран. Таков второй исторический пример. Обратимся теперь к третьему.

Речь идет о Монголии, об одной из наиболее отсталых стран. Внешняя Монголия, или, как теперь она называется, Монгольская народная республика,—небольшая страна, коренное население которой едва превышает 700 тыс. человек (в 10 раз меньше, чем в Турции, в 20 раз меньше, чем в Мексике). Пролетарская прослойка совершенно незначительна. Большинство населения—это аратская беднота. В прошлом Монголия отсталая, даже по сравнению с отсталыми странами. Достаточно указать, что 24% населения и свыше 40% мужского населения—ламы. В силу ряда исторических условий, подробное рассмотрение которых не входит сейчас в нашу задачу, аратская беднота осуществила победоносную национальную революцию и не только добилась политической независимости, не только прогнала китайских милитаристов, русские белогвардейские части барона Унгерна, не только свергла власть феодалов-теократов и учредила свою

демократическую диктатуру, но сумела подорвать экономическое могущество феодалов, высшего духовенства и реакционного чиновничества, проведя конфискацию скота и имущества у этих эксплоататорских элементов.

В результате относительно мощного роста колхозного движения, развития кооперации, твердого регулирования внешней и внутренней торговли, организации государственного бюджета и кредитной системы в интересах трудящихся масс, проведения классового налога и успешного, пока еще, конечно, частичного, преодоления тенденций частно-капиталистического накопления Монгольская народная республика начала выбиваться на путь некапиталистического, самостоятельного, экономического и политического развития. Уже этот факт разбивает на голову меньшевистские концепции, ставящие, как известно, во главу угла в вопросе о некапиталистическом развитии исключительно уровень развития данной страны. На примере Монголии видно, как одна из самых отсталых стран оказалась способной в жесточайшей и неутихающей борьбе преодолевать свою отсталость не обычным путем развития буржуазных отношений, а по иному, своеобразному пути. Понятно, что эта возможность создалась в результате успешного социалистического строительства в СССР, оказывающего огромнейшее революционизирующее влияние на монгольские трудящиеся массы и заражающего их своим примером перестройки общественных отношений на новых началах.

Постараемся теперь обобщить исторический опыт революционной борьбы в рассмотренных нами трех странах—Турции, Мексике и Монголии. Как видим, национально-революционные движения в нашу эпоху могут быть различного типа. Последующее их развитие зависит от того, какой класс возглавляет освободительную борьбу. Руководство буржуазии (Турция) или городской мелкой буржуазии (Мексика) в национальной революции не выводит из тупика отсталые страны, в который их загоняет международный империализм. Единственный выход для этих стран—некапиталистический путь развития, обеспечивающий действительное, всестороннее и самостоятельное развитие. Если в Монголии дело сложилось иначе, чем в Турции и Мексике, несмотря на отсутствие влиятельного пролетариата, то этим она обязана тому обстоятельству, что организующую роль в значительной мере сыграл победоносный российский пролетариат. К тому же сказалась и географическая близость Монголии к очагу мирового социализма—СССР. Вообще влияние СССР расходится широкими волнами. В большей мере оно проявилось в Монголии, в меньшей мере в Турции и наименее заметно оно сказалось в Мексике, которая подвержена была гораздо большему влиянию Северо-американских соед. штатов. Не только в силу географической отдаленности Мексики от СССР, но и в результате наличия крепких империалистических позиций внутри самой Мексики (что в значительно ослабленной мере имело место в Монголии) ее историческое развитие до сих пор находилось под большим давлением САСШ. Революции в Мексике и в Турции задержались

на полпути, и там поэтому, в силу неразрешенности стоящих перед ними задач, неизбежны новые революционные потрясения. В Монголии же была проведена более последовательная революция, открывшая тем самым возможность эволюционного (но далеко не мирного) перерастания на высшую ступень и постепенного врастания в социалистическую мировую систему хозяйства.

Такие выводы напрашиваются при сопоставлении революционных процессов, имевших место в Турции, Мексике и Монголии. Как видим, дело вовсе не сводится *только* к уровню развития эти стран, а зависит от совокупности целого ряда условий. Нужен более углубленный, более конкретный анализ возможности некапиталистического пути развития. Следует только не упускать из виду, что этот вопрос о некапиталистическом пути развития отсталых стран имеет прямое отношение к судьбам мировой пролетарской революции и уже поэтому не является случайной обмолвкой в соответствующих резолюциях Коммунистического интернационала, а, напротив, входит неотъемлемой составной частью в железный фонд марксистско-ленинской теории о социалистической революции пролетариата.

3. МАРКС И ЭНГЕЛЬС О НЕКАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ПУТИ РАЗВИТИЯ

Высказывания Ленина так же, как и решения Коминтерна, в которых затрагивается вопрос о возможности некапиталистического пути развития, базируются на соответствующих указаниях основоположников научного социализма. Ленин целиком перенимает и умножает в этом, как и в других вопросах, богатейшее наследство, оставленное Марксом и Энгельсом. Перейдем теперь поэтому к рассмотрению того, что было дано Марксом и Энгельсом в постановке вопроса о некапиталистическом пути развития. Это необходимо не только с точки зрения доказательства марксистской правомерности постановки проблемы некапиталистического развития отсталых стран применительно к условиям нашей эпохи, но в значительно большей мере для обнаружения методологических опорных пунктов, данных Марксом и Энгельсом при разрешении этого вопроса.

Известно, что проблема некапиталистического развития была выдвинута народниками в 70—80-х гг. в России. Маркс и Энгельс, которые живо откликались на революционные события всех стран, не могли, конечно, обойти этой проблемы, волновавшей русских революционеров в течение довольно продолжительного времени. В их переписке с народниками мы находим богатый материал, освещающий их подход к вопросу о некапиталистическом пути развития.

Марксов научный анализ капиталистических отношений, устанавливающий железную закономерность общественного развития, создавал в некоторой части русских социалистов утопического толка ложное представление о том, что все страны фатально должны подпасть под неумо-

лимые законы капиталистического развития. Такое представление ни в коем случае нельзя объяснить двухсмысленностью или неясностью марксовой постановки вопроса, тем более, что его точка зрения на перспективы развития России исключала возможность такого ошибочного, чисто-механического толкования его исторической теории.

Первый вопрос, который мы поэтому предполагаем затронуть и который в переписке Маркса и Энгельса с русскими народниками с достаточной ясностью и исчерпывающей полнотой освещен, заключается в следующем: *считал ли Маркс и Энгельс капиталистическую стадию развития обязательной для всех стран.* Несомненно, нет. Характерно, что именно народники, которым совершенно чужда была диалектика, обязывающая к конкретной исторической постановке вопроса, интерпретировали Марксов закон капиталистического развития в том смысле, что из него вытекает фаталистическая предопределенность капиталистической стадии развития для всех стран и в том числе для России. С помощью этой вульгаризации они пытались отвергнуть применимость марксистских положений к тогдашней русской действительности.

Несмотря на то, что марксова постановка вопроса чужда была всякой надисторичности, тем не менее, в письме к Марксу Засулич просила его высказаться о судьбе сельской общины и «*о теории исторической необходимости для всех стран света пройти все фазы капиталистического производства*». Характерно, что свой ответ Маркс начинает именно с критики ложного представления, будто его теория капитализма фаталистически и абсолютно распространяется на все страны. Маркс не только говорил, что он «точно ограничил историческую неизбежность этого процесса странами Западной Европы», но и далее он подчеркивает, что по отношению к России сам по себе этот «западный прецедент здесь ровно ничего не доказывает».

Но не только Засулич ошибочно устанавливала причастность Маркса к отмеченной нами фаталистической точке зрения. В этом отношении за ней следовал целый ряд тогдашних критиков марксизма, пытавшихся опорочить это учение в глазах молодых революционеров. Марксу поэтому пришлось в специальном письме в редакцию «Отечественных записок» отгородиться от тех, кто приписывал ему неисторическую и фаталистическую постановку вопроса о перспективах дальнейшего развития различных стран. Изложив вкратце в этом письме свой взгляд на зарождение и развитие капитализма в Западной Европе, а также выяснив те условия в России, которые могут привести к аналогичной Западу тенденции развития, Маркс решительно протестует против попыток его критиков (Михайловского) превратить установленный им генезис капитализма в общую теорию экономического развития всех стран. Маркс писал: «...Но моему критику слишком мало. Ему непременно нужно превратить мой очерк генезиса капитализма в историко-философскую теорию общего хода экономического развития, в теорию, которой фатально должны подчиняться все народы (каковы бы ни были исторические условия, в которых

они находятся)... Но прошу у него извинения. Это значило бы зараз и делать мне много чести и приписывать мне *ошибочное мнение,* в котором я ничуть не повинен» [1]. Маркс, следовательно, решительно открещивался от ошибочной точки зрения, которая фаталистически распространяла законы капиталистического развития на все страны и народы вне рассмотрения исторических условий, в которых они пребывают.

Конечно, Маркс был далек от того, чтобы считать историю человеческого общества или отдельной страны продуктом свободной игры различных сил. Требование конкретного подхода при решении вопроса о перспективах развития той или иной страны вовсе не исключало признания определенной закономерности, лежащей в основе движения всякого общества. Не свободный выбор людей определяет ту или иную общественную форму. «Возьмите определенную ступень развития производительных сил людей, и у вас будет определенная форма обмена и потребления. Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов,—словом, определенное гражданское общество. Возьмите определенное гражданское общество, вы получите определенные политические отношения, которые являются официальным выражением гражданского общества» [2]. Так писал Маркс Анненкову в декабре 1846 г. А если основой всей истории являются производительные силы, то свободны ли люди в выборе последних? Марксизм и на этот вопрос отвечает, конечно, отрицательно. Производительные силы являются продуктом предшествующей деятельности людей, созданием прежних поколений при ранее существующей общественной форме. Лишь на известной стадии развития производительных сил общество меняет свой способ производства, а вместе с ним и все экономические и политические отношения.

Такова закономерность общественного развития, установленная Марксом. Эта закономерность была прослежена Марксом на примере перехода западно-европейских стран от феодального к капиталистическому строю. Процесс этого перехода характеризовался отрывом производителей, превращаемых в наемных рабочих, от средств производства, выступающих уже в качестве капитала. Но при определении судеб отдельной страны Маркс далек был от шаблонизирования исторических процессов. В письме в редакцию «Отечественных записок» Маркс для большей убедительности в полной своей непричастности к механической, фаталистической точке зрения останавливается на примере древнего Рима. Он указывает, что и там свободные крестьяне были постепенно экспроприированы и превращения в людей, «лишенных всего, кроме способности к труду»,—в то время как на другом полюсе образовался класс крупных денежных ка-

---

[1] Маркс и Энгельс, Письма, стр. 280.

[2] Там же, стр. 12.

питалистов, владельцев всех приобретенных богатств. И все же там расцвел не капиталистический, а рабский способ производства.

«Таким образом,—писал Маркс,—события, поразительно аналогичные между собой, но происходившие в исторически различной среде, приводят к совершенно различным между собою результатам. Изучая каждую из этих эволюций в отдельности и затем сравнивая их между собою, легко найти ключ к уразумению этих явлений, но никогда нельзя притти к их пониманию, пуская в ход повсюду и всегда одну и ту же отмычку (passe-partout) какой-либо историко-философской теории, самое высшее достоинство которой заключается в ее надисторичности (consiste à être supra-historique)»[1].

При решении вопроса о судьбах той или иной страны Маркс требовал изучения исторической среды, исследования всей совокупности условий, в которые поставлено ее развитие. А рассмотрение этих исторических условий, их анализ привели Маркса и Энгельса к тому выводу, что, в частности, Россия 60—70-х гг. могла при известных условиях, о которых мы скажем дальше, не проходить капиталистической стадии общественного развития. Вот что Энгельс говорил в письме к Даниэльсону от 24 февраля 1895 г., когда уже очевидна была для Энгельса неизбежность капиталистического развития России.

«Несомненно, что земельные общины и, до некоторой степени, артель заключали в себе некоторые зародыши, которые при известных условиях *могли бы развиться и спасти Россию от необходимости пройти через муки капиталистического режима*»[2]. Энгельс, как видим, допускал возможность миновать капиталистическую стадию развития. Маркс в письме к Засулич защищал эту теоретическую допустимость и возможность некапиталистического развития России. «Если бы русские любители капиталистического строя стали отрицать *теоретическую* возможность подобной эволюции, я бы их спросил: разве для того, чтобы ввести у себя машины, пароходы, железные дороги и т. п., Россия должна была, подобно Западу, пройти через долгий период вылупления механической промышленности?»[3].

Маркс и Энгельс констатировали *возможность* некапиталистического развития России, но никогда не говорили об *обязательности* этой перспективы. Они исходили из того, что России после Крымской войны потребовалась собственная крупная промышленность. А в условиях задержки социалистической революции в Западной Европе Россия могла получить эту крупную промышленность лишь в капиталистической, а не в какой-либо иной форме. «Ну, а вместе с этой формой она обязана была принять также и все те последствия, которые обыкновенно сопровождают капиталистическую крупную промышленность во всех других странах»[4]. Воз-

---

[1] Маркс и Энгельс, Письма, стр. 281.
[2] Там же, стр. 294.
[3] Архив Маркса и Энгельса, книга 1, стр. 276.
[4] Маркс и Энгельс, Письма, стр. 290.

вращаясь к этому вопросу спустя полгода, в следующем письме к Даниэльсону (февраль 1893 г.), Энгельс писал: «В 1854 г., или около того, Россия тронулась с места со своей сельскою общиною, с одной стороны, и с необходимостью крупной промышленности—с другой. Так вот, если вы примете во внимание все состояние вашей страны, каким оно было в этом периоде, видите ли вы там хоть какую-нибудь возможность привить крупную промышленность к крестьянской общине, и притом в такой форме, которая, с одной стороны, делала бы возможным развитие крупной промышленности, а с другой—подняла бы эту первобытную общину до уровня социального учреждения, далеко превосходящего все то, что мир видел до сих пор по этой части. И это в то время, когда весь европейский Запад все еще продолжает жить под властью капиталистического режима» [1].

Но в данном случае нас интересует другая сторона вопроса, а именно, что Маркс и Энгельс считали капиталистическую стадию развития необязательной для всех стран; что при известных условиях отдельная отсталая, по сравнению с Западом, страна могла миновать эту ступень развития; и что при определении перспектив развития необходимо учитывать конкретно-исторические условия. Еще одно существенное методологическое замечание следует отметить в этой общей постановке вопроса. В противовес оппортунистам II Интернационала Маркс и Энгельс считали возможным социалистическую революцию на Западе, несмотря на наличие огромного количества отсталых стран, не охваченных тогда еще капиталистическим развитием. Наличие этих отсталых стран не являлось для них непреодолимым препятствием социалистической революции на Западе.

Можно ли считать, как думает Бернштейн и слишком поспешно солидаризирующийся с ним Рязанов, будто бы «Маркс и Энгельс» сдерживали временами выражение своего скептицизма», чтобы не чересчур разочаровывать русских революционеров, которые, как это хорошо им было известно, придавали огромное значение вопросу об общине» [2]. Нам думается, что это не так. Мы полагаем, что все высказывания Маркса и Энгельса насчет возможности при известных условиях некапиталистического пути развития той или иной отсталой страны не являются вынужденной тактическими соображениями теоретической уступкой, а целиком соответствуют всей их концепции исторического процесса и, в частности, их учению о победе социализма. К тому же, как известно, Маркс и Энгельс устанавливали эту возможность не только по отношению к России. Аналогичные выводы, как мы уже видели, они делали и по отношению к колониальным странам, так же, как и по отношению к Болгарии. «Для болгар, как и для нас, было бы бесконечно лучше, если бы они остались под властью турок до европейской революции; в их родовых

---

[1] Маркс и Энгельс, Письма, стр. 293.

[2] Архив Маркса и Эгельса, книга 1, стр. 267.

учреждениях имелся бы чудесный росток для развития коммунизма точно так же, как и в русском мире, который теперь тоже у нас разрушают под носом» [1].

Посмотрим теперь, как Маркс и Энгельс разрешали вопрос о возможности некапиталистического пути развития России. *Какие условия они считали необходимыми для осуществления этого пути?* Раньше всего Маркс и Энгельс рассматривали Россию не изолированно, а как часть мировой системы, в которой капитализм был не только господствующей формой общественных отношений, но и обнаруживал черты своей гибели, разрушения и перехода на высшую социалистическую ступень. Маркс неоднократно подчеркивал значение той исторической среды, в которую было поставлено развитие России. В своих знаменитых черновых набросках ответа на письмо Засулич он говорил: «Россия существует в определенной исторической среде, она является современницей теперешней высшей культуры, она связана с мировым рынком, на котором господствует капиталистическое производство». И дальше Маркс устанавливал, что это капиталистическое производство в Европе и в Америке переживает кризис, который неизбежно кончится крахом капиталистической системы, «возвратом современного общества к высшей форме наиболее архаического типа—к коллективному производству и к коллективному присвоению» [2].

Таким образом, основным, решающим и необходимым условием некапиталистического развития России в тот период Маркс и Энгельс считали социалистическую революцию на Западе. Только при ее условии ими мыслилась перспектива некапиталистического развития России. Следует остановиться на причинах того большого значения, которое придавали Маркс и Энгельс этому внешнему фактору. Выяснение этого вопроса важно еще и потому, что оно сразу устранит какие бы то ни было толки насчет уступок народничеству.

По многим причинам Маркс и Энгельс решающим в определении социалистического пути развития отсталых стран считали наличие пролетарской революции на Западе. Раньше всего Маркс и Энгельс исключали всякую возможность для любой страны, в которой господствовали докапиталистические отношения, самостоятельно и непосредственно развить социалистическое производство, поскольку социалистическая фаза является продуктом наиболее высокого уровня развития производительных сил. Докапиталистическая формация сама по себе лишена этих возможностей. В письме к Даниэльсону Энгельс с достаточной полнотой высказывается по этому вопросу. Более высокая социальная форма «является необходимым следствием капиталистической формы производства и создаваемого им социального дуалистического антагонизма, она никак не может развиться прямо из первобытной земельной общины, иначе как

---

[1] Архив Маркса и Энгельса, книга 1, стр. 377.

[2] Там же, стр. 276.

в виде подражания примеру, уже существующему в каком-либо другом месте» [1].

В письме к Ткачеву в несколько иной вариации Энгельс высказывает ту же мысль: «Лишь на известной, даже по нынешним временам весьма высокой, ступени развития общественных производительных сил становится возможным настолько увеличить производство, что уничтожение классовых различий будет действительным прогрессом, что классовые различия можно будет уничтожить навсегда без риска вызвать остановку в развитии или даже регресс общественного способа производства. Но такой ступени развития производительные силы достигли только в руках буржуазии» [2].

Вот почему и Маркс и Энгельс вопрос о некапиталистическом пути развития тогдашней России ставили в зависимость от социалистического переворота в передовых странах Западной Европы. Если бы Англия, Франция и пр. страны,—говорили они,—стали бы тогда на путь социалистического преобразования, тогда бы и русские действительно призваны были бы показать, что может быть сделано из их общины.

Как видим, основоположники марксизма в вопросе о последующем развитии отсталых стран придавали исключительно важное значение внешнему фактору, исторической среде. В чем же должна была сказаться с точки зрения интересующей нас проблемы некапиталистического пути развития *роль передовых стран по отношению к отсталым?* Прежде всего социалистическая революция в передовых странах должна была сыграть *роль толчка извне* с тем, чтобы перед отсталыми странами, в которых появились лишь ростки капитализма, открылась бы возможность избегнуть его дальнейшего развития, и с тем, чтобы они, следовательно, могли потянуться за социалистически преобразованными передовыми странами.

Чтобы спасти Россию от необходимости пройти через муки капиталистического режима, «*первое условие, требовавшееся для этого, заключалось в наличности некоторого толчка извне,*—в изменении экономической системы европейского Запада, в уничтожении капиталистической системы в тех странах, где она получила свое начало» [3].

Еще в более категорической форме Энгельс высказывается в письме к Даниэльсону в 1893 г., где наряду с отмеченными нами выше моментами он выдвигает еще одно обстоятельство, чрезвычайно важное с точки зрения возможности социалистического развития отсталых стран.

«Я пошел бы еще дальше,—писал он,—и сказал бы что ни в России, ни в каком другом месте невозможно развить из первобытного земельного коммунизма какую-нибудь более высокую социальную форму, если эта более высокая форма не существует уже в действительности в какой-либо

---

[1] Маркс и Энгельс, Письма, стр. 297.
[2] «Революция и РКП(б)», ч. I, стр. 42.
[3] Маркс и Энгельс, Письма, стр. 294.

другой стране, и не служит, таким образом, как бы *образцом для подражания*» [1].

Именно потому, что социализм есть продукт капиталистического развития, пролетарский переворот в странах развитого капитализма должен служить толчком для отсталых стран в изменении направления их развития. Необходимым условием некапиталистического развития отсталой страны Маркс и Энгельс считали социалистическую организацию производства в передовых странах, которая должна послужить образцом для подражания для стран отсталых и полуцивилизованных. Но этим не исчерпывается роль передовых стран. Социалистическое производство нуждается в соответствующих материальных предпосылках. Что касается отсталых стран, то организация его становится возможной при условии *материальной помощи* со стороны более развитых стран. Именно этим моментом обусловливал Энгельс возможность некапиталистического пути развития тогдашней России в письме к Ткачеву. «Но это может произойти лишь в том случае, если еще до окончательного разложения общинной собственности в России в Западной Европе совершится пролетарская революция и доставит русскому крестьянину предварительные условия для такого перехода, в том числе *и материальные,* в которых он нуждается, чтобы произвести непрерывно связанный с этим переворот во всей своей системе земледелия» [2].

К этим моментам в основном сводится роль внешних факторов в деле социалистического преобразования отсталых стран. Как видим, во всех выдвинутых Марксом и Энгельсом положениях нет ни грана народничества. В противовес ему основоположники научного социализма с достаточной ясностью оговаривали возможность некапиталистического пути развития отсталых стран наличием специальной благоприятной исторической среды.

Перейдем теперь к вопросу о том, *какие внутренние условия* в России с точки зрения Маркса и Энгельса *могли способствовать некапиталистическому ее развитию.* По этому вопросу мы наталкивались уже косвенно на ряд указаний Маркса и Энгельса, в которых они отмечали большое значение за остатками родовых докапиталистических отношений, а именно: сельской общины и артелей.

Отвечая Засулич, Маркс подробно останавливается на характеристике общинных отношений в русской деревне, которые при условии пролетарской революции на Западе могли благоприятствовать социалистическому развитию народного хозяйства нашей отсталой тогда страны.

Маркс писал: «Отвлечемся на минуту от бедствий, которые давят русскую общину и присмотримся только к ее возможной эволюции. Она занимает совершенно особое положение, без прецедентов в истории. Она одна лишь в Европе является органической господствующей формой сель-

---

[1] Маркс и Энгельс, письма, стр. 297.

[2] «Революция и РКП(б)», ч. 1, стр. 52.

ской жизни огромной империи. Общая собственность на землю предоставляет ей естественную базу коллективного присвоения, а ее историческая среда—существование капиталистического производства—дает ей в готовом виде материальные условия кооперативного хозяйства, организованного в широком масштабе. Она может, следовательно, воспользоваться всеми положительными приобретениями, сделанными капиталистической системой, не проходя сквозь ее Кавдинские ущелья. Она может при помощи машин, для которых так удобна физическая конфигурация русской почвы, постепенно заместить парцеллярное хозяйство сложным хозяйством. Будучи предварительно приведена в нормальное состояние, в ее теперешней форме, она может стать *непосредственным отправным пунктом* экономической системы, к которой стремится современное общество, и зажить новой жизнью, не прибегая для этого к самоубийству» [1].

Подчеркивая исключительное стечение обстоятельств, Маркс приходил к выводу о возможности развития нашей сельской общины, существовавшей тогда в национальном масштабе, в элемент коллективного производства, освобожденного от своих первобытных черт. Если бы община получила нормальные условия развития, то «все признавали бы в ней элемент возрождения русского общества и элемент превосходства над странами, еще порабощенными капиталистическим режимом» [2].

Но если Маркс говорил, что русская община может сохранить свою почву, сможет развивать свою базу—коллективную собственность, что она может стать отправным пунктом экономического строя, к которому стремится современное общество, то Маркс при этом не выходил из рамок *теоретической* допустимости такой перспективы. Он тут же *подчеркивал*, что при анализе судеб сельской общины «нужно спуститься с высот чистой теории на русскую действительность».

Отдавая должное этим внутренним факторам социалистического преобразования отсталой страны, Маркс и Энгельс, не в пример народникам, брали русскую действительность во всем ее многообразии и сложности; они охватывали своим анализом все противоречивые тенденции, характеризовавшие развитие тогдашней России. Придавая большое значение сохранению артели и общины—этой «господствующей форме народной жизни», этим остаткам первобытного родового коллективизма, они в то же время не закрывали глаз и на то, что внутри и вне этих организаций все рельефнее проявлялись и другие начала и другие тенденции, при развитии которых Россия неминуемо должна была подпасть под власть аналогичных Западу капиталистических законов.

Вот почему, говоря об общине, Маркс писал: «Нельзя скрывать от себя, что архаический тип, к которому принадлежит русская община, скрывает внутренний дуализм, который при наличии известных историче-

---

[1] Архив Маркса и Энгельса, книга 1, стр. 285.

[2] Там же, стр. 271.

ских условий, может повлечь за собой ее гибель» [1]. И далее: «Ее конститутивная форма допускает такую альтернативу: либо заключающийся в ней элемент частной собственности одержит верх над элементом коллективным, либо последний одержит верх над первым. Все зависит от исторической среды, в которой она находится» [2]. Подход Маркса к вопросу о судьбах русской сельской общины лишний раз иллюстрирует чрезвычайно важное методологическое положение, исключающее всякое шаблонизирование. Так Маркс со всей решительностью обрушивался против тех, кто ссылался на опыт европейских стран, где была община и исчезла, и считавших, почему бы-де ей не исчезнуть и в России. Конкретно—исторический подход Маркса исключал механическое перенесение выводов, связанных с развитием одной страны на другие страны.

Мы привели мнение Маркса и Энгельса насчет роли остатков докапиталистических, родовых, первобытно-коллективистических форм в деле благоприятствования некапиталистическому пути развития. Ну, а каково положение тех отсталых стран, где эти остатки заметно вытеснены капиталистической общественной формацией, где от этих остатков осталось очень мало, где эволюция их общественного развития направилась уже по капиталистическим рельсам? Могут ли эти страны прервать капиталистическое развитие, сократить его сроки, перепрыгнуть через последующие фазы капиталистического развития? Этот вопрос приобретает тем большее значение, что в наше время нет стран, не втянутых в орбиту капиталистического развития (за исключением, конечно, СССР), нет стран с чисто докапиталистическими отношениями, без ростков своего и влияния чужеземного капитализма. Как для них ставится проблема некапиталистического пути развития?

И на этот вопрос мы находим ответ у авторов «Коммунистического манифеста». Так, в письме к Даниэльсону в 1893 г. когда становилось все более очевидным, что экономическое развитие России совершается на капиталистических началах, Энгельс все же не исключал возможность для России «сократить путь прогресса и остановить стремление ее собственной эволюции в направлении к капитализму». В том же письме, продолжая развивать свою мысль, он писал: «А пока у вас община все больше и больше увядает, и нам остается только надеяться, что переход к лучшей системе на Западе совершится достаточно скоро, чтобы спасти—по крайней мере, в некоторых, более отдаленных местностях вашей страны—те учреждения, которые при этих новых обстоятельствах могут оказаться призванными для осуществления великого будущего» [3].

Мы видим, что здесь речь идет уже фактически о возможности минования капиталистической формации, как господствующей системы; речь идет о возможности, при известных условиях, для отсталых и полуцивилизованных стран не проходить всех стадий капиталистического разви-

[1] Архив Маркса и Энгельса, стр. 281.

[2] Там же, стр. 273.

[3] Маркс и Энгельс, Письма, Стр. 294—295.

тия. Это чрезвычайно важное методологическое положение сохраняет особенное значение применительно к нашей эпохе начавшейся мировой пролетарской революции.

Так обстоит дело с внутренними условиями, способствующими некапиталистическому пути развития отсталых стран. Каково же *соотношение* между внутренними и внешними условиями? На основании всех высказываний Маркса и Энгельса нетрудно установить *примат внешних факторов над внутренними*. Первые являются абсолютным необходимым условием, открывающим возможностям некапиталистического пути развития отсталых стран, вторые—такой роли не играют. Но это не значит, что ими можно пренебречь, что с ними можно не считаться. В самом деле, стоит лишь поставить вопрос,—будет ли социалистическое преобразование отсталых стран совершаться *мирным*, эволюционным путем, под простым, чисто автоматическим влиянием передовых стран, чтобы увидеть, что роль внутренних факторов вовсе не является малозначительной и несущественной с точки зрения возможности некапиталистического пути развития. Роль внутренних условий далеко не исчерпывается наличием остатков докапиталистических отношений. Процесс социалистического преобразования отсталой страны гораздо глубже. Он требует того, чтобы отсталая страна прошла через полосу своей революции, выдвигающей новые силы и перспективы развития отсталой страны и идущей на соединение с революцией пролетариата в странах более развитых.

Только в свете этой постановки вопроса можно правильно оценить соотношение между внешними и внутренними условиями. Уклад отсталой страны должен быть чреват революционными потрясениями. И лишь при условии слияния революционных процессов в отсталых и передовых странах в единый поток отсталые страны получают возможность миновать прохождение всех стадий капиталистического развития.

Еще Маркс подчеркивал, что для того, чтобы русская сельская община стала элементом возрождения русского общества, она должна была быть поставленной в нормальные условия. И дальше, Маркс в разных местах расшифровывал содержание, которое он вкладывал в понятие «нормальные условия». Для того, чтобы обеспечить общине возможность самостоятельного развития, нужно,—писал он,—«устранить тлетворные влияния, которые теснят ее со всех сторон», нужно снять с нее давящее ее иго, нужно сбросить правительственные путы.

«*Чтобы спасти русскую общину, нужна русская революция*». Русской общине «противостоит поземельная собственность, держащая в своих руках почти половину—и лучшую половину—земель, не считая земель государственных. С этой точки зрения, сохранение «сельской общины» путем ее последующей эволюции совпадает с общим движением русского общества, преобразование которого может быть куплено только этой ценой» [1]. Нужна русская революция. «Впрочем,—писал Маркс,—те, кто дер-

[1] Архив Маркса и Энгельса, кн. 1-я, стр. 277.

жит в своих руках политические и общественные силы, весьма старательно подготовляют массы к подобной катастрофе».

Эта революция должна была устранить и источник слабости общины, ее изолированность, отсутствие внешних связей или, как говорил Маркс, «локализованный микрокосм».

«Поэтому только в общем восстании могут быть уничтожены изоляция «сельской общины», отсутствие связей между жизнью одной общины с жизнью других общин,—словом, ее *локализованный микрокосм*, мешающий ее исторической инициативе».

Но эта русская революция должна была находиться в определенной связи с пролетарской революцией передовых стран Западной Европы. «Если русская революция послужит сигналом рабочей революции на Западе *так, что обе они пополнят друг друга,* то современное русское землевладение может явиться исходным пунктом коммунистического развития» [1].

Из всех этих высказываний Маркса и Энгельса по интересующему нас вопросу вытекает то несомненное положение, *что только определенная совокупность внешних и внутренних условий делает возможным некапиталистический путь развития отсталых стран.* Эта возможность на примере России была Марксом и Энгельсом обоснована с наибольшей тщательностью.

Здесь мы как будто бы сталкиваемся с противоречием в высказываниях Маркса и Энгельса по этому поводу. Но это противоречие оказывается мнимым, как только мы достаточно внимательно вдумаемся и проанализируем характер этих высказываний. Так, в предисловии к первому изданию первого тома «Капитал» Маркс писал: «Общество, раз оно попало на след естественного закона своего развития... не может ни перескочить через естественные фазы своего развития, ни отменить последние декретами». С первого взгляда может показаться, что налицо два явно противоречащих друг другу положения; с одной стороны, отрицается возможность перескочить через естественные фазы развития, если общество напало на их след, с другой стороны, основоположниками научного социализма высказывается возможность остановить стремление собственной эволюции в направлении к капитализму, высказывается возможность некапиталистического пути развития отсталых стран. Эти положения могут показаться противоречивыми, если брать их оторванно, вне связи со всем историко-философским учением Маркса и если в данном случае Маркса понимать в том смысле, что установленная им закономерность общественного развития не знает никаких исключений, что она фатально распространяется на все без изъятия страны. На самом деле Маркс в предисловии к 1-му тому «Капитала» говорит о человеческом обществе в целом и о направлении его развития. Далее, Маркс устанавливает *общий* закон общественного развития, который, конечно, может быть видо-

[1] Маркс и Энгельс, Письма, стр. 281.

изменен в силу ряда условий в отношении той или иной страны. Было бы грубейшей ошибкой—от которой Маркс неоднократно предостерегал—безоговорочно переносить этот общий закон на все страны без учета исторических условий, в которых протекает развитие каждой из них.

И когда Маркс говорил конкретно о судьбах России, он не исключал ни возможности капиталистического развития ни возможностей для тогдашней России миновать этот путь. Характер последующего развития России Маркс ставил в зависимость от общеисторических условий и в первую очередь—от внешней среды. Если эта среда окажется неблагоприятной, то Россия, как и всякая в этих условиях страна, «очутившись однажды на лоне капиталистического строя, неизбежно попадет под власть его неумолимых законов, как и все прочие грешные народы» [1].

Как видим, это мнимое противоречие в высказываниях Маркса отражало противоречия конкретной исторической действительности. Оно формулировало две тенденции возможного развития отсталых стран. Лишь этот сугубо диалектический конкретно-исторический подход, далекий от мертвящего схематизма, позволил Марксу ставить вопрос о возможности для отсталой страны миновать или прервать все последующие фазы капиталистического развития.

Чтобы исчерпать марксистскую постановку вопроса о некапиталистическом пути развития, мы приведем еще одну выдержку из его черновых набросков письма к Засулич, где он на примере России высказывает по этому вопросу свои соображения, из которых мы можем почерпнуть чрезвычайно важное методологическое указание. Маркс писал: «A priori оба исхода возможны, но они предполагают совершенно различные исторические среды. Оставляя в стороне все бедствия, угнетающие в настоящее время русскую «сельскую общину», и принимая во внимание лишь форму ее строения, ее историческую среду, нужно признать, что с первого же взгляда очевидно, что одна из ее основных характерных черт—общая собственность на землю—образует естественную основу коллективного производства и присвоения. Помимо того, навык русского крестьянина в артельных отношениях облегчил бы ему переход от парцеллярного хозяйства к хозяйству коллективному, которое он в известной мере ведет уже на нераздельных лугах при осушительных работах и других предприятиях общего характера. *Но для того чтобы коллективный труд мог заместить именно в земледелии труд парцеллярный—форму частного присвоения,—нужны две вещи: экономическая потребность в таком превращении и материальные условия для его осуществления*» [2]. Мы видим, таким образом, что Маркс вопрос о возможности некапиталистического пути развития отсталых стран разбивает по сути дела на два вопроса: во-первых, об экономической потребности и, во-вторых, о материальных условиях, необходимых для осуществления этого пути. И дальше Маркс

---

[1] Маркс и Энгельс, Письма, стр. 280.

[2] Архив Маркса и Энгельса, кн. 1, стр. 275.

рассматривает отдельно каждый из этих вопросов. Что касается экономической потребности,—говорит он,—то она даст себя почувствовать, как только будет свергнут абсолютизм, конфискована помещичья земля, как только община будет поставлена в нормальные условия, как только крестьяне увеличат размеры годной для обработки земли. Прошло,—писал Маркс,—то время, «когда русскому земледелию требовалась лишь земля». Первобытными орудиями не поднять этой до того истощенной земли. Крестьянину нехватает «необходимых вещей для обработки» тех наделов, которыми он располагает еще до революции. Его положение не улучшится, когда размеры его землепользования расширятся. И ему нужен будет «кооперативный труд, организованный в широком масштабе».

Так обстоит дело с экономической потребностью, но каково положение с материальными условиями, делающими осуществимым этот коллективный труд? Откуда взять все необходимые для коллективного труда средства—оборудование, удобрение, агрономические методы? Вот тут,—писал Маркс,—и скажется «великое превосходство русской «сельской общины» над древними общинами того же типа». Она находится в такой исторической среде, которая предоставит ей условия коллективного труда. «Она имеет возможность присвоить себе все положительные достижения капиталистического строя, не проходя сквозь его Кавдинские ущелья».

Отсталая страна должна получить современную технику для социалистической реконструкции своего хозяйства. Перед промышленно-неразвитой страной перспектива перестройки общественных отношений на коллективистических началах открывается вместе с победой пролетариата передовых стран вместе с его технико-экономической помощью. Социалистически преобразованные передовые страны дадут машины отсталым народам, а «машина так же мало является экономической категорией, как и бык, который тащит плуг. Современное *применение* машин есть одно из общественных отношений нашего настоящего экономического строя, но способ пользоваться машинами совершенно не то, что сами машины. Порох остается одним и тем же веществом, употребляют ли его для того, чтобы нанести с помощью его рану человеку, или для того, чтобы вылечить раны того же самого человека» [1].

Но если социалистический путь развития для отсталых стран становится возможным лишь при условии победы пролетариата в передовых странах, значит ли это, что отсталые страны должны, покоряясь судьбе, безропотно выжидать социалистическую революцию в более развитых странах? Социал-демократические оппортунисты всех стран именно такой вывод и делают, не боясь того, что они становятся в полное противоречие со всеми высказываниями Маркса на этот счет. Так, говоря о России, Маркс не исключал того, что русская революция, протекая в условиях общего кризиса и краха капиталистической системы, углубит этот кризис, послужит сигналом и приблизит наступление социалистической револю-

[1] Маркс и Энгельс, Письма, стр. 16.

ции на Западе, устранит внутренние помехи развития общины в социалистическом направлении и при помощи победившего западно-европейского пролетариата создаст условия дальнейшего уже некапиталистического развития России. На этом примере видно, как Маркс правильно в свое время ставил вопрос о взаимоотношении между буржуазно-демократической революцией в отсталой стране с социалистическим переворотом в промышленно-развитых странах.

Подведем теперь итоги. Обобщим методологические указания, которые мы смогли почерпнуть из различных работ Маркса и Энгельса по интересующему нас вопросу о возможности некапиталистического пути развития отсталых стран.

1. Маркс и Энгельс не считали обязательной для всех стран капиталистическую стадию развития.

2. Они признавали теоретическую возможность некапиталистического пути развития для отсталых стран.

3. Эту возможность они обусловливали благоприятной исторической средой, крахом капиталистической системы, социалистической революцией в передовых странах.

4. Передовые страны по отношению к отсталым должны сыграть роль толчка извне для изменения направления их развития.

5. Передовые страны должны послужить образцом для подражания.

6. Передовые страны должны оказать материальную помощь для социалистической реконструкции промышленно менее развитых стран.

7. При этих благоприятных внешних условиях некоторые остатки докапиталистических формаций в отсталой стране первобытного коммунистического характера облегчают переход этой страны к социалистической организации производства и потребления.

8. Отсталые страны в этих условиях могут не только миновать, но и прервать капиталистическую стадию развития.

9. При сохранении примата внешних над внутренними условиями некапиталистическго развития отсталой страны все же роль внутреннего фактора чрезвычайно значительна, так как только при условии собственной революции, идущей на соединение с пролетарским переворотом в передовых странах, перед отсталой страной открывается возможность некапиталистического развития.

10. Возможность некапиталистического пути развития может быть реализована, если налицо имеются экономическая потребность и материальные условия, необходимые для осуществления этого пути.

Наш анализ, следовательно, возможности некапиталистического пути развития отсталых стран применительно к нашей эпохе должен следовать за этими методологическими указаниями основоположников научного социализма. В последующем изложении мы не замедлим воспользоваться этими перечисленными нами методологическими указаниями, вытекающими из всех высказываний Маркса и Энгельса по интересующему нас вопросу. Забегая вперед, укажем лишь, что программа Коминтерна целиком

базируется на тех положениях, которые были выработаны Марксом и Энгельсом при разрешении ими проблемы некапиталистического пути развития отсталых стран.

«Таким образом, ход мировой революции, поднимая рабочих метрополий на борьбу за диктатуру пролетариата, поднимает также сотни миллионов колониальных рабочих и крестьян на борьбу с иностранным империализмом. При наличии центров социализма в лице советских республик и их возрастающей экономической мощи отпавшие от империализма колонии экономически сближаются и постепенно объединяются с индустриальными очагами мирового социализма, втягиваются в русло социалистического строительства, минуя фазу дальнейшего развития капитализма, как господствующей системы, и получают возможность быстрого экономического и культурного прогресса. Политически группируясь вокруг центров пролетарской диктатуры, крестьянские советы отсталых бывших колоний и советы рабочих и крестьян в бывших колониях более развитого типа включаются в общую систему все растущей федерации советских республик и тем самым, следовательно, в систему мировой диктатуры пролетариата. Развитие социализма, как нового способа производства, получает свой мировой размах» [1].

П. Прагер

(Продолжение следует)

---

[1] Программа Коммунистического интернационала, Гиз, 1928, стр. 85—86.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ДВУХ «ПОТОКОВ» МЕЛКОБУРЖУАЗНЫХ ШАТАНИЙ

(Продолжение) [1]

РЕВИЗИОНИЗМ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ НЕОБХОДИМОСТИ, ЦЕЛИ И СУБЪЕКТИВНОМ ФАКТОРЕ В РЕВОЛЮЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ

Теоретикам ревизионизма заказаны пути к правильному пониманию указанной проблемы, поскольку они в корне порвали с диалектическим материализмом. В задачи нашей статьи не входит разбор всей системы философских взглядов ревизионизма (если эклектику вообще позволительно назвать системой)—мы с самого начала ограничили рамки нашего изложения. Мы, однако, считаем необходимым сделать несколько замечаний об отношении ревизионизма к революционной диалектике.

В предисловии ко 2-му изданию 1 тома «Капитала» Маркс указывает, какой ужас внушает буржуазии материалистическая диалектика. Буржуазия, в свое время поклонявшаяся Гегелю, прониклась ярой враждебностью к гегелевской диалектике после того, как благодаря Марксу и Энгельсу диалектика была освобождена от идеалистической шелухи, была поставлена с головы на ноги, и была вскрыта революционная ее сущность. Буржуазия заинтересована в сохранении существующего капиталистического строя, и она проявляет бешеную ненависть к учению, которое на основе объективных закономерностей общественного развития говорит о неизбежности разрушения существующего строя; и чем более объективно это учение, тем острее ненависть к нему буржуазии. Реформизм выступает в роли лакея-охранителя капиталистического строя и его отношение к материалистической диалектике, как и у буржуазии, определяется его страхом перед революционными выводами диалектики.

Суеверный страх реформиста-филистера перед диалектикой очень хорошо выражен Бернштейном. Если бы Энгельс подверг свою теорию необходимому пересмотру, он, по мнению Бернштейна, «обязательно покончил бы все счеты, если не формально, то фактически, с гегелевской диалектикой. Она—предательский элемент в марксистской доктрине, по-

[1] См. № 2—3 (97—98) «Прол. рев.».

меха, стоящая поперек пути всякого последовательного истолкования вещей. Вырваться из ее пут Энгельс не мог или не хотел»[1].

«Как блуждающий огонек, оно (учение Гегеля о диалектике.—*Е. Б.*) показывает нам в смутных очертаниях далекие перспективы. Но как только мы, полагаясь на него, избираем себе дорогу, мы обязательно попадаем в болото. То великое, что Маркс и Энгельс нам дали, они дали не благодаря гегелевской диалектике, а вопреки ей»[2].

Реформиста-филистера жестоко пугает основное положение диалектики о развитии через противоречие. Все без исключения теоретики ревизионизма проявляют сугубое «нежничание с природой и историей (у филистеров)—стремление очистить их от противоречий и борьбы»[3]. В частности Бернштейн неустанно трудился над «опровержением» противоречивости развития. В ответе на ст. Каутского «Бернштейн и диалектика» Бернштейн в «Die Neue Zeit» писал:

«*Движущей силой* всякого развития является борьба *противоречий*», заявляет Каутский, и спрашивает меня, считаю ли ошибочным это учение или лишь особые его формы в доктринах Гегеля, Маркса и Энгельса. На это я отвечу вопросом: если утверждение Каутского правильно, то что станет с «конечной целью» социализма, с общественным строем, основанным на гармонической совместной жизни его членов? Разве в нем прекратится всякое развитие? Я не придерживаюсь воззрения, что борьба противоречий является движущей силой *всякого* развития. Совместное действие родственных сил является также великим двигателем развития»[4].

Со столь свойственным ему самодовольством мещанина Бернштейн, как видим, с ученым видом знатока путает антагонизм с противоречием. Между тем капитализм—последний антагонистический общественный строй, в то время как развитие через противоречие есть универсальный закон движения, сохраняющийся, конечно, и в отношении общественного развития при социализме и коммунизме. Что же касается второго довода о «совместном действии родственных сил», как противовес закону противоречивости развития, то Бернштейн и здесь проявляет элементарное невежество в понимании диалектического *единства* противоположностей. «Мнимые противоречия в природе оказываются, на самом деле, противоречиями в понимании природы»[5].

Бернштейн в цитируемом выше месте полемизирует с Каутским. Последний тогда выступил против ревизионизма Бернштейна по всему теоретическому фронту. Но как раз полемика Каутского против Берн-

---

[1] Э. Бернштейн, «Условия возможности социализма и задачи социал-демократии» СПБ, 1906, стр. 35.

[2] Там же, 47.

[3] IX Ленинский сборник, стр. 117.

[4] «Die Neue Zeit» 1898—1899, II, цит. по книге Э. Бернштейна «Очерки из истории и теории социализма», СПБ, 1902, стр. 329—330.

[5] Там же, стр. 326.

штейна на философском участке этого фронта была наиболее слабой и мало удовлетворительной и носила сугубо оборонительный характер. Именно Каутского имел, главным образом, в виду Плеханов, когда в 1901 г. в полемике против Бернштейна писал: «Надо признать, что в полемике, вызванной «критическими» усилиями г. Бернштейна и компании, большинство ортодоксальных марксистов оказалось наименее сильным именно в защите *диалектики*» [1]. В письме Горькому от февраля 1908 г. Ленин говорит, что журнал «Die Neue Zeit» «равнодушен к философии, никогда не был ярым сторонником философского материализма» [2]. Движение от марксизма к ревизионизму Каутский начал с философского конца. Теперь Каутский в основном целиком воспринял взгляды Бернштейна на материалистическую диалектику.

В своем двухтомнике «Материалистическое понимание истории» Каутский отрицает универсальность законов диалектики в развитии природы и общества: «Мы никоим образом не должны везде и повсюду предполагать наличие диалектики, как необходимой схемы развития, а открывать ее там, где она происходит (wo sie vorkommt)» [3]. В эту территориально ограниченную» диалектику Каутский вкладывает такое содержание, что от материалистической диалектики не остается никакого следа. Каутский совершенно выхолащивает революционную суть диалектики, «очищая» ее «от противоречий и борьбы». Каутский прежде всего отрицает диалектику внутренне-необходимого развития, диалектику самодвижения. «Диалектика» Каутского осуществляется только в отношениях между человеком и средой, в процессе взаимодействия между ними. Борьба противоречий заменяется махистским приспособлением (Anpassung): приспособление мыслей к обстоятельствам в порядке взаимодействия человека и среды и приспособление мыслей одних к другим, что происходит как одно только «движение духа» [4]. Следовательно, Каутский выхолащивает душу диалектики, «устраняя» противоречия—универсальный двигатель развития.

Это «устранение» у Бернштейна, Каутского и вообще у всех без исключения теоретиков ревизионизма имеет совершенно ясную социальную целевую задачу: подводится теоретическое обоснование отказу от классовой борьбы. Если противоречие не является универсальным двигателем развития материального мира, то «необязательна» классовая борьба в классовом обществе. Тогда вместо борьбы нужны примирение, сотрудничество классов. Тогда в порядке «приспособления» мыслей к обстоятельствам» пролетариат должен не бороться, а приспособляться к капиталистическому строю.

Бернштейн прямо называет материалистическую диалектику дьяволь-

---

[1] «Возможен ли научный социализм», Одесса, 1906, стр. 64.

[2] I Лен. сб., стр. 89.

[3] K. Kautsky, Die Materialistische Geschichtsauffassung, Berlin, 1927. Bd. I, S. 135.

[4] Там же, стр. 148. См. также стр. 130—131, 134, 135, 139, 140, как и весь раздел о диалектике, стр. 128—154.

ским навождением, Каутский делает своеобразную попытку «использовать» «вывеску» диалектики путем выхолащивания ее революционной сущности. Но и Бернштейн и Каутский одинаково далеки от революционной, материалистической диалектики.

Ревизионизм выступает против диалектического положения о скачкообразности развития общества.

В разрешении всех существенных теоретических проблем, которые им ставятся, Каутский отрицает скачкообразность развития. Каутский отвергает энгельсовский тезис о прыжке из царства необходимости в царство свободы. «Вместо того, чтобы говорить о прыжке из царства необходимости в царство свободы, нужно ставить вопрос о распространении (Ausdehnung) области свободы (буквально-провинции свободы.—*Е. Б.*) внутри государства причинной необходимости, границы которого не подлежат оспариванию» (там же, стр. 108). Не вдаваясь здесь в разбор правильности самой постановки вопроса о соотношении необходимости и свободы, мы отметим только, что качественный скачок от необходимости к осознанной необходимости—свободе, Каутский заменяет количественными изменениями. Каутский утверждает, что *кажущаяся* скачкообразность развития—только субъективное наше суждение, объективно же скачков не бывает: «Если бессмысленно о том или ином явлении утверждать, что оно медленное или скачкообразное, ибо подобные понятия относительны,—то при рассмотрении двух явлений мы с полным правом можем сказать, что одно явление *по сравнению с другим* развивалось более медленно и менее заметно. Это будет не субъективной оценкой, а объективной констатацией» (там же, стр. 418). Итак, скачкообразность развития—только субъективная оценка! Каутский по существу отрицает образование *качественно нового*. По его взглядам, все новое есть только преобразование «старого», «абсолютно нового не бывает» (там же).

Эта «теория» отрицания скачкообразности развития имеет такую же не менее ясную социальную целевую задачу: здесь дано теоретическое обоснование отрицания революций в развитии общества. По Каутскому, революция—только исключение из общего эволюционистского пути общественного развития, имеющее место единственно только при переходе от феодализма к социализму (подробней об этом ниже).

Последовательным материалистом может быть только диалектический материалист. Среди теоретиков ревизионизма нет поэтому ни одного последовательного материалиста. Более или менее открыто, более или менее полно перед идеализмом капитулируют все ревизионисты без исключения: от стопроцентных неокантианцев (Макс, Адлер, Брауналь и др.) до Каутского, старающегося свой идеализм прикрыть марксистской терминологией, или Кунова, внешне придерживающегося хода мыслей Маркса—Энгельса в объяснении целого ряда проблем общественного развития. Каутский, например, утверждает, что материалистическое понимание истории не обязательно связано с философским материализмом, а может сочетаться с другими философскими системами: позитивизмом, сенсуа-

лизмом и т. д. Материалистическое понимание истории «соединимо с любым мировоззрением, пользующимся методом диалектического материализма, или же, по крайней мере, не состоит с последним в непреодолимом противоречии» (там же, стр. 28). Как видим, философский материализм Каутский считает необязательным, сам он его в своем двухтомнике выбрасывает за борт. Он считает возможным исторический материализм к изучению общественного развития—сочетать с идеалистическими системами в философии, отрицающими решающее значение «материальной основы» в развитии общества. Действительно, это отрицание мы имеем фактически и у Каутского; ряд примеров мы приведем в ходе дальнейшего изложения. Здесь достаточно привести диковинное заявление Каутского, что «марксово положение о базисе и надстройке» безусловно действительно только для каждого данного нового явления в истории» (там же, стр. 837).

Полнейшая ревизия философии марксизма, капитуляция перед идеализмом предопределяет невозможность правильного разрешения теоретиками ревизионизма проблемы исторической необходимости, цели и роли субъективного фактора в общественном развитии.

I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ БЕРНШТЕЙНА НА ИСТРИЧЕСКУЮ НЕОБХОДИМОСТЬ, ЦЕЛЬ И РОЛЬ СУБЪЕКТИВНОГО ФАКТОРА

Для разбора нашей темы мы наиболее подробно остановимся на взглядах Бернштейна,—хотя по уровню теоретической мысли он стоит ниже таких идеологов ревизионизма, как, скажем, Каутский или Кунов. Последний даже находит у Бернштейна «странное непонимание (befremdende Verständnisslosigkeit») марксовой исторической теории»[1]; Кунов заявляет, что аргументация Бернштейна в вопросе о базисе и надстройке показывает, что Бернштейн совсем не понял Маркса и Энгельса [2]. Однако Бернштейн имеет ряд «преимуществ» перед другими теоретиками социал-демократии. Во-первых, он первый выступил с ревизионистской платформой, он может претендовать на звание наиболее последовательного капитулянта перед буржуазией и в практике и в теории. Во-вторых, Бернштейн меньше, чем напр. Каутский, прикрывает свои взгляды quasi-марксистской терминологией; полный отказ от марксова учения Бернштейн совершает более открыто. В-третьих, в интересующей нас проблеме Бернштейн в общем исчерпал аргументацию ревизионизма. В конечном счете рассуждения на эту тему современного Каутского и др. представляют только вариации и видоизменения соответственно новым условиям нескольких теориек, в свое время выдвинутых Бернштейном. Мы надеемся это доказать в ходе нашего изложения.

В своей печально знаменитой книге «Предпосылки социализма и

[1] H. Cunow, Die Marxsche Geschishts-Gesellshafts-und Staatstheorie, Berlin, 1923, Bd. 11, S. 198.

[2] Там же, стр. 255.

задачи социал-демократии», как и в ряде других произведений Бернштейн уделяет очень много внимания вопросу об исторической необходимости. В специальной главе о «материалистическом понимании истории и исторической необходимости» Бернштейн поясняет:

«Вопрос о правильности материалистического понимания истории есть вопрос о степени исторической необходимости. Быть материалистом значит прежде всего утверждать необходимость всего случающегося. Движение материи совершается согласно материалистическому учению с необходимостью определенных законов: нет причины без неизменного действия, нет явления без материальной причины. А так как движение материи определяет форму идей и направление волевых актов, то и последние вместе со всем совершающимся в человеческом мире необходимы. Материалист, таким образом, есть кальвинист без бога. Если он и не верит в предопределение, установленное божеством, то он все же верит и должен верить, что, начиная с любого момента, все, что затем совершается, заранее определяется совокупностью данной материи и отношениями сил ее частей. Перенесение материализма в объяснение истории означает поэтому, прежде всего, утверждение необходимости всех исторических явлений и движений»[1].

В одной этой выдержке—бесконечное нагромождение попыток фальсификации и вульгаризации марксизма. Правильность «материалистического понимания истории», т. е. применения к развитию общества диалектического материализма, определяется не степенью исторической необходимости», а проверяется на правильности основного положения исторического материализма о решающей роли «материальной основы» в общественном развитии. Именно, исходя из этого основного положения, исторический материализм изучает закономерности общественного развития, историческую необходимость. Неправильно, будто диалектический материализм утверждает «необходимость всего случающегося». Случайность—объективная категория; диалектический материализм утверждает только, что в конечном счете историческая необходимость прокладывает себе дорогу через строй случайности—этого частного момента необходимости.

Но «соль» бернштейновской тирады в другом: Бернштейн повторяет примелькавшиеся буржуазные зады, подменяя диалектический материализм механическим и на этой «основе» критикует... диалектический материализм. Ведь только в силу теоретического невежества и прямого желания искажения марксова понимания исторического процесса можно сущность исторического материализма изобразить так: движется некая страшная всемогущая материя, которая помимо и вопреки воле людей творит исторический «суд и расправу» над обществом. Движение материи в понимании философского материализма, это—движение материального

---

[1] Э. Бернштейн, Условия возможности социализма и задачи соц.-дем., СПБ, 1901, стр. 7—8.

мира, специфической частью коего является человеческое общество. Историческая необходимость осуществляется через борьбу людей, борьбу классов. О значении этой последней в развитии общества мы много говорили в предыдущей статье.

«Материалист—это кальвинист без бога». Кальвинизм—это фатализм на основе веры в предопределенность всего происходящего волей божьего провидения, а материализм (какой?), по мнению Бернштейна—это фатализм на базе веры во всемогущество материи, против которой люди бессильны. И это смешное, нелепейшее утверждение Бернштейн употребляет в отношении диалектического материализма, который, преодолев идеализм Гегеля и механистические черты фейербаховского материализма, впервые правильно поставил и разрешил проблему субъекта и объекта, проблему преобразующей роли человеческой практики в историческом процессе. В статье в «Neue Zeit» «Необходимость в природе и истории» Бернштейн говорит: «Весь спор (об исторической необходимости.—*Я. Б.*) вращается около различного понимания слова *детерминизм*. В том смысле, в котором я его употребляю, оно означает *материально устанавливаемую необходимость* и в применении к истории ведет к фатализму»[1]. В другом месте этой же статьи Бернштейн говорит о «физической необходимости» якобы проповедуемой материалистическим пониманием истории.

В данном случае, как и во всех других высказываниях на эту тему, Бернштейн диалектический материализм и его применение к изучению общественного развития *отожествляет с экономическим материализмом*. Понятие исторической необходимости он сводит к тезису, что все общественное развитие определяется слепым действием экономических фактов, причем воля человека, борьба классов в различных ее проявлениях, вся надстройка над экономическим базисом, объявляются вовсе недействительными, выбрасываются из игры общественных сил. Исходя из подобной, свойственной всем буржуазным «опровергателям» карикатурной вульгаризации марксизма, Бернштейн открывает у Маркса—Энгельса тьму всяких «противоречий». Признать историческую необходимость по Бернштейну значит признать фаталистическую силу закономерностей экономического развития с исключением из поля борьбы человека. А так как Маркс и Энгельс, признавая решающее значение материальной экономической основы, уделяют соответствующее место в общественном развитии «надстройке», то, следовательно, «историческая теория Маркса—Энгельса» не детерминистична,—в отличие от детерминистического философского материализма. Со словом «материалистическое понимание истории» связаны наперед недоразумения, вызываемые вообще понятием материализма. Философский или естественно-исторический материализм носит детерминистический характер, чего нельзя сказать относительно исторической теории Маркса—Энгельса, которая не признает за экономическим основанием народной жизни безусловно определяющего

[1] «Die Neue Zeit» за 1898—1899, Bd. 11. S. 266.

значения по отношению к этой жизни» [1]. Бернштейн делает сенсационное открытие: «суть в том, что Маркс и Энгельс всегда были лишь условными материалистами» [2].

Бернштейн похваливает Маркса и Энгельса за то, что в своей исторической теории они отступили от детерминизма философского материализма. Но не сразу Маркс и Энгельс пришли к такому «просветлению умов». В упомянутой статье в «Die Neue Zeit» Бернштейн пишет: «Относительно последнего (исторического материализма.—*Я. Б.*) я заметил, что Маркс и Энгельс представляли его сначала в более детерминистическом виде, чем в своих позднейших произведениях». И в доказательство этого своего утверждения Бернштейн приводит следующее место из письма Энгельса И. Блоху от 1890 г. (эту цитату Бернштейн берет даже эпиграфом к главе об исторической необходимости в его «Предпосылках»): «Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать оспаривавшийся ими *главный принцип* (экономическую сторону) и тут у нас не всегда было время, место и повод, чтобы отдавать должное *остальным,* участвующим во взаимодействии моментам». «Но если,—заявляет по этому поводу Бернштейн,—участвующие во взаимодействии элементы не получили должного признания, то это значит, что детерминирующее значение «главного принципа» было преувеличено по сравнению с действительностью».

Попытаемся разобраться в этом лабиринте вульгаризации и благоглупостей.

Мы не будем останавливаться на противопоставлении Бернштейном исторического материализма философскому. Кроме теоретического невежества автора это противопоставление ничего в себе не содержит. Стоит задержаться на вопросе о соотношении базиса и надстройки. Не нужно доказывать, что Бернштейн совершает неслыханную фальсификацию, когда Марксу и Энгельсу приписывает отрицание безусловно определяющего значения «экономического основания» в «народной жизни». Ни одной цитатой из Маркса—Энгельса Бернштейн это свое утверждение подкрепить не может. Он приводит множество высказываний основоположников марксизма, где указывается на роль надстройки, оказывающей обратное действие на экономический базис. Но везде Маркс и Энгельс подчеркивают, что в конечном счете определяют общественное развитие «экономическая сторона»: производительные силы данного общества и сложившиеся на их основе производственные отношения. В признании этого положения—незыблемая основа исторического материализма.

Бернштейну совершенно чуждо понимание диалектической взаимозависимости и взаимодействия базиса и надстройки, их взаимного проникновения. Ему органически непонятно диалектическое соотношение причины и следствия. Он не может понять, что, как говорил Маркс, «идеальное есть не что иное, как переведенное и переработанное в человеческой

---

[1] «Условия возможности...», стр. 18—19.

[2] «Die Neue Zeit» за 1898—1899, стр. 265.

голове материальное» [1]. Формальная логика Бернштейна мыслит «прямолинейно»: если базис определяет надстройку, значит не может последняя влиять на базис. По мнению Бернштейна, Маркс и Энгельс впали в противоречие, отказываются от прежних взглядов и т. д.

Бернштейн совершает второй подлог, когда Энгельсу приписывает мысль, что «остальные моменты» Марксом—Энгельсом долгое время недооценивались. Энгельс ясно говорит, что главной задачей было в борьбе с противниками доказать «главный принцип» и основоположники марксизма мало занимались разработкой и мало подчеркивали в своих произведениях значение «остальных моментов». Но в изучении исторических процессов они этим «моментам» уделяли должное место и внимание.

В письме Мерингу от июля 1893 г. Энгельс говорит: «Мы переносим и должны переносить центр тяжести на то, чтобы выводить политические, правовые и прочие идеологические представления и действия, на которые эти представления влияли, из экономических основных фактов. При этом мы из-за содержания не обращаем должного внимания на формальную сторону: каким образом эти представления и т. д. возникают. Это дало нашим противникам желанный повод для недоразумений».

И будто прямо отвечая Бернштейну Энгельс продолжает: «С этим связано также идиотское представление идеологов: так как мы за различными идеологическими областями, играющими роль в истории, не желаем признать самостоятельного исторического развития, то, значит, мы отрицаем за ними всякую историческую роль. В основе этого лежит заурядное недиалектическое представление о причине и следствии, как о двух неизменно разъединенных полюсах, абсолютно не видящее взаимодействия» [2]. Никакого изменения в существе взглядов Маркса и Энгельса на этот вопрос не произошло. Достаточно взять один только пункт написанных в 1846 году марксовых тезисов о Фейербахе, чтобы в этом убедиться. «Философы лишь объясняли мир так или иначе. Но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»—разве в этом тезисе уже не дан ответ на значение надстройки? Разве не через разные формы классовой борьбы, экономическую, политическую и идеологически-теоретическую осуществляется человеком это изменение? Там, где Бернштейн ставит точку в цитате из письма Блоху, Энгельс продолжает: «Но как только дело доходило до изображения какого-либо периода, т. е. до практического применения, дело менялось, и тут уже не могло быть никакой ошибки» (там же, стр. 306). Точка зрения Маркса—Энгельса на соотношение базиса и надстройки всегда (т. е. с тех пор, как они стали диалектическими материалистами) была такой, как ее Энгельс изложил в том же письме Блоху:

«Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом в *конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего

---

[1] «Капитал», т. 1, Гиз, 1930, стр. XI.

[2] К Маркс и Ф. Энгельс, Письма, перевод В. В. Адоратского, М. 1923, стр. 336—338

не утверждали. Если кто либо это положение извратит в том смысле, что будто экономический момент является *единственным* определяющим моментом, тогда утверждение это превращается в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение это основа, но на ход исторической борьбы оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно *форму* ее—различные моменты надстройки:—политические формы классовой борьбы и ее результаты—конституции, установленные победившим классом после одержанной победы и т. д.; правовые формы, и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников—политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм. Тут имеется налицо взаимодействие всех этих моментов, в котором в конце концов экономическое движение, как необходимое, прокладывает себе дорогу сквозь бесконечную толпу случайностей» (там же, стр. 303—304). Но, допустим, на минуту ложную предпосылку Бернштейна, что Маркс и Энгельс недооценивали значение «остальных моментов», а на склоне лет исправили свою ошибку. Почему от этого обстоятельства исторический материализм становится менее детерминистичным? Это, конечно, правильно с точки зрения вульгарного экономического материализма, с которым жестоко боролись Маркс и Энгельс, но абсолютно неправильно с точки зрения диалектического материализма. Большее или меньшее значение «остальных моментов» отнюдь не отменяет историческую необходимость, составной частью которой является борьба человека, класса. Возрастание значения надстройки связано с другим процессом—движения от необходимости к свободе, как осознанной необходимости. Но это тема другого порядка.

Как же Бернштейн излагает *свое* понимание исторической необходимости? Берем из «Предпосылок» наиболее исчерпывающую формулировку, которую приходится давать полностью, несмотря на ее длинноты:

«Чем в большей степени влияют на жизнь общества другие силы, помимо чисто экономических, тем значительнее изменяется власть того, что мы называем исторической необходимостью. В современном обществе надобно в этом отношении различать два больших течения. С одной стороны, обнаруживается все растущее знакомство с законами развития и, именно, хозяйственного развития. Рядом с этим познанием, отчасти как его причина, отчасти же, опять-таки, как его следствие, идет все увеличивающаяся способность руководить экономическим развитием. Как физическая, точно так и экономическая сила природы постепенно превращается из повелительницы человека в прислужницу его по мере того, как познается ее сущность. Общество, таким образом, находится теперь в большей теоретической независимости от экономического фактора, нежели когда-либо прежде, и только противоположность интересов между его элементами—сила интересов частных лиц и групп—мешает полному превращению этой теоретической свободы в практическую. Все же и при таких условиях *всеобщий интерес* берет все больший и больший перевес над частными,

и в той мере, в какой это имеет место, и в тех областях, где это так, прекращается стихийная власть экономических сил. Их развитие учитывается заранее, а потому оно постольку и осуществляется скорее и легче. Личности и целые народы, таким образом, освобождают все большую часть своей жизни из под влияния осуществляющейся помимо или против их воли необходимости.

«Новейшее общество гораздо богаче прежних обществ идеологией, не определяемою экономией и природою, влияющей в виде экономической силы. Науки, искусства и более значительный ряд социальных отношений в настоящее время гораздо менее зависят от экономии, нежели в какое-либо другое время до этого. Или, чтобы не дать места никаким недоразумениям, достигнутая ныне ступень хозяйственного развития предоставляет идеологическим, а в особенности этическим факторам больший простор для независимого действия, чем когда-либо прежде. Вследствие этого причинная связь между технически-экономическим развитием и развитием прочих социальных учреждений становится все более и более посредственной, а через это естественные необходимости первого мало-помалу теряют свое значение при определении формы последних.

«Железное долженствование истории» получает, таким образом, ограничение» [1].

В комментариях к этим утверждениям в упомянутой уже статье в «Die Neue Zeit» Бернштейн декретирует постепенное освобождение общества от принудительной необходимости, «прекращение экономической необходимости» [2].

Нетрудно убедиться, что в объяснении хода общественного развития Бернштейн стал здесь на стопроцентно-идеалистическую позицию. Мы не будем задерживаться на чрезвычайной неточности терминологии Бернштейна. Начнем непосредственно с «двух течений». Никаких «двух течений у Бернштейна не получается. «Рациональное зерно» его рассуждений сводится к повторению общеизвестного положения, что в ходе развития общества растет познание им закономерностей движения природы и общества, что растут возможности использования сил природы. Правильно, что производительные силы капитализма несравненно выше производительных сил феодализма; правильно, что при современном капиталистическом строе общество обнаруживает большее знакомство с «законами хозяйственного развития», чем, скажем, при феодальном строе. Но это «рациональное зерно» у Бернштейна тонет в море антимарксистских утверждений.

Громадный рост производительных сил в период восходящей линии развития капитализма еще никак не значит, что господствующая буржуазия проявляет «все увеличивающуюся способность руководить экономическим развитием». Как же в таком случае Бернштейн объяснит промышленные кризисы, стихийно возникающие с периодической неумолимостью? Как он объяснит войны между капиталистическими странами, воз-

[1] «Условия возможности...», стр. 14, 15 и 16.

[2] «Die Neue Zeit» за 1898—1899, Bd. 11, стр. 269.

никающие как неизбежный результат производственных отношений капитализма, анархии производства, бешеной конкуренции и т. д.? В антагонистическом капиталистическом обществе «стихийная власть экономических сил» никак не может прекратиться. Только в лакейско-ревизионистском воображении могут возникнуть такие идиллии, что при капитализме «всеобщий интерес берет все больший и больший перевес над частными», что развитие экономических сил заранее учитывается».

Способность буржуазии к познанию «законов хозяйственного развития» объективно ограничено ее классовым положением. Заинтересованная в сохранении существующего общественного строя буржуазия органически неспособна понять объективный ход экономического развития. Это по плечу только пролетариату, идущему на смену буржуазии и борющемуся за исторически-необходимую смену строя капитализма социалистическим. Только пролетариат, вооруженный диалектическим материализмом, оказывается в состоянии предвидеть объективные «законы хозяйственного развития». Бернштейн делает две «маленькие поправки» к Марксу—Энгельсу: прыжок из царства необходимости в царство свободы у него превращается в длительное путешествие, причем это последнее совершается в рамках... капиталистического строя!

Но будем считать, что бернштейновское современное общество есть общество социалистическое. И в этом случае идеализм трактовки Бернштейном исторической необходимости ни в малейшей мере не умаляется. «Независимость общества от экономического фактора» невозможна и при социализме и при коммунизме. Не о независимости идет речь, а о познании объективных законов движения и сознательном руководстве экономическим развитием в соответствии с интересами бесклассового общества. Не о том идет речь, чтобы людям освободиться «из под влияния осуществляющейся помимо или против их воли необходимости». Ибо, как мы это уже разбирали в первой статье, историческая необходимость осуществляется не помимо или против воли, а через людей; цели, которые ставит себе человечество, в конечном счете определяются исторической необходимостью. Движение от необходимости к свободе означает не бернштейновское «освобождение», не выпадение человеческого общества из общей связи материального мира, а «снятие» необходимости в свободе, как осознанной необходимости».

Центр тяжести бернштейновских рассуждений сводится к тому, что в современном буржуазном обществе «мало-помалу» теряет свое значение основное краеугольное положение исторического материализма, что общественное развитие определяется в конечном счете, «in letster Instanz» экономическими условиями. Бернштейн прямо и утверждает, что множественность факторов развития такова, что трудно бывает «с уверенностью указать, где в данном случае надлежит искать наибольшую движущую силу» [1]. Этот неприкрытый переход на позиции идеализма в объяснении

[1] «Условия возможности...», стр. 13.

общественного развития имеет важнейший социальный смысл. Здесь *дается теоретическое обоснование капитуляции перед буржуазией, всей ренегатской лакейской практике ревизионизма в отношении буржуазии и буржуазного государства.*

По Бернштейну в современном капиталистическом обществе надстройка настолько отчуждается от экономического базиса, что базис «малопомалу теряет свое значение» при определении сущности государства, идеологий, правовых норм и т. д. Этим должно быть сказано, что последние в современном обществе *теряют классовый характер*. Бернштейн отрицает наличие буржуазной науки, буржуазного искусства и т. д. Он считает, напр., «бессмыслицей» разговоры о «либеральной, консервативной или социалистической социологии» [1]. Но наиболее теоретически и политически существенным является конечно вывод о надклассовости буржуазного государства. Бернштейн (опираясь в этом отношении на теоретическое наследство Лассаля [2]), первый из социал-демократов полным голосом выступил глашатаем надклассового демократического государства при... диктатуре буржуазии! Это Бернштейн в обращении к штутгартскому партейтагу германской социал-демократии в 1898 г. утверждает, что «через избирательные листки, демонстрации и другие подобные методы давления мы проводим такие реформы, для достижения коих сто лет тому назад потребовались бы кровавые революции» [3]. А год спустя в своих «Предпосылках» Бернштейн писал, что «демократия принципиально есть уничтожение (Aufhebung) классового господства, хотя она и не значит еще фактического уничтожения классов [4], что «классовая диктатура принадлежит к более низкой культуре» (там же, стр. 163), и завершает свои рассуждения мистической концовкой, что «демократия является не только средством, но и субстанцией» (там же, стр. 180). Эта «субстанция»—надклассовая, она «независима» от экономических факторов. Экономика—сама по себе, политика—сама по себе. Марксистское понимание соотношения политики и экономики «ликвидируется». (В скобках отметим, что на непонимании диалектического соотношения политики и экономики «спотыкались» не раз оппозиционные течения в партии, в частности группа Троцкого—Бухарина в профсоюзной дискуссии.)

Чрезвычайно ярко и полно социальное целевое назначение «освобождения» надстройки от влияния экономического базиса, политики от экономики раскрывается на следующем современном примере из книжки Бернштейна «Der Sozialismus einst und jetzt». На одном собрании Берн-

---

[1] Э. Бернштейн, Возможен ли научный социализм?, Одесса, 1906, стр. 26.

[2] Этот вопрос, конечно, требует особого изучения. Здесь укажем только, что в своем новейшем произведении «Sozialismus einst und jetzt» Бернштейн прямо ссылается на соответствующие идеалистические высказывания Лассаля о государстве вообще, функцией которого является руководить движением человечества к свободе. Бернштейн указывает, что Лассаль оказался исторически правым. (См. стр. 88).

[3] Ed. Bernstein, Die Voraussetzungen des Sozialismus, Stuttgart, 1899, S. VI и IX.

[4] «Условия возможности...», стр. 161.

штейну был задан вопрос о трагизме положения социал-демократов в бытность ее у власти: социал-демократия, мол, всегда боролась за устранение капитализма, а очутившись у власти, она оказалась вынужденной прежде всего *восстановить капиталистическое производство*. Задал этот вопрос, конечно, политический младенец; занятые укреплением капитализма правительствующие «социалисты» никакого трагизма не испытывали. «В указанном обстоятельстве я не вижу ничего трагического»,—поясняет Бернштейн. Любое правительство,—«будь оно консервативное, либеральное, демократическое или социал-демократическое»,—должно было «сохранить капиталистическое производство и обеспечить ему соответствующие условия и возможности развития». После этого откровенного признания общности задач социал-демократов и всех фракций буржуазии в центральном и решающем вопросе Бернштейн считает необходимым добавить нечто из области «социалистических» задач: «Этим, однако, еще не сказано, что капиталистическое производство во всех пунктах должно остаться тем, чем оно было раньше. *Можно, сохраняя форму производства, изменять правовые отношения*. Точно так же можно изменить модус распределения. Частично первое в Германии так и произошло. Большое изменение наступило благодаря закону о заводских советах (Betriebsräte). Этот закон пока, правда, только начинает осуществляться, но значение его чрезвычайно велико, он связан с большими перспективами и открывает коренное переустройство (Wandlung) правовых отношений между предпринимателями и рабочими. Таким образом форма хозяйства и предприятия может сохраниться, но в их конституции и руководстве (in ihrer Verfassung und Leitug) может совершиться великое даже революционное изменение» [1].

Нам уже приходилось отмечать, как Бернштейн путает в экономических терминах. После «перевода» смысл бернштейновского положения будет таков: можно сохранить капиталистический способ производства, прежде всего неограниченное право частной собственности капиталистов на средства производства, на прибыль и т. д., и в то же время—революционно (!!) изменить правовые отношения между предпринимателями и рабочими, изменить модус распределения. На такой «теоретической» базе, как известно, построена пресловутая «хозяйственная демократия».

На этой же базе была построена вся практика «социализации» в бытность германских социал-демократов у власти.

Экономическая мощь капитализма и тем самым политическое влияние и сила буржуазии основаны на монопольном обладании средствами производства. Что может быть существенно изменено в отношениях между предпринимателями и рабочими, когда первый остается владельцем средств производства, а второй только продавцом рабочей силы? Какие могут быть внесены существенные изменения в «модус распределения», если сохраняется полновластная частная собственность на средства произ-

---

[1] «Der Sozialismus einst und jetzt», Berlin, 1923, S. 39.

водства? В годы войны в Германии при государственном капитализме распределение основных продуктов производства регулировалось государством. Но разве это хоть в малейшей степени поколебало капиталистический способ производства? Конечно, нет. И положение ничуть не изменилось бы, если б у власти было не кайзеровское, а социал-демократическое правительство, ибо сохранение средств производства у капиталистов, т. е. при сохранении капиталистического способа производства, сохраняется и политическая диктатура буржуазии и государственное вмешательство в распределение продуктов только служит дополнительным источником обогащения капиталистов. Это все достаточно элементарные марксистские истины, блестяще подтвержденные опытом правительственной деятельности социал-демократов в Германии после революции 1918 г. (Мы об этом еще будем говорить ниже). Идеалистическая постановка вопроса о соотношении базиса и надстройки, экономики и политики служит здесь теоретическим оправданием махровой оппортунистической практики.

Но переход Бернштейна на позиции идеализма обусловливает еще один существенный вывод: *по Бернштейну никакой исторической необходимости движения от капитализма к социализму вообще не существует*. Действительно. Основой научного социализма в отличие от утопического является взгляд на социалистический строй не как на извне принесенный и «изобретенный» идеал, а как исторически-необходимый результат общественного развития. Движение от капиталистического к социалистическому строю по Марксу—Энгельсу есть естественно-исторический процесс. Об утопистах Энгельс в своей брошюре «Развитие социализма от утопии к науке», говорит: «Социализм, в их представлении, есть выражение абсолютной истины, разума и справедливости, и нужно только открыть его, чтобы он собственной силой покорил весь мир; а так как абсолютная истина не зависит от времени, пространства и исторического развития человечества, то это уже дело чистой случайности, когда и где она будет открыта» [1]. В отличие от этого, научный социализм основывается на учете объективных закономерностей развития, на анализе исторической необходимости. Он исходит из того, что «коренные причины социальных перемен и политических переворотов нужно искать не в головах людей, не в растущем понимании ими вечной истины и справедливости, а в изменении способов производства и обмена... Средства для устранения зла должны заключаться,—в более или менее развитом виде,—в самых изменившихся условиях производства. Ум человеческий не может *изобрести* эти средства; он должен *открыть* их в данных материальных явлениях производства» [2]. Бернштейн же отрицает исторически необходимое развитие. В его представлении историческая необходимость перестает действовать, так как от влияния «материальных явлений производства» человечество все больше освобождается в современном буржуаз-

[1] Ф. Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке. 2-е изд. под ред. Д. Рязанова, Гиз, М.—Л., 1928, стр. 49.

[2] Там же, стр. 58.

ном обществе. Бернштейн поэтому вовсе *отрицает возможность научного социализма.* В «прибавлениях» к своему докладу «Возможен ли научный социализм» Бернштейн в следующих выражениях прямо отрицает социалистический строй, как историческую необходимость. «Некоторые утверждают, что социализм может или должен быть доказан, как имманентная экономическая необходимость. Можно, однако, легко доказать, что такое желание или начинание не выполнимо именно с научной точки зрения, так как, что выходит за пределы области экономии, того последняя доказать не в состоянии; социализм же никогда не растворяется без остатка в экономии. Если же мы, вследствие сейчас сказанного, будем толковать понятие имманентная необходимость в смысле социальной или общеисторической необходимости, то сделаем этим самым научное доказательство тем более невозможным, так как долженствующие тогда быть принятыми во внимание субъективные факторы не допускают никакого объективного доказательства» [1].

Нет смысла распутывать бернштейновскую нелепую путаницу об «имманентной экономической», «социальной» и «общеисторической» необходимости. Важно только зафиксировать, что для Бернштейна переход от капитализма к социализму—не историческая необходимость, что он отрицает объективные закономерности общественного развития.

Бернштейн рассматривает развитие социализма от утопии к науке. Он пытается «вернуть» социализм на положение утопии, от отрицает наличие объективной закономерности движения от капитализма к социализму.

Значит, Бернштейн утопист??

Да—«nach rückwärts gekehrter Utopist», как выражался Маркс об идеологах буржуазии, надеющихся задержать историческое развитие, потянуть историю за фалды назад. Были великие утописты Сен-Симон, Фурье и др. Они были более или менее последовательные идеалисты в понимании исторического процесса. Это была их слабая сторона, они поэтому не могли поднять социализм до науки. Но в их утопиях было много гениальных догадок, отражавших и выражавших действительный ход исторического процесса. Они правильно возвещали наступление социализма, хотя и не могли объяснить, научно обосновать объективную закономерность развития от капитализма к социализму. Их утопии были пламенным призывом к организации сил труда против капитала, утопии французского социализма в чрезвычайной степени оплодотворили рабочее движение, французский социализм явился одним из трех источников марксизма. А Бернштейну «оправдание» утопистов, отрицание качественной разницы между учением великих утопистов и Маркса—Энгельса, переход на позиции идеализма служат теоретическим обоснованием отказа от борьбы за социализм, средством дезорганизации и раздробления сил пролетариата.

Не существует исторической необходимости движения от капитализ-

---

[1] Эд. Бернштейн, Возможен ли научный социализм? Стр. 35.

ма к социализму, нет научного социализма. Следовательно, нет конечной объективной цели борьбы рабочего класса. Отсюда—геростратовски-знаменитый тезис Бернштейна о цели и движении.

В 1898 г. в ст. «Теория переворота и колониальная политика» Бернштейн говорит: «Я открыто признаюсь, что очень плохо понимаю и очень мало интересуюсь тем, что обыкновенно разумеется под «конечной целью социализма». Эта цель, что бы она ни представляла, для меня—ничто, *движение же все.* Под движением же я понимаю как *общее развитие общества, т. е. социальный прогресс, так и политическую и экономическую агитацию и организацию для осуществления этого прогресса*»[1].

Социализм выбрасывается за борт, нет борьбы за великие исторические цели, а есть либеральное крохоборчество по линии «социального прогресса». «Штурмующий небо» класс пролетариев, великий класс—преобразователь общества, разрушающий капиталистический и создающий социалистический строй, низводится до роли либерально настроенного помощника господствующей буржуазии. Всей «длинной речи краткий смысл» раскрылся с предельной ясностью. Надо было идеалистически истолковать соотношение базиса и надстройки, отрицать историческую необходимость движения от капитализма к социализму, чтобы обосновать отказ от борьбы за социализм. *С исторических счетов сбрасывается субъективный фактор общественного развития от капитализма к социализму—сознательная борьба пролетариата за социалистическое преобразование общества.* Таков теоретический итог, к которому приходит Бернштейн и которым продиктованы все рассуждения об исторической необходимости. Этим выполнен был тот «социальный заказ», который Бернштейн получил от буржуазии.

* * *

Этот «социальный заказ» помогает нам расшифровать одно капитальное противоречие во взглядах Бернштейна на разбираемую нами проблему.

Действительно, мы до сих пор занимались изложением одной центральной идеи, так сказать Grundidee Бернштейна, согласно которой устраняется марксово понимание исторической необходимости, человеческое общество становится независимым от развития своей материальной основы и т. д. Т. е. Бернштейн воспринимает полностью и целиком субъективистскую точку зрения на исторический процесс. В то же время налицо другая «струя» бернштейновской мысли, которая течет не менее последовательно в сторону... струвианского объективизма!! В последний Бернштейн впадает, как только дело касается задач борьбы пролетариата за социализм. Тот же самый Бернштейн, который для «доказательства» над-

---

[1] «Очерки из практики и теории социализма», СПБ, 1902, стр. 220.

классового характера буржуазного государства и т. д. объявил капиталистическое общество независимым от влияния экономических факторов, превращает ее в свою противоположность. Бернштейн, как мы знаем, само признание исторической необходимости признает фатализмом. Маркс—Энгельс по Бернштейну попадают в разряд самых доподлинных фаталистов. И в то же время Маркс и Энгельс, а теперь большевики, обвиняются им... в бланкизме, в переоценке значения насилия!!

Не бесполезным будет сопоставить, что Бернштейн по этому поводу писал в 1899 г. в своих «Предпосылках» против Маркса—Энгельса и что он в 1921 г. писал против большевиков.

В 1899 году:

«В Германии, на почве гегелевской диалектики, Маркс и Энгельс пришли к учению, совершенно сходному с бланкизмом... Революционная программа действия манифеста (Коммунистического.—*Я. Б.)* насквозь проникнута бланкизмом... Нигде так резко и полно не выступает бланкистский дух, как в циркулярах союза коммунистов от марта 1850 г. с их подробными указаниями насчет того, как при предстоящем новом взрыве революции коммунистам надлежит употребить все свои силы, чтобы сделать революцию хронической (en permanence). Все теоретическое понимание характера современного хозяйства, все знакомство с данным состоянием экономического развития Германии, находившейся далеко еще позади состояния тогдашней Франции... словом все экономические знания превращаются в ничто перед программою, иллюзорнее которой не мог себе составить любой клубный революционер. То, за что Маркс шестью месяцами позже упрекал Виллиха-Шаппера, он и Энгельс провозглашали тогда сами; вместо действительных отношений они «двигательной силой» революции делают *одну простую волю*... Марксизм перерос бланкизм лишь в одном пункте—методе. Что же до другого,—до преувеличенной оценки творческой способности революционной силы в деле социалистического преобразования современного общества,—то он никогда вполне не освободился от бланкистских воззрений»[1].

В 1921 году:

«Большевизм не признает никаких границ для воли в истории. Самое роковое в политике большевиков это то, что они действуют так, будто подобных границ для воли революционного реформатора не существует. В своих крайних мероприятиях (in den Maximen ihrer Massnahmen) они куда в большей мере представляют собой подобие первобытного царизма, чем марксизма; по отношению к последнему они являются только карикатурой. Ибо значимое у Маркса как раз есть то, что его и Энгельса учение дает научное обоснование ограничениям воли в истории и в челове-

[1] «Условия возможности...», стр. 39, 38, 41.

ческом обществе. Это учение было в силу этого названо фаталистическим, но это полнейшее заблуждение. Марксизм очень далек от того, чтобы отрицать значение или не понимать необходимости воли в истории... Со всей силой марксизм подчеркивает силу воли. Он, правда, удерживает рабочих от таких предприятий, для которых еще отсутствуют необходимые предварительные условия. Но он в то же время зажигает рабочих и предохраняет их от обескураживания (Ent mutigung). Игнорирование границ для силы воли составляет роковую ошибку (Rechenfehler) в политике большевизма»[1]. Согласно взглядам большевиков «развитие в жизни народов» вычеркивается, от одного общественного строя к другому нет перехода, нет развития, а есть только опрокидывание (Umstülpung) посредством власти»[2].

Бернштейн совершает некий «водевиль с переодеванием». Раньше во всех смертных бланкистских грехах были виноваты Маркс—Энгельс, теперь виноваты большевики, коих Бернштейн хочет лечить от бланкизма ссылками на учение... бланкистов же Маркса и Энгельса. Но как же быть все-таки с тем, что большевики непосредственно опираются на произведения Маркса? Бернштейн поясняет, что большевики ссылаются на раннего Маркса, который действительно грешил по части бланкизма, но игнорируют позднего Маркса, который свои бланкистские ошибки признал (хотя в «Предпосылках» Бернштейн заявил, что Маркс, «никогда не освободился от бланкистских воззрений»). Например, большевики ссылаются на «Коммун. манифест», которым Марксу и Энгельсу хотелось попугать буржуазию, «à épater le bourgeois». Большевики вообще «варваризируют» Маркса. Ссылаются они, к примеру, на марксовы слова о насилии, как повивальной бабке общества; между тем Маркс в данном случае просто констатирует исторический факт, но отнюдь не выставляет формулы для непосредственного ее применения»... Или большевики опираются на слова Маркса об экспроприации экспроприаторов. Но Маркс здесь имеет в виду историческую перспективу, большевики же взяли эту формулу, выкинули лозунг «грабь награбленное» и... о, ужас! действительно осуществили экспроприацию экспроприаторов!.. И т. д. и д. д. Сущность бернштейновской стратегии более чем ясна: в 1921 г. ревизионистские стрелы надо направить на единственных продолжателей дела Маркса—большевиков-ленинцев и тактически выгодно взять Маркса под защиту от «варваризирующих» его большевиков.

Итак, «фаталисты» Маркс—Энгельс и большевики, признающие историческую необходимость, становятся в глазах Бернштейна бланкистами только за то, что они стоят... за применение революционного насилия в борьбе классов. Тот же самый Бернштейн, который по существу отрицал зависимость общественного развития от материальной экономической основы и тем самым как бы предоставил полную свободу воле человека,

---

[1] «Der Sozialismus einst und jetzt», стр. 121, 122—123.

[2] Там же, стр. 120.

класса, теперь выступает в роли грозного обличителя «бланкистов», забывающих де уровень производительных сил и т. д. Не надо никакого вмешательства класса, не надо революционной борьбы и насилия. Все понемногу «образуется» в соответствии с объективными условиями. В одном случае закономерности экономического развития, как решающие, «упраздняются», в другом случае они всесильны и нечего пролетариату «бланкистски» пытаться ускорять «муки родов». Вот как освободитель человечества от экономической зависимости рисует картину «постепенного осуществления социализма» после опыта революции 1918 г.: «В Германии в парламенте большинство пока у буржуазных партий. Отсюда вывод, что на пути законодательства возможно будет осуществлять лишь столько социализма, насколько социалистам удастся получить согласие передовых элементов». «Это не обязательно должно быть малым»[1],—добавляет Бернштейн. Итак: вводить социализм по кусочкам—с согласия буржуазии. Иначе действовать значит авантюристически перепрыгивать через объективно данные возможности. Мы видели, как свирепо Бернштейн нападает на большевиков за то, что они якобы игнорируют объективные экономические данные, независимость от которых Бернштейн объявил по другому поводу и по другому случаю.

Взгляды Бернштейна на интересующую нас проблему можно свести к следующим трем тезисам:

1. Бернштейн отрицает историческую необходимость, определяемую в конечном счете экономическими условиями. Он по существу отступает от краеугольного положения исторического материализма, что общественное развитие детерминируется в конечном счете закономерностями экономического развития. Бернштейн скатывается на позиции идеализма—субъективизма, утверждая, что трудно бывает определить, экономический базис или надстройки являются решающими для объяснения исторического процесса, что общество становится независимым от движения материальной основы и базис все больше теряет свое влияние на надстройку. Вся сумма этих рассуждений служит теоретическим обоснованием следующих основных положений реформизма: а) отрицается объективная закономерность развития от капитализма к социализму, «опоровергается» научный характер социализма, тем самым исчезает объективная конечная цель борьбы рабочего класса—социализм: «движение все, цель ничто»; б) подводится «теоретическая база», чтобы доказать надклассовый характер «демократического государства», чтобы ликвидировать марксистское понимание соотношения экономики и политики.

2. Бернштейн проповедует крайний струвистский объективизм, когда ему приходится дать ответ на вопросы борьбы за социализм. Тогда он доказывает, что классовая борьба пролетариата не может влиять на ход истории, определяемой экономическими данными. Применение революционного насилия изображается как бланкизм.

---

[1] «Der Sozialismus einst und jetzt», стр. 134.

Этот второй тезис должен теоретически обосновать полный отказ от борьбы за социализм, который придет самотеком... с согласия буржуазии, т. е. вывод получается совершенно тот же, что из субъективно-идеалистического первого тезиса.

3. В понимании Бернштейном исторической необходимости, цели и роли субъективного фактора в общественном развитии идеалистический субъективизм эклектически сочетается с вульгарнейшим экономическим материализмом. При этом и та и другая сторона этой концепции имеют одно и то же целевое назначение, выводы получаются единые. Выставляя то субъективно-идеалистическую, то вульгарно-объективистскую точку зрения, реформизм приходит все к тому же отрицанию классовой борьбы против буржуазии. Пролетариат как величайший фактор общественного переворота милостью Бернштейна исчезает. Развитие общества идет, но куда оно придет—неизвестно. Субъективный фактор—борьба пролетариата за социалистическое преобразование общества—выпадает. Пролетариату по Бернштейну ничего другого не остается, как раствориться в лагере буржуазии, составляя тот или иной ее фланг.

II. ИМЕЮТСЯ ЛИ СУЩЕСТВЕННЫЕ РАЗНОГЛАСИЯ МЕЖДУ ТЕОРЕТИКАМИ РЕФОРМИЗМА В ВОПРОСЕ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ НЕОБХОДИМОСТИ И СУБЪЕКТИВНОМ ФАКТОРЕ

Между отдельными теоретиками реформизма существуют известные разногласия в трактовке разбираемой нами проблемы. Мы видели, как резко о некоторых положениях Бернштейна отзывается Кунов. Но при проверке эти разногласия оказываются неглубокими. Ибо как только дело доходит до практического революционного действия, то все оттенки мысли стираются и устанавливается единый фронт отрицания, сбрасывания со счетов пролетариата, как важнейшего фактора социалистического преобразования общества.

Разногласия существуют прежде всего в вопросе об основном положении исторического материализма—об определяющей в конечном счете все общественное развитие материальной основе общества. Весь лагерь неокантианцев—назовем хотя бы Макса Адлера и А. Брауналя—стоит на идеалистической по существу точке зрения в понимании исторического процесса. Они «идеальным факторам» приписывают совершенно самостоятельное существование, ход общественного развития идет по дуалистической «схеме»: то подчиняясь закономерностям экономического развития, то законам этики. Под рукой Адлера—Брауналя движение к социалистическому строю из естественно-исторического процесса превращается в этическую проблему. Например, Браунталь в своей книге «Маркс как философ истории» приходит к тезису о двух самостоятельных движущих силах общественного развития: экономических отношениях и человеческой воле.

Каутский с такими выводами формально не согласен. Но и он

не придерживается выдержанной и последовательной точки зрения на вопрос о решающем значении экономики в общественном развитии. Оппортунист не может стоять на последовательно материалистической точке зрения в объяснении исторического процесса. Мы уже говорили, что в своем двухтомнике Каутский признает возможным сочетание исторического материализма, с позитивизмом, махизмом, неокантианством и т. д. Этим самым Каутский заказывает себе пути правильного толкования проблемы детерминизма в общественном развитии. Двухтомник дает целый ряд примеров идеалистического толкования Каутским исторических явлений. Приведем некоторые из них.

Каутский рисует развитие человека таким образом. «Так как человек вступает в исторический процесс со всеми своими способностями, влечениями, потребностями, то все они врываются в историческое развитие, хотя не все в одинаковой мере»[1]. Эти способности, влечения, потребности суть: влечение к красоте, мораль, эгоизм и симпатия, сохранение вида, самосохранение, влечение к веселью, инстинкт размножения. Все эти явления по Каутскому «априорны». Они как бы вырабатывались вне воздействия производственных процессов. Нет единого общественного человека, свойства которого вырабатываются в борьбе с природой, т. е. в процессе производства и воспроизводства своей жизни. По Каутскому, человек, вступивший в исторический процесс, раздваивается: с одной стороны, над ним довлеют закономерности экономического развития, а с другой стороны—«априорные данные». Например, влечение к красоте это не одна из черт человека, вырабатываемая у него всей совокупностью условий его материального существования, а некая независимая от экономических отношений сила, передаваемая тысячелетиями и потому самостоятельно влияющая на экономическое развитие.

Вот несколько исключительно ярких образцов каутскианской трактовки соотношения «априорных данных» и политической действительности. «Какую громаднейшую (gewaltige) роль, пишет Каутский, сыграла в истории забота о продолжении рода (Brutpflege)! Наследственное право—одно из ее последствий (Ergebnisse) в более развитом обществе. Как сильно это право определяло политику в династии! Но не только у последних, но и у всех классов, даже самых демократических, далеко идущие (weitgesteckte) политические и социальные цели, «идеалы» в основе означают не что иное, как особые формы заботы о продолжении рода. Не для себя борются за далекие цели, до достижения коих не надеются дожить, а для потомства, для будущих поколений» (там же). Итак, например, борьба пролетариата за социализм вытекает не из усвоения пролетариатом объективных закономерностей общественного развития, а из биологической «априорной», внеклассовой заботы о продолжении рода. Откровения Каутского о роли любви тоже опрокидывают все марксовы положения о движущих силах исторического процесса. «Половое влечение

[1] «Материал. понимание истории», т. I, стр. 401.

в более узком смысле слова, как влечение к супружеству, также сыграло свою роль в истории. На пороге истории стоит троянская война. Несомненно рассказ о последней есть только сказка, но сказки являются очень важными историческими источниками... Что в героическую эпоху (Zeitalter) предпринимались войны из-за похищенных женщин, мы должны считать фактом... И уже в век цивилизации любовь может сыграть свою роль в политике. Нельзя изложить возникновение и начало Римской империи без того, чтобы учесть любовные похождения Клеопатры и Мессалины. Полторы тысячи лет спустя любовные делишки Генриха VIII дали толчок (Anstoss) к английской реформации, причины которой, без сомнения, лежат глубже (см. об этом моего «Томаса Моора», стр. 193 и дальше). И как выглядела бы история XVIII века без истории княжеских метресс!» (там же, стр. 393).

Когда-то Плеханов (см. его статью «О роли личности в истории) иронизировал над буржуазной исторической наукой, приводя в пример «нос Клеопатры», из за которого, согласно этой науке, общественное развитие могло пойти по другому руслу. Мог ли Плеханов подумать, что эта его ирония коснется и Каутского, который несмотря на все нечеткости и оговорки, все же в течение длительного периода вел борьбу за материалистическое понимание истории.

Стоит ли после этого удивляться утверждению Каутского, что «вечные войны римлян со времени «покорения Карфагена» не в последней степени следует объяснять влечением римлян к красоте, к сооружению красивых зданий» (там же, стр. 393).

Но, как говорится, себя самого Каутский превзошел в следующем своем заключении: «В другом роде радость от красоты исторически и экономически проявила себя при возникновении денег». Оказывается, что выбор так назыв. благородных металлов как всеобщего средства обращения объясняется... влечением к красивому! А так как без такого металлического средства обращения, широкое развитие обмена было бы невозможно, то отсюда вывод: «Все развитое товарное производство в громаднейших мастабах современного капитализма выросло таким образом на эстетическом базисе, и, может быть, только на таком базисе и могло вырасти» (там же, стр. 394—395). Мыслим ли больший идеалистический кретинизм? То, что явилось непосредственным следствием развития производительных сил, и, следовательно, развития обмена, объявляется результатом «априорного» влечения к красоте!

Социальные пружины каутскианского идеализма в объяснении исторического процесса очень ярко показывает его трактовка вопроса о развитии капиталистического способа производства.

Каутский выставляет такое положение: «Социалистический режим, как бы революционен он ни был, должен будет по отношению к капитализму поступать иначе, чем буржуазные революции по отношению к докапиталистической эксплоататорской собственности. Когда предприятия социализируются, их владельцы должны быть компенсированы» (там же,

т. II, стр. 432—433). Для обоснования этого своего положения Каутский в изображении капитализма проявляет чудовищную лакейскую идеализацию капитализма. Оказывается, что существует принципиальное различие между капиталистической и докапиталистическими формами эксплоатации. Последние держались в той или иной степени на внеэкономическом принуждении, на насилии, капиталистическая же эксплоатация основана *исключительно на экономической силе*, на высоком уровне производительности. «Индустриальный капитализм пошел в гору не в силу распространения своей власти военными методами, а потому, что он производил дешевле, чем предшествующие ему способы производства, что он, следовательно, для общества был экономически выгоднее. Тем самым он отличается от таких сопособов производства, как рабство или крепостное право, которые базируются на перевесе военных сил» (там же, стр. 436). Очевидно, что вместо крепостного права речь должна итти о феодализме. Мы не имеем возможности подробно разбирать здесь вопрос об *экономических* преимуществах феодализма перед рабским общественным строем. Отметим здесь только одно. Военная сила того или иного господствующего класса—*есть экономическая потенция*. Политика—это концентрированное выражение экономики. По Каутскому же военная сила рабовладельцев и феодалов не имела экономического фундамента! К этому стопроцентному идеализму его приводит все то же безмерное лакейское усердие в воспевании капитализма.

Развитие индустриального капитализма,—поясняет Каутский,—не связано с внеэкономическим принуждением. Читаешь это утверждение Каутского и протираешь глаза: так ли действительно написано? Ведь ни один архибуржуазный экономист с минимальной долей добросовестности в отношении к историческим фактам ничего подобного не станет утверждать! Действительно: куда же делась хотя бы эпоха первоначального капиталистического накопления? Сколько легло человеческих костей в одной, скажем, Индии, во славу развития капитализма? У кого не свежо в памяти мастерское изображение эпохи первоначального накопления в первом томе «Капитала»? Но будьте спокойны. Там, где хозяин и не подумает оправдываться, ибо он все это считает в порядке вещей, лакей некое оправдание придумает. Посудите сами: «В методах первоначального накопления применение военной силы играет, правда, преобладающую роль, но это были не промышленные капиталисты, которые эти методы применяли или вызывали (veranlassten). Они (индустриальные капиталисты.—*Е. Б.*) эти методы даже не одобрили. Богатства, сколоченные на пути первоначального накопления разного рода разбойниками, у последних должны были быть отняты мирными методами товарообмена, чтобы попасть в руки промышленников и оплодотворить производство» (там же, стр. 432).

В главе о «так называемом первоначальном накоплении» Маркс говорит об изложении этой эпохи буржуазными историками: «Раз дело

касается вопроса о собственности, священный долг повелевает поддерживать точку зрения детского букваря, как единственно правильную для всех возрастов и всех ступеней развития» [1]. Каутский решил перещеголять этих буржуазных историков, когда он с душевным трепетом подошел к капиталистической собственности.

Первоначальное накопление—это, по Марксу, «исходный пункт» капиталистического способа производства, его «предистория». «Так называемое первоначальное накопление есть лишь исторический процесс отделения производителя от средств производства». Этот процесс вписан «в летопись человечества пламенеющим языком меча и огня». «Промышленные капиталисты, эти новые владетельные особы, должны были, со своей стороны, вытеснить не только цеховых мастеров, но и феодалов, владевших источниками богатства. С этой точки зрения их возвышение есть плод победоносной борьбы против феодальной власти с ее возмутительными привилегиями, а также и против цехов и тех оков, которые налагают эти последние на свободное развитие производства и свободную эксплоатацию человека человеком. Однако рыцарям промышленности удалось вытеснить рыцарей меча лишь благодаря тому, что они использовали события, которые были созданы не ими самими. Они возвысились, пользуясь теми же грязными средствами, которые некогда давали возможность римским вольноотпущенникам становиться господами своих патронов» (там же, стр. 573—574). Маркс приводит богатейшую иллюстрацию этих грязных средств возвышения «рыцарей промышленности». Он в частности рассказывает о «христианской колониальной системе» этих рыцарей. Он цитирует некоего W. Howitt'a, «человека, сделавшего христианство своей специальностью», который говорит: «Варварство и бесстыдные жестокости так называемых христианских рас по отношению ко всяким иноверцам и иноплеменникам, которых им удавалось поработить себе, превосходят все ужасы, совершавшиеся в любую историческую эпоху любой расой, не исключая самых диких и невежественных, самых безжалостных и бесстыдных» (там же, стр. 603). А по Каутскому, в эпоху первоначального накопления орудовали разбойники, вопреки воле промышленных капиталистов, а тем ничего другого не осталось делать, как в порядке мирного товарообмена скупить награбленное и, набожно перекрестившись, оплодотворить капиталистическое производство...

«Промышленный капитализм происходит не от военного насилия и не нуждается в последнем для своего существования» [2]. А современная практика империализма в колониях? А бешеное вооружение? А кровавое подавление революционного движения в странах капитализма? А десятки и сотни тысяч мучеников пролетарской революции, павших от руки Хорти, Носке, Маннергеймов и др.? Для Каутского ничего этого не су-

---

[1] «Капитал», т. I, Гиз, 1929, стр. 572.

[2] Каутский, назв. соч., т. II, стр. 434.

ществует. Капитализм не связан неизбежно с войнами (там же, стр. 580), не связан с внеэкономическим принуждением.

Капиталистический способ дал невиданное по сравнению с докапиталистическими способами производства развитие производительных сил общества. Господствующий класс буржуазии накопил огромнейшие богатства, особенно за счет эксплоатации—отнюдь не одними экономическими средствами колоний. Благодаря этим богатствам стал возможным подкуп рабочей аристократии, мощь капитализма ослепляет отдельные слои рабочего класса, буржуазия приобретает—прежде всего через *свою* социал-демократию—громадные возможности влияния на рабочий класс. И лидер социал-демократических теоретиков выступает с апологетикой капитализма, на какую не решатся очень и очень многие чисто буржуазные ученые.

Каутский приходит к тем же идеалистическим выводам о соотношении политики и экономики, к каким в свое время пришел Бернштейн. Как и у последнего, такие выводы Каутскому служат теоретической базой его оппортунистической концепции о характере буржуазного государства, врастании в социализм и т. д. Каутский выставляет совершенно чудовищное с точки зрения элементарных основ марксизма положение, что с развитием империализма «капиталисты становятся все сильнее в экономике, пролетарии—в политике» (там же, стр. 578). Экономическая мощь буржуазии беспрестанно растет, а в то же время, по Каутскому, влияние пролетариата на государственную власть все больше растет! Каутский задает себе вопрос: но разве согласно нашему пониманию истории экономика не является всегда решающим фактором, и политика—только зависящей от нее надстройкой? На такое соображение, говорит Каутский,—действительно ссылаются анархисты, а также хулители демократии среди социалистов». «Сперва надо свергнуть капитализм и только после этого мы придем к подлинной свободе. До этого демократия только обман и иллюзия». Каутский признает, что налицо действительно есть основание так толковать материалистическое понимание истории. Но это понимание—недопустимое упрощенчество. «В действительности оно (материалистическое понимание истории.—*Я. Б.)* отнюдь не говорит, что экономически более сильный, т. е. более богатый, всегда является в то же время более сильным в общественном смысле» (там же, стр. 579).

В «Анти-Бернштейне» Каутский отвечал Бернштейну: «Капиталистическое производство и политическое господство пролетариата несовместимы» [1]. С тех пор концентрация капитала неимоверно выросла. Государственный аппарат буржуазных государств, все важнейшие орудия фабрикации «общественного мнения» стали на прямую службу небольшой кучке магнатов капитала, т. е. с концентрацией экономической развивается параллельно процесс концентрации политической власти. А в это время Каутский пришел к выводу, что капиталистическое производ-

[1] «Анти-Бернштейн», Гиз. 1922, стр. 176.

ство совместимо с нарастанием политического господства пролетариата. И точно так же, как Бернштейн, Каутский от идеалистического субъективизма мечется к струвианскому объективизму, когда речь идет о борьбе пролетариата за социализм. Характер критики «бланкизма» большевиков совершенно одинаков у Бернштейна и Каутского.

Степень глубины разногласий между разными теоретиками реформизма в разбираемой нами проблеме показывает следующий поучительный пример спора между Куновым и Максом Адлером в 1915 г. Внутри единого идеологического фронта реформизма Кунов и Адлер являются как бы теоретиками антиподами: Макс Адлер—официальный неокантианец, Кунов—формально придерживается марксова понимания исторического процесса. Но когда решается основной вопрос борьбы пролетариата, мы по существу видим о д н у точку зрения.

Г. Кунов в 1915 г. выпустил брошюру «Крушение партии?», посвященную расколу в рядах соц.-демократии в связи с отношением к войне. Ход рассуждений Кунова таков: империализм—исторически-необходимая ступень в развитии капитализма, поэтому антимарксистским и бессмысленным является борьба за его свержение. Империализм является «столь же необходимой переходной ступенью к социализму, как и предыдущие этапы развития, напр., образование крупной машинной индустрии... Но если империализм не случайное явление, а необходимый этап на ведущем к социализму капиталистическом пути развития, то требование: «Мы не должны дать империализму дальше подниматься, мы должны его искоренить (entwurzeln)», представляет собой такую же нелепость, как если бы в начале развития машинной крупной индустрии был выдвинут лозунг: «Нельзя терпеть никакой машины: разрушим их и предпишем, чтоб в дальнейшем производство шло только ремесленным путем» [1]. Актуальный политический вывод отсюда, что социал-демократия должна поддерживать империалистическую войну своей буржуазии. Мы здесь имеем, следовательно, очень яркий образчик фаталистического толкования исторической необходимости; пролетариат как субъективный фактор исторического действия выпадает.

Эта брошюра Кунова вызвала ответ тогдашнего центриста Гильфердинга в австрийском «Der Kampf». На аргументацию, аналогичную куновской, в том жее журнале отвечает Макс Адлер в статье «Что такое необходимость развития». Мы остановимся именно на последней статье, поскольку Адлер, как мы видели, отрицает марксово понимание закономерностей общественного развития и неограниченное поле предоставляет воле человека. Сперва Адлер утверждает, что «воинственная, националистическая форма империализма даже с точки зрения капитализма не является необходимостью социального развития». Адлеру хочется пацифистского, не националистического империализма... Вообще же империалистическая стадия в развитии капитализма при данных условиях является

[1] H. Cunow, «Parteizusammenbruch?» Berlin, 1915, S. 14.

необходимой ступенью социального развития, через которую должно пройти всякое развитие к социализму».

Но ступенью к социализму империалистическая стадия станет только тогда и в той мере, «в какой пролетариат этой стадии развития противопоставит и навяжет свое собственное направление развития. Поэтому исключительно важно, чтобы пролетариат был далек от всяких поползновений империалистического духа и со всей строгостью свою идеологию отделил от идеологии противника... Именно потому, что повсеместно признанная пролетариатом необходимость решительной защиты отечества приводит социализм к внешнему равенству целей с империализмом, социализм должен особенно тщательно следить за тем, чтобы из этого не получилось внутренней общности интересов... Это совершенно иная необходимость развития, в интересах которой пролетариат на войне сегодня плечо к плечу борется на стороне своих классовых противников... Куда важней теперь для будущего, что пролетариат думает, чем то, что он сегодня делает или может сделать. Его правильное мышление будет направлять необходимость развития» [1]. Поддержка империалистической войны означала самоубийство пролетариата, как активного борца за социалистическое преобразование общества. Кунов этому дает «научно-марксистское» обоснование в духе фаталистического толкования исторической необходимости. А. М. Адлер, расписываясь в необходимости «решительной защиты отечества», вносит «могущественный» корректив к Кунову, что пролетариату надо действительно проливать кровь за империализм, но зато... правильно размышлять.

Как видим, с теми или иными нюансами взгляды и Каутского, и Кунова, и Макса Адлера и др. в основном общи для них и укладываются в те три тезиса, в которых мы попытались сформулировать взгляды Бернштейна. Это особенно наглядно выступает, когда мы подходим к единой для всех теоретиков реформизма теории эволюции от капитализма к социализму.

III. ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ НЕОБХОДИМОСТИ И СУБЪЕКТИВНОГО ФАКТОРА В СВЕТЕ СОЦ.-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ЭВОЛЮЦИИ ОТ КАПИТАЛИЗМА К СОЦИАЛИЗМУ

Мы не ставим себе задачей дать развернутое изложение этой теории. Во-первых, много уже об этом писалось, во-вторых, для темы нашей статьи достаточно будет выделить ряд основных положений.

Нужно прежде всего устранить одно недоразумение. Иногда приходится читать о «социал-демократической теории пролетарской революции». Но подобной теории не существует, ибо все без исключения оттенки социал-демократической теоретической мысли отвергают революционное свержение капиталистического строя, отрицают диктатуру про-

[1] «Der Kampf», 1915 «Was ist Notwendigkeit der Entwicklung?» S. 177.

летариата. На практике же социал-демократия давно уже стала важнейшим отрядом контрреволюции.

Уместно будет напомнить, что в вопросе о пролетарской революции и диктатуре пролетариата Каутский фальшивил уже в «Анти-Бернштейне». Здесь Каутский, говоря о двух путях осуществления социализма, допускает возможность его «осуществления путем мелкой мирной работы» в противовес насильственному перевороту [1].

Каутский считает, что «незачем связывать себе руки» в решении проблемы диктатуры пролетариата (там же, стр. 168). Каутский правильно заявляет, что социал-демократия «не может быть партией, ограничивающейся демократически-социалистическими реформами, она должна стать партией коренного преобразования социального строя». Но значение этого марксистского положения обесценивается дальнейшими пояснениями: «Конечно этот переворот надо понимать не в полицейском смысле, не в смысле вооруженного восстания... Начиная с Лассаля, наша партия стремится ясно установить различие между революцией с помощью цепов и вил—и социальной и доказать, что она принципиально стремится только к последней» (там же, стр. 176 и 177). Каутский резко отграничивает и противопоставляет, как «совершенно различные», понятия «социальной революции» и «политического восстания». Не только социальную, но и политическую революцию, по мнению Каутского, нельзя приравнять к восстанию; последнее может быть только «отдельным, притом очень важным эпизодом» политического потрясения (там же стр. 177). Каутский приходит к выводу, что «пролетариат как самостоятельная политическая партия не должен быть революционным в политическом смысле, но только в политико-экономическом». Каутский, наконец, соглашается, что «слово революция может вести к заблуждениям. Я считаю также полезным не употреблять его без настоятельной нужды» (там же).

Не трудно убедиться, что, несмотря на ряд оговорок, эти рассуждения в «утробном» состоянии содержат аргументацию современного Каутского [2], окончательно переродившегося в ренегата, обслуживающего контр-

---

[1] К. Каутский, К критике марксизма (Анти-Бернштейн), Гиз, 1922, стр. 152.

[2] Именно в «утробном» состоянии. Мы не можем согласиться с некоторыми авторами, изображающими Каутского оппортунистом «от роду». Это противоречит исторической правде и многочисленным заявлениям Ленина о роли Каутского в прошлом. Нам думается, что в оценке эволюции Каутского руководящим для нас должно быть следующее положение из ст. Ленина «Марксизм и ревизионизм» от 1908 г.: «То, что теперь мы переживаем зачастую только идейно: споры с теоретическими поправками к Марксу, — то, что теперь прорывается на практике лишь по отдельным частным вопросам рабочего движения, как тактические разногласия с ревизионистами и расколы на этой почве, — это придется еще непременно пережить рабочему классу в несравненно более крупных размерах, когда пролетарская революция обострит все спорные вопросы, сконцентрирует все разногласия на пунктах, имеющих самое непосредственное значение для определения поведения масс, заставит в пылу борьбы отделять врагов от друзей, выбрасывать плохих союзников для нанесения решительных ударов врагу» (Собр. соч., т. XI, ч. I, стр. 61).

Отдельные «теоретические поправки» Каутского к Марксу выросли в полный отказ

революцию своей теоретической водичкой [1]. В трактовке вооруженного восстания, как полицейского понимания пути к социализму, выявляется не только пошлость и боязнь мещанина, соглашающегося избегать самого слова революция, но и отвергается по существу марксово учение о свержении капитализма. Казуистическое различение социальной революции, политической революции и вооруженного восстания теперь, когда теоретики оппортунизма пытаются как-нибудь свои взгляды привести в видимое соответствие с высказываниями Маркса о революционном свержении капиталистического строя, служит основной их «аргументацией». Из «социальной революции» Каутский выхолащивает всякое революционное содержание. И современный Кунов только продолжает аргументацию Каутского из «Анти-Бернштейна», когда «доказывает», что «по Марксу» мыслима социальная революция без борьбы за власть [2]. Аналогичное толкование «социальной революции» дает М. Адлер, этот паяц «левой» фразы в социал-демократическом стане. Он, видите ли, отвергает путь эволюции, он—за революционный процесс развития. Он даже заигрывает со словом «диктатура пролетариата». «Социальная революция» в понимании Макса Адлера есть «преобразующая общественная воля на основе революционного (буквально: umwälzender—совершающего переворот) теоретического сознания». Дальше с одобрением цитируется тезис Лассаля, что революция означает, что «на место существующего положения ставится совершенно новый принцип [3]. Революция происходит в мозгах, без всяких насильственных неприятностей. Различие понятий эволюция и революция стирается [4].

от марксова учения тогда, когда «пролетарская революция обострила все спорные вопросы» Не фальсифицируя историю рабочего движения и не объявляя Каутского оппортунистом на всем протяжении его политической деятельности, необходимо в то же время под углом зрения последующего хода развития уметь правильно расценить его стародавние поправки к Марксу как зародыши, из которых вырос современный Каутский — *Я. Б.*

[1] Нельзя не считать вопиющей ошибкой, когда в предисловии к госиздатовскому изданию «Анти-Бернштейна» 1922 г. Б. Горев дает такую оценку книги: «Вся же вообще книга Каутского является одним из лучших сочинений ортодоксального марксизма и, подобно книге Энгельса, «Анти-Дюринг», дает не только обстоятельное опровержение взглядов противника, но и самостоятельное изложение взглядов революционного марксизма на различные вопросы теории, программы и тактики».

Издавая «старого» Каутского, надо в предисловиях подвергать его, — особенно его социально-политические взгляды — марксистско-ленинской критике под углом зрения всего дальнейшего развития марксизма, а не снабжать эти произведения оппортунистическими предисловиями типа горевского. — *Я. Б.*

[2] H. Cunow, Die Marxsche Ceschichts - Gesellschafts - und Staatstheorie, Bd. II, Berlin 1923, S. 314—315.

[3] Max Adler. Die Staatsauffassung des Marxismus, Wien 1922, 147—148.

[4] Не лишним будет напомнить следующие слова Ленина о революции: «...революция настоящая глубокая, «народная», по выражению Маркса, революция есть невероятно сложный и мучительный процесс умирания старого и рождения нового общественного строя, уклада жизни десятков миллионов людей. Революция есть самая острая, бешеная, отчаянная классовая борьба и гражданская война. Ни одна великая революция в истории не обходилась без гражданской войны» (Соч., т. XXI, стр. 270).

Современный Каутский отбрасывает всякие оговорки в вопросе об эволюции от капитализма к социализму. Он, противник революционного насилия, совершает радикальнейшее насилие над... историей, утверждая, что только переход от феодализма к капитализму сопровождался революциями; до этого история революций не знает—и не будет их знать впредь... Так что революции являются единоличным исключением [1]. Революция «снимается демократией». При ней вооруженное разрешение классовых конфликтов отпадает. Правда, можно указать, на очень многие и очень крупные дефекты демократии; например, такой «великий орган демократии» как печать—орудие в руках кучки магнатов капитализма, существует действительно подкуп депутатов и т. д. Но все это... не касается сущности демократии. Происходит постепенное изменение—перерождение (Wandel) государства. Не о разрушении его должна итти речь, а об изменении функций. Бессмысленно говорить о «формальной» и «буржуазной» демократии [2], Всеобщее избирательное право не является «орудием буржуазии для угнетения и удержания в покорности трудящегося населения, как это утверждали полвека тому назад бакунисты, а теперь утверждают коммунистические ново-бакунисты сегодняшнего дня». Нетрудно догадаться, что в компанию бакунистов попадает прежде всего Маркс, утверждавший в «18-м брюмера», что все конституционные изменения до сих пор только совершенствовали буржуазную государственную машину угнетения. Но, как и Бернштейн, Каутский против Маркса выступает, конечно, под видом борьбы с «коммунистическими искажениями» марксизма. Все же Каутский не может удержаться от упрека непосредственно Марксу: во-первых Маркс не мог предвидеть новые формы борьбы рабочего класса в условиях демократии, во-вторых—и это главная беда Маркса и Энгельса—они не могли вполне освободиться от представления, что переход от капитализма к социализму будет таким же, как от феодализма к капитализму (там же, стр. 539).

Переход от феодализма к капитализму означал смену одной формы эксплоатации другой, смену одного классового общества другим. Переход от капитализма к социализму означает устранение всякой эксплоатации. Свою диктатуру пролетариат осуществляет для перехода к бесклассовому обществу. И само собой ясно, что этот переход будет сопровождаться несравненно большими, более глубокими и длительными революционными потрясениями, чем переход от феодализма к капитализму. Это мы видим на современном примере борьбы капиталистического мира против СССР, на примере разворачивающейся во всем мире борьбы с «призраком коммунизма». А по Каутскому переход от капитализма к социализму должен произойти так, чтобы не нарушить послеобеденный сон ни одного бюргера. Чем больше процветает капитализм, тем лучше перспективы (Aussichten) «социалистического режима, который заступит место капиталисти-

---

[1] Die Materialistische Geschichtsauffassung, Bd. 11, S. 618—620.

[2] Там же, стр. 428—429, 430, 459, 598—599. 607.

ческого» (там же, стр. 295 и 591). Поэтому: укрепляйте капитализм—это приблизит нас... к социализму!

Стоит еще остановиться на том, как по Каутскому произойдет «завоевание власти» пролетариатом. Это стоит сделать, чтобы читателю доставить несколько веселых минут и в то же время дать непревзойденный образчик реформистского идиотизма.

«Завоевание», как мы уже знаем, произойдет арифметическим способом—путем получения большинства голосов в парламенте. Попытаются ли капиталисты вооруженной рукой свергнуть правительство пролетариата, пришедшего к власти через демократию? Такая возможность не исключена. Но,—рассуждает Каутский,—в двух из возможных случаев шансы буржуазии на успех ничтожны. Если в данной стране существует всеобщая воинская повинность, то обращение буржуазии за помощью к армии весьма для нее опасно: раз большинство населения за социалистическое правительство, то и войско, конечно, его поддержит. Если же буржуазия обратится к вольнонаемному войску (а оно—может быть и буржуазным и пролетарским по составу), то и это не сулит буржуазии серьезных успехов: вольнонаемных сил будет недостаточно для свержения социалистического правительства (там же, стр. 476). Какой это детский лепет перед лицом вооруженной до зубов буржуазии, располагающей громадными военными резервами.

Очень любопытно, как храбрый Каутский собирается «вводить социализм». Во-первых, это можно будет сделать только по частям. За социализированные предприятия капиталисты должны быть достаточно возмещены (ausreichend entschädigt). В противном случае получится досадное недоразумение: капиталисты, у которых отбирают предприятия, будут в справедливой претензии, почему их предприятия обобществляют, а других капиталистов не трогают. Что касается этих других, то они в ожидании безвозмездной экспроприации начнут экономический саботаж, перестанут вести свои предприятия, а это, по мнению Каутского, было бы сильнейшим ударом для пролетариата, не подготовленного к управлению этими предприятиями. Значит остается—справедливый выкуп. Но где же взять деньги для этого? Каутский указывает гениальный выход из положения. Не исключается возможность,—отвечает он,—что придется обложить соответствующим налогом ту часть буржуазии, которой обобществление не касается... И эта жалкая карикатура, которая ничего кроме смеха не вызовет ни у сознательного пролетария, ни у здравомыслящего буржуа, выдается Каутским за «материалистическое понимание» решающей проблемы современности!

* * *

От вопроса о завоевании власти мы фактически уже перешли к социал-демократическим «методам осуществления социализма». Переходный период от капитализма к социализму, согласно Бернштейна, Каутского etc. начинается еще задолго до «завоевания» власти, в порядке постепен-

ного овладения пролетариата государственной властью и его врастания, через хозяйственную демократию в управление капиталистическим производством. Эту «идею» Бернштейн в свое время так сформулировал в «Neue Zeit»: «Когда феодализм пал, буржуазная собственность была уже вполне развита. По всем признакам падение капиталистической собственности—я нарочно употребляю это выражение—совершится тем же путем. Коллективная собственность разовьется не вследствие насильственного уничтожения капиталистической собственности, но, обратно, последняя исчезнет, когда социалистическая коллективная собственность достигнет высокой ступени развития» [1].

Напрасно в нашей литературе, подробно критикующей общие положения социал-демократии, очень мало уделяется внимания проделанному *практическому* опыту социал-демократии по части «осуществления социализма».

Германская социал-демократия имела возможность на деле, на практике, продемонстрировать свой план социализации. Этот опыт дает богатейшую и поучительнейшую иллюстрацию к теоретическим положениям соц.-демократии, в частности этот опыт дает много материала и для нашей темы. Вот почему мы на нем остановимся, пользуясь в нашем изложении преимущественно книгой Г. Штребеля «Социализация, ее пути и предпосылки» [2]. Эту книгу особенно рекомендует Бернштейн.

Штребель начинает с признания, что в «огромнейшей важности ответственнейшую историческую ситуацию, на которую он в период самонадеянной юности страстно надеялся», германский социализм попал совершенно неподготовленный (там же, стр. 8). Среди нескольких причин такого банкротства Штребель называет также такую: «Всерьез не считались ни с возможностью возникновения мировой войны, ни с возможностью такой революции. Все больше «вживались» в идею эволюции, идею медленного врастания в социализм» (там же). Убеждение в неизбежности социализма в политической практике современного социализма «превращалось в своего рода исторический фатализм и экономический механистицизм» (там же, стр. 12). «Пока шли бесконечные споры о сущности и методах социализации, хозяйственные и политические силы капитализма все более беспрепятственно и суверенно снова овладели всей общественной сферой господства, из которой он временно был вытеснен ноябрьскими событиями. Как и прежде социализм сегодня еще живет в царстве мечтаний, и вместо первых действительных попыток социализации мы получили альбом образцов теорий социализации» (там же, стр. 5).

Достаточно хоть поверхностного знакомства с ходом социал-демократической социализации», чтобы прийти к следующим выводам: 1) руководящая головка социал-демократии на всю работу разных «комиссий по социализации» смотрела как на необходимую подачку революционно-на-

[1] «Die Neue Zeit» за 1898—99, т. II, Klassenkampfdogma und Klassenkampfwirklichkeit, S. 624—625.

[1] Heinrich Ströbel, Die Sozialisierung, ihre Wege und Voraussetzungen, Berlin, 1922.

строение массам, как на ни к чему не обязывающий гровоотвод[1]; 2) работа комиссий велась в таком направлении, чтобы «социализацию» проводить только с одобрения буржуазии и с тем, чтобы не было никаких издержек производства, чтобы от перехода к «социализации» ни один фунт продукции не был потерян; 3) никакой социализации—и это вывод из первых двух пунктов—в смысле обобществления капиталистических средств производства и не предполагалось. Покажем это на «важнейших этапах» говорения в комиссиях по социализации.

В первые месяцы, после ноябрьской революции, когда революционные настроения масс были особенно сильны, социал-демократическое большинство первого конгресса рабочих и солдатских советов проводит решение, что «необходимо немедленно начать социализацию приспособленных к этому отраслей промышленности, особенно горной». В февр. 1919 г. в «Форвертсе» Каутский помещает «Руководящие директивы для социалистической программы действия», в которых говорится: «Как только будет заключен мир и будет создана ясность в вопросе, в какой степени германский народ собственно распоряжается своим государственным и имперским богатством, ничто не сможет воспрепятствовать тому, чтобы безотлагательно объявить собственностью государства полностью всю земельную собственность каменноугольных предприятий, а также всю городскую земельную собственность (кроме домов)». Вдобавок к такому весьма ограниченному проведению национализации Каутский указывает на необходимость возмещения пострадавших владельцев, в размере, который должен быть установлен.

В комиссию по социализации под председательством Каутского вводятся, кроме социал-демократов, ряд буржуазных профессоров (Баллод, Вильдбрандт и др.). В программе комиссии, опубликованной 10 дек. 1918 г., указывается, что «обобществление орудий и средств производства» должно явиться результатом длительного подготовительного процесса органического характера. Необходимым условием, предшествующим каким бы то ни было преобразованиям в области экономической, должно быть восстановление производства»[2]. Дальше оговаривается, что нельзя трогать все те отрасли промышленности, которые работают на экспорт, т. е. все важнейшие отрасли! Причина: необходимо наладить экспорт. Кроме того, не должно быть никакого вмешательства в работу кредитных банков, так как надо расширить и развить частный кредит. Ничего нельзя трогать также в области сельского хозяйства. Бернштейн достаточно вра-

---

[1] Об этом очень неплохо говорит Е. Ледер в своей книжке: «Deutschlands Wiederaufbau und weltwirtschaftliche Wiedereingliederung durch Sozialisierung». «Дикие стачки и волнения на предприятиях укрощались мероприятиями, приспособленными к моменту, и звучными словесами... Когда попытки рабочего движения угрожающе нарастали, плакаты возвещали: «Социализм — уже есть!» Как только начинался отлив социального потока, то от официальных и полуофициальных кругов можно было слышать, что время для социализации не подходит». Цит. по Штребелю, стр. 124.

[2] Бернштейн, Германская революция, Петербург, 1922, изд. «Мысль» стр. 96.

зумительно поясняет целевую установку этой программы: «Опубликовывая свою программу, комиссия хотела показать рабочим, какие имеются основания, чтобы пока не спешить с обобществлением средств производства» (там же, стр. 96). Иначе говоря задачей комиссии было выиграть время в расчете на спад революционных настроений и на организацию сил буржуазии. Программа комиссии могла в полной мере успокоить буржуазию. Каутский в «Форверсте» (февраль 1919 г.) все же считает необходимым предупредить ее, что за всякое национализированное имущество буржуазия получит «возмещение, в размерах, кои будут установлены». Социал-демократические руководители политики и профсоюзов, рассказывает Штребель, «склонны были к весьма скептической оценке возможностей социализации». Эберт настойчиво предупреждал об опасности «экспериментов», А. Браун доказывал, что «трудно представить себе более несчастный момент для социализации, чем нынешний» [1].

Первым продуктом «социализаторского» творчества социал-демократов являлся проект «планового хозяйства», составленный с.-д. Висселем вместе с крупным промышленником Меллендорфом, помощником Висселя по министерству хозяйства. Суть проекта в следующем: по каждой отрасли хозяйства создаются «хозяйственные союзы» (Wirtschaftsbünde) из представителей предпринимателей, рабочих, торговцев и потребителей. Эти союзы заботятся о сырьевом снабжении предприятий, устанавливают размеры продукции в соответствии с действительными нуждами внутреннего потребления и экспорта, ведают сбытом продукции, *примиряют социальные противоречия* путем выработки тарифных договоров и установления справедливых условий труда. Как видим, в этом проекте одна сторона—реакционно-утопическая попытка построить организованное, плановое капиталистическое хозяйство, другая сторона—вполне реальная: осуществление мира в промышленности. Даже Гильфердинг вынужден был признать, что в этом проекте ничего нет от социализации. «От социализма здесь нет никакого следа, весь план сводится к тому, чтобы сохранить предпринимателя в его качестве капиталиста... Я не вижу в этом плане хотя бы приближение к социализму. Этот план вытекает из учения о гармонии между трудом и капиталом, это средство для облегчения затруднений капитализма. План рассчитан на то, чтобы при помощи закона облегчить создание капиталистического картеля» (там же, стр. 141).

На Кассельском партейтаге соц.-демократии в июле 1919 г. опять оживленно... разговаривали о социализации. Некоторые ораторы констатировали, что из всех проектов не сделано «ничего, ничего, и еще раз ничего», что капитализм орудует, «как будто никакой революции у нас не было», что рынок стал полем «самой безудержной спекуляции». Разговорами дело ограничилось, и, как с прискорбием отмечает Штребель, делового в этой дискуссии на партейтаге было слишком мало.

Первый официальный продукт «социализации» относится к августу

[1] Штребель, назв. соч., стр. 127—128.

1919 г., когда с.-д. правительство опубликовало «закон о регулировании каменноугольного хозяйства». Предыстория этого закона такова. Комиссия по социализации в феврале 1919 г. составила отчет, где большинство ее высказывается за «полное отчуждение государственного и частного капитала в каменноугольной промышленности». Дальнейшее разъяснение показывает, что проектируемая «социализация» для капиталистов была совсем не страшна. Предполагалась не национализация, а передача всего хозяйства новообразуемому хозяйственному организму—«Немецкому каменноугольному сообществу» в составе представителей от заводоуправлений, рабочих и всего населения.

В марте произошло выступление спартаковцев. Его подавление освободило руки социал-демократам. И упомянутый закон не содержит даже какой-либо крупицы «социализации». Ни о каком отчуждении средств производства здесь речи нет, по смыслу закон представляет немного измененный план Висселя. Создается «Имперский совет по каменному углю» в составе представителей промышленников, рабочих и потребителей. Этот совет «руководит топливной промышленностью в соответствии с общехозяйственными интересами под верховным наблюдением государства». Совет имеет право давать общие директивы по топливной промышленности для устранения безхозяйственной конкуренции и для защиты потребителя». Совет может затребовать у синдикатов и владельцев предприятий сведения по топливной промышленности... поскольку речь не идет о секретах производства!» Но этот имперский совет—больше декоративный орган. Собственно исполнительным, реально действующим органом являлся «имперский каменноугольный союз», который составлялся из представителей синдикатов и правительств тех областей, где сосредоточены каменноугольные предприятия. Участие рабочих сводится к пяти представителям в наблюдательном Совете союза. Союз устанавливает цены на основе данных о себестоимости, сообщаемых синдикатами, ведает сбытом продукции. При этом объединение предприятий в синдикаты было обязательным (там же, стр. 150—152).

Это—классический образец претворения в жизнь социал-демократических теорий об общественном («социалистическом») вмешательстве в функции распределения без затрагивания капиталистического процесса производства, капиталистической частной собственности. Каковы были результаты этого мероприятия, видно из отзывов самих его творцов. Помощник министра хозяйства проф. Гирш в апреле 1920 г. свидетельствует: «В действительности синдикаты, которые были превращены в принудительные организации, стали решающим фактором. Правда, в синдикаты и в имперский союз были введены несколько представителей рабочих, но синдикатские организации по существу представляли собой объединение предпринимательских синдикатов, в которых владельцы каменноугольных предприятий играли решающую роль... Сотрудничество рабочих при определении цен не обеспечивало гарантии против неоправданных повышений цен. Как правило, рабочий не в состоянии проверить издержки производ-

ства. Часто у них и воли не хватает к этому, особенно когда предприниматели за согласие на повышение цен обещают увеличение заработной платы» (там же, стр. 153). Одни предприниматели,—жалуется Штребель,—имели в руках все материалы, другие—представители рабочих—ничто и были совершенно бессильны (там же, стр. 162). Крупнейший промышленник Вальтер Ратенау, представитель электротехнической промышленности, а потому, как потребитель каменного угля, настроенный в пользу снижения цен на уголь, в комиссии по социализации рассказывает в юмористических тонах об осуществляемом «контроле» над ценами: «имперский каменноугольный союз» и каменноугольный совет представляют в настоящее время... чистейший фарс. Это детские игры, которые здесь устраиваются... Все это такое дело, которое с точки зрения торговой и государственно-правовой представляет нелепость». И дальше рассказывает, как синдикаты на основе фиктивного вычисления себестоимости гонят цены неимоверно вверх (там же, стр. 159). Комиссия по социализации вызывает в качестве эксперта по этому вопросу... Гуго Стиннеса, который успокаивает комиссию, что цены на уголь «относительно невысоки», причем Стиннес мотивирует, конечно, прежде всего увеличением заработной платы. Но сухая справка говорит, что в начале 1920 г. заработная плата наилучше оплачиваемых рабочих в номинальном выражении увеличилась в 8—8½ раз против 1913 г., а в то время как цена на уголь возросла в 14—14½ раз (там же, стр. 160). Штребель вынужден признать, что все мероприятия «закона о регулировании» имели только единственным реальным результатом... громадное обогащение предпринимателей и способствовали ускоренному процессу дальнейшей капиталистической конкуренции.

Весной 1920 г. произошел Капповский путч. Новое громадное усиление революционных настроений рабочих масс—и социал-демократы вновь принимаются рассматривать «пути социализации». Имперский хозяйственный совет передал «проблему социализации» комитету, потом «комиссии семи», которая работала в Эссене и «большинство которой полностью подпало под влияние представителей предпринимателей Стиннеса, Зильберберга и Феглера». Большинство «комиссии семи» наконец выступило с предложением, «где совершенно игнорируются все утверждения и мотивы комиссии по социализации и отстаивается идея капиталистической трестификации» (там же, стр. 187). «И нечто подобное,—восклицает с негодованием один из членов комиссии по социализации,—смеют народу рекомендовать, как социализацию!» (там же, стр. 188). Как будто все предшествующие заказы по «социализации» по существу отличались от этого проекта капитанов индустрии! Как будто «закон о регулировании каменноугольной промышленности» не был целиком приспособлен к интересам крупной индустрии!

Бернштейн повествует, как он в речи, произнесенной в декабре 1918 г. на съезде по вопросам хозяйства, говорил капиталистам: «Вы часто проклинали рабочее движение, часто на него сердились. Но присмо-

тритесь теперь к революции: что значат даже достойные сожаления столкновения, которые мы пережили в Берлине, что значат ежедневные демонстрации? Ведь собственно ни у кого ни один волос с головы не упал» [1]. Да, все «социализаторские» мероприятия социал-демократов были рассчитаны на то, чтобы не только не задеть буржуазию, но и чтобы ее фактически укрепить. «Социализация» проводилась под углом «укрепления народного хозяйства», что на практике означало усиление капиталистического хозяйства. Поскольку большинство пролетариата шло за социал-демократами, а компартия объединяла только небольшое меньшинство, пролетариат в целом, как класс, не явился фактором, активно преобразующим общество. Поле борьбы вскоре оказалось занятым буржуазией, а социал-демократы явились важнейшим флангом буржуазной контрреволюции. Ноябрьская революция в Германии—ярчайший пример того, как при наличии объективных предпосылок социализма пролетарская революция терпит поражение в силу отсутствия «субъективного» фактора революции.

* * *

В статье «Удержат ли большевики государственную власть» Ленин так рисует взгляды меньшевиствующего интеллигента на пролетарскую революцию: «Он готов бы признать социальную революцию, если бы история подвела к ней так же мирно, спокойно, гладко и аккуратно, как подходит к станции немецкий курьерский поезд. Чинный кондуктор открывает дверцы вагона и провозглашает: «Станция социальная революция!» «Alle aussteigen» («всем выходить») [2]. Реформист не возражает против мирного, спокойного, гладкого и аккуратного, «очищенного от борьбы и противоречий» движения к социализму. Реформист преклоняется перед силой буржуазии, его исходное положение—во что бы то ни стало сговориться с буржуазией за счет принесения в жертву всех и всяких конечных целей пролетариата. Непримиримость реформист объявляет «продуктом тщеславия или леностью мысли» [3]. Тот реформист, который добросовестно верит в историческую необходимость движения от капитализма к социализму, представляет себе это движение фаталистически. Субъективный фактор, классовая борьба пролетариата, преобразующего мир, заведующего этой необходимостью—совершенно исчезает.

Соответствующим образом ставятся реформизмом проблемы самостоятельности пролетариата как класса, и соотношения партии и рабочего класса.

По социал-демократической теории и практике пролетариат *перестает существовать как самостоятельный, отграниченный от мелкой буржуазии класс*. В концепции реформизма пролетариат из борца за свои конечные классовые цели превращается в придаток к классу буржуазии.

---

[1] Э. Бернштейн, Was ist Sozialismus, Берлин, 1922 г., стр. 26.

[2] Ленин, Сочинения, т. XXI, стр. 271.

[3] Бернштейн, «Очерки из истории и теории социализма», СПБ, 1902, стр. 149.

В представлении реформизма удел пролетариата—это помогать буржуазии усовершенствовать капиталистический строй.

Партия в концепции реформизма не является передовым авангардом класса. Реформизм стремится не оторваться от масс. Но в то время, как большевизм идет в массы для того, чтобы подтянуть их к уровню авангарда, к пониманию классовых задач пролетариата, реформизм ставит себе целью притупление классового сознания пролетарских масс, подмену классовых интересов пролетариата—цеховыми, конечных целей борьбы—крохоборчеством сегодняшнего дня. Реформизм поддерживает и взращивает в рабочем классе самые отсталые, цеховые, мелкобуржуазные тенденции. Свою партию реформизм пополняет непролетарскими элементами наравне с пролетарскими; процесс перерождения социал-демократических партий по их социальному составу совершался еще до войны, но особенно он ускорился в послевоенные годы. Поскольку в концепции социал-демократии рабочий класс растворяется в общей массе мелкой буржуазии, то и партия перестает быть авангардным отрядом рабочего класса. И в данном случае наиболее исчерпывающее обоснование этому дает опять-таки Бернштейн. Еще в 1896 г. он писал в статье: «Борьба классов и компромисс»:

«Всякое движение, выросшее из стадии сектантства и образующее партию, нуждается в *успехе*. Оно должно усиливаться, итти вперед, потому что лишь усиление есть сила, неподвижность же—смерть. Росту же пролетарской партии положены границы в силе и высоте развития пролетариата. Поэтому там, где пролетариат достиг бы своих предельных границ, ему ничего не осталось бы, как выжидание, потому что он образует во всех странах в большинстве округов лишь меньшинство населения. Свобода заключения союзов с другими партиями дает ему возможность расширять активную деятельность, но если подобные союзы невозможны, то внимание партии направляется на расширение своих сил за счет других классов населения. Приобретение подобных элементов становится уже—выражаясь образно—не «подсобным промыслом», но главным занятием партии, агитация все более приспособляется к этой цели. Таким образом из партии сознательных пролетариев она незаметно для самой себя становится партией всех недовольных, которые может быть еще удерживают пролетарские фразы, но не дело, и во всяком случае смешивают последнее с планами всеобщего осчастливления человечества. Она еще может играть очень почетную роль, но фактически это будет буржуазно-радикальная партия с социалистической вывеской и всегда нужно ожидать, что она изменит социализму ради своих буржуазных друзей и тем поведет к краху всю партию» [1].

Следовательно, Бернштейн видит только две возможности «роста» партии: или союз и компромисс с буржуазными партиями или же придется раствориться в массе «всех недовольных». Нетрудно видеть, что и в том

---

[1] «Очерки из истории и теории социализма», СПБ. 1902, стр. 149—150.

и в другом случае партия неизбежно превращается в «буржуазнорадикальную партию с социалистической вывеской». Ибо вся цель партии, «успех», в котором она нуждается—это «врастание» в буржуазную государственную машину через парламент. Действительно: социал-демократия является теперь не чем иным как партией буржуазии. При общей тенденции фашизации буржуазного государственного строя социал-реформизм приобретает характер социал-фашизма.

Как видим, неслучайный скат реформистов к идеализму и механистическому пониманию исторического процесса является лишь теоретическим обоснованием оппортунизма на практике.

Я. Бронин

ИЗ ИСТОРИИ РАБКОРОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ

РАБКОРЫ «ИСКРЫ», «ВПЕРЕД» И «ПРОЛЕТАРИЯ»

Вопросу привлечения рабочих корреспондентов большевистской печатью всегда уделялось особенно много внимания.

Н. К. Крупская в своем введении к опубликованной в VIII Ленинском сборнике переписке с агентами «Искры» говорит о том, что: «Владимир Ильич считал, что рабочий сумеет ближе подойти к рабочим, чем кто-либо другой, теснее с ним связаться. Владимир Ильич знал это уже на опыте. Перед отъездом за границу Владимир Ильич виделся с Ив. Вас. Бабушкиным—рабочим, который был у него в 90-х годах в кружке, и условился с ним о том, что Бабушкин будет связывать рабочих с «Искрой», доставлять им «Искру», организовывать корреспондирование рабочих в «Искру». Бабушкин за эту работу взялся вплотную и добился не малых результатов» (VIII Ленинский сборник, стр. 96).

В первых пяти номерах «Искры» отдел «Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов» слабо представлен рабочими корреспонденциями; с № 6 «Искры» количество их возрастает, ценность их содержания очевидна.

Не безынтересно будет провести сравнение некоторых номеров «Искры». В отделе «Рабочее движение и письма с фабрик и заводов» представлены корреспонденции только крупнейших промышленных центров—более затронутых революционной пропагандой: С.-Петербурга, Москвы, Екатеринбурга, Николаева, Харькова и т. д., а с последующих номеров, например в № 3, появляются корреспонденции из центрального текстильного района: Орехово-Зуева, Шуи, Иваново-Вознесенска, Ярославля, Костромы как от Ив. Вас. Бабушкина, так и от привлеченных им корреспондентов.

В письме Бабушкину 2 июня 1901 г. Н. К. Крупская пишет: «Обе Ваши корреспонденции получили [1]. Большое спасибо за правильную доставку сведений. Часть из них уже помещена в 3 и 4-м номере, который

---

[1] Письмо Н. К. Крупской к Ив. Вас. Бабушкину представляет собой черновик из серии переписки с ним редакции «Искры»; настоящее письмо вписано в тетрадь под арх. № 1450 и хранится в архиве Института Ленина.

вышел на-днях. Многое будет помещено в 5-м [1]. Мы чрезвычайно были обрадованы известием о сочувственном отношении иваново-вознесенских рабочих к «Искре», это сочувствие для нас важная нравственная поддержка. Не сможете ли достать какого-нибудь адреса, куда бы можно было посылать Вам все новинки (или прямо в конвертах или в переплетах книг). Адрес, по которому Вы пишете, меняется,... повидимому цел, нам сообщают, что он в Х., верно, не дошло его письмо к Вам. Мы свяжем его с Вами. Имейте в виду, что через Смоленск Вы получите литературу скорее, чем через Москву. Имеете ли адрес?»

В письме к Бабушкину от 17 июня 1901 г. Н. К. Крупская сообщает о статье некоего Дадонова «Русский Манчестер» («Русское богатство», XII—1900 г.), возмутительной по содержанию, направленной против иваново-вознесенских рабочих, об опровержении Шестернина и о новой статье Дадонова, еще более возмутительной, советует написать по поводу них статью или заметку с фактическим материалом,—«постарайтесь собрать как можно больше фактических данных. Очень важно бы было поместить в *«Искре»* или Заре опровержение этого вздора со стороны *рабочего*, близко знакомого с жизнью Иваново-Вознесенска» (VIII Лен. сборник, стр. 158). Бабушкин написал брошюру «В защиту иваново-вознесенских рабочих» за подписью: «Рабочий за рабочих», которая вышла приложением в № 9 «Искры». Ему должно быть бесспорно дано почетное звание первого рабочего корреспондента нашей партийной большевистской печати. В. И. Ленин высоко ценил И. В. Бабушкина, отметив это в статье, посвященной его памяти.

Приступая к изданию газеты «Вперед», редакции снова пришлось вести работу по привлечению рабочих корреспондентов. В № 3 «Вперед» в примечании от редакции к корреспонденции из С.-Петербурга о «зубатовцах» говорится между прочим:

«Со страниц новой «Искры» рабочие исчезли; они отучены от писания писем в редакцию, они перестали смотреть на эту газету, как на выразительницу их нужд и стремлений» и в заключение говорит: «Редакции «Вперед» приходится заново налаживать это дело. Такое дело требует усиленных забот и внимания, и мы надеемся, что наши товарищи в России, имеющие, наконец, свой орган, приложат все старания, чтобы воскресить посылку рабочих корреспонденций, рисующих как положение рабочих, так и всякое проявление их борьбы за улучшение своего положения («Вперед» и «Пролетарий», вып. 1, Москва, «Красная новь», стр. 44).

В письме к товарищам после решения тесного кружка заграничных большевиков издавать свой печатный орган, Ленин пишет:

«Мы обращаемся теперь ко всем товарищам с просьбой о всякой поддержке. Мы будем вести орган при условии, чтобы он был органом

---

[1] В №№ 3, 4 и 5 «Искры» в отделе «Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов» помещены корресподенции из Иваново-Вознесенска, Ярославля, Орехово-Зуева. «Искра». выпуск 1, стр. 68, 86, 87, 88, 104, Ленинград, «Прибой».

русского движения, а никоим образом не заграничного кружка» (Ленин, Соч., т. VI, стр. 374) и продолжает:

«Это недоразумение, будто именно литераторы и только литераторы (в профессиональном смысле этого слова) способны с успехом участвовать в органе; напротив, орган будет живым и жизненным тогда, когда на пяток руководящих и постоянно пишущих литераторов—пятьсот и пять тысяч работников не-литераторов. Один из недостатков старой Искры, от которого я всегда старался ее избавить (и который вырос в чудовищные размеры в новой Искре)—это слабая работа над ней из России. Мы печатали, бывало, всегда почти без исключения все, присылавшееся из России. Орган действительно живой должен печатать одну десятую присылаемого, утилизируя остальное для информации и указания литераторам. Необходимо, чтобы с нами переписывалось как можно большее число партийных работников, именно, переписывалось в обычном значении, в не литературном значении этого слова».

В заключении письма Ленин призывает:

«Пишите же нам о беседах на рабочих кружках, о характере этих бесед, о теме занятий, о запросах рабочих, о постановке пропаганды и агитации, о связях в обществе, в войске и молодежи, пишите больше всего о недовольстве нами, социал-демократами, среди рабочих, о их недоумениях, запросах, протестах и т. д.» (там же, стр. 375).

В письме А. А. Богданову от 10 января 1905 г. Ленин пишет о скором выходе № 2 «Вперед», просит напрячь все силы для организации литературного сотрудничества из России: «Чертовски нужны: 1) статейки по вопросам русской жизни от 6 до 18 тысяч букв; 2) заметки на те же темы от 2 до 6 тысяч букв; 3) корреспонденции обо всем и различнейших размеров; 4) выписки интересных мест и цитат из местных русских и специальных русских изданий; 5) заметки по поводу газетных и журнальных статей русских изданий. Три последние пункта вполне по силам и рабочей и особенно студенческой молодежи и поэтому надо обратить на это внимание, пропагандировать эту работу, расшевеливать и встряхивать публику, уча ее на конкретных образцах, что требуется и как надо уметь утилизировать всякую мелочь, втолковывая ей, что заграница дьявольски нуждается в *сыром* материале из России (литературно обработать и литературно использовать мы сами сумеем), что архиглупо стесняться литературными дефектами, что надо приучаться просто беседовать и запросто переписываться с заграничным журналом, если хотят, чтобы это был свой журнал. Я бы считал в этих видах прямо необходимым и безусловно необходимым раздать *каждому* студенческому кружку, *каждой* рабочей группе по адресу (заграничному, их теперь много, будет еще больше) «Вперед». Уверяю вас, что у нас среди комитетских есть идиотский предрассудок против широкой раздачи адресов периферийной молодежи. Боритесь всеми силами с этим предрассудком, раздавайте адреса и требуйте прямых *сношений* с редакцией «Вперед». Без этого не пойдет орган. Страшно нужны рабочие корреспонденции, а их мало.

Надо, чтобы десятки и сотни рабочих прямо и непосредственно писали в «Вперед». («Прол. рев.» № 3, 1925 г., стр. 30—31).

28 февраля 1905 г. Ленин пишет организациям РСДРП в России: «Из Питера начали посылать нам протоколы районных рабочих собраний. Пример, достойный подражания. Вообще усиленно просим рабочих самих писать и писать во «Вперед». (V Лен. сб., стр. 159).

«Почему не связываете нас непосредственно с рабочими? Ни один рабочий не пишет во «Вперед». *Это скандал.* Нам во что бы то ни стало нужны *десятки* рабочих корреспондентов,—пишет Ленин Одесскому комитету РСДРП в апреле 1905 г. (V Лен. сб., стр. 164) и наконец, в мае 1905 г. после только что состоявшегося III съезда он пишет местным организациям партии о необходимости организовать правильную посылку корреспонденций для «Пролетария», о привлечении рабочих корреспондентов: «Теперь в ЦО уже пишет много рабочих, гораздо больше, чем это бывало когда-либо раньше, но надо, чтобы писали в сто, в тысячу раз больше» (Арх. № 12969). И правильно, многие, очень многие рабочие были уже корреспондентами социал-демократической большевистской газеты. Чтобы убедиться в том, как много уже было в это время рабочих корреспондентов, стоит только посмотреть хотя один № 12 «Вперед».

Огромное внимание Ленин уделял также и вопросу привлечения рабочих для распространения своей газеты.

«Надо добиваться также,—писал он,—чтобы рабочие непосредственно давали свои собственные адреса для посылки «Вперед» в конвертах. «Рабочие бояться не будут. Полиция не в силах перехватить и десятой доли конвертов. Малый размер и частый выход «Вперед» делает для нас вопрос о конвертной (4 страницы) рассылке самым насущным вопросом газеты. Надо прямо поставить себе целью развить подписку рабочих на «Вперед», развить привычку прямо посылать за границу деньги (рублевка не бог знает что) и свой адрес. Если за это взяться толком, можно, ей-богу, революционизировать дело распространения нелегальной литературы в России. (См. письмо к Богданову от 10.1.1905 г., «Прол. рев.» № 3, 1925 г., стр. 31.)

Подводя итоги сказанному, следует признать, что «Искра», «Вперед» и «Пролетарий», несмотря на все отчаянные трудности, стоявшие на их пути, выполняли свою историческую задачу: на их страницах впервые появились корреспонденции рабочих, вокруг них группируются первые рабочие корреспонденты. Ничтожное количество рабочих корреспонденций последовательно в первых номерах все возрастает, и уже после третьего съезда партии Ленин пишет о том, что в «Пролетарий» пишет много рабочих, но надо, чтобы писали в сто, в тысячу раз больше.

Но только первая, легальная большевистская «Правда» смогла подойти вплотную к претворению в жизнь этого пожелания Ленина.

М. Павлова

РАБКОРЫ «ЗВЕЗДЫ» И «ПРАВДЫ»

Исключительная роль, которую сыграли в развитии рабочего движения газеты «Звезда» и «Правда»—общеизвестна. Недаром целый период в истории партии носит название *эпохи «Звезды» и «Правды»*. Являясь боевым органом партии и организаторами рабочего класса, «Звезда» и «Правда» были созданы и существовали исключительно благодаря поддержке самих рабочих.

Когда на Пражской конференции в январе 1912 г. был принципиально решен вопрос об издании ежедневной рабочей газеты в Петербурге, многие отнеслись к этому скептически. «Каким далеким казалось тогда осуществление этой мечты» [1]. И вот не прошло и четырех месяцев, как эта мечта оказывается осуществленной, претворенной в действительность, благодаря поддержке питерских рабочих.

Участие рабочих в возникновении «Правды» заключалось, во-первых, в той оживленной дискуссии, которую вели рабочие на страницах «Звезды» по вопросу о том, нужно ли строить Рабочий дворец, или *издавать* ежедневную газету, причем, если в начале этой дискуссии были некоторые колебания, то в конце подавляющее большинство высказалось за издание рабочей газеты. Во-вторых, рабочие содействовали возникновению «Правды» своими сборами и отчислениями, которые делались рабочими от своего скудного заработка.

Вопросу о денежных сборах в фонд «Правды» как показателю того, какой поддержкой со стороны рабочих пользуется большевистская «Правда, насколько велико было ее влияние по сравнению с влиянием ликвидаторов, чрезвычайно много внимания уделял Ленин, не раз останавливавшийся на этом вопросе в статьях: «Итоги полугодой работы» [2], «Рабочий класс и рабочая печать», «К итогам дня рабочей печати» [3] и др.

Но «Правда» достойна названия рабочей газеты не только потому, что она возникла и существовала благодаря материальной помощи рабочих, но и потому, что на страницах этих газет («Звезда» и «Правда») писали сами рабочие. На страницах этих газет широко, как нигде до сих пор, помещались корреспонденции, заметки и статьи, присланные рабочими. Значение «Звезды» и «Правды» в том, что это не были издаваемые небольшой группой интеллигентов газеты для рабочих, а подлинные газеты самих рабочих.

Рабочие не были пассивными читателями газеты, они живо интересовались ее содержанием, писали в газету свои предложения по поводу

---

[1] Ленин Н. и Зиновьев Г., Из истории рабочей печати в России. Л., «Прибой», 1925, стр. 14.

[2] Сочинения, 2-е изд., т. XVI.

[3] Там же, т. XVII.

тех или иных отделов, просили высказаться по определенным вопросам и т. д. Мы уже не говорим о тех многочисленных приветствиях, выражениях солидарности и сочувствия, которые получила «Правда» от рабочих.

Отдел «Правды» «Рабочее движение» был целиком заполнен рабочими корреспонденциями. Обширнейшая стачечная хроника также вся состояла из корреспонденций, полученных с фабрик и заводов. О потоке рабочих корреспонденций, поступавших в редакцию «Правды», можно прочесть во всех воспоминаниях, посвященных этому периоду. Об этом много писалось и в самой «Правде».

«В эту комнату (отдел рабочей хроники «Правды») сыплются непрерывным потоком бумажки самого незавидного вида—каракулеобразные, мятые, грязные, самым натуральным образом пахнущие трудовым потом от долгого пребывания в ладонях и карманах»—пишет старый правдист В. Попов-Дубовский [1].

Или вот, что пишет в юбилейном номере «Правды», в статье «Рабочая хроника», один из активнейших работников «Звезды» и «Правды»—К. С. Еремеев. «Ежедневно в «Правду» пишут десятки рабочих и—в громаднейшем большинстве случаев—пишут не лично от себя, а как представители рабочих, как выборные от стачечников, предприятий или организованных групп. Сотни рабочих сотрудничают, работают постоянно в своей рабочей газете и их литературное участие, конечно, чрезвычайно ценно. Это участие связывает газету множеством нитей с рабочей массой, ставит ее на прочный фундамент и в то же время коренным образом отличает «Правду» от всех прочих газет» («Правда» № 92, 1913 г.).

«Правде» не приходилось, как мы видим это во многих позднейших газетах и журналах—взывать к своим читателям с просьбой прислать материал, без которого-де рабочая газета не может существовать. В «Правду» поступала такая масса корреспонденций, резолюций всевозможных собраний, писем в редакцию и т. п. материала, посылаемого в газету рабочими, что не было никакой возможности их все помещать.

По этому поводу в «Правде» (под «Правдой» подразумеваются и все дальнейшие многочисленные ее наименования) была специально помещена статья «К нашим читателям», в которой давался ответ на претензии обиженных авторов. «За последнее время,—пишется в этой статье,—мы сделали все возможное, чтобы расширить отдел непосредственных сообщений с фабрик и заводов». Далее говорится об обилии поступающего материала, особенно сообщений о стачках. «Тут нельзя сокращаться. Рабочая газета должна быть самым точным регистратором стачечного движения. Мы добились того, что мимо нашей газеты не проходит ни одно столкновение труда с капиталом». Из-за этого-то многие резолюции, приветствия и т. п. материал приходится оставлять ненапечатанными («Путь правды» № 91, 1914 г.)

---

[1] «Журналист» № 4, 1927 г., стр. 12.

В «День рабочей печати» 1914 г. во вторую годовщину «Правды» в обширной статье «Как делается наша газета» мы опять находим богатый материал, позволяющий судить об обилии поступающих рабочих корреспонденций. Из этой статьи мы узнаем, что в периоды особенно оживленного рабочего движения рабочих корреспонденций поступает до 150—200 штук ежедневно. Работы с таким количеством материала, разумеется, чрезвычайно много. Написанные неразборчиво, часто на клочке бумаги, корреспонденции требуют обработки. «Затем,—говорит автор статьи «Как делается наша газета»,—статьи мало подготовленных корреспондентов приходится сокращать, вследствие несоразмерной длины, а также по цензурным условиям, иначе может быть опасность, что номер газеты подвергнется репрессии—конфискации или штрафу» («Путь правды» № 67, 1914).

В статье «Наши сотрудники» определенно говорится, что основным ядром сотрудников «Правды» являются именно рабочие корреспонденты. «Товарищ корреспондент—рабочий,—вот главный сотрудник рабочей газеты».

Возьмите любой номер «Пути правды», и вы найдете, что большая часть его состоит из рабочих корреспонденций и из так называемой рабочей хроники. С заводов, фабрик, мастерских, пекарень, торговых заведений, железнодорожных депо—вот откуда летит поток известий о рабочей жизни» (там же).

Имеется чрезвычайно важный и интересный цифровой материал о количестве рабочих корреспонденций, помещенных в «Правде». В статье «О чем писалось в нашей газете» говорится о помещенных в «Правде» статьях, в ней же даны таблицы, показывающие количество напечатанных рабочих корреспонденций.

Всего за время с апреля 1913 по апрель 1914 было помещено 11 114 рабочих корреспонденций и более 200 статей, написанных рабочими. Наибольшее количество корреспонденций относится к отделу стачечной хроники. В таблице, для сравнения, приведено количество стачечных корреспонденций, помещенных в «Правде» за первый год ее существования и за второй. Эти цифры как нельзя лучше показывают бурный рост стачечного движения в предвоенные годы. За первый год—апрель 1912—апрель 1913—в «Правде» было помещено 2 405 корреспонденций о стачках, и за период апрель 1913 г.—апрель 1914 г.—5 522. За второй год было помещено на 3 117 корреспонденций больше.

Эти цифры, свидетельствуя об увеличении числа стачек, в то же время служат и показателем роста рабочих корреспондентов «Правды». На основании этих цифр нельзя, разумеется, утверждать, что в 1913 г. стачек было больше, чем в 1912 г., на 3 117, так как о большом количестве стачек в 1912 г. сведения в «Правду» не попали; в 1913 г., в связи с ростом влияния и интереса к «Правде» среди рабочих, каждое предприятие, на котором возникала стачка, сейчас же спешило сообщить об этом в «Правду».

Больше всего корреспондировали в «Правду» петербургские рабочие. Корреспонденций от петербургских пролетариев было напечатано в «Прав-

де» за 1913—1914 гг.—7 874. На втором месте стоит Москва, причем здесь наблюдается резкое понижение—936 корреспонденций. В общем питерцы дают 70% общего числа корреспонденций.

Так как большинство корреспонденций писалось коллективно, то можно сказать,—как пишет автор статьи «О чем писалось в рабочей газете»—в составлении 11 тысяч напечатанных за год корреспонденций принимали участие десятки тысяч рабочих. И в этом огромная заслуга нашей полосы движения. Сами рабочие пишут в свою газету. На самом деле рабочие писали не только корреспонденции. Свыше двухсот статей этого года принадлежит самим рабочим». («Путь правды» № 67, 1914 г.).

В том же юбилейном номере за 1914 г. была помещена фотокопия одной из рабочих корреспонденций. Эта фотография дает наглядное представление о той работе, которую приходилось производить над рукописью рабочего корреспондента. Рукопись содержит такое количество исправления, перечеркиваний и поправок, что в настоящее время ее трудно разобрать.

Ленин чрезвычайно интересовался рабочими корреспонденциями, помещавшимся в «Правде». Тов. В. А. Тихомирновым делались вырезки из «Правды». Вырезки систематизировались по отделам: рабочая хроника, жизнь профессиональных союзов, культурно-просветительные организации и т. п. И Ленин тщательно изучал этот богатейший материал, представлявший полную картину развития русского рабочего движения.

Но корреспонденции с фабрик и заводов, корреспонденции, написанные самими рабочими, были нужны и представляли ценность не только для вождей рабочего движения. Ими живо интересовались и сами рабочие. Рабочие корреспонденции производили огромное впечатление на рабочую массу. То, что внимание рабочих привлекали корреспонденции, написанные их товарищами, видно из многочисленных писем и приветствий, полученных «Правдой».

«Мы видим из нее (из «Правды»), как борятся наши товарищи в таких промышленных центрах, как Петербург, Москва и др. городах»,—пишет группа рабочих с фабрики Абросимова (Костромской губ.). Особенным успехом пользовались номера «Правды» на тех предприятиях, с которых имелись в данном номере корреспонденции. Такие номера буквально вырывались друг у друга рабочими этого предприятия. Эти корреспонденции будили сознание рабочей массы, особенно в провинциальных городах, где не было рабочей и профессиональной прессы, где партийные организации были слабы и не могли выпускать воззваний, листовок и т. п. Там рабочие корреспонденции имели определенно революционизирующее значение. Узнавая о той борьбе, которую ведут пролетарии крупных промышленных центров, рабочие в свою очередь начинали организовываться, предъявлять требования своей администрации и т. д. И с этих заводов посылались корреспонденции в «Правду», и они поддерживали дух, вливали в рабочую массу энергию для борьбы. Об этом имеется много сведения в литературе по истории рабочего движения.

Так, например, о том, какое огромное организующее значение имели

корреспонденции о положении на той или иной фабрике для рабочих этой фабрики, очень подробно описано, напр., в статьях В. И. Невского «Партийные организации в Харькове в 1912 г.» и «Рабочее движение в Харькове в 1912 г.» в сборнике «Из эпохи», «Звезды» и «Правды», вып. II и в других статьях того же сборника.

С другой стороны, письма рабочих корреспондентов «Звезды» и «Правды», попадая «не в бровь, а в глаз» капиталистам, чиновникам и всем власть имущим, вызывали у них совершенно естественное раздражение и ненависть против газеты, осмеливающейся открыто писать всю правду о ничем несдерживаемой капиталистической эксплоатации, о безмерном полицейском гнете.

В «Правду» писались опровержения на заметки рабочих корреспондентов со стороны представителей администрации. Вот одно такое, чрезвычайно характерное, «опровержение», помещенное в «Правде» под заглавием «Корреспондента ищут».

«Нами получено следующее строгое требование от заведующего фабрикой кожно-седельных, кожев. и парус. изделий.

В контору редакции газеты «Правда».

Настоящим имею честь сообщить, что 29 декабря с. г. были помещены в Вашей газете явно ложные сведения о порядках и рабочих моей фабрики, основанные, по всей вероятности, на ложном показании какого-нибудь рабочего.

Ввиду сего, фабрика предлагает Вам в трехдневный срок сообщить ей, от кого именно редакция эти ложные сведения, ни на чем не основанные, получила. В случае неполучения к 6 часам дня 3 января 1913 г. удовлетворительного ответа, редакция будет привлечена фабрикой к ответственности за помещение в своей газете явно ложных сведений, затрагивающих интересы частного лица и равным образом об этом будет доведено до сведения Главного управления по делам печати.

От редакции. Несмотря на всю строгость г-на «ответственного заведующего, мы вынуждены отклонить его грозное «предложение» и объяснить ему, что «Правда» никогда не сообщает фамилии своих корреспондентов, хотя бы этого требовали в «трехдневный срок». Вопрос о помещении в газете «явно ложных сведений» решит суд. С своей стороны заявляем, что помещаем только проверенные сведения. Что касается угрозы довести «до сведения Главного управления по делам печати», то это нас не пугает, мы уже привыкли к тому, что гг. промышленники жалуются на нас не только в Главное управление, но и еще в некоторые «учреждения», куда они обычно ходят на поклон с черного крыльца в случае конфликтов с рабочими» («Правда» № 2, 1913 г.).

Капиталисты так не терпели «Правду», что запрещали читать ее на заводах. Корреспондент с Невской бумагопрядильни рассказывает, что один рабочий читал вслух «Правду», в это время вошел мастер, вырвал ее у него из рук и разорвал, а рабочего, читавшего газету, отвел в контору, где его сейчас же рассчитали («Правда» № 10, 1912 г.).

Не отставала и полиция, а также Главное управление и Петербургский комитет по делам печати.

Известно, какому количеству репрессий—штрафов и конфискации подвергалась «Правда». Следует отметить, что эти репрессии вызывались не только помещениями в статьях призывов к «ниспровержению существующего строя», но и в значительной степени рабочими корреспонденциями, главным образом, стачечной хроники.

На письма рабочих, помещенные в «Звезде» и «Правде», реагировали даже министры царской России. Их, поставленных для охраны «существующего строя», не могло не беспокоить то, что в рабочей газете рассказывается вся правда о положении рабочих.

В № 18 «Звезды» за 1911 г. был помещен под общим заголовком «Машинисты» корреспонденции с ряда железных дорог. В этих корреспонденциях говорится об условиях труда машинистов и о том, каким тяжелым бременем ложится на них экономия в топливе, которую заставляет производить администрация. К этим письмам дано примечание редакции, в котором говорится, что единственным средством борьбы для железнодорожных рабочих является объединение в профессиональный союз.

Вот эти-то корреспонденции и вызвали беспокойство тогдашнего министра путей сообщения Рухлова, который поспешил обратиться с нижеследующим письмом к самому Столыпину:

«Милостивый государь Петр Аркадьевич.

Препровождая при сем в копиях заметки из газеты «Звезда» по поводу тяжелых условий службы паровозных машинистов, ввиду неправильного установления норм топлива, имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство обратить внимание на примечание редакции названной газеты, в котором указывается, что для выяснения условий труда машинистов нужно объединить их по всем дорогам в коллектив и что только профессиональный союз может хорошо отстаивать все требования труда» [1].

Справедливость требует отметить, что Комитет по делам печати, куда было переслано Столыпиным это письмо, к огорчению для Рухлова не усмотрел в данной корреспонденции «состава какого-либо преступления».

Однако Рухлов продолжал и впредь чрезвычайно внимательно относиться к «Звезде». Приведем еще одно письмо, написанное, по его приказанию, начальнику Главного управления по делам печати Татищеву.

В № 31 от 17 апреля, издающейся в С.-Петербурге газеты «Звезда», помещены заметки («Варшавская чугунка» и «Николаевская ж. д. Товарная станция, погрузочный двор»), заключающие, между прочим, явный призыв железнодорожников служащих и рабочих к борьбе и к объединению в целях сей борьбы в рабочий союз.

[1] Письмо от 8/10 мая 1911 г. № 12 978. Дело 1 отд. Главного управления по делам печати об издании газеты «Звезда» № 25.

Вследствие сего и принимая во внимание крайне вредное влияние подобного рода заметок на рабочую массу, имею честь, по приказанию г. министра путей сообщения, обратиться к Вашему сиятельству с покорнейшей просьбой, не признаете ли Вы возможным, в видах сохранения спокойствия среди железнодорожных служащих, принять зависящие меры к недопущению в печати статей указанного характера» [1].

«Зависящие меры» принимать не пришлось, так как 22 апреля «Звезда» прекратила свое существование.

Присмотримся поближе к рабочим корреспонденциям, к их характеру, к тому, о чем писалось в отделе «Рабочее движение».

Рабочие корреспонденции появились на столбцах газет не сразу. В первых номерах «Звезды», начавшей выходить еще в глухую пору столыпинской реакции, совсем нет рабочих корреспонденций, лишь впоследствии, в связи с подъемом рабочего движения, корреспонденции рабочих начинают литься широкой волной.

В № 5 «Звезды» за 1911 г. появляется отдел «В мире труда», в котором печатаются рабочие корреспонденции, но этот отдел не занимал и одного столбца. Такое небольшое количество рабочих корреспонденций продолжало поступать и печататься в течение довольно долгого времени. Лишь с № 27 за 1911 г. (это был первый номер, вышедший после значительного перерыва; с этого времени «Звезда» стала выходить под чисто большевистской редакцией, до этого в ней принимали участие и меньшевики-партийцы—помещали статьи Плеханов, Иорданский, Дневницкий) число рабочих корреспонденций значительно увеличивается. Вводится отдел «Рабочее движение», занимающий почти целую страницу. В отделе «Рабочее движение» имелся ряд подотделов: «В профессиональных союзах», «В просветительных обществах», в дальнейшем вводится подотдел «На фабриках и заводах» и т. д.

Число рабочих корреспонденций неуклонно росло. В последних номерах «Звезды», выходивших во время стачек протеста против ленских расстрелов в апреле 1912 г., отдел «Рабочее движение» занимал до 3 страниц.

«Правда» с первого же номера вышла с занимающим целую страницу отделом «Рабочее движение». Этот отдел так же, как и в «Звезде», состоял из ряда подотделов, причем наиболее крупными был отдел «стачек», затем шли «в профессиональных обществах», «на фабриках и заводах», «по России». Кроме этих постоянных отделов, были еще отделы, появляющиеся в газете эпизодически. К таким относились группы рабочих корреспонденций, объединенные по производственному признаку—«среди печатников», «у строителей», «среди приказчиков», «на железных дорогах», или такие временные отделы, как «о рабочей газете», «к 1 мая» и т. д.

---

[1] Письмо от 21 апреля 1912 г. № 224. То же дело Главн. управл.

О том, как росло количество рабочих корреспондентов «Правды», было сказано выше, приводились и некоторые цифровые данные. И, действительно, скоро отделу «Рабочего движения» становится тесно на четвертой странице, и рабочие корреспонденции начинают печатать на третьей.

Последующие номера «Трудовой правды» (последнее название «Правды» перед империалистической войной), выходившие в период петербургских баррикад, расстрела путиловцев, всеобщей стачки в Баку и т. д., почти сплошь заполнены рабочими корреспонденциями. Уже на второй странице начинали печататься длинные списки бастующих предприятий, корреспонденции о митингах и демонстрациях и т. д.

В первых же своих письмах рабочие корреспонденты просто и без всякого сгущения красок рисуют неприглядную жизнь дореволюционного завода. Рабочий корреспондент кратко сообщает о том, что делается у него на заводе или фабрике, он пишет о том, что рабочий беззащитен перед хозяином, который может в любую минуту его рассчитать, оштрафовать и т. д. Вот пример такой корреспонденции:

«Продолжаются расчеты, на-днях рассчитали еще семь человек (Петербургский трамвайный парк). Усиливаются штрафы (завод Лангензипена). Рассчитывают старых токарей и набирают новых с пониженной расценкой (завод Дюфлон).

Постоянной темой писем рабочих корреспондентов служит бесчеловечное обращение с рабочими мастеров, техников, а иногда и инженеров, буквально измывающихся над рабочими, стремящихся урвать у них каждую копейку. Об одном таком самодуре, терроризировавшем рабочих, рассказывается в корреспонденции с Патронного завода в Петербурге. Речь идет о некоем полковнике Холодовском.

Обращение его с рабочими до такой степени грубо и бесчеловечно, что его нельзя не отметить. Из-за малейшего пустяка он начинает кричать, а когда приходит в ярость, то хватается за револьвер и угрожает «расстрелять». На одного рабочего завода он так накричал, что тот от сильного потрясения заболел и больше уже не появлялся на заводе.

Войдя как-то в мастерскую, Холодовский заметил, что один старый рабочий сидит во время работы; «начальник» так набросился на него, что тот долго трясся, как в лихорадке («Звезда» № 32, 1911 г.).

Рабочий корреспондент с завода Крендович дает еще один тип подобного самодура. На этом заводе есть мастер, который требует, чтобы рабочие вставали, когда он приходил в мастерскую; тех, кто не исполняет его желания, он всячески преследует, штрафует, систематически снижает расценки и т. п. («Правда» № 21, 1912 г.).

Особенно много жалуются корреспонденты на произвол мастеров и браковщиков при приеме товара. Рабочих, им когда-либо не угодивших, строптивых, неблагонадежных с их точки зрения, они штрафуют за всякую мелочь. За то своим любимцам, подхалимам и доносчикам они прощают и всячески им покровительствуют.

Указанный выше Патронный завод, повидимому, имел постоянных корреспондентов в рабочие газеты. Корреспонденции с этого завода часто попадаются в «Звезде» и «Правде». В одной из них описывается сложная система взимания штрафов, принятая на заводе, причем штрафуют все, начиная с вахтера и кончая начальником мастерской.

«Администрация завода выработала у нас целую систему штрафов: после 3 опозданий начинают штрафовать: за опоздание в 4-й раз берут 5 коп. штрафа, в 5-й раз 6 коп., а за далнейшие опоздания по 10 коп., причем штрафуют, если опоздал на 2—3 минуты («Звезда» № 34, 1911 г.). Очень много места уделено в рабочих корреспонденциях вопросу о рабочем дне. С ряда предприятий, особенно небольших мастерских, поступают сведения о ничем неограниченной длине рабочего дня, определяемой не каким-либо законоположениями, а исключительно волей хозяина. Чрезвычайно широко пользовались сверхурочными работами, причем работа эта вовсе не оплачивалась, отказаться же от этой работы нельзя. Так корреспондент с Невского судостроительного завода сообщает, что за отказ от сверхурочной работы (неоплачиваемой) рассчитали 12 рабочих («Правда» № 11, 1911 г.).

На некоторых мелких предприятиях совсем не было нормированного рабочего дня; работали смотря по обстоятельствам. Об этом рассказывает корреспондент в заметке «Голос колбасника. Товарищи рабочие-колбасники! Мне хочется напомнить вам о нашем угнетенном положении». Указав, что нормальным рабочим днем является 10—11-час. день, автор корреспонденции пишет: «управятся в 10 часов—хорошо, а не то по 12 и 14 часов работают без всякой платы» («Правда» № 111, 1912 г.).

Не мало красочных описаний находим мы в письмах рабочих корреспондентов постановки дела «охраны труда». Например, врач Василеостровского трамвайного парка (врач этот содержится на взимаемом с рабочих больничном сборе) дает больным добродетельные советы «кушать легкую пищу». На просящих же более радикальной лечебной помощи, кричит: «больны? увольняйтесь!» И это происходит на предприятии, принадлежащем либеральной, кадетской, т. н. «обновленческой» петербургской городской думе.

Или вот как, по описанию рабочего корреспондента, обстоит дело с лечебной помощью на том же Патронном заводе: для того чтобы попасть к врачу, нужно получить записку от мастера, который опрашивает рабочего, чем он болен и затем решает, нуждается ли он в лечебной помощи или нет («Правда» № 11, 1912 г.).

На заводе «Астра» имеется фельдшер; но он не только фельдшер, но еще и отметчик, и кладовщик, и паспортист, и приемщик товара. Ясно, что лечить ему некогда. «...Больной придет к нему, так он зарычит на него, как голодный лев»,—заканчивает свою заметку корреспондент («Правда» № 19, 1912 г.)

Так же плохо обстоит дело с спецодеждой, если пользоваться современным термином. Просматривая рабочие корреспонденции, видим, что

большинство рабочих никакой одежды для работы не получило, но и там, где казенное обмундирование полагалось, администрация всячески стремилась урвать это право. Вот очень характерная корреспонденция машинистов Николаевской жел. дор.:

«Мы, машинисты Николаевской железной дороги, просили напечатать, что до сего года мы получали полное обмундирование, а сейчас нас его лишили и обещали нам дать несколько копеек в месяц, но мы, машинисты, не желаем копейки, за которые трудно купить полное обмундирование, а просим выдавать нам в натуре обмундирование, только более доброкачественного материала и шитья» («Звезда» № 24, 1911 г.).

Во всех корреспонденциях, описывающих условия труда, мы видим жалобы на плохие санитарные условия, жару, отсутствие вентиляции, кипяченой воды и пр. Еще хуже условия у тех рабочих, которые живут «на всем готовом» у своих хозяев. Вот как один корреспондент описывает квартирные условия булочников, живущих у хозяина. «Спят по-двое на кровати, об одеялах, подушках, простынях—слыхом не слыхать. Под голову или пиджак или кулак» («Правда» № 87, 1912 г.).

Очень важно отметить, что рабочими корреспондентами были не только квалифицированные, более организованные и сознательные рабочие, как, например, металлисты, печатники или служащие-приказчики. Несомненно, что большинство рабочих корреспондентов принадлежало именно к этим группам. Почти в каждом номере «Правды» был отдел «Среди печатников» или «Среди приказчиков», чуть ли не в каждом номере помещались корреспонденции с Путиловского завода, обладавшего большим количеством рабочих корреспондентов. Но вместе с тем, перелистывая «Правду», мы видим, что она имела корреспондентов и среди наименее «организованных слоев рабочего класса и среди групп, стоящих в стороне от рабочего движения. В «Правду» пишут рабочие мелких, карликовых разбросанных вдалеке друг от друга мастерских, не имеющих никакой организации, всецело находящиеся во власти своего хозяина».

Мы видим в «Правде» большое количество корреспондентов от строительных рабочих, которые и до сего времени представляют собою очень текучий элемент, тесно связанный с деревней, приходящий в город лишь на время строительного сезона. Рабочими корреспондентами «Правды» были и ломовые извозчики (тоже совершенно неорганизованный элемент), и официанты пивных, и грузчики петербургского порта, и театральные плотники. Конечно, число корреспондентов среди этих групп было невелико, но все же они будили своих товарищей от политической спячки, звали их к организации, к борьбе за общее дело пролетариата.

Очень интересна корреспондения «Среди ломовых извозчиков», поскольку они не только описывают жизнь и работу ломовых извозчиков, но и затрагивают вопрос об общеклассовых интересах. «Нашим товарищам по классовой борьбе, фабричным и заводским рабочим, немыслимо представить себе картину существования ломовых извозчиков. Нормировка рабочего дня совершенно отсутствует... Встают в 3 часа ночи. Работают

с 3 часов ночи до полуночи без определенного времени на обед, получая за это гроши. Живут в полуподвальном сыром, грязном помещении. Спят на нарах и т. д. Сознаем, что профессинальная организация для ломовых извозчиков необходима. Так смело же, товарищи, за начало этого общего нашего дела («Правда» № 52, 1912 г.).

Вот корреспонденция другой категории работниц, «белых рабынь», как называет их автор,—«Положение женской прислуги в гостиницах и меблированных комнатах».

Эта жизнь «белых рабынь» тяжела. Продолжительный 15—16-часовой рабочий день, ответственность за пропажу белья и др. вещей. Кроме физического труда ей много приходится страдать и морально. Приходится переносить всяческие оскорбления, издевательства от хозяев, управляющих, экономок, но не меньше и от жильцов, которые смотрят на них как на продажных женщин, нахально пристают к ним и говорят им разные пакости («Правда» № 70, 1913 г.).

Корреспонденция «Среди полотеров», подписанная «Сознательный полотер», горячо призывает своих товарищей организоваться: «Квартиры полотеров известные, в одной комнате 15—20 человек, у иных хозяев больше. Харчи и обращение хозяев с полотерами тоже известные. Какие у нас стремления? Провести все свободные дни в трактире, пропить и без того скудные заработки; личные счеты, кому достались лучшие, где больше дают на чай. Этим мы не улучшим своего положения. Нам нужно объединиться, товарищи! Нужен свой профессиональный союз. Читайте газету «Правду». Одна она лишь укажет нам путь к лучшему будущему» («Правда» № 87, 1913 г.).

Некоторые рабочие корреспонденты описывали свою жизнь и работу в стихах. Таких стихов, написанных рабочими-поэтами, было помещено в «Правде» довольно много. Вот, например, стихотворение: «Жизнь кочегара» за подписью «Кочегар».

Кто лопатку поднимает,
Кто форсунку повернет,
Кто углем работать будет—
Через года два помрет и т. д.

(«Правда» № 87, 1913 г.).

Это, конечно, очень слабенькие стихи, но, отвлекаясь в сторону, можно сказать, что среди рабочих-поэтов, писавших в «Правде», были и такие, которые потом создали себе «имя» и вышли в большую литературу. Так в «Правде» начинал писать пролетарский поэт Мих. Герасимов, писали Я. Бердников, Ф. Шкулев, Самобытник-Маширов, много писали в «Звезде» и «Правде» Андрей Дикий, Демьян Бедный, Г. Шпилев, писал под разными псеводнимами А. Гастев и мн. др.

Много внимания уделялось в корреспонденциях рабочих и отрицательным явлением в рабочей среде. Корреспонденты упрекали своих товарищей в отсутствии интереса и общественности, за процветающее сре-

ди них пьянство, пристрастие к картам и др. азартным играм. Но рабочие корреспонденты не только клеймили своих менее сознательных товарищей, но, как было показано отчасти выше, старались пробудить в них классовое самосознание, разъясняя им их классовые интересы, призывая их организовываться в профессиональный союз, читать рабочие газеты и т. д.

Даже у таких передовых рабочих, как у печатников, не всегда обстояло благополучно в смысле участия их в общественной жизни. Вот корреспонденция из Синодальной типографии. Автор ее «Синодалец» говорит, что, в то время как везде заметно оживление, рабочие Синодальной типографии продолжают тихо почивать, убаюкиваемые постоянной бранью фактора. Рабочие газет и журналов здесь не читают, но пьянство весьма процветает. Администрация этому не препятствует, так как благодаря этому, рабочие находятся у них в руках. Пропьянствовав неделю-другую, рабочий возвращается в типографию и работает столько, сколько ему прикажут, и получает за работу столько, сколько заблагорассудится администрации, так как рабочие не могут возражать, потому что за прогулы их могут в любую минуту вышвырнуть за ворота. В результате ужасная забитость и даже на ленские события некоторые рабочие ответили зубоскальством—заканчивает автор корреспонденции («Правда» № 3, 1912 г.).

Во многих корреспонденциях описывается царящая система доносов, шпионажа, подслушивания, так что рабочие боятся разговаривать друг с другом. Администрация набирает на завод деклассированные элементы, чтобы они вносили разложение в рабочую среду, как пишет об этом один корреспондент. «В завод стараются брать самых заядлых хулиганов, которые своими поступками вносят страшный разврат в нашу среду. Сквернословие и мордобой у нас самое заурядное явление» (Правда» № 2, 1914 г.). Разумеется, о какой-либо организации здесь трудно и говорить: администрация устраивает все, что ей вздумается, например производит повальные обыски среди рабочих при выходе их с завода.

Но наряду с этими отрицательными явлениями корреспонденции сообщают много фактов, свидетельствующих о высокой степени сознательности рабочих, о понимании ими своих классовых интересов и задач, стоящих перед ними. Особенно красноречиво говорят об этом многочисленные письма рабочих о «Правде». Вот как оценивает значение и роль «Правды» группа рабочих Путиловского завода.

«Читая газету «Правда», в каждом номере ее мы видим, какой интерес питают товарищи рабочие к рабочему органу. Со всех заводов и фабрик, из мелких мастерских, группы рабочих, не изменивших старым заветам великого учителя Карла Маркса, шлют свои приветствия газете «Правда», как истинной представительнице рабочих, непоколебимой в своем направлении, всесторонне освещающей правильный путь, по которому должен итти пролетариат к своей конечной цели» («Правда» № 14, 1913 г.).

Можно привести много корреспонденций, в которых сообщается о том, что рабочие того или иного предприятия «целиком и полностью» со-

лидаризируются с политическим направлением «Правды», поддерживают «Правду» в ее борьбе с ликвидаторами как в целом, так и по отдельным вопросам, хотя бы по вопросам страховой кампании или по вопросу о расколе думской с.-д. фракции. Рабочие не были пассивными читателями своей газеты, они интересовались вопросом о содержании «Правды», об увеличении ее объема, о введении новых отделов. Вот несколько корреспонденций на эту тему.

«Мы, так сказать, крепостнические рабы (служим в ресторанах, получаем ничтожные гроши и пользуемся хозяйской квартирой и харчами), высказываемся за увеличение газетного листа, мы уверены, что каждому сознательному рабочему не так дороги копейки, как дорого иметь сведения о жизни и борьбе своих товарищей. Конечно, это особенно для малоподготовленных и неорганизованных пролетариев «зеленой вывески». Необходимо ввести беллетристику и юмор» («Правда» № 113, 1912 г.).

Вот еще аналогичная корреспонденция.

«Мы просили бы увеличить газетный лист, введя ряд новых отделов (напр., «Наука и искусство»), и поставить прочнее существующие. Расширяя и вводя новые отделы в газету «Правда», расширяется и умственный кругозор многих тысяч рабочих, до сих пор стоящих в стороне от рабочего движения» («Правда» № 106, 1912 г.).

О симпатиях, которыми пользовалась «Правда» среди рабочих, свидетельствуют приветствия, которые получила «Правда» ко дню ее юбилея. Во вторую годовщину рабочей печати и двухлетний юбилей «Правды» в № 67 «Пути правды» за 1914 г., за невозможностью поместить все приветствия целиком, был помещен список в два столбца с приветствиями от рабочих со всех концов России.

В «Правде» мы видим письма рабочих, показывающие, что рабочим близки и дороги их представители в литературе. Когда М. Горький в связи с амнистией 1913 г. получил возможность вернуться в Россию, в «Правде» появились приветствия от рабочих многих фабрик и заводов. Вот одно из этих приветствий. «Группа металлистов Выборгского района в числе 30 человек приветствуют приезд в Россию Максима Горького, как пролетарского писателя, горячо любящего свою родину и свой рабочий угнетенный народ. Шлем привет». («Путь правды» № 5, 1914 г.).

Из рабочих корреспонденций мы видим, насколько было развито у рабочих чувство классовой солидарности. Так, для того чтобы поддержать бастующих товарищей, рабочие прибегали к бойкоту товаров, изготовлявшихся на предприятии, на котором происходит стачка. Был, например, объявлен бойкот товарам табачной фабрики «Лаферм», администрация которой прибегала к распространеннейшему тогда методу—локауту бастующих рабочих. Вот письмо наборщиков «Правды» и «Луча». «Поддерживая рабочих табачной фабрики «Лаферм», присоединяемся к бойкоту фабрики, постановил не употреблять продуктов, производимой этой фабрикой до удовлетворения требований рабочих и работниц» («Правда» № 19, 1913 г.) В последующих номерах «Правды» был помещен

ряд корреспонденций, в которых сообщалось, что рабочие того или иного производства присоединяются к бойкоту. Кроме моральной поддержки, солидарность рабочих выражалась в сборе денег в пользу бастующих и подвергнутых локауту рабочих.

Сознание общности классовых интересов было таково, что рабочие поддерживали и заграничных товарищей. Мы видим в «Правде» ряд писем рабочих, заявляющих о своей солидарности с бельгийскими рабочими, объявившими в 1913 г. всеобщую стачку с требованием всеобщего избирательного права. Приводим одно из этих писем.

«Мы, рабочие инструментальной и ремонтной мастерских трубочного завода г. Петербурга, шлем привет товарищам Бельгии, вступившим в борьбу за расширение своих политических прав, за всеобщее равное избирательное право, желаем успеха, дружной борьбы, прилагаем свою посильную помощь: мастерская № 8—6 руб. 26 коп., мастерская № 9—6 руб.» («Правда № 87, 1913 г.).

О том, что наибольший процент рабочих корреспонденций падает на сообщения о стачках, неоднократно говорилось выше; сообщениями об экономических стачках почти целиком заполняется отдел «Рабочее движение» «Правды», в то время как в «Звезде» вначале совсем не было корреспонденций о стачках или были лишь единичные письма. Чрезвычайно велико было число корреспонденций и о политических стачках.

Первым толчком к развитию политического стачечного движения в те годы был, как известно, ленский расстрел 1912 г. Кровавые события в далеком Бодайбо пробудили пролетариат от той политической спячки, в которой он находился в годы реакции. Рабочие отозвались на ленский расстрел массовыми стачками, демонстрациями и митингами протеста. «Мы, рабочие Балтийского завода, собравшиеся в количестве около 1 500 человек, не можем не выразить своего негодования по поводу этих новых зверских кровавых убийств беззащитных мирных людей и присоединяемся к тем протестам, которые несутся со всех сторон России» («Звезда № 30, 1912 г.). И таких резолюций, принятых на митингах, мы видим в «Звезде» целые столбцы. Также много корреспонденций о стачках протеста. На собрании 500 рабочих вынесен протест и объявлена однодневная забастовка. Бастует 1 000 человек (завод Лангензипен) («Звезда» № 31, 1912 г.) Такова типичная корреспонденция о стачке. В № 34 «Звезды» 4 столбца большого газетного листа были целиком заполнены резолюциями протеста, корреспонденциями о стачках и демонстрациях. Идут сообщения об отчислениях, производившихся рабочими в пользу семей убитых на Лене. Корреспонденции о стачках и митингах по поводу Лены продолжали печататься и в первых номерах «Правды». С тех пор каждый год в день ленского расстрела—4 апреля—газеты вновь полны корреспонденциями о стачках и митингах в память ленских событий.

Схлынула волна ленских стачек, за ней сейчас же поднимается новая—волна стачек в день 1 мая. В то время как в «Звезде» за 1911 г.

мы не находим корреспонденций о первомайских стачках, огромные корреспонденции о стачках и демонстрациях в день 1 мая в 1912 г. в «Правде» служат показателем подъема рабочего движения. Еще в большей мере можно это сказать про число корреспонденций о 1 мая в 1913 и 1914 гг. Не имея возможности помещать все поступающие корреспонденции, «Правда»» печатала длинные списки с перечислением предприятий, с которых поступили сведения о первомайских стачках.

Наконец, третьим днем, ежегодно отмечавшимся митингами и демонстрациями, был день 9 января.

Кроме этих, т. е. постоянных, дней стачек и демонстраций, политические стачки вспыхивали и по непосредственно возникавшим поводам. Просматривая рабочие корреспонденции, видишь, как чутко реагировал рабочий класс на самые разнообразные политические события.

Рабочие корреспонденты сообщают о массовых стачках во время выборов в IV Государственную думу в связи с лишением значительной части питерских рабочих права участвовать в выборах. В июне 1913 г. мы видим стачки протеста против преследования рабочей печати, в июле протест против дела Бейлиса и, наконец, летом 1914 г. грандиозные стачки в Петербурге, Москве, Баку и т. д.

Материал этот, во-первых, так обширен, что не представляется возможным приводить из него хотя бы небольшие выдержки, во-вторых, он уже достаточно освещен в литературе, напр. в книге М. С. Ольминского «Из эпохи «Звезды» и «Правды».

Обширный материал рабочих корреспонденций «Звезды» и «Правды», повторяю, далеко не исчерпан.

В заключение приведем еще одну выдержку из «Правды». В юбилейном номере «Правды» за 1913 г. помещена статья активного работника «Правды» Н. Н. Лебедева под названием «Читайте петит». В ней говорится: «Читайте эти страницы, читайте рабочую хронику. Простыми, но правдивыми словами расскажут вам рабочие-корреспонденты о житье бытье глухих окраин большого города» («Правда» № 92, 1913 г.).

И сейчас мы вновь можем сказать: читайте петит—в нем историк и каждый интересующийся рабочим движением найдет для себя богатейший материал.

С. И.

К ВЫХОДУ СОТОГО НОМЕРА «ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИСТПАРТА И ЖУРНАЛА «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

Во втором «Ленинском сборнике», на стр. 498, находим сведения о дате, с которой можно считать возникновение Истпарта.

Истпарт возник в 1920 г. в силу декрета Совета народных комиссаров, напечатанного в «Известиях» в 1920 г. № 213 (1060). Этот декрет целиком перепечатан в «Бюллетене Истпарта» № 1 (Гиз, 1921 год) и в книге «Из эпохи «Звезды» и «Правды» (Гиз, 1921) [1]. Эта книга и «Бюллетень» № 1 являются первыми печатными источниками для истории Истпарта. Предисловие к «Бюллетеню» подписано мною как якобы председателем Истпарта, но эта подпись должна породить двойное недоразумение: во-первых, я не был первым председателем Истпарта; а во-вторых, я не был автором этой статьи.

Дело в том, что я был противником издания самого «Бюллетеня». Я находил более удобным поместить материалы «Бюллетеня» в № 1 «Пролетарской революции», но остался в меньшинстве. Тогда я предложил П. Н. Лепешинскому написать эту статью с тем, чтобы мне ее подписать. По стилю можно легко определить, что эта статья именно Лепешинского.

Что касается должности «председателя Истпарта», то и тут—очевидно, по моему недосмотру—на стр. 10 «Бюллетеня» сказано о моем председательстве «за все время работы комиссии» (т. е. Истпарта). На самом деле первым председателем был М. Н. Покровский. Потом, очевидно, слишком перегруженный работой по Наркомпросу, он вошел в Совнарком с представлением о назначении на эту должность меня.

Первоначально коллегия Истпарта состояла из 9 членов: Адоратского, Батурина, Бубнова, Невского, Ольминского, Пионтковского, Покровского, Рязанова и Быстрянского. Этот состав оказался текучим; практиковалась и кооптация. К 1 октября 1921 года прибавились Бобровская, Варенцова, Елизарова, Лепешинский, Лядов, Савельев и др. Кто эти «другие»,—я не могу вспомнить, кроме С. И. Мицкевича.

Помнится, М. Н. Покровский говорил мне, что проект декрета 25

[1] См. приложение на стр. 165.

октября был внесен им; вероятно, им же предложен и первоначальный список членов будущего Истпарта. В моей статье «О мемуарах» (в книге «Из эпохи «Звезды» и «Правды» 1921 г.) сказано, что Истпарт был сначала основан как комиссия при Госиздате в августе 1920 года. Я это писал,—может быть со слов М. Н. Покровского. О комиссии при Госиздате я решительно ничего не помню; более того,—мне кажется, что назначение меня членом коллегии Истпарта явилось для меня неожиданным. Бесспорно одно: Истпарт возник по инициативе Госиздата, во главе которого стоял в то время Вацлав Вацлавович Воровский.

Теперь о журнале «Пролетарская революция». Номер первый его вышел в 1921 г. В то время не было обязательства ставить на периодическом издании фамилию редактора. Редактором журнала был М. Н. Покровский, заместителем его—Пионтковский. Первая (недописанная) статья «От Истпарта» написана Покровским,—это сразу видно и по стилю, и по ее содержанию. И в моем экземпляре журнала есть надпись: «Эта статья М. Н. Покровского».

Первый номер находился в печати очень долго. Решено было основать журнал 12 января 1921 г. Первый номер был сдан в печать в марте, а вышел лишь в конце октября (см. «Бюллетень» № 1, стр. 23). Были и другие недоразумения с Госиздатом. Например, книга «От группы Благоева к Союзу борьбы» была заслана в Ростов-на-Дону, оттуда не то в Дагестан, не то в Закаспийский край. Воровского уже не было. Издавать журнал в Госиздате доставляло много беспокойств и для наблюдения за его изданием пришлось держать особого служащего Истпарта, который подталкивал к печатанию.

С первого же года т. Елизарова подняла вопрос о переходе Истпарта из Наркомпроса в Центральный комитет партии. М. Н. Покровский и отчасти я были против. Но мысль о переходе приобретала много сторонников (см. «Бюллетень» № 1, стр. 28—29). И в № 4 «Пролетарской революции», на стр. 363, было напечатано объявление о переходе Истпарта в ведение ЦК партии с 1 декабря 1921 г.

Таким образом у ЦК партии оказались два учреждения: Институт Ленина и Истпарт,—с приблизительно одной и той же задачей. Вопрос об их слиянии возникал неизбежно: нельзя представить себе историю партии без Ленина или историю Ленина без партии. У меня было впечатление, что вопрос о слиянии тормозится Л. Б. Каменевым. После же ухода Каменева из Института вопрос быстро пошел к своему разрешению. Из «выставки Истпарта» вскоре развился «Музей революции» в Москве во главе с. С. И. Мицкевичем.

В настоящее время из числа первоначальных работников Истпарта работают в Институте Ленина Покровский, Адоратский, Савельев, Елизарова, Варенцова, Бубнов, Ольминский, Остроухова, Любимова, Волковичер и Антокольский, а в Ленинграде—Куделли. Умерли Н. Н. Батурин и Н. Н. Авдеев.

М. Ольминский

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСТПАРТ И НА ЖУРНАЛ «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

Зарождался Истпарт, можно сказать, при мне. Помню, еще осенью 1920 г. М. С. Ольминский сказал мне, что нашел себе дело, которое считает необходимым и которое будет под силу ему. А именно: что безусловно необходимо начать теперь же собирать материал по истории партии как архивный, так и сохранившийся в памяти участников, ибо первый теряется и расхищается вследствие небрежного обращения с ним, а второй исчезает со смертью его носителей, которая теперь, в революционное время, косит людей раньше, чем обычно. Не помню уже, в этот раз или позже, но он сообщил мне, что Комиссия по изучению истории партии Совнаркомом учреждена и он, Ольминский, придумал для нее краткое название: Истпарт. Председателем ее был назначен т. Покровский. Но месяца через два он сам вошел в Совнарком с ходатайством о назначении на место его т. Ольминского.

Моя работа в Истпарте началась с апреля 1921 г. Я никогда дотоле по истории или по архивам не работала, но здесь мне представлялась возможность осуществить собирание материала по делу брата, Александра Ильича, соединить которое с сутолокой административной и строительной работы, я видела, было нельзя.

Но делая первые шаги для этой работы по розыску документов и собиранию материалов, я вошла в то же время и в общую работу Истпарта,—составляла параллельно сборники воспоминаний о тт. Скляренко и Федосееве, а затем начала (с 4 №) принимать участие в журнале Истпарта «Пролетарская революция».

Колыбелью Истпарта был Главархив при Наркомпросе. Там, в Ваганьковском пер., в одной комнате, выделенной из помещения архива, была его первоначальная квартира. Комната была, правда, большая, сотрудников было мало, но все же работать всем в одном помещении было очень затруднительно: и окуривали курящие, и хождение, и разговоры неизбежные. Тут же стоял стол заведующего М. С. Ольминского, происходили его приемы, его инструктаж. Еще при той строгости и выдержке в работе, которые вносил, проводя их сам, т. Ольминский, при его скупости на слова, дело могло, хотя с трудом, итти, но без него, во время его болезни и при увеличивающемся числе сотрудников помещение становилось уже прямой преградой к дальнейшей работе.

Сначала был выделен журнал, для которого была отведена комната неподалеку, на Воздвиженке. Заведывание им было поручено мне. Приходилось бегать по несколько раз в день на Воздвиженку, так как всю работу перенести в ту каморку было нельзя, или ко мне и т. Лепешинскому прибегал за инструктажем, за справками секретарь «Пролетарской революции» Злинченко. В результате не могла итти сносно ни общая работа Истпарта, ни работа его журнала. Секретарь редакции не отли-

чался оседлостью и заявлялся часто к т. Лепешинскому с бесконечными разговорами, мешавшими заниматься всем остальным. Приводил он с собою нередко и разных авторов, которые все чаще стали сыпаться в Истпарт с предложением разных изданий и, понятно, не останавливались перед потоками красноречия в своем стремлении доказать ценность своих сочинений и родственность их по духу с идеями и целями Истпарта. Помню, что один автор, особенно торжественно приведенный к нам секретарем редакции и особенно горячо и многословно доказывавший преимущества своего труда, начинавшего исследования с Лапласа и с истории земли, привел меня окончательно в отчаяние и я, попросив Злинченко вернуться к опустевшей редакции, излила свою полноту чувств в виршах, посвященных т. Лепешинскому.

Самым важным шагом, поставившим Истпарт сразу на прочную почву, был перевод его из Наркомпроса в ЦК нашей партии. Ввиду серьезного значения этого перехода для всей будущей работы Истпарта я описываю его, насколько сохранилось в моей памяти, подробнее.

Мне с самого начала казалось странным, да и кое-кто из товарищей отмечал это, что Комиссия по истории партии состоит при Наркомпросе, который находился еще в периоде организации и был завален и без того,—особенно в тот период стремления его к расширению своей деятельности,—массой учреждений. Вступив в работу, я увидела, во-первых, что никакого руководства со стороны Наркомпроса не было, а, во-вторых, что при малой авторитетности его на местах вообще, при еще меньшей авторитетности для мест такого его отдела, который находился и у Наркомпроса где-то на отшибе, в хвосте архива,—мы бессильны бороться с небрежным и преступным часто обращением с документами по провинциям. А вследствие этого мы бессильны осуществить одну из основных наших задач: собирания и сохранения материала для будущих историков нашей партии. Я уведела тогда ясно, что Истпарту придется лишь хиреть, что ему не удастся осуществить ни одной из поставленных им перед собой задач, если он не выйдет решительно из этих условий, сковывающих всякую его деятельность и всякую инициативу.

Такой выход я видела только в переводе Истпарта в ЦК партии и повела агитацию за это. Но хотя некоторые товарищи, в том числе и т. Покровский, соглашались, что, опираясь на ЦК, Истпарт был бы много авторитетнее и не случилось бы такого безобразного отношения к документам, о котором мы получали донесения с мест, но тем не менее коллегия Истпарта стояла более или менее прочно на той точке зрения, что Истпарт должен быть советским учреждением и, как таковое, должен находиться при Наркомпросе, а не при ЦК нашей партии.

Тов. Ольминский, кроме того, указывал мне, что худшее материальное положение сотрудников (их жалованье при архиве было прямо мизерно, пайков не давалось) является некоторой гарантией того, что идут на эту работу люди только по идейным соображениям и учрежде-

ние наше, можно сказать, застраховывается от карьеристов. Я никоим образом не могла согласиться с таким идеалистическим подходом и указывала, что нам и квалифицированные работники нужны, которых мы на то мизерное вознаграждение не найдем; и что те, которых мы имеем, должны будут отвлекаться на другую подсобную работу; да и надлежащего размаха мы не сможем придать работе. А главное, мы не сможем собрать и спасти от уничтожения те ценные документы по истории партии, которые имеются в различных учреждениях на местах. Узнав, что тт. Покровский и Адоратский стоят за оставление Истпарта при Наркомпросе потому главным образом, что против перехода его в ЦК высказался Владимир Ильич, я пошла к нему побеседовать на эту тему.

Владимир Ильич и после того, как выслушал все мои доводы, сказал, что он остается при своем прежнем мнении, так как считает, что ЦК не должен распухать разными учреждениями, которые могут функционировать как советские.

«Но,—прибавил он,—ведь не я один решаю в Оргбюро. Наоборот, я часто и не бываю там совсем, и 90% дел проходит там без меня. Если вы считаете, что так лучше для работы, то идите туда и мотивируйте,—может быть с вашим мнением и согласятся. Вы работаете, вам виднее».

На следующем после того заседании коллегии, когда т. Ольминский поставил по моему предложению этот вопрос, он был встречен общим молчанием. На заседании этом, кроме Покровского, помню тт. Адоратского, Савельева, Аросева, Подвойского и еще некоторых других.

На повторный вопрос председателя т. Покровский сказал, что ведь против такого перехода высказывается Владимир Ильич. Тогда я взяла слово и рассказала о своей беседе с Ильичом, прибавив: «Он сказал: «вам виднее,—вы ведете работу». Значит, если дело у нас не пойдет, то он нас же обвинит, почему мы не предпринимали ничего, раз были убеждены, что так, как дело поставлено, оно не может итти хорошо».

Этот довод возымел действие: оказалось, что собственно никто не против перехода. Предложение было принято единогласно. Тов. Ольминскому было поручено переговорить по этому вопросу с т. Сталиным, непосредственно ведавшим работой агитпропа ЦК. Эта стадия была тоже пройдена чрезвычайно быстро. Не успел т. Ольминский изложить, в чем дело, как Сталин воскликнул: «Ну, конечно, Истпарт должен быть при ЦК, где же ему иначе быть?»

Но всего быстрее был пройден последний этап,—отчисление от Наркомпроса. Когда заговорили об этом с заместителем Луначарского Литкенсом (задача, взятая на себя, насколько я помню, т. Покровским), тот сделал большие глаза и спросил:

— А разве такой отдел был в Наркомпросе?

И я говорила потом, что все дело произошло с такой же легкостью, с какой рухнул трон Николая II.

Истпарт начал понемногу вставать на ноги и жить.

Прежде всего он получил особую квартиру,—правда, маленькую, но возможно стало все-таки произвести некоторую разбивку в работе и даже завести свою машинистку.

Журнал приобрел ценного секретаря в лице т. Лелевича.

Большие затруднения в его работу вносила неналаженность издательского аппарата. Слабая работоспособность государственных типографий проявлялась в невероятных задержках и медленности печатания. Сборник «От группы Благоева к Союзу борьбы», сданный в печать в сентябре 1920 г., был направлен Госиздатом для печатания в Ростов н/Дону, но там рукопись затерялась, так что через год ее пришлось восстанавливать.

Так же обстояло дело и с первыми книжками журнала Истпарта «Пролет. революция», который начал выходить в 1921 г., но которого, из-за той же неналаженности Госиздата, удалось выпустить в этом году лишь две книжки, третья книжка 1921 г. увидела свет лишь в 1922 г.

Задачи Истпарта отмечены в передовой статье № 1 «Пролетарской революции» т. Покровским. Он говорит, что лишь теперь, когда государственные архивы—наши архивы, можем мы поставить изучение истории на действительно научную почву. И мы должны взяться за это. Должны мы также иметь журнал, посвященный специально рабочей революции в России, в который должны входить все документы по истории РКП и документы других партий, поскольку в них отразилось рабочее движение, и документы рабочего движения беспартийного, как организованного, так и неорганизованного. Конечно, более крупные и характерные. А затем и сводки и статьи на основании их.

Но обращая самое серьезное внимание на собирание, освещение и сводку документов, мы, конечно, отнюдь не хотим,—говорит дальше т. Покровский,—превратить наш журнал в какой-то казенный, архивный. Мы зовем, наоборот, всех товарищей, интересующихся нашей пролетарской революцией, всех, переживших ее и принимавших в ней то или иное участие, к содействию нам, к записи того, что осталось в их памяти, к ознакомлению с ним нашей партии. Мы считаем, что только их помощь может дать нам тот психологический фон и ту связь, без которой многие документы могут быть не поняты или поняты неправильно. Истолковать букву документа могут лучше свидетели его возникновения, чем люди, не пережившие эпохи, вызвавшей его, ее особенностей, ее настроений. В этом большая ценность воспоминаний. И если нам говорят, что в воспоминаниях много субъективного, отрицать чего, конечно, нельзя, то следует указать, что субъективный момент вносится и теми историками, которые, не будучи знакомы непосредственно с описываемыми событиями, вынуждены связывать их собственными предположениями. Эти догадки людей другого времени, другой среды могут быть очень неверными, дающими совсем ложное освещение событий.

Из этого видно, что кроме документов для истории важны воспоминания участников и только комбинация того и другого дает наилуч-

шие результаты. Кроме того, лишь при наличии того живого материала, который дают воспоминания, исторический журнал может стать интересным не только для спецов, а для широких слоев нашей молодежи,— рабочих, студентов, которым мало давать документальные научные данные, которых надо вводить в описываемую эпоху, в ее переживания, чтобы помочь им всесторонне понять ее. Лишь при осуществлении этого требования журнал сможет стать действительно полезным пособием для наших лекторов по истории.

На этот путь, намеченный первой коллегией Истпарта, и встал журнал «Пролетарская революция».

Конечно, с самого начала редакция стремилась к некоторой систематизации. Так, в № 1 освещается I съезд нашей партии по воспоминаниям т. Эйдельмана, во втором перепечатка «Письма к товарищам» т. Павловича и дополнения к нему стремятся дать картину II съезда; в № 3 статья Лядова описывает обстоятельно III съезд, а в материалах даются документы, относящиеся к этому съезду. В № 4 нам говорит о IV объединительном съезде т. Варенцова. В № 5 Л. Б. Каменев пишет о лондонском съезде 1907 г. и помещены материалы из его протоколов и резолюций. В № 6 дается статья о том же съезде т. Гандурина.

Но на этом обзор партийных съездов окончился. О съездах, состоявшихся после революции, давать обстоятельные обзоры было уже много сложнее и, главное, ответственные работники были так перегружены работой, что совершенно не в состоянии были давать свои воспоминания не только во-время, но и вообще. И такое большое количество этих ценных свидетельств современников, сошедших за последние годы в могилу, безвозвратно потеряны для истории!

Пришлось считаться с условиями и помещать тот материал, который возможно было достать. Так, были помещены статьи о Северном и Южном рабочем союзе, о подпольных организациях в различных местностях Союза, об эпизодах гражданской войны и т. п.

В 1923 и 1924 гг. система проводилась таким образом, что отдельные книжки журнала посвящались тем или иным событиям или тому или иному однородному материалу. Так, №№ 11 и 12 за 1922 г. были посвящены движению на окраинах (в Польше Финляндии Литве и др.); февраль 1923 г. Февральской революции; март—истории партии: апрельский номер—ленским событиям 1912 года; майский—майскому движению и истории рабочей печати, июльский—июльскому движению 1917 г.; август—воспоминаниям и материалам по истории гражданской войны; сентябрьский—юбилею группы «Освобождение труда»; октябрь—октябрьским дням не только 1917 года, но и 1905 года; ноябрь—военным организациям; декабрь—декабрьскому восстанию.

Этот проспект был выставлен на первом всероссийском совещании работников Истпарта в апреле 1923 г. с просьбой ко всем товарищам давать своевременно подходящий материал. Но, конечно, вполне точно поступала только часть материала, и книжки приходилось выпускать в

более или менее смешанном виде. Тем не менее ряд достижений «Пролетарской революции» был отмечен уже на первом совещании.

Затруднило работу журнала то, что т. Невский—один из членов коллегии,—командированный в Питер для того, чтобы укрепить связь с тамошним отделом и организовать поступление архивных материалов в центр,—увлекся созданием своего журнала, пользуясь обилием документов департамента полиции. Центральный отдел Истпарта указывал, что нам довольно одного журнала, что при нашей бедности сил и средств нам и с одним не справиться, что, наконец, наличие архивов в Петербурге, а не в Москве, есть элемент случайный, и они так же хорошо и успешно могут быть использованы и в Москве; но идею второго, питерского, журнала поддерживали некоторые товарищи, как Бубнов, Лепешинский и большинством на совещании он был проведен. Продержался он, как центральный, правда, недолго: реорганизация петербургского отдела превратила его в местный журнал.

Кроме издания журнала «Пролетарская революция» Истпартом также были переизданы наши нелегальные газеты «Искра» (до 53 №), «Вперед», «Пролетарий», затем «Правда» 1917 г. Им были опубликованы обширные материалы по 1905 году (к 20-летнему юбилею). Были выпущены также и отдельные книги и монографии, как то: Из эпохи «Звезды» и «Правды», 3 выпуска,—«Седьмой съезд РКП»,—«К 20-летию I съезда партии»—«Как зарождалась партия большевиков»; «Техника большевистского подполья»; «Памятник борцам пролетарской революции» (выдержал 3 издания), хрестоматия «Революция и РКП(б) в материалах и документах, семь томов, и много других. Кроме того был издан целый ряд очерков воспоминаний о различных периодах движения. С 1923 г. работа Истпарта осложнилась до некоторой степени тем, что был основан при ЦК Институт имени Ленина. Создалось несколько странное положение: такие два родственные учреждения, как комиссия по изучению партии и комиссия по изучению Ленина, оказались двумя независимыми отделами при одном и том же ЦК партии.

Конечно, логичнее было бы, чтобы при комиссии по истории партии, как более широкой по задачам, возникла комиссия по изучению Ленина, которое, в отрыве от изучения партии, немыслимо. Но вышло не так: Институт возник в отдельном, богато обставленном особняке, и когда я зашла туда раз и тогдашний секретарь Института т. Аросев показал мне возникающий музей, залы заседаний и пр., я сказала ему:

— Ну, интересно, когда Ильич выздоровеет и сможет посетить вас и нас, где он будет лучше чувствовать себя, в вашем дворце или в нашей демократической обстановке?

Ильич не поправился и никому из нас не выпало на долю услышать его мнение о том, какая организация была бы правильнее.

Но, зная Ильча, можно сказать наверное, что при нем никакое подобное учреждение его имени не могло бы возникнуть. Между прочим, об этом говорит и следующий мелкий факт.

Вскоре после возникновения Истпарта было решено на заседании коллегии основать при нем музей по истории революции, причем возникла неудачная мысль наименовать его музеем имени Ленина.

Тов. Ольминский пошел по этому поводу к Владимиру Ильичу и сказал ему:

— Теперь нам нужен при Истпарте музей Ленина.

Но Ильич рассердился, заявил, что это неприличие, что об этом и думать не следует и т. п.

— «Я имел еще неосторожность,—рассказывает т. Ольминский,—возразить: в этом вы ничего не понимаете!—чем только подлил масла в огонь: Владимир Ильич вскипел окончательно, схватил телефонную трубку и позвонил т. Адоратскому, что ни о каком музее своего имени он и слышать не хочет.

Но после его смерти, естественно, на институт его имени, на издание его сочинений было обращено особое внимание; это учреждение встало в привилегированное положение. И две комиссии продолжали существовать, натыкаясь на вопросы о том, в чьем ведении должны находиться архивы, документы, необходимые и той и другой,—вообще на все вопросы и помехи, вытекающие из параллелизма работы.

Ощущались, конечно, все эти помехи больше Истпартом, как находящимся в менее привилегированном положении. Наконец, в 1928 г. постановлением ЦК Истпарт был соединен с Институтом Ленина или, вернее, влит в него.

При объединении научной работы в реорганизованном Институте Ленина остались от прежнего Истпарта Отдел местных истпартов и «Пролетарская революция». Встретил их Институт не особенно милостиво и некоторыми сотрудниками его предложено было даже сократить выпуск журнала до четырех книжек в год. И хотя «Пролетарская революция» просуществовала уже около 8 лет в качестве ежемесячного составившего себе имя журнала по истории партии в СССР, тогдашней редакции журнала стоило больших трудов сохранить его как таковой при двух двойных книжках в год.

За последние годы собранный материал дал возможность журналу встать на более научные рельсы, как это было намечено еще на 1 всесоюзном совещании 1923 г., значительно расширить отдел статей научно-исследовательского типа и принимать воспоминания с более строгим подбором и преимущественно освещающие те или другие, мало исследованные моменты движения.

И теперь, заканчивая наш «ретроспективный взгляд», подводя итоги ему, мы можем сказать, что без того материала, который собран в ста номерах «Пролетарской революции», не обойдется, конечно, ни одно историческое исследование пролетарского движения.

А. Елизарова

Группа сотрудников Истпарта ЦК ВКП (б) и «Пролетарской революции» в 1922 г.

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ИСТПАРТА

В моей памяти сохранилось очень мало точных данных о том, когда и каким образом возник Истпарт. Это было около десяти лет тому назад, а содержание этих десяти лет по своему богатству ни с чем несравнимо.

Однако у меня имеются некоторые документы, помогающие памяти. В связи с этими документами я хочу сообщить и то, что удалось припомнить.

В июне 1920 года я был в Казани и получил от М. Н. Покровского письмо, в котором он писал, что в Коллегии Госиздата представитель ЦК поднял вопрос о хронике Октябрьской революции, почему она до сих пор не печатается. Насколько помнится, о необходимости составления исторического очерка событий нашей революции, хотя бы по нашим газетам, В. И. Ленин говорил со мной еще в 1919 г. В указанном выше письме своем М. Н. Покровский указывал на необходимость собрать и разобрать архивы контрреволюционных правительств Деникина, Колчака, Северного правительства, которые начали поступать в Москву.

Для работы в связи с этими двумя задачами М. Н. Покровский и вызывал меня приехать из Казани. Для выполнения первой задачи была создана новая комиссия или вернее существовавшая уже комиссия при Госиздате была расширена и получила форму особого учреждения, которое должно было изучать историю партии и историю Октябрьской революции. Для выполнения второй задачи (т. е. собирания архивов) был создан Архив Октябрьской революции.

Что касается первой задачи, т. е. Истпарта, то у меня имеется следующий документ:

Выписка из протокола № 48 заседания Редакционной коллегии от 26 августа 1920 г., написанная на бланке: «РСФСР. Государственное Издательство, Москва, М. Никитская, 6». Выписка помечена 1/IX 1920 г. и содержание ее следующее:

«Слушали: Возбужденный т. Ольминским вопрос о составе комиссии по разработке истории РКП. По инициативе Вл. Ил. Ленина т. М. Н. Покровский подымает вопрос о расширении задач комиссии и о соответственном увеличении ее состава.

Постановили: В отмену постановления § 4 из протокола № 47 засед. Ред. Коллегии от 20 августа 1920 г. расширить задачи комиссии по разработке истории РКП, поручив ей также разработку материалов по истории Октябрьской революции. Назначить комиссию в составе: тт. Ольминского, Покровского, Батурина, Бубнова, Адоратского, Рязанова, Пионтковского и еще одного товарища по представлению ЦК РКП. Что касается П. Е. Щеголева, то комиссии предлагается привлечь его к ближайшему участию в качестве специалиста. Секретарь Ш. Манучарьянц».

Я припоминаю, что декрет Совнаркома об учреждении Истпарта был написан М. Н. Покровским совместно со мной.

Одно время, когда Истпарт помещался в здании Архива на Воздвиженке, я выполнял в Истпарте какие-то административные функции, принимал посетителей, был чем-то в роде секретаря Истпарта. Между прочим мной был тогда получен от т. Симановского револьвер парабеллум, который он, как член Совета рабочих депутатов, имел в 1905 г. и сохранял все время у себя. Этот револьвер некоторое время хранился в Архиве в несгораемом шкафу, а потом был передан мною в Музей Революции.

Огромное дело собирания архивных материалов для Архива Октябрьской революции поглощало тогда все мое время и энергию. В этом деле мне оказывал энергичную помощь и поддержку В. В. Максаков, который был назначен ученым секретарем коллегии Главархива и моим заместителем по заведыванию Архивом Октябрьской революции. Собирание архивов было дело не простое. Надо было их разыскивать. Добиваться разрешения на их получение, а затем их приходилось и грузить и перевозить собственными силами. Помнится, совместно с С. А. Пионтковским мы из здания на Лубянке таскали вдвоем на грузовик тяжелые мешки архива Колчака, полученные нами из ВЧК. Оттуда же получен был Архивом Октябрьской революции архив Деникина, перевезенный, как помнится, т. Максаковым.

У меня сохранилась записка М. С. Ольминского без даты, относящаяся к тому времени, следующего содержания: «Вл. В. Адоратскому. Если пойти на Лубянку в ВЧК, то нужно у коменданта получить пропуск в Регистрационно-статистический отдел. Здесь нужно спросить заместительницу завед. отделом. У нее можно получить: 1) 6 больших ящиков колчаковского архива, 2) «Дело» Колчака с его *личным* «архивом»—один большой том, который может быть можно унести на руках, если взять с собою курьера. Только что получен. Советую пойти если не лично Адоратскому, то Максакову. М. Ольминский».

Эта упоминаемая здесь личная папка Колчака, и все эти материалы и не только упоминаемые в записке шесть ящиков, а гораздо большее их количество, были в разное время получены Архивом Октябрьской революции и хранятся теперь там. Дело Колчака (допрос) позднее было издано Центрархивом.

Архив Октябрьской революции занимался собиранием и спасением и еще более важных и ценных архивов. Так я припоминаю, что приблизительно около того же времени—в 1920/21 г. в Архив Октябрьской революции были приняты, а отчасти прямо спасены ценные материалы архива ЦК. Это было сделано при участии т. Остроуховой. Эти материалы в настоящее время переданы единому партархиву.

Работа по организации и собиранию архива, а затем преподавательская работа занимала позднее все мое время и силы, и участвовать в литературной работе Истпарта мне не приходилось. Только в 1928 г.

после слияния Истпарта с Институтом Ленина моей основной работой стала работа в Институте Ленина. Поэтому и воспоминания мои об Истпарте могут касаться только возникновения Истпарта и его первых шагов.

В. Адоратский

Приложение

Постановление Совета Народных Комиссаров об учреждении комиссии для собирания и изучения материалов по истории октябрьской революции и истории Российской Коммунистической партии.

1. Для собирания, разработки, обработки и издания материалов, относящихся к истории октябрьской революции и Российской Коммунистической партии (большевиков), при Народном Комиссариате Просвещения учреждается комиссия из 9 членов, назначаемых Советом Народных Комиссаров.

2. Комиссия избирает из своей среды президиум в составе председателя, его заместителя и секретаря.

3. Комиссии вменяется в обязанность собирать всякого рода материалы, как печатные, так и рукописные, относящиеся к указанным в ст. 1 вопросам, как в России, так и за границей, организуя для хранения их и пользования ими специальные архивы и библиотеки.

4. Все советские и общественные учреждения, а также частные лица, располагающие такими материалами, обязуются доставить их в распоряжение названной комиссии, которая, в случае надобности, может требовать таковые от учреждений и частных лиц, обращаясь к содействию соответственных властей.

5. Комиссии предоставляется право в целях собирания этих материалов организовывать местные подкомиссии и бюро, а также посылать во все губернии и области РСФСР и в находящиеся в федеральных отношениях с ней советские республики своих уполномоченных.

6. Комиссия пользуется для своих надобностей аппаратом главного управления архивным делом и Государственного Издательства. Но для своих научных потребностей может иметь свой собственный штат сотрудников как из числа квалифицированных специалистов, так и из числа рядовых работников.

Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин)

Управляющий делами Влад. Бонч-Бруевич

Секретарь Л. Фотиева

(«Изв. ВЦИК» 25 сентября 1920 г. № 213/1060).

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА НА БОЛЬШЕВИСТСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПОСТУ

Имя Михаила Степановича Ольминского хорошо известно всем, кто сколько-нибудь знаком с историей ВКП(б), и оно пользуется заслуженным уважением в связи, главным образом, с представлением о т. Ольминском, как о большевистском литераторе с вечно воинствующим марксистским пером. Свое литературное призвание М. С. нашел не сразу даже в зрелые годы своей жизни. Порывы литературного творчества были ведомы будущему Галерке еще во время его ранней юности, но вечное сомнение в том, что у него хватит литературного таланта для того, чтобы стать литератором, парализовывало его творческую волю и не располагало к писательству. Однако подлинный талант рано или поздно должен был прорваться через все колебания, которые так долго мешали ему преодолеть излишнюю скромность.

В своем очерке «Как я стал литератором» М. С. не без юмора рассказывает, как он постепенно, путем тщательного изучения кропотливой манеры литературного творчества крупнейших художников слова (Пушкина, Лермонтова и др.) завоевывал себе убеждение, что и он сможет в конце концов выработать в себе необходимые навыки заправского литератора, если как следует поработать в этом направлении над собой. Первые пробы его литературного пера имели место во время его олекминской ссылки, когда он облюбовал себе ареною своих маленьких литературных успехов «Водосточное обозрение» (т. е. иркутскую газету «Восточное обозрение», переименованную в «Водосточное» олекминскими насмешниками, товарищами М. С. по ссылке). Но по настоящему он вступил на литературный путь только по приезде за границу в 1904 г., где он самоопределился как большевик и не без успеха пустил в ход свой талант политического памфлетиста в полемической борьбе с меньшевиками. Но прежде чем говорить об этом, скажем несколько слов об особенностях литературной физиономии М. С. Ольминского.

С чисто внешней стороны стиль его литературных произведений импонирует правильностью и простотой языка, отсутствием лишних слов и трескучих фраз. Он терпеть не может литературной «воды». Свой вкус в этом отношении он очень живо и остроумно поясняет на примере маленькой газетной фразы: «явившаяся на место происшествия местная полиция арестовала восемь человек демонстрантов». Просеивая ненужные слова, он укладывает смысл фразы в сочетание из двух слов: «арестовано восемь». Все остальное—от лукавого. И он остается верен этому правилу во всех своих произведениях. Такого рода литературный ригоризм и привычка к экономии слов не только не делают его речь скучной, неаппетитной, как выжатый лимон, а как раз наоборот, придают ей характер отчеканенности и законченности. Повидимому, он никогда не забывает мудрого правила, подсказанного одним из его любимых поэтов: «чтоб словам было тесно, мыслям просторно».

По построению мыслей его литературное письмо отличается двумя ярко бросающимися в глаза свойствами: во-первых, парадоксальностью, отсутствием трафаретности и неожиданностью приемов в постановке вопросов, а во-вторых, задорным юмором, имеющим тенденцию то-и-дело переходить в едкий сарказм. Вот несколько примеров, поясняющих сказанное. Между меньшевиками и большевиками в 1904 г. разгорается спор по вопросу о рамках демократизма, в которые можно было бы уложить организационное строительство партии. Меньшевики берут под свое покровительство идею построения партии на демократических началах, а Ленин еще в борьбе с рабочедельцами определенно стал на ту точку зрения, что все эти разговоры о демократизации партии в условиях ее конспиративной подпольной работы представляют пустую и вредную болтовню.

М. С. Ольминский (Галерка) в своей полемической брошюре против «старейших и лучших» из лагеря меньшевиков разоблачает приверженность Мартова, Аксельрода и К° не к принципам демократии, а их антидемократичность, абсолютизм, склонность к олигархии, и попадает не в бровь, а прямо в глаз, так как за показным «демократизмом» меньшевистской верхушки действительно выглядывало довольно таки свирепое лицо партийного Держиморды, наступавшего сапогом на грудь партии.

И таких примеров можно привести сколько угодно.

Но да не подумает читатель, что у М. С. Ольминского, при его склонности к новизне и оригинальности в постановке интересующих его вопросов, неожиданные зигзаги его мысли обусловливаются отсутствием определенного, нерасплывчатого мировоззрения и того монизма во взглядах, который обычно предопределяет полную закономерность в теоретических построениях писателя. Как раз наоборот, именно во всех литературных произведениях т. Ольминского всегда выпукло выступает определенно очерченная личность мыслителя, выковавшего раз навсегда свою общественно-политическую мысль из очень прочного металла, не поддающегося никакой деформации. Свои старые психические навыки народолюбца, который с юных лет возненавидел гнет и эксплоатацию огромного большинства трудящихся кучкою насильников, вспоенных и вскормленных режимом царской полицейщины, навыки человека, который с детства отдал все свои симпатии тем, «чьи работают грубые руки, предоставив почтительно нам погружаться в искусства, науки»,—эти свои психические навыки он сочетал с марксистской теорией, материалистически объясняющей картину исторически сложившихся общественных отношений.

Упомянем еще об одной особенности М. С. Ольминского как литератора, это именно о многосторонности общественно-политических мотивов его литературных произведений. Он и мемуарист незаурядный, и тонкий психолог (с каким, например, интересом читается, как много дает его повествование «Три года в одиночной тюрьме»), он и ученый историк, всегда настаивающий на точных цифрах и фактах, он и памфлетист, забрасывающий своих политических противников градом язвительных насмешек

(Галерка); он и литературный критик, иногда любовно ретуширующий образ любимого писателя, который дал ему много эстетических наслаждений и издавна заронил в его душу зерна любви к обездоленным (Некрасов) или который научил его зло смеяться над человеческой пошлостью, над тупоумием российского бюрократа, над молчалинской угодливостью (Щедрин), а в случае встречи его критической мысли с объектом враждебной ему идеологии или чуждых ему настроений,—беспощадным анализом выясняющий со своей марксистской точки зрения классовую природу данного литературного феномена (напр., «Три сестры» Чехова и др.). Но при всем этом многообразии вы всегда из-за вдумчивых, правильно построенных, а иногда и весело смеющихся строчек видите одно и то же лицо с ярко выраженными индивидуальными чертами убежденнейшего революционера-марксиста, строгого и к себе и к другим, принципиальнейшего врага всякого рода увиливаний от прямых ответов на проклятые вопросы, подчас грубоватого и недостаточно эластичного полемиста, умеющего и любить и ненавидеть.

М. С. Ольминский, как писатель, принадлежит, конечно, всей той обширной грамотной аудитории, которая умеет ценить талантливое перо умного и честного публициста или критика. Но прежде всего на него может претендовать наша партия, которой он отдавал свой литературный талант на протяжении двух с половиной десятков лет. Его появление на литературном поприще в качестве партийного литератора следует отнести к 1904 году, когда на фоне фракционной борьбы между большевиками и меньшевиками в рамках женевского эмигрантского мирка вдруг, совершенно неожиданно для новоискровцев, вырисовалась фигура политического памфлетиста Галерки. Пишущему эти строки уже пришлось однажды характеризовать роль и значение памфлетов Галерки [1]. Не повторяя всего того, что уже было мною сказано раньше на этот счет, отмечу только то обстоятельство, что Галерка был застрельщиком женевской большевистской «шпаны», которую новоискровцы с высоты своего величия третировали как сброд, не имеющий даже права претендовать на их новоискровское внимание. Склочный характер затеянной меньшевиками внутрипартийной борьбы вынуждал женевских большевиков к особого рода полемике против торжествующего новоискровства, ибо вслед за серьезным марксистским анализом этой борьбы, сделанным в брошюре Ленина «Шаг вперед—два шага назад», дальнейшие битвы с героями кооптационных дрязг и меньшевистского злопыхательства могли и должны были вылиться у большевиков в форму насмешки, каррикатуры, сатиры.

Но Галерка не просто высмеивает своих противников. Он своими шуточными и—на первый взгляд—каррикатурными набросками на самом деле в очень популярной форме оповещает широкие круги партии о перипетиях фракционной борьбы, о меньшевистских махинациях, о су-

[1] См. кн. П. Лепешинского «На повороте», гл. IX.

ществе спорных вопросов, а это по тогдашнему времени было немаловажное дело, если принять во внимание ту растерянность и состояние неразберихи на местах, которые являлись следствием монопольного распоряжения меньшевиками новой «Искрой» и вообще партийной прессой. Вот, напр., образчик галеркинской истории раскола партии после II съезда:

«Пришла осень. У почтенного родоначальника русской социал-демократии заныли застарелые ревматизмы,—он ослабел; а ослабевши, призадумался, как бы устроиться поспокойнее, да и переметнулся в неприятельский лагерь (намек на паникерское состояние Плеханова после съезда заграничной лиги и на сдачу меньшевикам «Искры» ценою ухода Ленина из редакции ЦО.—*П. Л.*). Но и туда посыпались «бомбы», начиненные сплетней и клеветой (намек на борьбу новой «Искры», а также меньшевистского большинства в Совете пяти против большевистского ЦК.—*П. Л.)*. Однако ЦК держался крепче Порт-Артура. Аристократия начинала изнемогать, как вдруг получилось секретное известие из неприятельского форта: «Вы неправы, когда палите без разбору в крепость. Мы хотим объединиться с вами, а бунтовщики мешают, они засели в левой стороне форта. Палите туда, а уж мы улучим минуту открыть ворота» (намек на предательские сношения примиренца Носкова с редакцией «Искры»; это предательство повело в конце концов к уходу Ленина и из ЦК.—*П. Л.)*. Новый главнокомандующий даже взвизгнул от радости и чуть не выболтал тайны» (здесь Галерка имеет в виду открытое письмо Плеханова Центральному Комитету в № 66 «Искры». В этом письме Плеханов усердно провоцирует своих намечающихся союзников в примиренческом ЦК поскорее изменить Ленину и переметнуться в лагерь меньшевиков.—*П. Л.)* [1].

В столь же насмешливом стиле Галерка наводит прожектор своей критики на целый ряд вопросов, поднятых меньшевиками в поисках за аргументами против Ленина и ленинизма. По вопросу о демократии Галерка не без остроумия доказывает, что признание меньшевиками принципа демократизма на словах стоит в резком противоречии с их олигархической практикой. Воплям меньшевиков о якобы диктаторских замашках Ленина, о его якобы стремлении захватить в свои руки власть в партии, Галерка противопоставляет целый ряд встречных обвинений по адресу новоискровцев в их пренебрежительном отношении к большинству партии, к практикам, работающим на местах, к рядовым членам партии. По вопросу о партийной дисциплине, во имя которой новоискровцы требовали от Ленина и окружающих его большевиков полной капитуляции, Галерка обрушивается на Мартова и Плеханова за их одностороннее понимание этой дисциплины, т. е. признание ими обязательности таковой для рядовых партийцев по отношению к центрам, но в то же время свободы от дисциплины центров по отношению к партии в целом и ее съездам. В связи с запретом со стороны большинства Совета опубликовывать постановления Совета, Галерка очень остроумно сопоставляет два поня-

[1] Галерка, «Долой бонапартизм!»

тия—тайны в интересах конспирации (за что стоял бы и Ленин) и тайны канцелярской, практикуемой меньшевиками в подражание царскому чиновничеству, перед которым стоит призрак ст. 107 цензурного устава [1].

Приведенных примеров будет достаточно, чтобы дать понятие читателю о содержании и манере письма в литературных выступлениях Галерки. В свое время эти выступления сыграли свою положительную роль, и сейчас всякий историк ВКП(б), касающийся истории раскола партии после II сеъзда, не мог бы пройти мимо «галеркинской литературы», как одного из существенных для того времени факторов разоблачения меньшевистского оппортунизма перед лицом партийной массы.

Когда же большевики отказались от всяких иллюзий насчет сохранения хотя бы формального единства расколотой меньшевиками партии и решили резко отмежеваться от своих соседей справа, для чего обзавелись своим практическим центром (Бюро комитетов большинства) и собственным печатным органом («Вперед»), М. С. Ольминский вошел в редакцию газеты и полностью погрузился в эту очень важную для партии работу. Взявшись за дело во «Вперед» (а потом, с мая 1905, в ЦО партии—«Пролетарии»), в высшей степени скромный большевистский сатирик даже и не задумывался над вопросом о своем официальном положении в составе редакции. «Недавно,—замечает он в своем наброске «Как я стал литератором»,—т. Лядов, в статье о третьем партийном съезде, писал, будто в состав редакции входили Ленин, Воровский, Луначарский и Ольминский. Для меня это была новость. Работая в этих газетах («Вперед» и «Пролетарий».—*П. Л.)*, я ни разу не подумал о том, кто в ней редактор, и кто не редактор. И меньше всего предполагал, что в числе редакторов состоит Ольминский: ведь редактором может быть только литератор, а не какая-нибудь партийная галерка!»

М. С., принимающийся за ответственное дело редакции ЦО большевиков, еще не верит в то, что он имеет право на признание за ним права на звание литератора и даже редактора. А между тем он уж налагает на статьи в газете печать своей ярко очерченной литературной индивидуальности. Подготовляя, напр., к печати письма и корреспонденции, присылаемые из России, он безжалостно вычеркивает все излишнее, все, что в них является балластом. Недаром П. А. Красиков в шутку стал распространять про него «клеветнический слух», будто после его правки «остается только точка в конце статьи,—и больше ничего». Насколько близко было сотрудничество между редакторами «Вперед» и «Пролетария», видно хотя бы и из того факта, что не раз статья, начатая и доведенная до половины Ольминским или Воровским, дописывалась Лениным и, наоборот, та или иная статья Ленина заканчивалась Ольминским. В 1905 г. Ленин еще летом уехал из Женевы в Россию. Уехал также и Воровский. В редакции остался на своем посту один лишь М. С. Ольминский. И он мужественно продолжал свое дело до ноября 1905 г.,

[1] Галерка, «На новый путь».

несмотря на то, что его мысль все время с мучительной тоской залетала туда, где идут классовые бои, где пролетариат расшатывает самодержавие и где переворачивается новая страничка в истории России.

Приехав, наконец, в Питер, т. Ольминский окунается с головой в литературную работу. Он сотрудничает в большевистских газетах («Волна», «Эхо» и др.), пишет ряд журнальных статей (главным образом, в «Вестнике жизни»), издает интересную работу о «свободе печати» и т. д. и т. д. Реакция 1907 г. в значительной мере обрывает эту кипучую работу [1].

В годы подъема после столыпинской реакции, в так называемую «эпоху «Звезды» и «Правды», М. С. Ольминский снова становится одной из центральных фигур, взявших на себя задачу воссоздать партийную рабочую прессу в условиях пробуждения русского пролетариата от долгой летаргии. Здесь нет надобности давать характеристику этой полосы рабочего движения, и интересующегося данным вопросом читателя достаточно будет отослать к мастерскому очерку этой эпохи в книге М. С. Ольминского «Из эпохи «Звезды» и «Правды» (выпуск 1-ый). Мы только отметим здесь факт самого живого участия т. Ольминского в партийной прессе этого периода (главным образом, в газ. «Правда»—с разными вариациями ее заголовка: «Рабочая Правда», «Северная Правда», «Правда труда», «За правду» и т. д.). Перечисляя сотрудников «Правды», т. Крестинский в своих воспоминаниях с особым уважением ставит имя т. Ольминского: «Следующий,—пишет он, упомянув о таких основателях газеты, как тт. Н. Г. Полетаев, Сталин и Я. М. Свердлов,—тов. Ольминский, он же А. Витимский, он же Михаил Степанович Александров... Тогда он в еженедельных статьях отзывался на революционную злобу дня, и его яркие, определенные и в то же время задушевные статьи были любимыми статьями читателя-рабочего» [2]. Другой товарищ, посвящающий свои воспоминания тому же периоду (М. Савельев), свидетельствует, что «К категории постоянных сотрудников, в мое время организационно с журналом связанных, относится т. М. С. Ольминский, оказывавший большую помощь в редактировании и оценке материала» [3]. Некоторые статьи М. С. Ольминского пользовались одобрением и Владимира Ильича. Так, напр., по поводу статьи М. С. «Культурные люди и нечистая совесть» В. И. в одном из своих писем пишет: «Пользуюсь случаем, чтобы поздравить тов. Витимского (т. е. М. С. Ольминского.—*П. Л.*). Надеюсь, вас не затруднит передать это письмо (вероятно, автор хотел сказать поздравление.—*П. Л.*) с замечательно удачной статьей, полученной мною сегодня в «Правде» (№ 98). Чрезвычайно кстати взята тема и разработана в краткой, но ясной форме превосходно. Хорошо бы вообще от времени до времени

---

[1] Все-таки он и в это время не прекращает своей литературной деятельности и, например, в 1908 г. в журнале «Образование» помещает ряд очерков, собранных потом автором в одно целое под заглавием «Право на печать».

[2] Из эпохи «Звезды» и «Правды», вып. III, стр. 21.

[3] Там же, стр. 48.

вспоминать, цитировать и растолковывать в «Правде» Щедрина и других писателей «старой» народнической демократии. Для читателей «Правды»—для 25 000—это было бы уместно, интересно, да и получилось бы освещение теперешних вопросов рабочей демократии с иной стороны, иным голосом» [1]. Здесь В. И. чрезвычайно метко схватывает то обстоятельство, что апология «старой» народнической демократии (в частности и в особенности произведений Щедрина) из-под пера М. С. Ольминского должна была выходить особенно талантливо, особенно задушевно и в самый раз для рабочей аудитории. Впоследствии более обстоятельный очерк о Салтыкове-Щедрине Ольминский дал в журнале «Просвещение» (в № 5 за 1914 г.); этот очерк тоже принадлежит к числу удачнейших его произведений.

Империалистическая война прервала бурное развитие революции в России, обещавшее не только повторение картины 1905 г., но и расширение задач первой революции. Война врезалась клином между июльскими баррикадными боями 1914 г. и событиями 1917 г. Но революционная мысль большевиков и во время мировой катастрофы не поддалась стихии шовинистического угара, не потеряла своей инерции движения в сторону конечных целей пролетарской борьбы, не утратила своей традиционной непримиримости по отношению к классовым врагам пролетариата, которые в обстановке войны стали еще отвратительнее, еще гаже и подлее, чем прежде. М. С. Ольминский слишком хороший большевик, чтобы представить исключение в этом отношении. Рабочая революционная печать (в лице «Правды») под давлением обстоятельств сошла со сцены, но неугомонная большевистская мысль все время искала случаев так или иначе прорваться наружу сквозь толщу полицейских препятствий. В Саратове в 1915 г. съехалось несколько большевиков (М. С. Ольминский, В. Н. Ногин, В. П. Милютин и др.). Сейчас же в этом новом гнезде большевизма затевается устная пропаганда (главным образом в просветительном обществе «Маяк») и печатная—через газетку «Наша газета» и через выпущенный саратовцами сборник «Под старым знаменем». Одним из главнейших застрельщиков в этом деле был М. С. Ольминский [2].

Легко себе представить, как трудно было проходить верблюду большевистской печатной пропаганды через игольное ушко свирепствовавшей во время войны цензуры. Пишет, напр., Ольминский газетную статью «Об ответственности», примерно в сотню строк. Но от «зарезаной» (по выражению самого автора) статьи остаются только три строчки... Ясное дело, что при таких условиях откровенно не разговоришься. И все же, как ни душила цензура большевистскую печать, Ольминскому удается сказать достаточно много, чтобы устранить всякие недоразумения отно-

---

[1] Из эпохи «Звезды» и «Правды», вып. III, стр. 193 и 194.

[2] Впоследствии, в 1916 г., после раскассирования Саратовской группы большевиков в Москве кристаллизуется новая литературная группа при ближайшем участии М. С. Ольминского, вступающая в сношение с бюро ЦК. Группа редактирует журнальчик «Голос печатного труда» и издает сборник «Прилив».

сительно характера его политических взглядов на события 1914—1916 гг. Правда, ему приходится в своих литературных выступлениях по большей части пускать в ход манеру бесстрастного летописца, своего рода Нестора, который отображает в зеркале своей летописи текущую действительность, воздерживаясь от слишком откровенной критики окружающего мракобесия. Но подбор фактов, документов, цитат из звериной буржуазной или социал-предательской прессы делается так умело, что получается действительно букет с очень определенными запахами. Недаром Владимир Ильич, прочитывая статью М. С. Ольминского в сборнике «Под старым знаменем»—«Первые итоги», то и дело выражает свое чувство удовлетворения по поводу удачных мыслей и экскурсов автора статьи в область фактов и документов, выражающих общественное мнение всякого рода «патриотов», не исключая и социал-шовинистов. На полях пестрят его пометки: «хорошо сказано», «верно», «очень хорошо» и т. д.

Интересно отметить, что едва сдерживаемые молнии гнева т. Ольминского в первую очередь обрушиваются на голову представителей либеральной буржуазии и социал-предательской прессы, ибо реакционность правых, откровенных черносотенцев, более очевидна, чем вся эта контрреволюционность либеральной сволочи. М. С. Ольминский не без злорадства, напр., торопится отметить тот факт, что правый депутат Думы Левашев счел нужным сказать: «у нас нет никакого основания требовать, чтобы весь немецкий народ был истреблен и сметен с лица земли». При этом Левашев,—ехидно замечает автор статьи,—разошелся во мнениях с некоторой частью нашей либеральной печати и с «Речью», которая протестовала против мысли, что «в конце концов придется сожительствовать, худо ли, хорошо ли, и с немцами». В другом месте М. С. Ольминский дает такой волчий паспорт либеральной буржуазии и поддерживающей ее интеллигенции: «Либеральная буржуазия и воинствующая русская интеллигенция в полной мере, наряду с царским черносотенным правительством, должны нести моральную ответственность за бесконечное затягивание войны, за все жертвы этой бойни, за все то горе и разорение, которое принесла эта война русскому народу» [1].

Хлестко и ожесточенно подвергает он бичам и скорпионам и предательскую роль социал-шовинистов (Плеханова, Алексинского, Бунакова, Дейча и К°). Достаточно, напр., пробежать глазами его ст. «Самозванные прокуроры», чтобы не оставалось никаких сомений насчет «нежных чувств», которые питает старый неугомонный Галерка по отношению к бывшим попутчикам революционной социал-демократии, опустившимся в период войны на самое дно безудержного ура-патриотизма. Даже не в пример царским министрам (Шаховскому и Щербатову), выразившим между прочим мысль об излишних арестах рабочих, Плеханов и его друзья склонны кричать об «измене по отношению к народу» с.-д. фракции, голосовавшей против кредитов на войну. По мнению этих патриотов,

[1] В статье «Планы русских либералов».

всякое «вспышкопускательство» «по своему значению равнялось бы измене». Такого рода позиция Плеханова и его последователей дает повод Ольминскому провести знак равенства между представителями охранного отделения и стоящими на страже интересов преступной империалистической буржуазии социал-предателями.

На все злобы дня, связанные с войною, М. С. Ольминский чрезвычайно живо и вполне по-большевистски тотчас же откликается. По вопросу ли о дороговизне, как необходимом следствии войны, затеянной жадными по части аннексий империалистами, по вопросу ли о промышленных комитетах, как об орудии в руках буржуазии по части выгодного ей распределения казенных заказов на военные надобности, по вопросу ли о принудительном труде с его тенденцией воскресить формы крепостного рабства и т. д.—во всех этих случаях М. С. Ольминский просто и ясно дает такую трактовку этих вопросов, которая является достаточной, чтобы его читатели, т. е. широкие слои рабочих, не стали жертвой буржуазного обмана и буржуазной лжи.

Февральская революция снова окрыляет силы нашего большевистского публициста и ставит его на страже идейных интересов ленинской партии. Снова в Питере воскресает, как феникс из пепла, большевистская «Правда», создается в Москве газета «Социал-демократ». М. С. Ольминский, конечно, первый завсегдатай в этих газетах, и его неутомимое перо оставляет свой след почти в каждом очередном номере этих газет (за 1917 г. им помещено свыше 130 газетных статей и заметок, составлявших впоследствии содержание довольно объемистого сборника) [1]. Даже при беглом просмотре этих статей они дают представление об эволюции революционной тактики большевиков от Февраля до Октября 1917 г. в связи с нарастанием революционной ситуации в стране.

События быстро зреют. Когда система двоевластия надоела правительству Милюковых и оно все настойчивее и настойчивее требует «слияния» двух правительств, т. е., иначе говоря, поглощения Временным правительством Советов, М. С. противопоставляет этому лозунгу другой лозунг: переход всей полноты власти в руки Совета раб. и солд. депутатов или органа, созданного Всероссийским съездом Советов раб., солд. и крестьянских депутатов. Когда представители мелкой буржуазии (социал-демократы плехановцы, меньшевики, эсеры и пр.) начинают обнаруживать большую склонность к получению в буржуазном правительстве министерских портфелей, Ольминский торопится предупредить, что «вступление в министерство представителей от рабочих и солдат является грубой ошибкой» (от 20/V, стр. 86). В деревне все более и более зреют революционные настроения. Ольминский не упускает случая подсказать крестьянским массам: «1) не доверять министрам буржуазного или коалиционного правительства; 2) не ждать ни в чем до Учредительного собрания, а делать все самим (через свои организации)» (от 27/V, стр. 94). А это как раз и означало по адресу крестьян лозунг: «дерзай!».

[1] М. Ольминский, 1917 год. Изд. Ком. унив. имени Свердлова. Москва, 1926 г.

«Эсеры и меньшевики,—разоблачает М. С. этих прихвостней буржуазии,—вся эта мелкобуржуазная, консервативная масса,—сейчас идут с буржуазией против пролетариата,—с контрреволюцией против революции». Отсюда лозунг: «разорвать этот вредный, реакционный союз» (между мелкой и крупной буржуазией). Тактика партии «должна ставить своей целью откалывание от мелкой буржуазии тех рабочих, которые еще плетутся за меньшевиками и эсерами» (от 11/VI, стр. 112).

Когда же наглеющая реакция, используя безудержную клевету, направленную против Ленина и большевиков, в конце концов вынудила партию уйти в подполье, М. С. в статье «Завещание», ввиду нависшей над «Социал-демократом» угрозы быть похороненным (к счастью, этого не случилось и «С.-Д.» благополучно дожил до Октябрьских дней), призывает рабочих к бодрости и к продолжению дела своей борьбы. «Нашей партии,—предупреждал М. С.,—в лице московского и петербургского пролетариата, предстоит пережить такое же положение, как в начале войны, когда была задушена рабочая печать». Но «не убило нас самодержавие Романова, не убьет и самодержавие Керенских и Данов» (от 19/VII, стр. 159). Он продолжает также беспощадно разоблачать полицейский режим, устанавливаемый Керенским, Даном и К°. В статье «Получат ли землю крестьяне?» (стр. 162) он предостерегает крестьянские массы от доверия Врем. правительству и с горькой иронией восклицает: «сейчас вы получите и землю—три аршина, и волю—на небесах». В то же время он отмечает непрочность этого правительства и раскрывает происходящую размежовку классовых сил и измену меньшевиков и эсеров.

Что же касается эволюции Врем. правительства, то оно, «созданное революцией, оказалось правительством контрреволюции. Немудрено, что рабочие, солдаты и крестьяне перестают ему верить, не поддерживают его» (стр. 195). Наконец, в статье «Буржуазия готовится к наступлению» (от 11/24 октября) Ольминский выбрасывает решительный лозунг: «Буржуазия готовится дать бой рабочему классу. Товарищи-рабочие! Близится час,—это будет последний и решительный бой» (стр. 203).

Из этого беглого обзора видно, в каких твердых и надежных руках была в 1917 г. большевисткая печать, виднейшим работником которой был М. С. Ольминский.

С тех пор прошло много лет. Ветеран непримиримого большевизма, скованный тяжелым недугом, может очень мало и редко, к сожалению, поднимать в печати свой истинно по-ленински звучащий голос. Но «дух бодр, хотя плоть и немощна». И еще время от времени на страницах прессы (главным образом в «Пролетарской революции» и «Комсомольской правде») раздается суровый, предостерегающий от ошибок авторитетный голос одного из испытаннейших большевиков. Будем надеяться, что этот голос еще долго не умолкнет на благо революции и на радость нашего пролетариата.

П. Лепешинский

К ВОПРОСУ О КЛАССОВОЙ ПРИРОДЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО НАРОДНИЧЕСТВА 70-х ГОДОВ [1]

1. МАРКС, ЭНГЕЛЬС И ЛЕНИН О НАРОДНИЧЕСТВЕ

Дискуссия, поднятая нашей печатью в связи с юбилеем «Народной воли», со всей остротой ставит вопрос о том, идеологию кого и какие политические стремления отражало народничество. Взгляд Плеханова, рассматривавшего народничество как идеологию мелкой буржуазии, обнаруживает полную несостоятельность при малейшем ознакомлении с документами эпохи. Несмотря на то, что именно плехановская концепция до сих пор занимает господствующее положение в нашей марксистской исторической литературе, необходимо признать, что она существенно расходится с оценкой Ленина, полностью совпадая с меньшевистской и кадетской оценкой. Основной методологический недостаток плехановской концепции в ее недиалектичности: Плеханов берет за одну скобку различные течения и разные эпохи. Между тем Ленин говорил: «Я отличаю старое и современное народничество на том основании, что это была до некоторой степени стройная доктрина, сложившаяся в эпоху, когда капитализм в России был еще весьма слабо развит, когда мелкобуржуазный характер крестьянского хозяйства совершенно не обнаружился, когда практическая сторона доктрины была чистая утопия, когда народники резко сторонились от либерального «общества» и шли в народ» [2].

Таким образом, Ленин разграничивает, с одной стороны, революционное народничество 70-х и первой половины 80-х годов, с другой—легальное народничество той же эпохи и эпигонство. Последнее—это мелкобуржуазный, мещанский социализм. Очевидно, от этого «социализма» существенно, принципиально отличается революционное народничество 70-х годов и первой половины 80-х, т. е. так называемой пореформенной России. Как известно, в экономическом отношении эта эпоха характеризуется переключением хозяйства страны на капиталистические рельсы, переходом крестьянского хозяйства в своей массе от натуральных форм к денежным, формированием рабочего класса и первыми классовыми боями

---

[1] Помещая статью т. Рындича, как образец того, куда ведет логическое развитие позиции Теодоровича, редакция по вопросу об историческом значении «Народной воли» целиком присоединяется к тезисам культпропа ЦК, опубликованным в «Правде» № 98 от 9/IV с. г. Одновременно редакция солидаризируется с ответом т. Рындичу со стороны т. Поташа.

Редакция.

[2] Ленин, Сочинения, т. I, стр. 272.

пролетариата. Крестьянство, мелкобуржуазный характер которого в те времена еще совершенно не выявился (Ленин), превращалось в класс мелкой буржуазии, выделяя на одном полюсе сельскую буржуазию (кулачество), на другом—промышленный пролетариат. Легальное народничество 70-х и 80-х годов именно и отражало идеологию формирующейся мелкой буржуазии. В дальнейшем, в связи с усилением классовой дифференциации мелкобуржуазное народничество эволюционирует, с одной стороны, в направлении к либерализму, с другой—к мелкобуржуазному радикализму. Тот же самый процесс расслоения «раскола» мы наблюдаем и в революционном крыле народничества. По словам Ленина, «вместе с дифференциацией крестьянства раскололся и старый русский крестьянский социализм, уступив место, с одной стороны, рабочему социализму, с другой—выродился в пошлый мещанский радикализм» (т. I, стр. 165).

Что же представляла собой в классовом отношении та часть крестьянства, которая, раскалываясь, развивается в сторону не только мещанского социализма (мелкобуржуазного радикализма), но и в сторону рабочего социализма, коммунизма? Какой (или какие) из тех классов, которые складывались в *пореформенной* России, нашли *в революционном* народничестве своего идеолога? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо заняться изучением идеологии народничества [1]. И именно народничества в целом, а не только народовольчества: «Народная воля» не представляет собой такой группы, которая выработала самостоятельную концепцию, независимую от взглядов своих предшественников, а тем более противоположную последним. Идейно—политический багаж «Народной воли» представляет собой частью воспроизводство, частью дальнейшее развитие взглядов Ткачева и Лаврова. Понять идеологию и программу «*Народной воли*» без Лаврова и Ткачева совершенно невозможно. Поэтому с анализа их взглядов мы и должны начать. Однако раньше необходимо остановиться на отношении Маркса и Энгельса к основным народническим воззрениям. Широко распространен предрассудок, будто «увлеченный» героической борьбой «Народной воли» Маркс «на минуту» поддался народническим иллюзиям на счет русской общины. Однако письма Маркса и его предисловие [2] к русскому переводу «Коммунистического манифеста» (изд. 1882 г.) показывает, что эта «минута» длилась в течение целого ряда лет. С другой стороны, неверно мнение, будто взгляд Маркса сложился под влиянием односторонней и тенденциозной информации его друзей—народовольцев. В письме к Зорге от 27/IX—1877 г. Маркс говорит, что состояние России он «изучил по русским оригинальным источникам, официальным и неофициальным». Ту же мысль он высказывает и в письме в ред. «Отечественных записок»: «чтобы иметь возможность судить со знанием дела об экономическом развитии

[1] В дальнейшем под народничеством мы понимаем именно революционное народничество, если не оговорено обратное.

[2] К сожалению, это предисловие Маркса почему-то не перепечатано в изд. «Комм. манифеста» Инст. Маркса и Энгельса. Не говорится о нем в прим. Рязанова.

современной России, я выучился по-русски и затем в течение долгих лет изучал официальные и другие русские издания, имеющие отношение к этому предмету». Наконец, в письме к В. Засулич Маркс снова говорит о «специальных изысканиях», об исследованиях, которые он производил по первоисточникам.

Таким образом, не минутные «колебания» Маркса отражены в его взглядах на русскую общину: взгляд Маркса—это результат длительного и тщательного изучения пореформенной России по разнообразным первоисточникам. К каким же выводам приходит Маркс? Ограничимся всего двумя цитатами из предисловия Маркса к «Коммунистическому манифесту» и из письма к В. Засулич. В предисловии Маркс писал: «В России рядом с быстро растущим капиталистическим хищничеством и только что развивающимся частным кулацким землевладением мы находим большую половину земли в общинном владении крестьян. Спрашивается—может ли русская община, представляющая форму первобытного землевладения, хотя и сильно пошатнувшуюся, перейти непосредственно к высшей форме капиталистического землевладения. Или же ей предстоит пройти тот процесс разложения, в котором и состоит историческое развитие Запада. Единственно возможный ответ на это в настоящее время следующий: *если русская революция послужит сигналом для революции пролетариата на Западе и таким образом обе дополнят друг друга, то существующее общинное землевладение в России может послужить исходным пунктом коммунистического развития* [1]. А в письме к В. Засулич Маркс говорит, что специальные изыскания убедили его в том, что эта община является точкой опоры общественного возрождения России (русского общества). Но для того, чтобы она могла функционировать, как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные явления, которые теснят ее со всех сторон, затем обеспечить ей условия самостоятельного развития [2].

Таким образом, по мнению Маркса, русская община давно уже утратила свою первобытную «чистоту». Под влиянием начавшегося после реформы 1861 г. капиталистического развития общинное землевладение значительно пошатнулось, община в самой себе уже носит элементы разложения и упадка. И тем не менее Маркс считает, что община может послужить точкой опоры общественного возрождения России, отправным пунктом для коммунистического развития—при условии, если русская революция явится толчком для социалистической революции западного пролетариата, если обе дополнят друг друга, и если, таким образом, пролетариат Европы окажет поддержку России. Повторяю, этот

---

[1] Ред. «Вестника Народной воли», где было перепечатано предисловие, выражает полную с ним солидарность, подчеркивая заключительную фразу.

[2] Любопытно, между прочим, что В. Засулич в том письме, в ответ на которое Маркс высказал свой взгляд на общину, излагает причины, заставившие ее обратиться к Марксу за разъяснениями. Она говорит, что лица, считающие себя последователями Маркса, отрицают возможность перехода крестьянской общины к социализму.

взгляд развивается Марксом в различных документах на протяжении нескольких лет. Можно ли говорить после этого, будто Маркс отказывался от определенного ответа по вопросу о русской общине, будто он ограничивался тем, что только рекомендовал русским революционерам изучать конкретные условия экономики России [1]. Верный своей методологии, Маркс указывает, что ответ на тот или иной конкретный вопрос надо искать не в готовых формулах, а в анализе конкретного материала, но Маркс не только рекомендовал народовольцам заняться этим делом, но и сам не мало уделил внимания изучению экономики России и на основе анализа конкретного материала совершенно ясно и недвусмысленно формулировал свои выводы. И совершенно непонятно то отношение к этим выводам, какое мы нередко встречаем в нашей печати. Напр., у т. Поташа «особенно вызывает сомнения» то место в письме Маркса к Засулич, где говорится, что для того, чтобы община явилась точкой опоры общественного возрождения, надо «устранить тлетворные влияния» [2]. Почему же это «вызывает сомнения»? К сожалению, автор не поясняет, что именно поддерживает его сомнения. На это, впрочем, можно бы и не обращать внимания, если бы «сомнение» не послужило «отправным пунктом» для... искажения.

Не подкрепляя своих изречений никакими доказательствами и не замечая явного противоречия с приведенными в статье материалами, т. Поташ говорит, будто Маркс и Энгельс были «уверены, что реальная жизнь покончит со всеми иллюзиями, не имеющими опоры в действительности и не считали нужным слишком поспешно *разочаровать* (?) русских революционеров [3]. В каких же собственно «иллюзиях» не хотели Маркс и Энгельс «разочаровать» русских революционеров? В том, что в случае совпадения русской революции с международной, крестьянская община может послужить отправным пунктом и т. д. Но ведь такого взгляда придерживался Маркс. Может быть, Маркс и Энгельс считали иллюзией взгляд народников о близости русской революции? Но это было твердым убеждением Маркса и Энгельса. Например, в цитированном уже письме к Зорге (1877 г.) Маркс говорит, что Россия «давно находится накануне переворота и все необходимые для этого элементы созрели». В предисловии к «Коммунистическому манифесту» (1882 г.) Маркс пишет, что в 1848—1849 гг. Россия была опорой контрреволюции: «царь был провозглашен шефом европейской реакции. В настоящее же время он сидит пленником революции в Гатчине, а Россия является авангардом революционного движения Европы». Энгельс уже в 1894 г. в послесловии к брошюре о Ткачеве так оценивает положение России в конце 70-х гг.: «Падение царизма казалось близким: революция в России должна была лишить европейскую реакцию сильнейшей ее опоры, ее великой резервной армии, а тем самым дать новый могучий толчок к политическому

[1] См. Поташ, «Маркс и Энгельс» о народническом социализме», «Прол. рев.» № 12 (95), стр. 40.

[2] «Пролет. революция» № 12 (95), стр. 41.

[3] Там же, стр. 57.

движению Запада и кроме того создать для него бесконечно благоприятные условия» [1]. Кажется, ясно, как оценивали Маркс и Энгельс вероятные перспективы русской революции.

Но может быть Маркс и Энгельс не хотели «разочаровать» народников в их вере в близость социалистической революции на Западе и возможность совпадения ее с русской революцией. Но это было «верой» Маркса и Энгельса, и такую возможность они сами предвидели, что показывают уже приведенные цитаты. В чем же они не хотели «слишком поспешно разочаровывать»? В послесловии Энгельса к его брошюре о Ткачеве говорится, что Маркс и Энгельс не считали нужным *советовать* русским революционерам спешить с прыжком в царство капитализма. Так что это может быть чистейшее «недоразумение». Но т. Поташ пишет, что «никакого совпадения взглядов Маркса и Энгельса со взглядами различных течений *утопического социализма*, существовавших до возникновения русской социал-демократии, *не могло быть и не было*» (там же, стр. 57—58. Курсив мой.—*А. Р.*). Почему же не могло быть и не было? К сожалению, на этом автор и обрывает свою статью: «В нашу задачу не входит противопоставление изложенным нами (к тому же несовсем верно.—*А. Р.*) взглядам Маркса и Энгельса взглядов народничества (там же, стр. 58). Как вам это нравится? Автор написал статью об отношении Маркса и Энгельса к народническому социализму; все изложение подогнал к основному выводу, будто *никакого* совпадения между взглядами Маркса и Энгельса и взглядами революционеров-народников 70-х гг. «не было и не могло быть», очевидно, ни по каким вопросам и уже во всяком случае в оценке русской революции. И в то же время умудрился не привести ни одной цитаты из народнических документов, не потрудился пересказать хотя бы своими словами взгляд народников хотя бы по одному из интересующих нас вопросов! Своеобразная историческая методология у некоторых из наших «молодых» историков! Зато он умудрился свалить в одну кучу и белогвардейца Зензинова, и Суханова, и народовольцев. Легко так писать «историю»! Но уже в начале статьи я показал, что такой прием ничего общего не имеет со взглядом Ленина, который старое революционное народничество отличал как от легального народничества той эпохи, так и от эпигонства различных направлений. Поэтому и наши выводы и оценки революционного народничества 70-х годов относятся только к нему. Нынешние народники, придерживающиеся совершенно иных принципов, не имеют ни малейшего права применять к себе эти выводы и эксплоатировать героическое прошлое русской революции. Задача историка-марксиста в том и состоит, чтобы вскрыть объективно существующую глубокую пропасть между неонародничеством и революционным народничеством 70-х годов.

---

[1] Этот отрывок заканчивается фразой: «неудивительно, что Маркс советует русским не особенно торопиться с прыжком в водоворот капитализма». А т. Поташ говорит: «не хотел разочаровать».

Чтобы справиться с этой задачей, необходимо в первую очередь заняться анализом идеологии народнического социализма 70-х гг. и, как сказано выше, революционного народничества в целом, а не только «Народной воли». Для понимания идеологии «Народной воли» и народничества в целом большое значение имеет знакомство со взглядами Лаврова и Ткачева, а также Бакунина.

2. БАКУНИН, ЛАВРОВ И ТКАЧЕВ

В сущности, критика народничества, которую мы находим в нашей популярной литературе—это прежде всего критика бакунизма. Именно 1 бакунина резко выражено славянофильство. Бакунин доводит до крайних пределов идеализацию крестьянства. Бакунин считает крестьянство вполне созревшим для социальной революции. Бакунин убежден, что к русскому народу совершенно неприменимы «западные абстракции», что русский народ «в историю внесет новые начала и создаст цивилизацию иную, и новую веру, и новое право, и новую жизнь». По мнению Бакунина, страдания и нищета—вот школа революции. Так как и то и другое в избытке среди русского крестьянства, то Бакунин уверен, что условия для революции—налицо. Страданиями и нищетою чрезмерной народ наш подготовлен к революции и именно социалистической, так как «всякий народ, взятый в совокупности, и всякий чернорабочий человек из народа—социалист по своему положению» («Наука и насущное революционное дело»). Это относится «без исключения ко всему европейскому чернорабочему люду и никак не исключая умного русского мужика, этого прирожденного социалиста». Идеалы русского мужика целиком совпадают с идеалами пролетариата «латинских стран». Отмечая три положительных черты в народном идеале (принадлежность земли народу, общинное землепользование и общинное самоуправление, именно они и соответствуют идеалу «пролетариата латинских стран»), Бакунин указывает и на другие три черты, искажающие народный идеал и затрудняющие его осуществление: патриархальность, поглощение лица миром и вера в царя. Чтобы преодолеть эти черты, Бакунин и обращается с призывом к социалистической интеллигенции соединиться с народом, слиться с ним, поднять его на всеобщий бунт—революцию.

К этому в основном сводится проповедь Бакунина. Уничтожение государства и нынешнего общественного строя путем всенародного бунта—вот все, что мы найдем у Бакунина по вопросам русской революции. Никаких других вопросов Бакунин не затрагивает. Примитивное понимание Бакуниным социализма и социалистической революции, непосредственно рождающейся из русской общины, вполне соответствует примитивной идеологии крестьянства. Социализм Бакунина—это крестьянский социализм в полном смысле.

У другого идеолога народничества П. Л. Лаврова, мы найдем черты, сходные с Бакуниным, но в учении Лаврова мы встречаем и некоторые существенные особенности. Как и все народники—Лавров придержи-

вается взгляда, что крестьянская община может быть основой для развития социализма. Задача русских социалистов состоит в том, чтобы «развить нашу общину до общинной обработки земли и общинного пользования ее продуктами». Но Лавров с большей силой подчеркивает отрицательные стороны сельской общины, состоящие в ограниченности, узости кругозора, в соперничестве между отдельными лицами: «унаследованное чувство солидарности общинного мира или артели... ограничивается самыми тесными пределами, за которыми начинается область соперничества и борьба за существование между голодающими и притесненными со всех сторон» («Вперед» № 27).

Эти отрицательные черты приводят Лаврова к заключению, что для подготовки революции необходима длительная работа, состоящая не только в пропаганде, как у нас принято (ошибочно) думать об учении Лаврова, но также в агитации и организации масс,—мысль об организации крестьянской партии принадлежит именно Лаврову. «Социальная революция,—говорит он,—требует предварительного существования революционной организации, которая должна в своем большинстве состоять из личностей, принадлежащих к общинникам и артельщикам действительных народных общин и артелей... Но к этому большинству должен быть примешан, по крайней мере, в первое время, элемент интеллигентных классов, играющий в первое время роль инициаторов для уяснения остальными основных начал рабочего социализма». («Задачи организации социально-революционных сил».) Таким образом, если Лавров придает большое значение революционному социалистическому меньшинству, то *основной* силой для него являются *массы*. Мы не найдем у Лаврова последовательного проведения этой мысли. Лавров эклектик и почти по каждому вопросу он высказывает противоположные взгляды, в том числе и мысль о том, что историю двигают одинокие борющиеся личности. Но нет никаких оснований думать, что эта сторона эклектического лавровского учения в наибольшей степени приковывает внимание революционеров 70-х годов. Во всяком случае не в ней центр тяжести пропаганды редактора «Вперед». Наоборот, как в газете, так и в журнале «Вперед» развиваются, главным образом, взгляды, заимствованные Лавровым у Маркса. Лавров подробно останавливается на выяснении экономических предпосылок революции. Тщетно будем искать мы у Лаврова славянофильской идеи о «самобытности» исторических путей России или славянства, что составляло основу бакунизма. С точки зрения Лаврова, коммунистическая революция («рабочий социализм») подготовляется «фатально» самым процессом капиталистического развития. На этих взглядах особенно следует остановиться, ибо знакомство с ними облегчает ликвидацию многочисленных предрассудков на счет идеологии старого народничества.

Лавров говорит: «Источник всякой собственности есть эксплоатация рабочих масс. Вследствие этого форма собственности изменяется вместе с изменением формы эксплоатации рабочих масс. Превращение

прежних форм неподвижной собственности в подвижную, денежную собственность повлекло за собой развитие буржуазного строя из прежних форм общества. Только с развитием денежного хозяйства сделалось возможным появление капитала, ценности, присваивающей чужой труд, самовозрастающей ценности. Теперь стала присваивать чужой труд не какая-либо личность, а стал присваивать его себе капитал... Раз это случилось, то неизбежно принцип личной собственности должен будет погибнуть («Вперед», т. II, стр. 291, Народники-пропагандисты, стр. 78). Кажется, нет никакой надобности комментировать этот отрывок: форма собственности меняется с изменением формы эксплоатации, т. е. в зависимости от развития производительных сил. Капитализм последняя форма частной собственности, разрушающаяся в процессе его развития: «Вследствие самой сущности буржуазного строя, чем больше будет развиваться капиталистическое производство, тем сильнее и быстрее будет итти разрушение принципа частной собственности; напрасно она проливает для этого потоки крови; разрушение частной собственности есть историческая необходимость, необходимость, вытекающая из всего развития экономической жизни человечества и совершает это разрушение сама буржуазия, самый ход буржуазной жизни. Все историческое значение буржуазии в экономическом отношении в том и заключается, что она расшатывает, разрушает частную собственность и подготовляет почву для перехода ее в коллективную» (там же).

Слишком трудно согласовать это с трафаретным представлением о народничестве, как об утопическом социализме, который совершенно не считается с исторической обстановкой, с экономикой и мечтает путем проповеди и обращения к господствующим классам построить «идеальное» общество. Но послушаем дальше. По мнению Лаврова, капитализм подготовляет коммунизм не только тем, что разрушает принцип частной собственности: в процессе капиталистического развития выковываются силы, способные осуществить социальный переворот. Такой силой является пролетариат: «Двигателем рабочего социализма мог сделаться только пролетариат и лишь в тот период, когда фатальный процесс капиталистического производства подвинул достаточно далеко разорение этого класса. Надо было, чтобы многочисленные мелкие хозяева—ремесленники были раздавлены в борьбе крупными предпринимателями... надо было, чтобы разросся по всем странам «цивилизованного» мира пролетариат, не имеющий перед собой даже возможности когда-нибудь поправить свое положение; тогда только история выработала весь материал, нужный для рабочего социализма, как исторической силы» («Вперед» № 19, Народники-пропагандисты, стр. 83). Ну, хорошо, могут возразить, допустим, все это так. Но какое это имеет отношение к России? Ведь Россия не была еще капиталистической страной, и народники отрицали возможность капитализма в России—капитализм не варится самобытным русским желудком. Это мнение тоже приходится отнести к предрассудкам. Обращаясь к Лаврову, мы читаем: «В России условия капиталистического

строя наступили с освобождением крестьянства... В России быстро разрастается капиталистический строй со всеми его последствиями... Социальный переворот сам собой подготовляется в России как и во всем цивилизованном мире самими успехами капиталистического строя» («Вперед» № 27).

Некоторые последователи Лаврова, называвшие себя марксистами и социал-демократами в конце 70-х годов, делали отсюда тот вывод, что с социальной революцией надо «подождать», пока в достаточной степени разовьется капитализм. Сам Лавров, однако, думал иначе. Считая, что капитализм подготовляет условия для социалистической революции во всех «цивилизованных» странах, Лавров полагал, что этот же процесс подготовки развивается и в России. По его мнению, вся разница между Россией и Западом состоит в том, что главную роль в революции у нас будут играть не героические пролетарии, а «сельские работники», т. е. крестьяне—подобно всем народникам Лавров не видел принципиального различия между рабочими и крестьянами; для него это были только городские и сельские работники. Принимая учение Маркса и будучи первым пропагандистом его в России, Лавров в отдельных случаях мог пользоваться методом Маркса и при анализе конкретных явлений общественно-политической жизни. Известна, например, его прекрасная книжка о Парижской коммуне, которая до сих пор остается одной из лучших марксистских работ о революции 1871 г. Однако, когда дело касалось России, Лавров не мог вскрыть тех особенностей, какие были свойственны тогдашней России. Признавая, что «экономические отношения» составляют основу всех прочих общественных задач («Государственный элемент в будущем обществе»; «Народники-пропагандисты», стр. 112), что капитализм «фатально» подготовляет условия для социализма, что движущей силой «рабочего социализма» является пролетариат, вызванный к жизни развитием капитализма; признавая, что и в России капитализм уже развивается, а вместе с ним начата борьба между трудом и капиталом, что рабочий вопрос, как и на Западе, поставлен в России в порядок дня,—Лавров, как и все народники, переходя к анализу революционных перспектив в России, отождествляет пролетариат с крестьянством, предоставляя им одинаковую роль и считая, что основная задача русских социалистов—организовать социалистическую партию в артельных и общинных центрах из работников города и деревни, т. е. из крестьян, ремесленников и рабочих в одинаковой степени. Таким образом в сложном эклектическом мировоззрении Лаврова переплетаются элементы марксизма, научного социализма с утопизмом—вряд ли в русском социалистическом движении найдется другой идеал, в учении которого с такой полнотой были бы отражены политические тенденции крестьянства и рождающегося пролетариата.

Большой интерес представляют взгляды П. Н. Ткачева. Существует мнение, что Ткачев не пользовался популярностью среди революционеров 70-х годов, что он стоит, так сказать, особняком от народнического

движения, что его влияние было ничтожно. Однако, это верно лишь по отношению к первой половине 70-х годов: взгляды «Народной воли» по основным политическим вопросам совпадают со взглядами Ткачева,—народовольческая тактика была формулирована и обоснована Ткачевым задолго до «Народной воли». Рамки статьи не позволяют остановиться с достаточной полнотой на философских, социалистических и политических взглядах Ткачева. М. Н. Покровский имел некоторые основания считать Ткачева первым русским марксистом. Если это мнение и не совсем верно, то необходимо все же признать, что Ткачев, пожалуй, был ближе к марксизму в большей степени, чем кто-либо из народников. Полемизируя с Бакуниным, Ткачев в статье «Анархия мысли» заявляет себя не только материалистом в общефилософском смысле,—он подходит материалистически и к оценке общественных явлений. Он говорит: «Мысль или, выражаясь точнее, мозговая деятельность, подобно деятельности пищеварительных органов, деятельности легких, сердца и т. п. не может ни предшествовать человеческой, а, следовательно, и общественной жизни, ни составлять ее результата. Она образует одну из ее необходимейших и неустранимейших составных частей. Но откуда она черпает материал для своих теоретических построений? Конечно, не с неба, а из фактов окружающей жизни, из фактов, которые, однако, в значительной степени ей не обязаны своим существованием. Но если общественные факты дают главное содержание деятельности мысли, то мы можем сказать, *что все ее теории суть не что иное, как результат этих фактов, что последние предшествуют первым*» (Курсив мой.—*А. Р.*).

Таким образом, теории являются результатом воздействия общественной жизни. В той же статье Ткачев говорит, что в зависимости от того, из какой социальной среды черпал человек материал для построения своих теорий, идеалов, зависит их социальный характер: если материал взят из жизни буржуазного общества, то теории и идеалы будут носить антинародный, буржуазный характер, и, наоборот, если материал взят «из народной жизни, из мира труда, из мира рабочего», то и теории будут народными, антибуржуазными, каковы, например, идеалы коммунизма.

Ткачев не изменяет материалистическому методу и тогда, когда подходит к анализу крестьянских идеалов. Ткачева меньше всего можно назвать идеологом крестьянства: мы не найдем у него ни малейших следов идеализации деревни. Он считает, что крестьянская община может быть развита *мало-по-малу* до коммунизма, однако, лишь при условии, если социалистические элементы будут привлечены в нее извне. Наша община является пережитком первобытного землевладения, которое было известно и другим странам и народам. Но условия деревенской жизни консервативны, в ней нет фактов, элементов для самостоятельного движения. Если ее оставить в покое, то она может сохраниться в таком виде в течение тысячелетия. Консерватизм деревенской жизни обусловливает консервативность мужицких идеалов: «положительные

идеалы нашего крестьянства строго консервативны—они не могут быть идеалами революции».

В крестьянстве Ткачев не видит активной силы, инициатора революции. Такой силой, по его мнению, является революционное государство. В № 1 «Набата» мы читаем: «ближайшая цель революции должна заключаться в захвате власти, в создании революционного государства. Но захват власти, являясь необходимым условием революции, не есть еще революция. Это только ее прелюдия. Революция осуществляется революционным государством, которое, с одной стороны, борется и уничтожает консервативные и реакционные элементы общества, упраздняет все те учреждения, которые препятствуют установлению равенства и братства; с другой, вводит в жизнь учреждения, благоприятствующие их развитию».

На этом основании укоренился взгляд, будто, по Ткачеву, социализм должен быть декретирован сверху государством— как увидим—от такого взгляда не была свободна даже «Народная воля». Однако сам Ткачев решительно против этого возражает. По его мнению, революционное государство создает условия, необходимые для развития социализма. Государство вводит «капиталистические элементы в условия народной жизни», которые позволят осуществлять революцию, опираясь на массы, руководя ими. В «Анархии мысли» он говорит: «Всякому, конечно, известно, что существуют такие наивные люди, которые серьезно убеждены, что социальная революция может быть осуществлена посредством бумажных декретов». Это «убеждение» ничего общего не имеет со взглядами Ткачева. На страницах «Набата» не раз подчеркивается, что осуществление коммунизма является результатом длительных и последовательных реформ, проводимых социалистическим государством. Особенно подробно эта мысль развита в № 6 за 1876 г. Здесь мы читаем: «социальный переворот совершается не в один, не в два дня, даже не в одно, не в два десятилетия, он потребует работы многих поколений. И никогда мы, революционеры-социалисты, не обманывали себя на этот счет. Захватив власть в свои руки, мы не станем уничтожать декретом недвижимую собственность, семью, религию, мы не станем насильно навязывать нашей исторически выработавшейся общине готовый идеал коммуны; но мы уничтожим ту юридическую санкцию, которая охраняет и поддерживает учреждения, враждебные социалистическому идеалу, мы поставим нашу сельскую общину, нашу торговлю и промышленность в такие условия, которые неизбежно, хотя и постепенно, должны будут привести к общности имуществ и общности труда, к уничтожению всякой собственности, к полному практическому осуществлению в сфере экономических и политических отношений начал коммунизма».

Таким образом уже у Ткачева мы встречаем идею о переходной эпохе, эпохе строительства социализма, воспринятую от Ткачева «Народной волей». Конечно, было бы крайним преувеличением отождествлять ткачевскую идею о переходном периоде с нэпом или его революю-

ционное государство с государством советов, с государством типа пролетарской диктатуры: как и народники, Ткачев не знает пролетариата как самостоятельного класса; пролетариат он отождествляет с крестьянством; он не дошел еще до понимания коммунистической революции, как высшей фазы в развитии классовой борьбы пролетариата. Но Ткачев, как и Лавров, уже усваивает отдельные элементы марксизма, отнюдь не становясь марксистом. Мы знаем эклектизм Лаврова, мы знаем, что и Ткачев смотрел на русское государство сквозь идеалистические очки, не понимая его классовой основы. Этот отпечаток двойственности, эклектическое соединение элементов марксизма с идеализмом—характерный для всего революционного народничества, является результатом недостаточной классовой дифференцированности русского общества. Пролетариат еще только формируется. От пролетариата народники заимствуют коммунистический идеал. Отражая интересы пролетариата, они усваивают элементы марксизма, под прямым влиянием которого развивалось русское революционное движение 70-х, 80-х годов. Но пролетариат был еще крайне слаб. Основную массу «трудящихся» составляло крестьянство, вовлекавшееся постепенно в процесс товарного производства, а, следовательно,—в процесс классовой дифференциации. Но 60—70 годы это лишь начало этого процесса. Первые кадры рождающегося пролетариата тесно связаны с крестьянством, пролетариат еще не вполне обособился от крестьянства, хотя уже вступает на путь классовой борьбы с буржуазией. Интересы пролетариата и крестьянства (не ставшего еще мелкой буржуазией) и отражает революционное народничество. Это в разной степени отражено у различных представителей народничества и в различных народнических группах. Влияние двух классов сказывается и в идеологии крупнейших организаций 70-х годов—«Земли и воли» и «Народной воли». О «Земле и воле» ограничимся всего несколькими замечаниями.

«ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ» И «НАРОДНАЯ ВОЛЯ»

В руководящих землевольческих материалах развивается, главным образом, взгляды бакунинского анархического социализма. Мы видим здесь ту же идеализацию крестьянства как «социалистического» класса. Условия для социализма имеются везде, где есть экономическое неравенство, эксплоатация и страдания. Следовательно, условия эти налицо и в России. Основой для социализма является крестьянская община. Плеханов в №№ 3 и 4 «Земля и воля» подробно доказывает, что из экономического закона Маркса отнюдь не вытекает, что Россия неизбежно должна пройти капиталистическую стадию развития (очевидно, среди лавристов уже тогда в 1877—1878 гг. были «марксисты», отрицавшие возможность непосредственного перехода крестьянской общины в социалистическую). Основная задача революционеров-социалистов—организация крестьянства, работа в деревне для подготовки социалистической революции. Работа среди городских рабочих не отрицается и землевольцы

устанавливают с ними связи, но этой работе придается второстепенное значение. Отрицание политической борьбы мотивируется тем, что не политическое рабство порождает экономическое, а наоборот. В брошюре «Смерт за смерть» говорится: «мы—социалисты. Наша цель—разрушение существующего экономического строя, уничтожение экономического неравенства, составляющего по нашему убеждению корень всех страданий человечества». Там же мы читаем: «мы считаем, что не политическое рабство порождает экономическое, а наоборот. Мы убеждены, что с уничтожением экономического неравенства уничтожится народная нищета, а вместе с ней невежество, суеверия и предрассудки, которыми держится власть».

Вместе с тем «Земля и воля» подчеркивает, что революция может быть совершена только народом и во имя тех идеалов, которые исторически выработались у него. В № 1 говорится: «Революция—дело народных масс. Подготовляет их история. Революционеры могут быть только орудиями истории, выразителями народных стремлений. Роль их заключается только в том, чтобы, организуя народ во имя его стремлений и требований и поднимая его на борьбу с целью их осуществления, содействовать ускорению того революционного процесса, который по непреложным законам природы совершается в данный период. Вне этой роли они ничто; в пределах ее они один из могущественнейших факторов истории». И в другом месте того же № 1: «против класса может восстать только класс, разрушить систему может только сам народ». Поэтому основной задачей землевольцы считают деятельность среди народа, главным образом, крестьянства, в целях подготовки народной социалистической революции.

Крушение землевольческой программы и тактики привело к пересмотру основных народнических взглядов. Этот пересмотр начат был еще до раскола. Признавая террор только как средство самообороны, землевольцы устами Кравчинского («Смерт за смерть) фактически выдвигают политические требования. Необходимость политической борьбы обосновывается также в «листках» «Земли и воли» и, наконец, в последнем (пятом) номере журнала, в статье, посвященной покушению Соловьева. В этой же статье впервые (после Ткачева) высказывается мысль о том, что непосредственным результатом революции может быть не социализм, а своеобразный переходный строй, причем он мыслится как «мужицкий строй», представляющий прямую ступень к социализму. Таким образом уже в недрах «Земли и воли» зарождаются взгляды, которые получают более подробное развитие у народовольцев. У народовольцев мы встретимся при развитии этих взглядов и с такими мыслями, которые чужды были бакунистам-землевольцам: в вопросах об особенностях русского государства, о роли революционного государства, о переходном обществе чувствуется сильное влияние Ткачева. Мы рассмотрим более подробно взгляды «Народной воли», выделив следующие основные вопросы:

а) *Особенности русского общественного и государственного строя.* Для землевольцев было характерно признание того положения, что в основе общественного развития лежит «экономический фактор», экономические отношения: государственный строй, политические формы рассматриваются как производные, отсюда их отрицательное отношение к политической борьбе. «Народная воля» свое убеждение в необходимости политической борьбы черпает не из отрицания этого положения, высказанного в общей формулировке, а из утверждения, что русское государство развивалось иначе, чем государства Западной Европы и что в настоящее время его социальные функции также во многом отличаются от функций западноевропейских государств. В программной статье № 1 «Народная воля» заявляет: «Наше государство совсем не то, что государство европейское. Наше правительство не комиссия уполномоченных от господствующих классов, а самостоятельная для самой себя существующая организация, иерархическая, дисциплинированная ассоциация, которая держала бы народ в экономическом и политическом рабстве даже в том случае, если бы у нас не существовало никаких эксплоататорских классов. Государство в России—самодовлеющая организация, а не исполнительный комитет господствующих классов [1]. Ни на какие классы он не опирается, никакой почвы под собой не имеет и держится исключительно грубой силой: «Русское правительство—железный колосс на глиняных ногах: оно не опирается ни на чьи интересы в стране, оно живет само для себя и потому не имеет поддержки ни в чем, кроме грубой силы, дисциплины и пассивного повиновения в своих собственных рядах, да еще, пожалуй, в политической невыработанности своих противников». Между государством и народом не существует никакой другой силы, ибо только эти две силы, как силы, самостоятельны, и созданы историей. Наличность классов, повидимому, не отрицается, но классы-сословия еще не сформировались окончательно и имеют второстепенное значение. Кроме того их существование тесно связано с государством, государству они обязаны своим возникновением: «издавна наше государство стало жить не для народа, а только на счет народа. Это вызвало со стороны правительства покровительство всякому сословию, способному эксплоати-

[1] Особенно резко эта мысль формулирована несколько позже, в 1882 г. в № 8—9, где говорится: «Нельзя не отметить коренной разницы в жизни государственной власти в Европе и у нас. Там власть является выразительницей и защитницей интересов экономически господствующих классов, санкционирует фактические отношения, сложившиеся, главным образом, на формах производства и распределения... Русская государственная власть, сложившаяся исключительно из внешних элементов,- мало того, что не опиралась ни на какое сословие, не представляла его, но на пути своего возникновения задавила зачатки классовых подразделений, хотя бы с эксплоататорскими тенденциями». Эта же мысль повторяется и в других статьях, например, в № 5: «Там (на Западе) государственная власть представляет лишь политическое выражение фактического господства известного сословия. У нас же наоборот — государство по своему усмотрению создавало или разрушало целые сословия, производило какие ему угодно было эксперименты над привилегированным классом».

ровать массу... Так, оно двести лет трудилось над созданием дворянства и уже лет 50 трудится над созданием буржуазии».

Однако созданное государством дворянство, несмотря на все попечения правительства, неспособно сложиться в прочную общественную группу и, едва просуществовав сотню лет, расплылось, частью слилось с государственной организацией, а частью сливается с буржуазией. С буржуазией обстоит иначе. Поступившая при самом рождении под крылышко правительства, она без сомнения имеет больше шансов на продолжительное существование. Если не изменятся условия, она составит грозную силу и подчинит себе не только народ, но и государство.

В вопросе о развитии капитализма и буржуазии проводится та же идеалистическая точка зрения. Как мы только что видели, буржуазия создается государством подобно тому, как 100—200 лет тому назад было создано дворянство: Правительство «как самая усердная акушерка, хлопочет о благополучных родах этого уродливого детища». «У нас не государство есть создание буржуазии, а буржуазия создается государством». Создается она государством отчасти вполне сознательно и преднамеренно, отчасти является как неизбежное последствие тех условий, в которые государство вгоняет народ и которые не могут выдвигать из массы хищническое кулацкое сословие.

Непосредственное насаждение буржуазии делается при помощи постройки железных дорог, таможенной политики и т. п. С другой стороны, буржуазия делается неизбежным *следствием политических* условий самодержавия, условий полицейщины, бесправия народной массы. Политика царизма убивает народную волю, самобытность народа. «Царствование царя-освободителя богаче других посягательствами на народную самобытность и беззастенчивым, коренным разрушением остатков древних вольностей и древнего народного самоуправления». Крестьянин обезличивается и экономически и политически. Народ нуль в смысле личности, в смысле человека. Он живет только для государства, живет поэтому полуголодным, в нищете, в вечных хлопотах о рубле». *«Такая обстановка словно нарочно придумана для того, чтобы породить кулака»*. Умный энергичный человек превращается в мироеда. Только таким путем он завоевывает известное уважение и авторитет в окружающем обществе, он впервые делается человеком и даже гражданином, закон начинает существовать для него. Он не может отдать своих сил на служение миру, так как на этом пути его ждет участь смутьяна, а приниженный, забытый, обезличенный мир часто не способен дать даже нравственную поддержку тому, кто выступает на его защиту.

Вот эта обстановка и составляет те условия, при которых неизбежно рождается кулак, сельская буржуазия. Таким образом, кулачество рождается *не из экономических, а из политических* условий. Бесправный крестьянин может завоевать себе право, только опираясь на экономическую мощь, выросши в кулака—это вызывается политическими условиями абсолютизма. Бесправная нищая мужицкая масса не может про-

тивостоять кулацкой эксплоатации и попадает в кабалу кулаку, ибо кулаки защищаются властью.

«Безвыходное положение гонит мужика в кабалу. Кто же виноват в этом? Кто же как не государственный гнет, экономический гнет его, стремящийся привести массу к состоянию нищенства имущественного и отнимающий у него всякую возможность бороться с эксплоатацией; нравственный его гнет, приводящий массу к нищенству, гражданскому и политическому, деморализирующий народ и забивающий его энергию».

Иногда пробивается взгляд, что даже сельская община, крестьянская «самобытность» тоже не спасает от развития кулачества. Политический режим и на нее накладывает свою печать. *Община превращается в институт, содействующий развитию кулака.* Во внутреннем обозрении «Листка народной воли» № 3, посвященного описанию деревни, между прочим, говорится:

«Он видит, что сельская община стала орудием разорения его хозяйства: круговая порука обеспечивает правительству правильное поступление налогов и исправное взыскание недоимок, но этим самым подчиняет население местному кулаку; он видит, что сельское и волостное самоуправление обратилось также в орудие эксплоатации его кулаком, помещиком, арендатором, при содействии «выборного» начальства, которое в праве драть и сажать крестьянина в холодную, прикреплять его к месту, задерживая выдачу паспорта, и в то же время беспрекословно повинуется администрации—становому исправнику, мировому посреднику, словом, всякому мельчайшему начальству, исключая лишь выбравшего его народа... Мужик, выражавшийся вначале «освобождения» по поводу отмены телесного наказания, что де мягкие части его отныне «запечатаны», убедился, что их снова «распечатали» и не для одного помещика, а для любого проходимца».

Итак, государство, создавшее в свое время дворянство, направляет все усилия к созданию буржуазии, городской и сельской. Капитализм развивается благодаря исключительно политической системе русского государства, а отнюдь не потому, что его развитие вытекает из условий хозяйства, из экономики России. Отсюда естественно следует, что уничтожение, разрушение такого государства приведет к совершенно противоположным экономическим следствиям: «устраните этот гнет, читаем мы во втором номере, и вы сразу отнимете $^{9}/_{10}$ шансов формирования буржуазии». «Устраните государство и народ устроится может быть лучше, чем мы даже могли надеяться».

Следовательно, именно во имя социализма нужно вести политическую борьбу. Не политическая борьба приведет к торжеству буржуазного строя, а, наоборот, отказ от нее будет содействовать укреплению капитализма и господству буржуазии. В № 2 «Народной воли» говорится: «если бы мы, пренебрегая политической деятельностью, допустили существование современного государства еще на несколько поколений, то это очень вероятно затормозило бы народное дело на целые столетия».

Теперь буржуазия еще слаба, но окрепши, она подчинит себе государство, она овладеет властью, которую мы ослабляем и воспользуется ею для того же притеснения народа и для борьбы с социализмом. Она «сумеет закабалить народ основательнее, чем ныне и найдет более действительные средства парализовать нашу деятельность, чем современное государство, кругозор которого не идет дальше тюрьмы и виселицы».

б) *Политический переворот и социальная революция.* Итак, политическая борьба в целях свержения самодержавия—основная задача партии. В какой связи это находится с задачей борьбы за социализм, мы уже видели. Однако вследствие широко распространенного предрассудка, будто ставя ближайшей задачей свержение самодержавия, «Народная воля» выбрасывает из своего боевого арсенала социализм, превращаясь в партию либеральных реформ с помощью динамита,—необходимо остановиться на этом вопросе подробнее. Динамиту «Народная воля» придавала огромное значение, полагая, что он призван сыграть в истории гораздо большую роль, чем порох. В этом, конечно, «Народная воля» ошибалась, как ошибалась она и во многих других вещах. Но это не дает нам права отказывать «Народной воле» в причислении ее к социалистическим партиям. Политическую борьбу и политический переворот «Народная воля» рассматривает как средства социальной революции. В № 5 журнала (февраль 1881 г.) напечатана статья, посвященная этому вопросу—«Политическая революция и экономический вопрос». В статье говорится, что задачей партии является социально-экономический переворот, но попутно партия должна взять на себя еще одну задачу, именно—разрушение системы политического деспотизма. В Европе эта работа уже давно выполнена не социалистами, а буржуазией. Таким образом, *социалистическая партия должна взять на себя разрешение буржуазных задач* (мысль, которая позднее будет воспринята социал-демократией.) Но в этом есть и положительная сторона. Строй, не удовлетворяющий ни одного из классов, лишенный опоры в обществе, такой строй легче опрокинуть. С другой стороны, мы видели, что государство поддерживает развитие капитализма и даже непосредственно насаждает буржуазию. Поэтому «политическая борьба с государством нашей партии является не посторонним элементом в нашей социалистической деятельности, а напротив могущественным средством *приблизить* экономический *(или по крайней мере аграрный)* переворот и делать его возможно более глубоким, т. е. средством осуществить в жизни часть нашей программы». Разрушение государства «*путем победного народного движения* неизбежно повлекло бы за собой также крушение того экономического порядка, который неразрывно связан с существующим государством». (Курсив мой.—*А. Р.*). Это тем более возможно и неизбежно, что русское государство представляет собой род огромного поместья, где экономический и политический строй сливаются: «при таких условиях политическая и экономическая реформы становятся также совершенно

неотделимы одна от другой и сливаются в один общегосударственный переворот».

Таким образом, победоносное народное движение приводит к уничтожению существующего экономического строя и приближает осуществление социалистической программы, дает возможность провести в жизнь, по крайней мере, часть программы. Повторяется та же мысль, которую мы встречали уже в № 5 «Земли и воли». В «Народной воле» дается и обоснование этого положения. В № 4 «Народной воли» (декабрь 1880 года) приведены следующие слова казненного Квятковского: «Каждая историческая эпоха должна поставить себе те задачи, которые осуществимы, *хотя, быть может, они и не идеальны,* хотя, быть может, и не совершенны будут те общественные формы, которые заключают в себе эти задачи. Как бы ни была сильна партия, она не в состоянии изменить то народное мировоззрение, которое сложилось вековой жизнью». И в том же номере, где приведены эти слова, говорится:

«Допустим, что партия сорганизовала достаточные силы, дождавшись всенародного движения, начала действовать самостоятельно и овладела центральной властью. Какова ее дальнейшая роль? Создавать новый государственный строй, декретировать необходимые реформы? Мы полагаем, что нет. Только в самом несчастном случае, только тогда, если бы народный организм не проявил уже ни одной искры жизни, можно было бы обязательно употребить приобретенную власть и средства на то, чтобы революционизировать всю Россию—призывать повсюду народ к захвату власти и осуществлению его заветных желаний, помогать ему в этом всеми силами и свою центральную власть держать в руках *исключительно для того, чтобы помочь сорганизоваться народу*».

Следовательно, революционизировать народ и помогать ему в осуществлении его заветных желаний, но отнюдь не декретировать те или иные экономические порядки,—такова задача партии в эпоху революции. С этим как будто совпадает и классификация взглядов на значение политики в борьбе за социализм, которую мы находим в номере 5. Здесь устанавливается три взгляда на этот вопрос: 1) взгляд Ткачева, который считает возможным «декретировать социалистический строй»[1],—якобинский взгляд; 2) взгляд чернопередельцев, отрицающий какое бы то ни было значение за политическим фактором и считающий даже вредным политическую борьбу; 3) синтез этих двух течений, признание взаимодействия «политического и экономического факторов: для осуществления экономического переворота необходимы известные политические изменения и, наоборот, свободные политические учреждения *не могут установиться без известной* исторической подготовки *экономических* условий» (курсив мой.—*А. Р.*). *Надо, чтобы экономический переворот был подготовлен историей*, т. е. в *фактическом соотношении экономиче-*

[1] Как мы видели, это не совсем так.

ских сил, а также в идеях и привычках народной массы должны прежде *произойти известные перемены для того*, чтобы политическая революция, захватив государственную организацию, могла провести в жизнь то, что создано и желательно народу в экономическом отношении» (курсив мой.—*А. Р.*).

Словом, должна быть известная закономерность, последовательность, а не искусственное навязывание. А так как мы уже знаем, что народные «мужицкие» идеалы не вполне совпадают с социализмом, то отсюда вытекает, что после революции будет создан такой общественный строй, который является лишь некоторым приближением к социализму. Таким образом, мы снова встречаемся с мыслью о создании типа переходного государства.

в) *Капитализм и социализм.* Этот переходный строй, созданный на другой день после революции, не вполне совпадая с социализмом, явится, однако, непосредственной переходной ступенью к социализму. На страницах «Н. В.» неоднократно высказывается мысль, что в современном русском государстве экономические и политические функции сливаются, что оно является крупнейшей капиталистической силой и что разрушение этого государства послужит началом социалистической революции:

«Одно уже то, что наше государство—самая крупная капиталистическая сила в России, значительно упрощает решение экономической стороны социального вопроса, раз государственная власть будет в руках революционной партии... Временное революционное правительство, рядом с политическим освобождением народа, рядом с установлением новых политических учреждений, производит экономический переворот, уничтожает право частной собственности на землю и на орудия крупного производства».

В № 6 (октябрь 1881 г.) говорится, что «мы присутствуем при самом разгаре борьбы между народным общинно-социалистическим строем и государственно-буржуазным». *Развитие капитализма в России не отрицается*,—у нас развиваются худшие стороны капитализма: пролетаризация крестьянства [1] и закрепощение труда капиталу: «Закрепощение

---

[1] «Рост многих промышленных городов обусловливается страшным ростом сельского пролетариата, скопляющегося в промышленных центрах». Сказать это—значит признать не только возможность развития капитализма, но и заявить, что это развитие является фактом сегодняшнего дня. Однако, капитализм «до сих пор еще не укрепился в массах народа, до сих пор еще требует постоянной поддержки государства. Он до сих пор еще сила воинствующая, но не торжествующая, Для того чтобы Разуваев мог успешно оперировать в деревне, ему нужно, чтобы за него был закон, т. е. общие меры государства. Без этой постоянной поддержки Разуваев не может победить мужика, не может искоренить общинно-социалистической основы, на которой держится мужицкая жизнь. Но, с другой стороны, и мужицкий строй без поддержки государства с Разуваевым не справится. Эксплоататорские элементы успели приобрести такую власть, захватить в свои лапы такие капиталы, такие области народного труда, что мужицкий строй может восторжествовать и развиться до своих логических выводов только в том случае, если закон и общие государственные мероприятия будут за мужика... Государство неизбежно становится орудием борьбы. Если государственная власть останется в ру-

труда, разобщение его от владения орудиями труда у нас не только возможно, но составляет главную тенденцию того строя, который считается официальным, законным».

Капитализм не может победить мужицкого строя без поддержки государства, не может без помощи последнего искоренить общинно-социалистической основы, на которой держится мужицкая жизнь. Но уничтожение эксплоататорского государства и поддержка революционным правительством общинно-социалистических основ народной жизни создадут условия для непосредственного развития социализма. Таким образом, если капитализм и развивается в настоящее время, то он отнюдь не является необходимой предпосылкой для социализма. При благоприятных политических условиях община непосредственно перерастает в социализм: «Народное самодержавие—это прямой предшественник социализму, потому что только в социализме масса народа находит одновременное осуществление своего экономического интереса и своей свободы. При сохранившемся еще общинном духе народа, *при близком торжестве социалистической идеи в Европе,* социально-революционное значение народного самодержавия у нас будет еще более резко и решительно, чем это было в самой Европе» (№ 10, сентябрь 84 года) (курсив мой.—*А. Р.*).

Следовательно, социалистическая революция в Европе и учреждение *народного* самодержавия—вот условия, при которых крестьянская община перейдет непосредственно в социализм, минуя капиталистическую фазу,—взгляд общий всем народникам 60—80-х годов.

г) *Крестьянство и рабочий класс в революции.* Итак, государство, царское самодержавие являются основным врагом. Против него должны быть направлены первые и главнейшие удары. Непосредственная задача партии—ниспровержение существующего государственного строя, средство—политический заговор. «Совершение переворота путем заговора—вот цель партии «Народной воли», определяемая программой Исполнительного комитета». Низвержение самодержавия—это самый главный и самый трудный вопрос в социальной революции: «Серьезный анализ экономических и бытовых явлений русской жизни привел нас к твердому убеждению, что в России, при решении социального вопроса, главным и наиболее трудным моментом будет сокрушение политического насилия и коренное изменение государственных учреждений». В одной из статей говорится, что партия никогда не ждала этого переворота исключительно от заговора, но тем не менее заговор является самым важным и основным орудием переворота. Причина этого коренится, очевидно, в том положении, в котором находится народ, крестьянство. В силу своего положения, в силу распыленности, забитости крестьянство неспособно к самостоятельному движению. «В самом народе нет такой силы, которая взяла

ках Разуваевых, то мужицкий общественный строй будет с течением времени окончательно искоренен. Если государственная власть перейдет в руки народа, то ей придется вступить в упорную борьбу с Разуваевым» («Н. Б.», № 6, 23 октября 1881 года). (Курсив мой.—*А. Р.*)

бы на себя инициативу движения» [1]. Но если бы такая сила в народе и оказалась, то все равно он не в состоянии бороться с государством при колоссальном техническом превосходстве на стороне последнего. Поэтому «народное движение в широких размерах невозможно до той поры, пока правительственной организации не будет нанесен тяжелый удар».

Отсюда следует, что на социально-революционную партию выпадает историческая миссия—«стать той внешней силой, в которой народ так нуждается», и произвести государственный переворот, не рассчитывая на активную поддержку со стороны народа на этой стадии борьбы. (Взгляд, полностью совпадающий с учением Ткачева.) С точки зрения заговора необходимо подходить к вопросу об организации революционных сил. Активные сознательно-революционные силы необходимо группировать в правительственных центрах. Организационная работа должна вестись «только среди тех элементов, которые примут непосредственное участие в перевороте». Крестьянство таким элементом не является. Его бунты быстро подавляются. «Самые условия жизни народа отнимают у него возможность организоваться для борьбы... Организация крестьянских сил не входит в наши расчеты».

Так писала «Народная воля» в феврале 1882 года. Правда, деятельность в народе не отрицается,—«Народная воля» только отрицает бездеятельность в народе, «болтовню о народе», сидение в народе. Без содействия народа, без его силы партия не может обойтись в момент окончательной развязки. Подобно тому, как партия, «элемент сознательности», необходима для народа, точно так же и народ нужен для партии. Однако в настоящее время слияние народа и партии невозможно: «В настоящее время для подготовления такой возможности мы можем создать только известную связь между собой и народом, связь в некоторой значительной степени организационную и уже в гораздо большей степени нравственную. Это все, чего можно достигнуть, пока держится существующий строй. Поэтому мы считаем прямо вредными, несбыточными мечты о широкой народной орган«изации» (№10, 1884 год).

Строго говоря, это—полное отрицание работы среди крестьянства: речь идет лишь о некоторой степени организационной связи с народом. И это не случайная обмолвка. Уже в статье «Подготовительная работа партии», составленной, повидимому, в начале 1880 года, главнейшие задачи по подготовке к революции определяются следующим образом: «Главнейшими задачами нашей подготовительной работы являются: 1) создание центральной боевой организации, способной начать восстание; 2) создание провинциальной боевой организации, способной поддержать восстание; 3) обеспечить восстание поддержкой городских рабочих; 4) подготовить

[1] Именно в беспомощности народа, в стремлении опереться на какую-либо внешнюю силу коренится и его монархизм, вера в царя: «не в благодеянии, не в исторической роли царей следует искать источников веры в них народа, а в состоянии народного духа, в настоятельной потребности иметь сильного союзника в борьбе с врагом. Этот вывод для нас поучителен».

возможность привлечения на свою сторону войска или парализовать его действия; 5) заручиться сочувствием и содействием интеллигенции,—главного источника сил при подготовительной работе; 6) склонить на свою сторону общественное мнение Европы».

О работе среди крестьянства в перечне главнейших задач партии мы ничего, таким образом, не находим. Местным организациям рекомендуется заранее заручиться влиянием на крестьянство только на предмет развертывания положительной, созидательной работы—после того, когда уже свергнуто самодержавие (тоже повторение Ткачева). С этой целью—«не ведя массовой пропаганды, должно, однако, сходиться с лучшими из крестьян, обращая их по возможности в сознательных сторонников партии, знакомя их с ее целями». К этому пункту редакция Календаря «Народной воли» делает следующее примечание: «Что касается организации в настоящее время в массе крестьянства, то она признавалась в эпоху составления программы совершенной фантазией и, если не ошибаемся, дальнейшая практика не могла изменить в этом отношении мнений наших социалистов».

Самое большее, что считается возможным и целесообразным, это установление связи с «отдельными личностями» и влияние на крестьянство через рабочих, поскольку, однако, это возможно. Вообще широкая народная организация—несбыточная вредная мечта. Нужна не широкая организация, а прочная и решительная. С другой стороны, такая организация нужна «там, где должен быть нанесен правительству главный удар. По всем этим причинам мы должны прежде всего создать некоторые небольшие, но испытанные революционные кадры среди городских рабочих, с тем, чтобы эти группы заранее обеспечили себя обширными связями с остальной массой городских рабочих и, разумеется, с крестьянством, поскольку это возможно» (№ 10 1884 г.).

В «подготовительной работе партии» городским рабочим уделяется особенно большое внимание в силу их положения и большой развитости, причем под «положением» следует понимать расположение фабрик и заводов в промышленных и политических центрах. Поэтому среди городского «рабочего населения» должна быть поставлена сравнительно широкая работа: «в рабочей среде должна усиленно вестись пропаганда: 1) социалистических идей (чем шире, тем лучше), 2) политического переворота и создания демократического правительства как первого шага к осуществлению народных требований».

Среди рабочих должна вестись не только пропагандистская работа, но и организационно-агитационная на почве их повседневных нужд, начиная с организации артелей и кружков самообразования и кончая организацией стачек и созданием революционных сообществ. Партийные кружки должны рассеиваться по всем фабрикам и заводам, организуя на предприятиях группы, «с тем, чтобы, во-первых, постоянно повышать уровень рабочих масс, во-вторых, намечать и присоединять к себе новых лич-

ностей из их среды и, в-третьих, при перевороте иметь возможность взволновать самую обширную массу рабочих».

Однако широкая работа среди промышленных рабочих вовсе не *рассматривается как самостоятельная работа,* ибо народовольцам тоже чужда мысль о пролетариате как особом классе, им чужда мысль и о классовой борьбе как основе социальной революции. Ошибочно все же думать, будто, разочаровавшись в крестьянстве и не признавая самостоятельного значения за рабочим классом, «Народная воля» начинает искать опору в буржуазном обществе и к его запросам, требованиям и пониманию приспособляет тактику. Террор народовольцев вызывается именно тем обстоятельством, что они не видели такого класса, который мог бы стать движущей силой социальной революции: в 70-х гг. и в начале 80-х такой класс еще не сформировался и в своей массе не был способен к *систематической* классовой борьбе.

д) *Программа «Народной воли».* Мы познакомились со взглядами народовольцев, как они были развиты на страницах журнала «Народная воля». Перейдем теперь к рассмотрению программы партии, изложенной в двух документах: Программа Исполнительного комитета и Программа рабочих членов партии «Народная воля». Принципиальной разницы между этими документами нет, но каждый из них представляет свои особенности в смысле большей полноты изложения и развития тех или иных пунктов. Программа Исполнительного комитета состоит из 6 разделов. В первом разделе, состоящем из одного пункта, высказывается в самых общих чертах социализм и народничество партии: «По основным своим убеждениям мы—социалисты и народники. Мы убеждены, что только на социалистических началах человечество может воплотить в своей жизни свободу, равенство, братство, обеспечить общее материальное благосостояние и полное всестороннее развитие личности, а стало быть и прогресс».

Здесь нет, как мы видим, указания на то, что же следует понимать под социализмом: социализм декларируется в самой общей форме, принципы его подробно не развиваются. Некоторую попытку расшифровать этот тезис мы найдем в программе рабочих членов партии. Народниками народовольцы считают себя потому, что по их убеждению только народная воля может санкционировать общественные формы, т. е. что общественные учреждения только тогда приобретают прочность, когда они проходят через сознание и волю народа.

Второй раздел посвящен критике политического и общественного строя России. Здесь указывается, что народные массы находятся в состоянии экономического и политического рабства, что русская действительность коренным образом противоречит народной воле, что народные массы доводятся до нищенства, забитости, отупелости и физического вырождения. Дальше формулируется уже известный нам взгляд о том, что государство, являющееся капиталистической силой, создает класс эксплоататоров: «Над закованным в цепи народом мы замечаем облегающие его слои эксплоататоров, создаваемых и защищаемых государством. Мы

замечаем, что это государство составляет крупнейшую в стране капиталистическую силу, что оно же составляет единственного политического притеснителя народа, что благодаря ему только и могут существовать мелкие хищники». Государство силой вводит и поддерживает такие «экономические принципы и формы, которые не имеют ничего общего с желаниями народными и идеологией». Но и само государство противоречит народным желаниям и народной воле: «этот государственно-буржуазный нарост держится исключительно голым насилием».

Между тем, в самом народе живы еще старые принципы: право на землю, общинное самоуправление, зачатки федеративного устройства, свобода совести и слова. Эти принципы получили бы свое полное развитие, если бы не было внешней силы, которая всячески подавляет их.

Поэтому, говорится в третьем разделе, ближайшая задача партии—произвести политический переворот, «снять с народа подавляющий его гнет современного государства». Этим были бы достигнуты две цели: во-первых, народ получил бы возможность развиваться согласно его воле и наклонностям и, во-вторых, в силу этого были бы «признаны и поддержаны многие чисто социалистические принципы, общие нам и народу». Государственная власть по свержении самодержавия должна быть передана Учредительному собранию. Избранное всеобщей подачей голосов и снабженное инструкциями от избирателей, оно и явится (хотя и не идеальным) органом выражения народной воли.

В четвертом разделе излагается конкретная программа партии, которую она будет отстаивать как во время избирательной кампании, так и в Учредительном собрании, подчиняясь, впрочем, его решениям. Эта программа охватывает следующие вопросы: 1) Постоянное народное представительство, составленное как сказано выше, и имеющее полную власть во всех государственных вопросах. 2) Широкое областное самоуправление, обеспеченное выборностью всех должностей, самостоятельностью мира и экономической независимости народа. 3) Самостоятельность мира (сельской общины) как экономической и административной единицы. 4) Принадлежность земли народу. 5) Система мер, имеющих передать в руки рабочих все фабрики и заводы. 6) Полная свобода слова, печати, сходок, ассоциации и избирательной агитации. 7) Всеобщее избирательное право бессословных и имущественных ограничений. 8) Замена постоянной армии территориальной.

Эта программа, близкая к обычному типу программы-минимум социалистических партий, т. е. программы, рассчитанной на осуществление в рамках капиталистической системы, содержит один, если не два, пункта, задевающих самые основы капиталистического строя. Это—передача в руки рабочих фабрик и заводов и отчасти передача земли народу (что, как известно, само по себе не является социалистической мерой). Некоторую расшифровку этих требований мы встретим ниже, в программе рабочих членов.

Пятый раздел программы посвящен изложению принципиальных

основ партийной работы. Деятельность партии состоит из следующих видов: 1) Агитационно-пропагандистская работа. «Пропаганда имеет своей целью популяризацию *во всех слоях* населения идеи демократического политического переворота как средства социальной реформы, а также популяризацию собственной программы партии», затем—критика существующего строя и выяснение путей переворота; агитация должна стремиться к тому, чтобы среди народа и общества заявлялся протест против существующего строя с требованиями социальных реформ в духе партийной программы, особенно—Учредительного собрания. Формы протеста—сходки, демонстрации, петиции, отказ от уплаты податей и пр. 2) Деятельность террористическая и разрушительная. Она имеет целью подрывать обаяние правительства, доказывать возможность борьбы с ним, поддерживать тем самым революционный дух и готовить годные к бою силы. 3) Организация вокруг центра тайных обществ. 4) Приобретение влиятельного положения и связей в администрации, в войске, в обществе и среди народа. 5) Организация и совершение переворота, почин которого в силу известных нам уже обстоятельств партия должна взять на себя. 6) Избирательная агитация при созыве Учредительного собрания,—борьба против кулацких кандидатур за кандидатуры чисто мирские.

Эта программа была напечатана в № 3 журнала «Народная воля» в январе 1880 года. В выпущенном несколько позже отдельном издании (3-е издание помечено 15 августа 1881 года) был добавлен раздел 6-й, излагающий принципы, какими Исполнительный комитет руководствуется, определяя свое отношение к отдельным группам и лицам. «По отношению к правительству, как врагу, цель оправдывает средства, т. е. всякое средство, ведущее к цели, мы считаем дозволительным». Всяким оппозиционным элементам обещается поддержка и защита. Лица, стоящие в стороне от борьбы Исполнительного комитета с правительством, объявляются нейтральными, а их имущество—неприкосновенным. Но те лица и группы, которые сознательно помогают правительству, объявляются вышедшими из нейтралитета и к ним устанавливается такое же отношение, как и к врагам.

Таким образом, программа ИК излагает не только собственно программные требования, но и принципы партийной работы. По такому же методу построена и программа рабочих членов партии «Народная воля». Как уже отмечено, в этой программе нет пунктов, которые можно было бы противопоставить программе ИК. Принципиальных противоречий здесь нет. И все же, когда прочитываешь программу рабочих членов, сразу бросается в глаза большая четкость, большая ясность в формулировке принципиальных положений. Этим она выгодно отличается не только от программы ИК, но и от программы «Северного союза русских рабочих»: программа рабочих членов—дальнейший этап в развитии классового самосознания русского пролетариата. Программа начинается определением социалистического строя. Согласно программе, социализмом будет такой порядок, который удовлетворяет следующим требованиям: «1) Земля и

орудия труда должны принадлежать всему народу и всякий в праве ими пользоваться. 2) Работа производится не в одиночку, а сообща (общинами, артелями, ассоциациями). 3) Продукты общего труда должны делиться по решению между всеми работниками по потребностям каждого. 4) Государственног устройство должно быть основано на союзном договоре всех общин. 5) Каждая община в своих внутренних делах независима и свободна. 6) Каждый член общины вполне свободен в своих убеждениях и личной жизни, его свобода ограничивается только в тех случаях, где она переходит в насилие над другими членами своей или чужой общины». Проведение в жизнь этих требований приводит к тому, что не будет ни господ, ни рабов, ни продавцов труда, ни хозяев, «каждый будет иметь все, что ему нужно для жизни, а потому не будет продавать себя, свой труд, свои убеждения, да и покупать-то будет некому». Работа общиною, артелью дает возможность широкого применения усовершенствований техники, облегчающих труд, что приведет к сокращению затраты труда, даст возможность безграничного развития духовных сил «и люди-работники достигнут высокой власти над природой».

Свобода общин понимается как самостоятельность в решении своих внутренних дел и как право оказывать влияние на дела государственные—это избавит от государственного гнета и от того, чтобы страна попала в руки разоряющих ее безнравственных людей (эта апелляция к нравственности и справедливости тоже является этапом по пути развития пролетарского мировоззрения, если мы вспомним, что Северный союз ссылается еще на учение Христа, как на один из аргументов).

В близком будущем полностью осуществить эту программу, добиться полной свободы и прочного счастья народа невозможно. Причиной тому является духовное наследство, которое получил народ в результате продолжительного царского гнета. С другой стороны, враги народа—правительство, помещики, фабриканты, купцы,—все, кто живет за счет народа, добровольно не откажутся от своих привилегий. Если они иногда и высказывают заботу, то лишь постольку, поскольку и хозяин заботится о рабочем скоте. Поэтому будет длительная борьба. Поэтому же необходимо раньше и возможно только проведение переходных мер. Эти переходные меры следующие:

«1) Царская власть заменяется народоправлением, т. е. правительство составляется из народных представителей (депутатов); сам народ их назначает и сменяет; выбирая, подробно указывает, чего они должны добиваться, и требует отчета в их деятельности. 2) Вся страна по характеру и условиям жизни населения делится на области, самостоятельные во внутренних своих делах, но связанные в один общественный союз. Внутренние дела области ведаются областным управлением, дела же государственные—Союзным правительством. 3) За каждой нацией признается право на отделение от государства. 4) Самоуправление общины—сел, деревень, пригородов, заводских артелей и т. п. 5) Вся земля переходит в руки рабочего народа и считается народной собственностью. Каждая от-

дельная область отдает землю общинам или отдельным лицам, но только тем, кто сам занимается обработкой ее. Никто не в праве получить больше того количества, которое он сам в силах обработать. По требованию общины устанавливаются переделы земли. 6) Заводы и фабрики объявляются народной собственностью и *отдаются в пользование заводских и фабричных общин;* доходы с них принадлежат *этим общинам.* 7) *Государство* издает *правила,* указывая, как должны быть устроены фабрики и заводы, чтобы не вредить здоровью и жизни рабочих, определяя количество рабочих часов для мужчин, женщин и пр. 8) Пассивное и активное избирательное право в местные и центральные органы принадлежит каждому совершеннолетнему. 9) Признается свобода религии, слова и печати, собраний, организации общин, артелей, союзов, ассоциаций. 10) Вводится бесплатное и доступное всем образование. 11) Постоянная армия заменяется народным ополчением, с обучением каждого военному делу без отрыва от занятий на месте с созывом по установлению закона. 12) Учреждается государственный русский банк с отделениями в разных местах России для поддержки и устройства фабричных, заводских, земледельческих и пр. общин, артелей и союзов.

Такова, очевидно, в развернутом виде та программа, осуществления которой партия «Народной воли» обязывалась добиваться через Временное правительство и через созванное им Учредительное собрание. Если в программе ИК говорится просто о принадлежности земли народу и о передаче в руки рабочих всех фабрик и заводов, то по программе рабочих членов «Народной воли» фабрики и заводы передаются в пользование фабрично-заводских общин, объявляясь, повидимому, государственной собственностью. Впрочем, на этот счет нет прямых указаний, а положение, что доходы с них принадлежат общинам, говорит скорее о бакунистско-прудонистском понимании социализма. Во всяком случае охрана и регулирование труда на фабриках принадлежат государству, и в этом вопросе «Народная воля» идет дальше Северного союза, который требовал только ограничения числа рабочих часов и запрещения детского труда (о запрещении детского труда «Народная воля» не говорит, но это, как известно, не является шагом назад: аналогичное требование Маркс считал неверным).

Пользование землей предоставляется как общинам, так и отдельным лицам, т. е. допускается, в качестве переходной меры, и индивидуальная обработка земли. Как один из рычагов социалстического переустройства выдвигается учреждение государственного банка в целях субсидирования производительных общин и артелей. Утопическое само по себе, это требование в значительной степени теряет свои утопические черты, если рассматривать его в связи с другими мероприятиями, направленными к социалистическому переустройству. Наконец, широкая программа намечается и в области политической реформы,—федеративное устройство с широкой автономией областей и с союзным правительством во главе государства. За отдельными нациями признается право на отделение.

Вся эта программа, говорится дальше, может быть осуществлена лишь при условии, если рабочие будут бороться за нее в союзе с крестьянами, «потому что *главная сила не в них (рабочих), а в крестьянстве*».

Дальше излагаются уже известные нам по другому документу (подготовительная работа) указания о постановке массовой работы среди рабочих. Любопытно, что здесь говорится об организации кружков среди крестьянства, хотя эта мысль не подвергается подробному развитию. На предприятиях защита экономических интересов рабочих должна переплетаться с политической борьбой: «пользуясь уважением и любовью рабочих, члены кружка поддерживают бунтовской дух в рабочей среде, устраивают, где нужно, стачки против фабрикантов и готовятся к борьбе с полицейскими и правительственными властями, всегда стоящими за фабрикантов».

Наконец, в последнем разделе программы говорится о необходимости подготовки к вооруженному восстанию, которое может быть начато только партией, о выделении партией отряда, дезорганизующего правительство, о необходимости частные волнения объединить в одно общее восстание и об организации восставшим народом временного революционного правительства «из рабочих или лиц, известных своей преданностью народному делу».

4. НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Я считал необходимым подробно изложить, поскольку позволяют рамки журнальной статьи, взгляды народничества, по возможности, словами документов. Мне представлялось это необходимым потому, что в наше время старые народнические материалы не переиздавались, и многие из современных авторов черпают представление о народнической идеологии преимущественно из Плеханова и других меньшевистских источников. Между тем, для того чтобы оценить то или иное историческое явление, надо знать факты,—азбучная истина, но, к сожалению, о ней приходится напоминать. К каким же выводам обязывает нас материал?

Прежде всего необходимо, разумеется, признать, что народники ошибались в основном вопросе: революция, которую они ждали в 70-х годах, произошла только через полстолетие. Мало того: эта революция совершилась в совершенно иной исторической обстановке. Не подлежит также сомнению, что, если бы революция произошла в 70-х годах, она привела бы не к коммунизму, а к полоному торжеству капитализма. Однако отсюда вовсе не следует, что народники были буржуазными или мелкобуржуазными идеологами-утопистами. Мы помним заявление «Народной воли»: социалисты должны взять на себя разрешение тех задач, которые на Западе решены буржуазией. Выясняя классовый характер той или иной политической группы, историк должен учитывать, главным образом, следующие моменты: 1) на какие общественные силы опиралась

партия, 2) какие классы или группы ее поддерживали, 3) каково содержание ее идеологии и программы. Начнем с последнего.

По своим взглядам народники—и народовольцы в том числе—были социалистами: социализм они считали конечной целью своей борьбы. От социалистов-утопистов они далеко ушли вперед, прекрасно понимая, что социализм нельзя осуществить мирным путем, путем проповеди. Народники были революционерами,—по-своему они готовили революцию. Народничество развивается под непосредственным влиянием марксизма, оно усвоивает многое (но далеко не все) из научного социализма. Так, народники понимают закономерность общественного развития: они знают, что революцию нельзя «сделать» по заказу, в любой момент,—революции подготовляются всем ходом исторического развития. Они знают, что в основе этого развития лежит экономика, что объективные условия для социализма подготовляются капитализмом. Двигателем истории, по их мнению, являются массы, народ, отсюда лозунг: все для народа—все через народ.

Усвоив, таким образом, целый ряд основных положений научного социализма, испытывая непосредственное влияние Маркса, народники и народовольцы могли притти к таким взглядам на самый процесс революции, которые пережили их авторов и будут занесены в идейный инвентарь пролетарской революции в качестве ценного наследства. Таков, прежде всего, взгляд о некапиталистическом пути развития докапиталистических общественных форм. Трудно сказать, кому принадлежат здесь «авторские права»: Марксу—Энгельсу или русским народникам,—во всяком случае, уже в 1879 г. Энгельс формулирует эту мысль вполне четко и определенно (в брошюре о Ткачеве).

То же следует сказать о захвате власти и идее переходного государства, о роли революционного государства в революции: этим учением народники обязаны, повидимому, также Марксу, от Маркса они заимствовали их и по-своему переработали, детализировали. Ясно, что мы не найдем у народников диктатуры пролетариата: скорее у них речь шла о диктатуре рабочих и крестьян, поскольку эти две категории ими отождествлялись. Ограниченные историческими рамками пореформенной России, в которой далеко еще не было закончено формирование основных классов буржуазного общества и прежде всего—пролетариата, народники не могли усвоить взгляда на коммунистическую революцию как на высшее проявление *классовой* борьбы *пролетариата*. В стране, где едва только зарождалась крупная капиталистическая индустрия, не могло быть, понятно, и речи о роли крупной индустрии в процессе революционной перестройки страны на социалистических началах. Однако это вовсе не значит, что народовольческое переходное общество было переходным обществом только мелких производителей: переходное общество народников—это кооперативный социализм на основе высшей техники, строящийся под руководством социалистического государства и при поддержке проле-

тарской революции Запада, с которой они связывали революционные перспективы в России. На какой класс опиралось народничество?

Вначале это было крестьянство, не превратившееся еще в мелкую буржуазию, в мелких товаропроизводителей. Но уже в самом начале 70-х годов народничество устанавливает тесные связи с рабочим движением. Известна пропаганда чайковцев, затем группы Алексеева—Бардиной, лавристов, землевольцев. Плеханов в своих воспоминаниях и в «Наших разногласиях» совершенно определенно указывает, что Северно-русский союз возник на почве пропаганды лавристов. Южно-русский союз—детище народнического кружка Заславского. Сравнительно широко ставит работу среди городских рабочих «Народная воля», а за ней—«Черный передел». Первые программы рабочих организаций вырабатываются под руководством народников,—свидетелем этому служат народнические черты в уставе Южного союза и в программе Северного. Под руководством народников вырабатываются первые классовые требования пролетариата. Народники возглавляют рабочее движение, для того чтобы руководить им. В эпоху «Народной воли» рабочая организация рассматривает себя, как составную часть социалистической партии, органически сливаясь с «Народной волей». Рассматривая в начале рабочих как подсобную силу крестьянской революции, народники к концу 70-х годов постепенно начинают придавать рабочим самостоятельное значение: рабочая группа «Н. В.», будучи частью партии, имеет самостоятельную программу. По мере развития рабочего движения и классовой борьбы в русском *буржуазном* обществе социальная база народничества передвигается в сторону пролетариата. Под влиянием рабочего движения изменяется и народническая теория: начав с отождествления рабочего и крестьянина, народники постепенно улавливают разницу. Раньше они определяют ее в пользу крестьянина: по мнению землевольцев, буржуазный город «развращает» рабочего. Позже (народовольцы, а за ними—как и во всем—чернопередельцы) работу среди рабочих они считают главнейшим видом массовой работы. Создаются рабочие организации, вырабатываются—наряду с общереволюционными—классовые рабочие требования (программы рабочих членов «Н. В.). Осознание практики рабочего движения завершается к половине 80-х годов, к моменту перехода к марксизму. Здесь необходимо ответить еще на один вопрос: какие классы поддерживали народничество—народовольчество?

Мы знаем, как крестьянство относилось к народнической пропаганде. Когда народники в народ ходили, крестьяне с увлечением, доходившим до восторга, слушали рассказы о малоземелии, о притеснении помещиков, о прирезке земли и т. п.,—они полностью поддерживали демократические требования народников. Но как только дело доходило до социализма, они слушали, как слушают сказку: по пословице—не любо—не слушай (см. многочисленные данные в воспоминаниях Аптекмана, Дейча и др.). Поддерживая демократические, аграрные требования народников, крестьяне индиферентно, а то и враждебно относились к социалистической части программы своих идеологов.

Ну, а как относилась буржуазия? Несомненно, она сочувствовала политической борьбе народовольцев и готова была поддержать их «конституционные» требования. Но... послушаем авторитетное свидетельство Плеханова. Надо полагать, когда он писал нижеприведенные драгоценные строки, он аргументировал не только от формальной логики: чуткий наблюдатель, он черпал аргументы из жизни. А говорил он следующее, укрепляя народовольцев в утопизме: «Единственно не фантастическою целью русских социалистов может быть теперь *только* завоевание свободных политических учреждений, с одной стороны, и выработка элементов для образования в *будущем* рабочей социалистической партии России — с другой. Они должны выставить требования *демократической конституции. Не пугая никого далеким пока «красным призраком»*, такая политическая программа вызвала бы к нашей революционной партии сочувствие *всех не принадлежащих к систематическим* противникам демократии: вместе с социалистами *под ней могли бы подписаться очень многие представители нашего либерализма*» (см. Плеханов, Собр. соч., т. II, стр. 83. Курсив мой.—*А. Р.*).

Следовательно, буржуазия могла бы поддержать *только* требование «свободных политических учреждений»,—не республики даже—это, вероятно, «испугало» бы почтенного росейского обывателя,—а всего лишь конституции под эгидой монарха. Это было высказано Плехановым в 1883 г. А через год другой Плеханов подробно мотивирует, почему либеральный буржуа не может поддержать народовольческой программы. Он говорит, что во Франции, напр., буржуазия приобретала «мужество», когда пролетарий одерживал победу на баррикадах и преподносил на блюдечке власть просвещенным либералам. Между тем, говорит Плеханов, «наше общество» (буржуазное.—*А. Р.*) *не может еще* рассчитывать на такую поддержку. Оно не знает даже, *на кого направит свое ружье рабочий-инсургент:* на защитников абсолютной монархии или на сторонников политической свободы. Отсюда ее (т. е. буржуазии.—*А. Р.*) робость и нерешительность, отсюда овладевшее ею (т. е. буржуазией.—*А. Р.*) теперь тяжелое и безнадежное уныние» (там же, стр. 344. Курсив мой.—*А. Р.*).

Итак, по свидетельству Плеханова, народовольческим инсургентом может быть только или прежде всего рабочий и уже никак не либеральный буржуа. Он, конечно, поддержит революцию, но для этого надо подальше спрятать «красный призрак». Очевидно, только рабочий и мог до конца поддерживать народническую—народовольческую программу. Знаменателен тот факт, что пролетарский авангард вливается в народовольческую организацию. О чем же это свидетельствует?

Мне думается, что все это неопровержимо говорит о том, что в революционном народничестве не только крестьянство имело своего идеолога и политического вождя. Крестьянский (не мелкобуржуазный) социализм—по мере диференциации крестьянства и развития движения—раскалывается (Ленин): левое крыло эволюционирует в сторону пролетарского социализма, остальная часть—в сторону мелкобуржуазного мещанского ра-

дикализма. Но еще в народнической, наполовину утопической, стадии социалистического движения в социализме отражаются чаяния и стремления пролетариата. Не столько крестьянству, сколько пролетариату обязано народническое движение широким и интенсивным характером.

Думается, что некоторое подтверждение этому мы находим и в цитированном уже предисловии Маркса к русскому переводу «Коммунистического манифеста». Предисловие начинается следующими словами: «Первое русское издание «Манифеста коммунистической партии» появилось в начале 60-х годов, в переводе Бакунина (изд. «Колокола»). В то время Запад мог смотреть на русское издание «Манифеста» только как на литературный курьез; *в настоящее время такой взгляд невозможен*» (курсив мой.—*А. Р.*).

Невольно возникает вопрос: почему в 60-х годах издание «Манифеста» было не более как «литературным курьезом», а через 20 лет такой взгляд уже невозможен? Какие изменения произошли за это время? В России народилось мелкобуржуазное радикальное или мещанское движение? Но ведь «Коммунистический манифест» предназначался не для мещанского (и даже не для крестьянского только) «социализма».

Дальше Маркс говорит: «На какую ограниченную территорию распространялось тогда (1847 г.) *пролетарское движение*, яснее всего доказывает заключительная глава «Манифеста»—«Об отношениях *коммунистов* к различным оппозиционным партиям в разных странах». *В ней совершенно не упоминается о России и Соединенных штатах*» (курсив мой.—*А. Р.*).

Как мы видим, Маркс совершенно определенно вскрывает разницу между 40 и 60 годами, с одной стороны, и 70—80 годами—с другой: *тогда* не было в России пролетарского движения, *тогда* не имело никакого смысла говорить об отношении *коммунистов* к оппозиционным партиям в России. Развивается рабочее движение, зарождается политическая партия, которая отражает классовые интересы пролетариата и берет на себя руководство пролетарским движением. Можно ли думать, что Маркс противопоставляет рабочее движение народовольчеству? У нас нет никаких оснований для этого. Наоборот, и личные отношения Маркса с народовольцами, и письмо к В. Засулич и др. письма с несомненностью подтверждают, что именно в «Народной воле» Маркс видел выразителя зарождающегося рабочего движения в России. Что же удивительного, если его идеологи, будучи в то же время и идеологами (немелкобуржуазного) крестьянства (поскольку пролетариат не вполне отдифференцировался от последнего), могли по целому ряду вопросов высказать такие положения, которые оказались в близком родстве с большевизмом?

Это отнюдь не значит, что большевизм произошел *непосредственно* от «Народной воли». Заслуги группы «Освобождение труда» огромны. Их только не надо преувеличивать, как не следует преувеличивать и народовольческого наследства. Не надо забывать также и меньшевистских «зародышей» в той группе, которая первой назвала себя марксистской. Но эти вопросы выходят за пределы настоящей статьи. А. Рындич

КАК НЕ СЛЕДУЕТ ПИСАТЬ О РЕВОЛЮЦИОННОМ НАРОДНИЧЕСТВЕ И НАРОДОВОЛЬЧЕСТВЕ

(Ответ т. Рындичу)

I.

Нам кажется, что не у одного читателя «Пролетарской революции» после прочтения статьи т. Рындича появится вопрос: почему редакция поместила эту статью? И все же мы находим, что статью следовало напечатать. Почему? Да потому, что она полностью разоблачает всех ставших на путь ревизии взглядов Ленина на коренной вопрос оценки революционного народничества—на вопрос о социальных корнях последнего.

Как читатель уже видел, первая глава статьи т. Рындича идет под заголовком—«Маркс, Энгельс и Ленин о народничестве». Но что же привел т. Рындич из высказываний Ленина на этот счет? Он приводит лишь одну мысль Ленина о том, что следует разграничивать революционное народничество, с одной стороны, и легальное народничество эпигонов—с другой. Конечно, эта мысль очень существенна для понимания всей ленинской постановки вопроса о народничестве. Но т. Рындич этим одним и ограничился. Больше того, в этом лишь одном он видит суть расхождений ленинской и плехановской оценки народничества. Между тем комплекс проблем, связанных с разногласиями Ленина и Плеханова, по вопросу об оценке народничества гораздо шире и глубже. Но в данном случае нам важно отметить, что, делая одну эту ссылку на Ленина по вопросу о разнице между революционным и легальным народничеством, т. Рындич в дальнейшем ни словом уже больше не упоминает Ленина. Это объясняется тем, что если бы т. Рындич стал делать ссылки на высказывания Ленина, он очутился бы в крайне неприятном положении... Ибо точка зрения, развиваемая т. Рындичем по основному вопросу о классовой природе революционного народничества 70-х годов, целиком расходится с точкой зрения Ленина на этот вопрос.

Не будучи в состоянии опереться на высказывания Ленина, т. Рындич прибегает для защиты своей в корне неправильной точки зрения к высказываниям Маркса и Энгельса. Посмотрим, насколько тут повезло т. Рындичу.

Тов. Рындич выступает, во-первых, «против широко распространенного предрассудка», будто «увлеченный» героической борьбой «Народ-

ной воли» Маркс «на минуту» поддался народническим иллюзиям на счет русской общины». По его мнению, эта «минута» длилась в течение целого ряда лет». Он считает, во-вторых, также неверным, «будто взгляд Маркса сложился под влиянием односторонней и тенденциозной информации его друзей—народовольцев». Наоборот, взгляд Маркса на русскую общину «это результат длительного и тщательного изучения пореформенной России по разнообразным первоисточникам». Итак, все, по мнению т. Рындича, свидетельствует о том, что Маркс, «всерьез и надолго» разделял «народнические иллюзии» на счет общины. Понятно после этого, почему т. Рындич так ополчается против автора этих строк за то, что он имел смелость в статье «Маркс и Энгельс о народническом социализме в России» [1] выступить против этого неверного взгляда, который впрочем защищался легальными народниками и разделяется и теперь народниками—эсерами и неонародниками [2].

Если бы был верен взгляд т. Рындича и других о том, что точка зрения Маркса и Энгельса полностью совпадает с народническими иллюзиями, то отсюда следовало бы, что по данному вопросу они отказались от своего материалистического метода анализа общественных явлений. В действительности конечно ничего подобного не было. Вопреки мнению т. Рындича, Маркс и Энгельс не давали категорического ответа по вопросу о жизнеспособности русской общины [3]. Это следует как из письма в редакцию «Отеч. записок», письма к В. Засулич, так и из ряда других их высказываний. Совершенно голословным является утверждение т. Рындича, что Маркс и Энгельс считали вполне достаточными свои знания об экономическом состоянии России. Так, например, в письме от 22 октября 1883 г. Энгельс говорит: «чтобы составить себе правильный взгляд

---

[1] «Пролетарская революция» № 12 за 1929 г., стр. 31 и дальше.

[2] Тов. Рындич очень недоволен тем, что, придя к выводу, на основании анализа самых высказываний Маркса и Энгельса, о несовпадении их взглядов со взглядами народников на пути развития России, мы ничего не сказали о взглядах последних по данному вопросу. Он даже видит в этом «своеобразную историческую методологию у некоторых наших «молодых» историков. Но почему он так думает, никому не известно. Почему нельзя, ограничив свою задачу, изложить взгляды основоположников научного социализма по данному вопросу, чтобы каждому мало-мальски знакомому с основами народнической идеологии и ленинской ее оценкой, ясно было, насколько правилен наш вывод о том, что пора «покончить с легендой о якобы «народнических взглядах» Маркса и Энгельса на пути развития России»?

Правда, такой «немолодой» историк, как т. Рындич, разделяет по этому вопросу другой взгляд, взгляд,—по нашему мнению, глубоко ошибочный, но это уже другой вопрос. Причем же тут «своеобразная методология» некоторых «молодых» историков?

Уже совсем плохо обстоит дело с другим обвинением т. Рындича, будто мы умудрились свалить в одну кучу и белогвардейца Зензинова и Суханова и «народовольцев». Это, мягко выражаясь, очень произвольный метод изложения чужих взглядов.

[3] Мы уже ссылались в нашей статье на соответствующее место у Ленина, из которого видно, что он так и ставил вопрос. Ознакомление с высказываниями Маркса и Энгельса подтверждает правильность постановки вопроса Лениным. (См. «Прол. рев.» № 12 (95) стр. 40). Между тем т. Рындич, как по остальным вопросам, затрагиваемым им в своей статье, обходит это место полным молчанием.

на внутренние экономические условия страны, надо много работать[1]. Известно, что Маркс довольно интенсивно занимался аграрными отношениями в России, но работу далеко не закончил. (Я уже не говорю о качестве полученного ими материала). Поэтому Маркс и Энгельс, как мы уже указывали, могли ошибаться или переоценивать тот или иной отдельный факт, ту или иную частность, но постановка ими вопроса о путях развития России, в том числе о роли общины, была правильна и вполне укладывалась в рамки их научной теории.

Ошибка т. Рындича состоит в том, что он, по нашему мнению, не разобрался как следует в самой постановке вопроса Марксом и Энгельсом. Не желая повторять то, что мы уже писали в вышеуказанной статье, ограничимся лишь следующей цитатой из нее: «Из этой постановки (Маркса и Энгельса) следует, что они видели, как капиталистическое развитие России, начавшееся после реформы, приведет к гибели общины. Но при известных условиях дело может происходить иначе. Если община удержится и сохранит способность к переходу от индивидуальной к общественной обработке земли до совершения пролетарской революции на Западе, которая доставит крестьянину в России предварительные условия, необходимые для такого переворота, то тогда путь развития России может быть иным, т. е. она может миновать капиталистическую фазу развития. Маркс и Энгельс ставят, таким образом, проблему некапиталистического развития отсталых стран при помощи победившего пролетариата в более передовых капиталистических странах. Что касается России, то вопрос заключался в том, чтобы путем конкретного анализа русской действительности выяснить, каково настоящее положение общины, насколько далеко Россия подвинулась по пути своего капиталистического развития и т. д.»[2].

Правильно ли такое понимание высказываний Маркса и Энгельса? Нам думается, что только так можно и нужно их понимать. Подтверждение этих взглядов мы находим и у Энгельса в его позднейших высказываниях. В письме к Н.—ону от 24 февраля 1893 г. мы читаем: «Несомненно, что земля, община и до некоторой степени артель заключали в себе некоторые зародыши, которые, при известных условиях, могли бы развиваться и спасти Россию от необходимости пройти через муки капиталистического режима. Я вполне подписываюсь под письмом нашего автора по поводу статьи Жуковского. Но и по его мнению и по моему, первое условие, требовавшееся для этого, заключалось в наличности некоторого толчка извне,—в изменении капиталистической системы Европейского Запада, в уничтожении капиталистической системы в тех странах, где она получила свое начало»[3]. А в другом письме (17/X 1893 г.) он говорит: «если бы Запад Европы был достаточно зрел в 1860—1870 годах для такого преобра-

---

[1] Летописи марксизма, кн. VII—VIII, стр. 62.

[2] «Пролет. рев.». № 12 (95), стр. 38—39.

[3] Письма Маркса и Энгельса к Николаю-ону, стр. 83.

зования, если бы это преобразование было предпринято тогда Англией, Францией и пр.,—ну, тогда русские были бы в действительности призваны показать, что может быть сделано из их «общины», которая в то время оставалась еще более или менее нетронутой» (там же, стр. 86). Вот, с одной стороны, те условия, о которых шла речь у Маркса и Энгельса. Говорится о более или менее нетронутой еще общине, которая предполагает очень слабое развитие капитализма в стране. При этом получая только первый толчок извне, т. е. при непосредственной помощи победившего социалистического пролетариата, эти некоторые зародыши, заключенные в еще неразложившейся общине, могли способствовать минованию капиталистического пути развития. Но, с другой стороны, Энгельс не забывает напомнить своему адресату следующее обстоятельство. «Помните,—пишет Энгельс Н.-ону,—что сказал наш автор (Маркс) в своем письме по поводу статьи Жуковского? «Если Россия будет настойчиво итти по тому пути, на который она вступила в 1861 г., то русская крестьянская община должна погибнуть». И вот мне кажется, что как раз теперь его предсказание начинает исполняться» (там же, стр. 66). И еще: «И я боюсь, что нам скоро придется рассматривать вашу общину, как мечту о невозвратном прошлом, и считаться в будущем уже с капиталистическою Россией. Несомненно, что при этом теряется всякий шанс, но против экономических фактов нет и не может быть никакой помощи» (там же). Следовательно, Маркс и Энгельс хорошо учитывали, какие силы нарождаются в самой России, которые подкапываются под самую возможность «шанса», и что против «экономических фактов нет и не может быть никакой помощи». Есть ли тут какие-либо противоречия со всей теорией Маркса и Энгельса? Конечно, нет. Но так ли подходили теоретики народничества к вопросу? Ведь они видели в общине самодовлеющий фактор, в общинных порядках—гарантию социалистического строя, мужика-общинника считали готовым социалистом (Ленин). Но об этом ниже. А сейчас мы хотим отметить, что т. Рындич ничуть не попытался опровергнуть наше понимание постановки вопроса Марксом и Энгельсом. Он лишь придирается к отдельным выражениям, причем иногда совершенно не понимая, о чем идет речь. Так, например, т. Рындич грозно вопрошает, что подтверждает наши сомнения относительно того места в письме Маркса к В. Засулич, где говорится, что община является точкой опоры общественного возрождения России и т. д. Между тем каждому непредубежденному читателю ясно, что речь идет не о сомнениях автора статьи. Речь идет именно о тех, которые подобно т. Рындичу хотят превратить Маркса в народника. Вот почему дальше следует указание, что «нельзя было бы совершить большей ошибки, чем взять приведенное место изолированно от других высказываний Маркса и Энгельса и на его основании сделать те или иные выводы» [1].

Тов. Рындич принадлежит именно к тем, которые и совершают та-

[1] «Прол. рев.» № 12 (95) стр. 41.

кую ошибку. Между тем он не постеснялся даже обвинить нас в искажении взглядов Маркса и Энгельса, «отправным пунктом» для которого якобы явилось выдуманное самим т. Рындичем наше «сомнение». В чем же он видит это искажение? В том, видите ли, что мы писали: «считая крайне важным аграрную и политическую революцию в России, они (Маркс и Энгельс) не считали нужным слишком поспешно разочаровывать русских революционеров той эпохи, будучи уверены, что реальная жизнь покончит со всеми иллюзиями, не имеющими опоры в действительности» [1]. И тов. Рындич нанизывает один на другой вопросы. «В каких же собственно «иллюзиях»,—спрашивает он,—не хотели Маркс и Энгельс разочаровать русских революционеров? В том, что в случае совпадения русской революции с международной крестьянская община может послужить отправным пунктом и т. д. Но ведь такого взгляда придерживался Маркс. Может быть Маркс и Энгельс считали иллюзией взгляд народников о близости русской революции? Но это было твердым убеждением Маркса и Энгельса». Не слишком ли он постарался в искажении чужих мыслей? В своей статье мы указываем, что наряду с перспективой пролетарской революции в Зап. Европе в ближайший период могла иметь место и в действительности имела другая перспектива задержки пролетарской революции на более длинный срок с дальнейшим продвижением процесса капиталистического развития России и распад общины. Но и в этом последнем случае Маркс и Энгельс придавали значение аграрной и политической революции в России, считая, что объективно такая революция будет буржуазно-демократической. Однако именно потому, что они придавали большое значение участникам такой революции, они и не спешили их слишком разочаровывать в иллюзиях, будто эта революция будет социалистической...

Но об этом ли говорит Энгельс, когда он в письме к В. Засулич (23/IV 1885 г.) пишет: «эти люди (народовольцы), взорвавшие мину, будут унесены взрывом, который станет в тысячу раз сильнее их и найдет себе выход, где он сможет и как потребуют экономические силы и условия». Или дальше еще: «Люди, воображавшие, что они сделали революцию, всегда убеждались на следующий день, что они не знали, что делали,—что сделанная революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать» [2].

Но ведь обо всем этом мы писали и в указанной статье.

Приведем еще одно место из статьи т. Рындича. В качестве «ценного наследства» народничества, которое было занесено в «идейный инвентарь пролетарской революции», он считает прежде всего взгляд о некапиталистическом пути развития докапиталистических общественных форм». К этому он присовокупляет: «Трудно сказать, кому принадлежат здесь «ав-

[1] «Прол. рев.» № 12 (95), стр. 57. Как читатель видит, подлинная цитата, приведенная нами, разнится от той, которую дает т. Рындич. Это тоже «своеобразный метод» цитирования чужих авторов.

[2] Группа «Освобождение труда», сб. № 3, стр. 26.

торские права»: Марксу—Энгельсу или русским народникам,—во всяком случае, уже в 1875 году Энгельс формулирует эту мысль вполне четко и определенно (в брошюре о Ткачеве)». Итак тов. Рындич считает учение русского утопического крестьянского социализма о ином пути развития России тождественным с положением научного социализма о возможности миновать капиталистическую фазу развития при помощи победившего пролетариата в передовых капиталистических странах. Ему только «трудно сказать», кому принадлежат «авторские права». Возможно, если придерживаться взгляда т. Рындича, то и программа Коминтерна в этом пункте опирается на утопическое учение народников... И это называется правильной исторической методологией в противовес некоторым «молодым» историкам.

Как видим, попытка тов. Рындича опереться на взгляды Маркса и Энгельса окончилась неудачей. Так же неблагополучно обстоит дело и с анализом самых документов революционного народничества и народовольчества.

II

По вопросу об идейно-политическом багаже революционного народничества и народовольчества мы находим у т. Рындича ряд ошибок и неясностей. Так, в одном месте он указывает, что «идейно-политический багаж «Н. В.» представляет собою частью воспроизводство, частью дальнейшее развитие взглядов Ткачева и Лаврова», а несколько ниже прибавляет, что «для понимания идеологии «Н. В.» и народничества в целом большое значение имеет знакомство со взглядами Лаврова и Ткачева, а также Бакунина». Таким образом, т. Рындич старается как-то уменьшить, отодвинуть на второй план влияние и роль Бакунина как основоположника учения революционного народничества. С какой целью он это делает, мы это увидим ниже. А сейчас заметим лишь, что т. Рындич сам вынужден признать, что «в руководящих землевольческих материалах развиваются, главным образом, взгляды бакунинского анархического социализма». Но ведь руководящие землевольческие материалы и являются одним из главных источников, на основании которого мы только и можем судить об учении революционного народничества. Почему же т. Рындич недоволен тем, что «в сущности критика народничества, которую мы находим в нашей популярной литературе—это прежде всего критика бакунизма?» Если в основе идеологии революционного народничества лежал бакунинский анархический социализм, то что же критиковать, если не этот самый бакунизм? Но тов. Рындич считает возможным допустить это противоречие в своих же собственных высказываниях потому, что он преследует определенную цель. Он хочет доказать, что «именно у Бакунина резко выражено славянофильство. Бакунин доводит до крайних пределов идеализацию крестьянства. Бакунин считает крестьянство вполне созревшим для социальной революции». Дальше он констатирует, что «примитивное понимание Бакуниным соцализма и социалистической революции, непосредственно рож-

дающейся из русской общины, вполне соответствует примитивной идеологии крестьянства. Социализм Бакунина—это крестьянский социализм в полном смысле». А так как т. Рындич расценивает, как мы увидим, совсем иначе социализм народников и народовольцев, то поэтому он сначала постарался, во-первых, преуменьшить роль и влияние Бакунина, а во-вторых, провести резкую грань между примитивным пониманием социализма Бакуниным и «непримитивным» пониманием других идеологов народничества. При этом, как сейчас видно будет, он приукрашивает это понимание социализма Лавровым и Ткачевым. Но насколько соответствует действительности характеристика, данная т. Рындичем, взглядам Бакунина? Каждому знакомому с взглядами Бакунина ясно, насколько т. Рындич, исходя из своей предвзятой схемы, непомерно сгустил краски. Кроме того, что сам Рындич приводит указание Бакунина на три отрицательные черты в характере русского народа, мы еще сошлемся хотя бы на письмо Бакунина к Герцену и Огареву от 19 июня 1866 г., в котором он выступает с резким обличением отрицательных сторон общины и вскрывает ее недостатки. В этом письме Бакунин спрашивает: «Почему эта община, от которой вы ожидаете таких чудес в будущем, в продолжение 10 веков прошедшего существования не произвела из себя ничего, кроме самого печального или гнусного рабства?» Дальше идет описание всех отрицательных сторон, имеющих место в общине. Больше того, Бакунин отмечает и начавшиеся процессы разложения общины. «Всякий мужик побогаче да посильнее других,—говорит Бакунин,— стремится теперь всеми силами вырваться из общины, которая теснит и душит»[1]. И поэтому он и настаивает на том, что следует провести сначала революционное разрушение государства, чтобы таким образом вырвать почву, на которой держится община.

Можно ли после этого говорить о том, что уж столь велика разница между Бакуниным и другими идеологами народничества в отношении обличения отрицательных сторон общины.

Столь же мало оснований говорить, что была принципиальная разница во взглядах на иной путь развития России через общину между Бакуниным и другими идеологами народничества.

Ведь говорил же Лавров в журнале «Вперед», что «наша социальная революция должна выйти не из городов, а из сел». Или в другом месте говорится о том, что если в западно-европейских странах «главный элемент движения—фабричный пролетариат, то в славянских землях (к сведению т. Рындича—и у Лаврова идет речь о «славянских землях»), особенно в России, сельское население имеет совсем иное значение, а потому организация социально-революционного союза должна сообразоваться с особенностью». Мы могли бы и дальше продолжать ряд цитат в таком же духе у Лаврова.

Но вот обратимся к Ткачеву—теоретику русского бланкизма. Не пи-

---

[1] См. Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву, стр. 276—314.

сал ли он в 70-х гг., в «Открытом письме Фридриху Энгельсу» о том, что «наш народ... в огромной своей массе... проникнут принципами общинного владения», что «он (наш народ) является, если можно так выразиться, коммунистом по инстинкту, по традиции». Чем же это отличается от характеристики Бакуниным русского мужика, как «прирожденного социалиста».

Хотим ли мы этим сказать, что Бакунина, Лаврова и Ткачева не разделяли крупные разногласия по ряду вопросов? Отнюдь нет. Мы только хотели показать несостоятельность теории т. Рындича о «примитивном» и «непримитивном» социализме народничества. Мы только хотели показать, насколько правилен тот взгляд, что «вера в особый уклад, в общинный строй русской жизни, отсюда—вера в возможность крестьянской социалистической революции» (Ленин), являлись основным стержнем народнического социализма.

Между тем тов. Рындич всячески старается приукрашивать взгляды Лаврова и Ткачева и преувеличивает марксистские элементы в их взглядах, чтобы таким образом облегчить «ликвидацию многочисленных предрассудков насчет идеологии старого народничества». Признавая Лаврова эклектиком, т. Рындич в то же время утверждает, что «нет никаких оснований думать, что эта сторона эклектического лавровского учения в наибольшей степени приковывает внимание революционеров 70-х годов. Во всяком случае не в ней центр тяжести пропаганды редакторов «Вперед». Наоборот, как в газете, так и в журнале «Вперед» развиваются, главным образом, взгляды, заимствованные Лавровым у Маркса».

Но всем, знакомым с фактами о действительности развития революционной мысли 70-х годов, известно, какое огромное влияние оказали «Исторические письма» Лаврова, писания Михайловского и т. д., насквозь проникнутые субъективным методом в социологии и идеалистической теорией о роли «критически-мыслящих личностей». Как же можно смазать такой важный момент при анализе источников народнической идеологии?

Верно, конечно, что в журнале и газете «Вперед» развиваются в большей или меньшей мере и взгляды, заимствованные у Маркса, и что там имелись постоянные отделы, которые знакомили с западно-европейским рабочим движением. Но столь же верно, что эклектический характер идейной и общественной деятельности Лаврова получил свое сильное отражение и в направлении «Вперед» и в пропаганде Лаврова вообще[1]. Помимо того, тов. Рындич упускает из виду один очень существенный

---

[1] Напомним хотя бы статью Энгельса в «Volksstat», в которой немало достается «Другу Петру» (так Энгельс называл Лаврова) за его эклектизм и за его неопределенную позицию в борьбе марксистов и бакунистов в Интернационале. Сам Лавров в письме к Либкнехту пишет о себе следующее: и «Все те, кто следил за моей литературою и политическою деятельностью, могли бы нам сказать, что я никогда не был сторонником полемики между социалистами, что я всегда старался свести ее к минимуму и смягчить ее, насколько только возможно. «Воинствующий материалист», кн. IV, стр. 221.

момент, важный для правильного понимания идейно-политического багажа революционного народничества. Дело в том, что и Лавров и Ткачев и другие писатели из народнического лагеря более или менее воспринимали элементы марксизма, поскольку дело касалось Западной Европы. Но как только речь заходила у них о России, то тут дело представлялось иначе. Россия страна отсталая и поэтому, по мнению Ткачева, тут легко будет повернуть колесо истории в направлении социального переворота; Россия сохранила общинные порядки и поэтому, по мнению Лаврова, тут крестьянское население имеет особое значение и т. д. и т. д. Причины такого взгляда коренились в социально-экономическом состоянии России. Но поэтому-то и следует сохранить историческую перспективу и помнить, о какой конкретной эпохе идет речь.

В этой же связи нам хотелось бы делать еще одно замечание. Достаточно известно, что Плеханов, очень преувеличивал влияние экономического материализма Бакунина, воспринятого им по-своему от Маркса, на эволюцию взглядов землевольцев и чернопередельцев в сторону марксизма. Но все же, когда говорят об элементах марксизма во взглядах Ткачева, Лаврова и т. д. не следует забывать, что и Бакунин считал нужным солидаризироваться с историческою теорией Маркса. Другое дело, что из этого вышло, но для правильной перспективы это необходимо отметить.

III

Таким образом мы видим, что изложение т. Рындичем теоретических основ революционного народничества, как они сложились у его идеологов, страдает рядом существенных пробелов. Теперь обратимся к его изложению взглядов «Народной воли».

С самого начала т. Рындич утверждает, что «у народовольцев мы встретимся при развитии этих взглядов и с такими мыслями, которые чужды были бакунистам-землевольцам: в вопросах об особенностях русского государства, о роли революционного государства, о переходном обществе чувствуется сильное влияние Ткачева». В этом утверждении мы имеем наряду с правильным положением и ошибочные. Верно, что в вопросе о роли революционного государства народовольцы отличались от землевольцев и что тут чувствуется сильное влияние Ткачева. Но не верно, что в вопросе об особенностях русского государства взгляды народовольцев были чужды взглядам бакунистов-землевольцев. Основная мысль народовольцев, что «история создала у нас, на Руси, две главные самостоятельные силы: народ и государственную организацию» («Н. В.» № 2), есть землевольчески-бакунинская мысль. То же самое относится и к мысли о том, что главным виновником экономического и политического рабства народа является русское государство. Но затем начинаются разногласия. В то время как бакунисты-землевольцы стояли на точке зрения полного разрушения всякого государства, народовольцы, которые в данном вопросе шли за Ткачевым, поняли, какую роль государственная власть может

сыграть в руках революционеров. В связи с этим находятся и разногласия в понимании роли политической борьбы и т. д. В общем следует сказать, что в вопросе о совпадении или несовпадении некоторых взглядов землевольцев и народовольцев у т. Рындича имеется ряд неясностей и неточностей.

В дальнейшем т. Рындич проводит ряд выписок из народовольческих документов, считая это особой заслугой ввиду того, что «многие из современных авторов черпают представление о народнической идеологии преимущественно из Плеханова и других меньшевистских источников». «Между тем,—продолжает т. Рындич,—для того, чтобы оценить то или иное историческое явление, надо знать факты,—азбучная истина,—но, к сожалению, о ней приходится напоминать». Что же можно было бы иметь против такого благого намерения? Можно было бы его только приветствовать. Но давно уже сказано, что благими намерениями ад вымощен. Мы видели уже из изложенного, что и с фактами у т. Рындича не всегда благополучно обстоит дело. Но гораздо хуже, что т. Рындич не умеет и правильно, по марксистски-ленински, объяснять эти факты. Чтобы видеть, как справился т. Рындич с этой последней задачей, мы начнем с его выводов и проследим, насколько они вытекают из приводимых им фактов.

Исходной точкой для своих выводов т. Рындич берет следующие положение: «Выясняя классовый характер той или иной политической группы, историк должен учитывать, главным образом, следующие моменты: 1) на какие общественные силы опиралась партия, 2) какие классы или группы ее поддерживали 3) и каково содержание ее идеологии и программы». Иначе говоря мы должны проследить, к каким итогам приходит тов. Рындич в отношении содержания народнической идеологии и ее социальных корней. По первому пункту т. Рындич доказывает, что народники и народовольцы были социалистами, а не мелко-буржуазными идеологами-утопистами. «От социалистов-утопистов они далеко ушли вперед, прекрасно понимая, что социализм нельзя осуществить мирным путем, путем проповеди... Народничество развивается под непосредственным (а факты, т. Рындич?—*М. П.)* влиянием марксизма, оно усваивает многое (но далеко не все) из научного социализма... Они знают, что в основе этого развития (исторического.—*М. П.*) лежит экономика, что объективные условия для социализма подготовляются капитализмом (это тоже, очевидно, называется у тов. Рындича правильной передачей фактов?—*М. П.*)... То же следует сказать о захвате власти и идее переходного государства, о роли революционного государства в революции. Этим учением народники обязаны, повидимому (!?), также Марксу, от Маркса они заимствовали их и по своему переработали, детализировали. Ясно, что мы не найдем у народников диктатуры пролетариата: скорее у них речь шла о диктатуре рабочих и крестьян, поскольку эти две категории ими отождествлялись»... Дальше т. Рындич не согласен, «что народовольческое переходное общество было переходным обществом только мелких производителей: переходное общество народников—это кооперативный социализм на основе выс-

шей техники». Вот словами самого т. Рындича то содержание, которое он нашел в учении народников.

Говорят, что «смелость города берет», но та «смелость», с которой подошел т. Рындич к определению содержания народнического социализма, превращается в каррикатуру на историческое исследование.

Мы уже выше указали, что основной и определяющий стержень народнического социализма—это вера в особый уклад русской жизни, вера и возможность крестьянской социалистической революции. Мы также видели (и отчасти вынужден с этим согласиться, несмотря на все свои манипуляции с фактами, и т. Рындич), какую роль сыграли в формулировании народнической и народовольческой идеологии бакунинский анархизм, эклектические и в значительной степени идеалистические элементы теории Лаврова и ткачевизм (русский бланкизм). Не менее ясен вопрос и тогда, когда мы обращаемся к самой литературе партии «Народной воли». Возьмем хотя бы и те выписки, которые приводит сам т. Рындич. Что из них вытекает?

А вытекает то, что к определению как государства вообще, так и русского государства в частности народовольцы подходят идеалистически. Они не умели правильно разрешить вопрос о классовой природе русского государства. Они вообще не умели определить характер отдельных классов и роль каждого из них в общественном процессе. Они представляли экономический и политический переворот как единовременный акт и, конечно, не в состоянии были разрешить проблемы революции с точки зрения ее отдельных этапов и т. д. и т. п. А тов. Рындич старается навязать читателю мысль о том, что своим решением таких основных и важнейших вопросов теории народники и народовольцы обязаны Марксу и основаны на выводах научного социализма.

Но остановимся на отдельных утверждениях т. Рындича. Он хочет доказать, что народники и народовольцы не были утопистами или далеко ушли вперед в сравнении с последними, или были полуутопистами, потому что понимали, что социализм нельзя осуществить мирным путем. Но разве это единственный признак утопизма? Между тем тов. Рындич даже не пытается проанализировать причины, почему народники и народовольцы стояли за революционный путь. Чтобы смазать утопический характер учения народников, т. Рындич прибегает к разным уловкам и произвольным толкованиям. Видите ли, программа народовольцев близка «обычному типу программе-минимум соц. партии», но вот имеются и один—два пункта, которые «задевают основы капиталистического строя», это не более и не менее как «передача в руки рабочих фабрик и заводов и отчасти передача земли народу». Тов. Рындич прав, когда говорит, что последняя мера и не является социалистической, но он упускает из виду, что народники смотрели на это, как на меру социалистическую. Поэтому ясно, что разграничивать программу-минимум и максимум народовольцы (как и народники) не умели. В другом месте мы читаем у т. Рындича следующее: «по программе рабочих—членов «Н. В.» фабрики и заводы передаются

в пользование фабрично-заводских общин, объявляясь, повидимому, государственной собственностью. Впрочем, на этот счет нет прямых указаний, а положение, что доходы с них принадлежат общинам, говорит скорее о бакунистско-прудонистском понимании социализма». Что касается конца цитаты, то мы предоставляем уже самому т. Рындичу как-нибудь выпутаться из этого собственного своего противоречия, когда, с одной стороны, он всячески хочет смазать утопический характер народнического социализма, а с другой, утверждает, что народовольцы разделяли бакунистско-прудонистское понимание социализма. Но и относительно того, как понимали народовольцы передачу фабрик и заводов, не может быть сомнений. Так, например, в прокламации «Русскому рабочему народу» народовольцы пишут, что «новое правительство должно будет... фабрики и заводы отдать рабочим артелям».

Чтобы еще больше оттенить, как обстояло дело с пониманием социализма у народовольцев, мы приведем следующее место из статьи «Чего нужно добиваться рабочему?» в № 3 «Рабочей газеты»: «Деньги-то сами по себе не вредят рабочему человеку, вредят они потому, что находятся в руках бар да заводчиков, которые забрали себе все лучшие земли, понастроили заводы и фабрики и при помощи их до ниточки обирают рабочий народ». Это, кажется, должно нам помочь правильно толковать и понимание народовольцами пункта о государственном банке, который фигурирует в программе рабочих народовольцев. Они понимали это, как мелкобуржуазные социалисты-утописты.

Дальше у тов. Рындича следует положение о том, что народники и народовольцы знали, что объективные условия для социализма подготовляются капитализмом. Поистине нельзя быть в большем противоречии с историческими фактами, чем это выходит у т. Рындича. Известно, что народники и народовольцы видели только отрицательные стороны капитализма и не понимали его положительной роли в смысле подготовки условий для социализма, что они стремились помешать развитию капитализма, который возник и держался по их мнению лишь благодаря самодержавию и т. д., а тов. Рындич утверждает противоположное этим фактам.

«В Европе,—читаем мы в статье Граньяра (Михайловского) в № 2 «Народной воли»,—политическая свобода была провозглашена уже после того, как сложилось крепкое, организованное умственно и материально сильное третье сословие. В этом горе Европы и урок им. У нас политическая свобода должна быть провозглашена прежде, чем буржуазия настолько сплотится и окрепнет, чтобы не нуждаться в самодержавном царе и его эманациях. Такая минута наступит. Буржуазия, вырастая под сенью царской порфиры, разорвет ее в клочки, и что вы скажете тогда на неподкупном суде истории? Отстраняясь от политической борьбы, задержали ли вы развитие буржуазии? Нет, вы помогли ему, потому что чем самодержавнее исправник, тем легче кулаку грабить».

Или вот в № 6 «Н. В.» (передовая) мы читаем: «Русский буржуа остается до сих пор хищником; капитализм как система производства

не имеет у нас даже будущности и выражается не в социализации труда, а просто в разобщении народа от орудий труда. Так что наша буржуазия представляет только *кулачество* и не может иметь в народе другой силы, кроме чисто материальной».

А во второй передовой того же номера «Н. В.» делаются и соответствующие выводы. «Мы присутствует,—говорится там,—при самом разгаре борьбы между народным общинно-социалистическим строем и государственно-буржуазным... Обладание государственною властью вообще делается у нас главным условием победы для каждой из обеих сторон». Итак, хотя капитализм только начал складываться, при том в самых хищнических своих формах, но если государственная власть перейдет в руки народа, то победа «общинного социалистического строя обеспечена». Как видим, факты говорят совсем противоположное тому, в чем хочет нас уверить т. Рындич.

Чтобы покончить с этой частью статьи т. Рындича мы еще остановимся на вопросе о «переходном государстве». Как мы уже указали, т. Рындич утверждает, что и эту идею народовольцы позаимствовали у Маркса. Однако особенно любопытно, как т. Рындич выводит это «переходное государство» из самых документов «Н. В.» По этому поводу т. Рындич пишет: «так как мы уже знаем, что народные «мужицкие» идеалы не вполне совпадают с социализмом, то отсюда вытекает, что после революции будет создан такой общественный строй, который является лишь некоторым приближением к социализму. Таким образом, мы снова встречаемся с мыслью о создании типа переходного государства». Вероятно, т. Рындич совсем не знает или делает вид, будто не знает о том, что в этом состоял «компромисс» при составлении программы еще «Земли и воли». Дело в том, что во время «хождения в народ» народники убедились, как «туго» воспринимает пропаганду «чистого социализма» мужик. А так как несмотря на это вера в «социалистичность» общинного строя все же держалась крепко, то и решили довольствоваться пока «социализмом», понятным народу, и пропагандировать такой общественный строй, который, по выражению т. Рындича, «является лишь некоторым приближением к социализму», и что на самом деле означало «американский» путь капиталистического развития России.

Переходной период в народническом понимании очень далек от марксистской трактовки этого вопроса. «Государство, т. е. организованный в господствующий класс пролетариат,—эта теория Маркса,—говорит Ленин,—неразрывно связана со всем его учением о революционной роли пролетариата в истории. Завершение этой роли есть пролетарская диктатура, политическое господство пролетариата» [1].

Правда, тут т. Рындич хочет обойти вопрос тем, что заявляет: «мы не найдем у народников диктатуры пролетариата: скорее (как вам нравится это—«скорее»?!) у них речь шла о диктатуре рабочих и крестьян,

---

[1] «Государство и революция», т. XIV, ч. 2, стр. 317.

поскольку эти две категории ими отождествлялись». Но в том-то и дело, что т. Рындич и ему подобные берут отсутствие диктатуры пролетариата у народовольцев разрознено, отдельно, вне связи «со всем его (Маркса) учением о революционной роли пролетариата в истории» и потому в основном делают аналогию, которые стирают принципиальную грань между учением пролетариата и идеологией мелкого производителя.

IV

И тут мы подходим к последнему вопросу о социальных корнях народничества и народовольчества. Как мы уже видели, т. Рындич согласен признать «крестьянским социализмом в полном смысле» только социализм Бакунина. А вот в учении Лаврова уже с особой «полнотой были отражены политические тенденции крестьянства и рождающегося пролетариата».

Что касается народничества и народовольчества, то класс, на который они опирались вначале, было крестьянство, не превратившееся еще в мелкую буржуазию, в мелких товаро-производителей, но «по мере развития рабочего движения и классовой борьбы в русском буржуазном обществе, социальная база народничества передвигается в сторону пролетариата». В общем мысль его сводится к тому, что народничество было идеологией пролетариата и крестьянства (не мелкобуржуазного), иначе говоря—двуклассовая идеология. Из всех попытавшихся в последнее время подойти по иному, чем Ленин, к вопросу о социальных корнях народничества, т. Рындич наиболее последователен и довел свою мысль до логического конца. В народническом социализме «отражаются чаяния и стремления пролетариата... Не столько крестьянству, сколько пролетариату обязано народническое движение широким интенсивным характером... только рабочий и мог до конца (!!) поддерживать народническую-народовольческую программу» и т. д. и т. п.

Только одного нам т. Рындич не объясняет, почему марксистам пришлось вести беспощадную борьбу с народничеством, при этом не только с либеральным народничеством (что даже т. Рындичу понятно), но и со старым народническим социализмом, ведь «вся история русской революционной мысли за последнюю четверть века есть история борьбы марксизма с мелкобуржуазным народническим социализмом». Тов. Рындич не объясняет нам также, почему Ленин писал, что «знаменем движения (народовольцев) служила вовсе не революционная теория» и что «народовольцы сделали шаг вперед, перейдя к политической борьбе, но связать ее с социализмом им не удалось [1]. Наконец, почему т. Рындич не остановился на том, как Ленин определяет социальные корни народничества и народовольчества и насколько это определение совпадает с определением т. Рындича. А т. Ленин ведь определяет классовые корни народничества (народовольчества тоже), как идеологию крестьянства (мелкого товаропроизводителя)

[1] См. Ленин, Сочинения, т. VIII, стр. 360; т. II, стр. 485; т. VII, стр. 63.

и характер народнической утопии объясняет целиком природой этого класса. При этом т. Ленин весьма четко ставит вопрос об объективном содержании народничества, как борьбы за один (более прогрессивный, революционный) из путей капиталистического развития России («американский»).

Но приводит ли сам т. Рындич серьезные соображения в пользу своей отличной от Ленина точки зрения на вопрос о социальной базе народничества? В том-то и дело, что нет. И он не может привести, так как точка зрения, высказанная Лениным, вытекает из правильного научного анализа самих фактов. Правда т. Рындич пытается опереться в своих выводах на Плеханова и на предисловие Маркса и Энгельса к «Комманифесту». Но эти ссылки настолько притянуты за волосы и мало убедительны в данном случае, что не заслуживают внимания. Напомним лишь т. Рындичу, что в той последней главе «Коммунистического манифеста», о котором идет речь в предисловии 1882 г., сказано: «Одним словом, коммунисты поддерживают повсюду всякое революционное движение, направленное против существующих общественных и политических отношений». Вот почему Маркс и Энгельс так поддерживали народовольцев. Какое значение это имело бы для социальной революции в Зап. Европе, мы уже указывали.

Остается еще указать на факт деятельности народников и народовольцев среди рабочих, свидетельствующий, что уже к 80 гг. русская действительность была сильнее народнических утопий и толкала народников на путь деятельности среди рабочих. У землевольцев и у народовольцев, как субъективных революционеров, начинаются известные сдвиги в понимании революционной роли рабочих. Но это не значит, что интересы пролетариата как класса «для себя» были положены в основе идеологии и деятельности народников и народовольцев. Такого качественного перелома не было, поскольку мы говорим о революционном народничестве и идеологии «Народной воли» в целом. Тогда остается в полной силе то, что писал Желябов в своем письме к Драгоманову, что народовольцы исходили «от реальных интересов крестьянства» и признавали «его экономическое освобождение за существеннейшее благо». Перелом в смысле новой классовой ориентации произошел в результате эволюции отдельных групп народников и народовольцев к марксизму на базе дальнейшего развития капитализма в городе и деревне и вместе с этим развития рабочего движения путем полного преодоления утопического народнического социализма и в борьбе с ним. Ибо только марксизм есть единственная революционная теория рабочего класса и только марксизм выражает интересы пролетариата как класса, призванного выполнить всемирно-историческую роль—создать социалистический строй.

В заключение мы хотим еще отметить следующее. Надо раз навсегда поставить четко вопрос, о чем идет спор в настоящей дискуссии об историческом значении «Народной воли». Конечно, не о том, были или не были народники и народовольцы социалистами и революционерами. Вне вся-

кого сомнения, что субъективно они были в значительнейшей своей части социалистами [1]. Однако, основной вопрос сводится к тому, чтобы правильно отметить: какого характера был этот социализм, какие классовые интересы он отражал и какое было его объективное содержание на определенном этапе развития России. Точно так же спор идет не о том, чтобы отметить или не отметить революционные заслуги «Н. В.» и установить или отрицать преемственность ее с последующим революционным движением пролетариата. Также не о том, включил ли большевизм в свою политическую программу те или иные в действительности революционные элементы, содержавшиеся в идейно-политическом багаже «Н. В.». Вопрос идет о том, что следует сохранить историческую перспективу, правильно оценить эпоху, не смазывать глубочайшую принципиальную разницу между революционной теорией пролетариата и идеологией мелкого производителя. С этой точки зрения центр тяжести «наследства» революционного народничества и народовольчества лежит в области демократических требований крестьянства, которое боролось в условиях крепостнического окружения. Следует ли отсюда, что надо отбросить тот факт, что народники и народовольцы резко критиковали капиталистический строй хотя и с мелко-буржуазной точки зрения, или что в их учении содержалась тенденция приобщить трудовое крестьянство к борьбе пролетариата? Конечно, не следует. В свое время это было прогрессивным явлением. Но следует при этом помнить, что в идеологии мелкого производителя все эти проблемы не могли найти своего правильного разрешения. И особенно следует помнить, что и проблема взаимоотношений пролетариата и крестьянства на различных этапах революции могла быть разрешена только на основе научной теории Маркса—Ленина. Только из этой теории, как теории пролетариата, вытекает, что «свержение буржуазии осуществимо лишь превращением пролетариата в *господствующий класс*, способный подавить неизбежное отчаянное сопротивление буржуазии и организовать для нового уклада хозяйства *все* трудящиеся и эксплоатируемые массы» [2] (курсив Ленина).

Вот почему необходимо дать резкий отпор как таким попыткам, которые стремятся возродить в той или иной степени буржуазную и меньшевистскую оценку революционного народничества и народовольчества или умалить их революционные заслуги, так и тем выступлениям тт. из марксистского лагеря, в которых они вздумали отступить от марксистско-ленинской постановки данного вопроса и которые приводят их, хотят они этого или нет, к выводам, политически вредным.

М. Поташ

---

[1] Мы говорим—в значительнейшей своей части, так как имеются неопровержимые данные, что отдельные народовольцы с самого начала были довольно далеки и от социализма в народническом смысле.

[2] «Государство и революция», Сочинения, т. XXI, стр. 386.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ В. И. ЛЕНИНА.

О СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛЕ ХЛЕБОМ

Печатаемый ниже документ является, повидимому, началом задуманной Лениным статьи «О свободной торговле хлебом». Об этом свидетельствуют сохранившиеся в архиве Института Ленина два плана этой статьи, имеющих то же заглавие. Статья написана в августе 1919 г., что можно установить по ее содержанию, а также потому, что в других статьях Ленина от августа месяца («Речь на Всероссийском съезде работников просвещения и социалистической культуры» — 1 августа 1919 г. и «Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком» — 24 августа 1919 г.) развиваются те же мысли, что и в печатаемой статье и в ее планах.

Статья написана карандашом на 5 листочках почтовой бумаги без помарок.

Редакция

ОСНОВНОЕ УСЛОВИЕ ПОБЕДЫ

Как закрепить победу над Колчаком? как довести ее до конца, уничтожая Деникина? как сделать невозможными дальнейшие попытки помещиков, капиталистов, кулаков вернуть себе власть, землю, капитал, господство над рабочими и крестьянами?

Этот вопрос равняется вопросу о судьбе всей социалистической революции в России. Всякий сознательный рабочий и крестьянин думает над этим вопросом. И нетрудно убедиться, что в основе всего строительства социализма лежит теперь продовольственный вопрос.

Собрать все излишки хлеба в руках центральной советской власти, правильно распределить их, это значит сделать непобедимой нашу Красную армию, это значит окончательно раздавить Колчака и Деникина, это значит восстановить промышленность и обеспечить правильное социалистическое производство и распределение, обеспечить полный социалистический порядок.

У нас есть уже теперь достаточно опыта продовольственной работы и социалистического строительства, чтобы ясно представить себе и размеры этой задачи и способы решения ее. Мы знаем всю трудность задачи, но знаем также по опыту, что мы нашли верный путь для ее решения и что, сосредоточиваясь больше на этой задаче, усиливая энергию, напрягая силы, усовершенствуя аппарат, мы *можем* решить задачу до конца.

С 1 августа 1917 г. до 1 августа 1918 г. государство заготовило 30 миллионов пудов хлеба. С 1 августа 1918 г. по 1 август 1919 около 105 миллионов, т. е. в 3½ раза больше, хотя за этот период мы вовсе не располагали Доном, Северным Кавказом и западной Сибирью, почти не располагали Украиной, то есть самыми богатыми хлебом местами.

При хорошем урожае 1919 года мы можем заготовить очень много, может быть 400 и больше миллионов пудов хлеба. Тогда мы чрезвычайно усилим добычу топлива, леса, угля и пр. Тогда мы восстановим промышленность и прочно, окончательно выйдем на широкую дорогу планомерного социалистического строительства. Тогда мы победим полностью спекуляцию, уничтожим это отвратительное наследие капитализма, которое теперь так портит, везде и повсюду, ростки социализма.

ВЕРНЫЙ ПУТЬ К ПОБЕДЕ

Приведенные цифры показывают (громадные) серьезные успехи советской власти в продовольственном деле, успехи, достигнутые в условиях неслыханных, необычайных трудностей. Но самые ясные цифры, самые бесспорные факты оспариваются или замалчиваются, когда дело касается корыстных интересов буржуазии, капиталистов, спекулянтов, кулаков.

Точные исследования о питании городского рабочего доказали, что он только половину (приблизительно) продуктов получает от государства, от компрода, другую же на «вольном», «свободном» рынке, т. е. от спекулянтов. При этом за первую половину рабочий платит *одну десятую* всех своих расходов на продовольствие, а за вторую— *девять десятых*.

Спекулянты сдирают с голодного рабочего по девять шкур.

Спекулянты неслыханно грабят его. И мы все знаем, какой разгул наживы, воровства, преступлений, голодных мук для массы рабочих, обогащения немногих пройдох связан с пресловутой «*свободой торговли*» хлебом.

Но тем не менее находятся защитники свободной торговли!

Наше рабоче-крестьянское правительство, вся советская республика, все наше рождающееся социалистическое общество находится в состоянии самой тяжелой, отчаянной, бешеной, смертельной борьбы против капитализма, против спекуляции, против свободной торговли хлебом. Это—самая глубокая, самая коренная, самая повседневная, самая массовая борьба капитализма с социализмом. От этой борьбы зависит решение вопроса о всей судьбе нашей революции. А люди, которые называют себя «социалистами», социал-демократы, меньшевики, «социалисты-революционеры», помогают в этой борьбе капитализму против социализма! Самые лучшие из этих людей, наиболее враждебные Колчаку, Деникину, капиталистам, постоянно в вопросе о продовольственной политике советской власти, становятся на сторону капитализма, требуя

уступочек в пользу «частного торгового аппарата», «индивидуальной предприимчивости» и так далее и тому подобное.

В сущности, если присмотреться внимательно, если подумать хорошенько над тем, из-за чего идет борьба против советской власти, то получится вывод: противники советской власти делятся на две большие группы. Обе защищают капитализм против социализма. Одна делает это зверски и с самой грубой корыстью; это—помещики, капиталисты, кулаки, Деникины, Колчаки, черносотенцы, кадеты. Другая группа защищает капитализм «идейно», то-есть бескорыстно, или без прямой, личной корысти, из предрассудка, из трусости нового; это—меньшевики и эсеры. Это—последние «идейные» защитники капитализма. И потому вовсе не случайность, что Колчаки и Деникины, русские и все иностранные капиталисты идут под прикрытием меньшевиков и эсеров, под *их* знаменем, под *их* флагом, повторяя *их* лозунги и фразы о «свободе» вообще, о «демократии» вообще, о «частной» (торговой, капиталистической) предприимчивости и т. д. и т. п.

Умные капиталисты понимают, что «идейная» позиция меньшевиков и эсеров служит им, их классу, «*их*» капитализму, а меньшевики и эсеры, как все, везде и всегда, мелкобуржуазные социалисты, не понимают этого. Они боятся войны не на живот, а на смерть против свободной торговли хлебом, они хотят уступок ей, признания ее хотя бы отчасти, «мира» и соглашения с ней.

ЧТО ТАКОЕ СВОБОДА ТОРГОВЛИ ХЛЕБОМ?

Свобода торговли хлебом есть возврат к капитализму, к всевластию помещиков и капиталистов, к бешеной борьбе между людьми из-за наживы, к «свободному» обогащению немногих, к нищете масс, к вечной кабале их, которую мы видим во всех буржуазных государствах, не исключая самых свободных и демократических республик.

Если спросить любого трудящегося человека, рабочего, крестьянина, даже интеллигента, хочет ли он таких «порядков», всякий ответит, что нет. Но в том то и беда, в том то и опасность, что очень большое число трудящихся, особенно большое число крестьян *не понимает* связи свободной торговли хлебом с всевластием помещиков и капиталистов.

ПРИВЕТСТВИЕ БЕСПАРТИЙНОМУ СОВЕЩАНИЮ

Приводимая ниже телефонограмма является ответом В. И. Ленина на приветствия и приглашение приехать, посланные ему общегородской беспартийной конференцией рабочих и губернской крестьянской конференцией, состоявшимися в Петрограде в апреле 1921 г. Телефонограмма отослана 14 апреля 1921 г. Текст телефонограммы написан рукой В. И. Ленина черными чернилами.

Редакция

ПО ТЕЛЕФОНУ

для передачи БЕСПАРТИЙНОМУ СОВЕЩАНИЮ

Товарищи! Я очень жалею, что мне не удалось приехать в Петроград по вашему предложению. Приветствую от всей души беспартийное совещание и вашу работу. Именно теперь, когда буржуазия всего мира проводит неслыханную кампанию лжи против Советской России, стараясь сорвать наши торговые соглашения с заграницей, именно теперь помощь беспартийных масс, сотрудничество с ними особенно важно. Рабочие и крестьяне стали понимать после кронштадтских событий лучше, чем прежде, что всякая передвижка власти в России идет в пользу белогвардейцам; не даром Милюков и все умные вожди буржуазии приветствовали кронштадтский лозунг «советы без большевиков».

Еще раз шлю привет беспартийному совещанию, желаю всякого успеха в работах и в особенности прошу обратить внимание на необходимость выделить сейчас и выдвигать постоянно побольше беспартийных рабочих и крестьян к делу хозяйственного строительства. В Петрограде создан областной хозяйственный центр. Налечь на работу надо посильнее. Местные работники получат больше прав, больше инициативы. Беспартийным надо взяться за дело и дать людей и еще людей.

Привет Ленин

КАТЕХИЗИС СОЛДАТСКИЙ

(Из материалов по истории военно-боевой работы партии в эпоху первой революции)

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1907 г. я написал по поручению временного бюро военных и боевых организаций нашей партии (бюро создано было на ноябрьской конференции 1906 г. в г. Таммерфорсе) брошюру «Катехизис» («Катехизис солдатский»). Брошюра издана была в количестве 10—15 тысяч в Петербурге в легальной типографии, но с вымышленным указанием на обложке типографии И. И. Чолокова в Киеве и книгоиздательства «Новая сила». Но это действительно была новая сила, временное бюро военных и боевых организаций, наметившее большую организационную работу по созданию военных и боевых организаций. Брошюра эта была одной из намеченных по плану (на задней стороне обложки имеется объявление «Печатаются и скоро выйдут в свет целый ряд новых брошюр»). Брошюра была быстро распространена по всей России и имела значительный успех. Кое-где она была переиздана. В Петербурге ее некоторое время можно было видеть весною в витринах книжных магазинов даже на Невском. Но накануне V съезда я зашел как-то в магазин купить эту брошюру, и мне сказали, что она изъята полицией. Попытки разыскать ее в архивах и библиотеках до сих пор успеха не имели: она была разыскана в вещественных доказательствах некоего Чистякова среди тех архивов, которые были рассованы по закоулкам Академии наук и «открыты» были осенью 1929 г. Буквы В. Б. на обложке означают «Временное бюро».

Брошюра писалась с таким расчетом, что и малоподготовленный агитатор сумеет использовать ее, читая в кружке и беседуя на затронутые в ней темы. Если бы я писал ее теперь, после революции 1917 г., для агитации среди солдат империалистического государства, я многое в ней изменил бы. Но не следует забывать, что брошюра писалась в то время, когда на очереди дня стояла *революционная диктатура пролетариата и крестьянства*. Этим объясняются отдельные формулировки, которые в эпоху борьбы за диктатуру пролетариата кажутся неясными, несколько расплывчатыми, звучат, если можно так сказать, революционно-демократически. Таковы формулировки о роли армии, как защитницы *народной*.

Другой момент, заслуживающий быть отмеченным,—это *подход к революционному солдату*. Тогда, в 1907 г., мы не ставили себе особых задач—вести антирелигиозную работу в солдатских массах. Наоборот: дело сплочения революционно-демократических элементов армии и флота для целей восстания было настолько важным, что ради него мы отодвигали некоторые вопросы агитации и пропаганды, которые могли бы помешать такому сплочению. Поэтому мы, например, в первый период агитации и пропаганды (в 1902—1904 гг.) в армии и флоте допускали даже издание таких непротивленчески-бунтарских произведений, как толстовская «Солдатская и офицерская памятка» «Не убий». Поэтому в брошюре нет резких нападок на религию как средство духовного оглупения народа и наоборот—есть даже попытка стать на точку зрения верующего солдата. Именно этим объясняется то, что в брошюре встречаются такие выражения как: «идет (поп) с *крестом распятого* и зовет нас убивать» или: «*С нас берут клятву именем распятого Христа*, что мы убивать будем, насиловать, калечить, разорять всех, кого прикажут нам наши начальники»... Теперь такие выражения кажутся странными в устах большевика. Но тогда они не были странными, они были таким же правильным *тактическим приемом агитации и пропаганды*, как тот, о котором говорит Ленин: «Одно дело, если агитатор или человек, выступающий перед рабочей массой, говорит так (т. е. употребляет выражения: «социализм есть моя религия».—*Е. Я.)*, чтобы быть понятнее, чтобы начать изложение, чтобы реальнее оттенить свои взгляды в терминах, наиболее обычных для неразвитой массы»... Ленин считал, что в этом случае «осуждение (такого приема—*Е. Я.)* могло бы быть придиркой или даже неуместным стеснением свободы агитатора, свободы «педагогического» воздействия»...[1] Но в то же время в этой брошюре социальная роль церкви выявлена достаточно резко, выпукло и в главе «Что такое присяга» и в главе «Кто же враги внутренние?» (стр. 233, 239—240).

Следует также напомнить, что наша партия в то время была необычайно бедна популярными брошюрами на такие темы, мы распространяли такие произведения, как «Солдат Яшка, красная рубашка», а иногда наши организации пользовались даже эсеровской популярной литературой. Правда, мы имели около 2 десятков подпольных газет, издаваемых нашими военными организациями, выпускали много листовок, но брошюрной литературы для систематической агитации и пропаганды было мало. Временное бюро военных и боевых организаций наметило в 1906—1907 гг. большой издательской план. Однако революционные события пошли так, что планы эти нам так и не удалось осуществить, а мы сами, работники военки и боевики, оказались в большинстве на каторге и в ссылке.

С тех пор, как брошюра написана, прошло 23 года. В эпоху пролетарской революции многие вопросы в нашей работе в войсках в странах империализма ставятся по-иному. Тем не менее брошюра в *переделан-*

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. XI, стр. 250—260. Об отношении рабочей партии к религии.

ном виде могла бы быть полезна нашим зарубежным товарищам и сегодня. Это обстоятельство, а также то, что брошюра может осветить наши приемы и содержание нашей работы в войсках царской армии в период первой революции, побуждает нас опубликовать брошюру.

Ем. Ярославский

Книгоиздат. «НОВАЯ СИЛА»

В. Б.

КАТЕХИЗИС

Цена 7 коп.

КИЕВ
Типография И. И. Чоколова
1907

КАТЕХИЗИС СОЛДАТСКИЙ

Что такое воинская повинность?

Воинская повинность—это обязанность каждого взрослого парня—горожанина, рабочего, крестьянина—на двадцать втором году жизни оставить дом свой, родину, отца, мать, родных и близких, товарищей,—все это забыть ради бездушной казармы.

Воинская повинность—это обязанность на три-четыре года отдаться в руки жестоких, грубых начальников-офицеров и генералов, сделаться в их руках машиной, три-четыре года учиться убивать разными способами своих братьев и потом убить мать, отца, брата, товарищей,—пролить моря крови рабочей и крестьянской, если прикажут господа-начальники.

Воинская повинность—это обязанность три-четыре года носить разноцветные мундиры с нашивочками, разноцветными галунами, выпушками, лампасами, три-четыре года жить насчет ограбленных братьев своих и дать возможность целой своре тунеядцев и бездельников проедать и проживать около миллиарда рублей ежегодно.

Вот что значит в России воинская повинность.

Для чего же она?

На это должен уметь ответить каждый солдат.

Когда новобранец приходит в казарму, в свою часть, к нему приставляют дядьку. Дядька обучает нас, солдат, словесности.

И первым долгом начинает он вдалбливать нам в голову:

Что есть солдат?

И дядька сам отвечает:

«*Солдат есть слуга государя и отечества и защитник их от врагов внутренних и внешних*».

А генерал Драгомиров говаривал:

«*Солдат есть серая святая скотина*».

А император Наполеон говаривал про солдат:

«*Солдаты—это пушечное мясо*».

Кто же прав выходит: дядька, Драгомиров или Наполеон?

Или, может быть, все они говорят правду?

Мы, солдаты, хорошо чувствуем, каждую минуту чувствуем это, что Драгомиров и Наполеон сказали больше правды. Нас действительно почитают за скотину, за пушечное мясо. Обращаются с нами хуже, чем со скотиной: скотина лягнуть может, укусить, забодать,—а нас в покорную рабскую скотину обратили, и нам только можно говорить: «Так точно! Никак нет!» Везут скотину на убой, на мясо в скотских вагонах, и солдат у нас тоже везут в скотских вагонах, как быков, лошадей или телят. Так и на вагоне написано: «сорок человек, восемь лошадей». Не посадят в такой вагон сорок офицеров или генералов, а посадят сорок солдат.

А разве не бьют господа офицеры нас, солдат, по зубам, и мы молчать должны, мы терпим, мы не возмутимся этим скотским обращением? Вот Драгомиров любит прибаутки, и господа офицеры ими щеголяют: «Плох дескать тот солдат, который не думает быть генералом». А мы солдаты, думаем: «счастлив тот солдат, которого за всю службу не ударили по зубам».

Служит ли солдат царю?

«*Верой и правдой*» *должен служить солдат государю и отечеству*». Так говорит дядька.

Все, что прикажет царь, для солдата свято. Убиваем мы чужих, своих, друзей, родных, невинных и детей малых, женщин и стариков—разве пуля разбирает? Царь приказал!

Когда нас ведут на войну внутри России против своих же, нам говорят, что это враги внутренние—царь их велел истреблять, и мы истребляем их, таких же как мы, рабочих и крестьян. Когда нас ведут против другого народа и велят нам убивать этот народ, велят умирать без ропота, без жалобы,—нам говорят: это враг внешний—царь велел его истреблять.

Высочайший указ—вот новое Евангелие, по которому велят нам жить. Когда мы хорошо выполняем царскую волю, нас награждают крестиками, медалями, всякими побрякушками, жетонами: кровью и слезами наших братьев куплены эти крестики, медали и жетоны.

Да, государю служим верой и правдой. А отечеству? Служим ли мы также верой и правдой отечеству, защищаем ли мы его от всяких врагов внутренних и внешних?

Чтобы на это ответить, надо знать, *что же такое это самое отечество.*

Дядька говорит:

«На полковом знамени нарисован бвуглавый орел. Он-то о означает отечество».

Значит, отечество—двуглавый орел.

Кровавый хищник клюет своим клювом, терзает когтями тело нашей родины, точит кровавые раны на теле его народа—его защищаем мы, солдаты, двуглавого хищника, двуглавого разбойника.

Нарисовали нам эту двуглавую птицу на знаменах и уговаривают нас, что самое святое дело, умереть за эту самую птицу.

Спросим у начальников наших, у офицеров, у генералов:

Что же такое отечество, где то отечество, которое мы защищаем?

Генералы и офицеры ответят нам: крестьяне хотят взять у помещика землю, крестьяне хотят избавиться от земских начальников, урядников и стражников, они бунтуются, они не повинуются властям. Защищайте поля и имения помещиков от крестьянина голодного: вот ваша служба отечеству, вот защита его от врага внутреннего. Бунтует рабочий: не под силу ему кабала фабрикантская, потом кровавым обливается, с голоду мрет, чтобы мошну набить хозяину. Хочет он лучшей доли добиться, стреляйте в него! Спросите их—ваших начальников: разве же это отечество? И они скажут вам: отечество—это интересы купцов, фабрикантов-заводчиков, кулаков-мироедов, начальства разного. Бунтуется народ ограбленный, бунтуется, ропщет народ обездоленный и бесправный—защищайте от народа наши интересы. Почему говорят они так? Их отцы, они сами, те же помещики, те же купцы-фабриканты да заводчики, они сами живут народным бесправием, сами они кормятся потом и кровью народными—вот и велят защищать нам, солдатам, добро их и говорят нам—это служба отечеству.

Так думает все начальство от высшего до низшего, от царя до последнего сельского стражника; так думают купцы, помещики, чиновники крупные, начальство разное, фабриканты да заводчики: все, мол, для нас устроено.

Нам все повиноваться должны, мы—соль земли, мы богаты и властны: нам и труд народный, нам и богатство народное, ради нас и страдания народные.

Так они понимают отечество. *Это отечество мы, солдаты, и защищаем.*

Мы, солдаты, должны им ответить:

Нет, это не отечество наше. Наше отечество—это мы сами, наши отцы и матери, братья и сестры, друзья и товарищи рабочие, городская и деревенская беднота. Наше отечество—это наш труд, единственное наше богатство, которое вы у нас грабите. Отечество наше—это наши жалкие деревенские хаты, из которых вы уводите последнюю скотину за подати, тащите последний самовар; наше отечество—вся бесправная Россия, Россия ограбленная вами, разоренная, Россия голодающая—вот отечество наше, вот кого мы должны защищать.

Мы служим защитой царю, мы служим защитой помещикам, мы служим защитой фабрикантам, купцам, жандармам, полицейским, генералам и офицерам разным, мы защищаем покой, сытость и богатство награбленное врагов наших, но народу защитой служим ли мы? Защищает ли солдат добро крестьянское от разорения, защищает ли солдат труд рабочего от ограбления?

Нет, не защищает солдат ни рабочего, ни городской, ни деревенской бедноты,—значит, не служит он отечеству, а лишь царю и слугам его служит, лишь врагов народных защищает солдат.

Но кто же враги внутренние, от которых защищает солдат государя и слуг его?

Против кого ведет войну внутри России наш солдат, кого убивает он, кого расстреливает, кого в тюрьмах сторожит, на каторгу, в ссылку кого гонит солдатский штык? *Крестьянина.* Крестьянина безземельного, голодного, ограбленного мироедами-кулаками, помещиками, чиновниками и начальством разным. Он один с сошкой, а к нему семеро с ложкой. Землю отняли, хозяйство разорили, семьи по миру пустили, сыновей в казарму, в солдаты угнали. Все хуже в деревне жить, все бедней в ней, все больше становится бедноты деревенской, не под силу ей дальше эту муку терпеть вечную, страдание безмерное. Вот и бунтуется деревня голодная, земли добивается, добивается вольной жизни, а так разве жизнь это? Над деревней свистит нагайка, всякий над мужиком барин и хозяин, царствует беззаконный закон, и все народные права—плеть да тюрьма.

И стали крестьяне врагами внутренними. Посылают по селам и деревням карательные отряда, рыскают, как волки, генералы и офицеры усмирители, с ордами казацкими, драгунскими, стражниками, над крестьянством измываются, подати плетьми выколачивают,—и когда нас, солдат, посылают в деревни, нам говорят—идите, убивайте их: они не повинуются властям, они нарушают установленные законы—*деревенская беднота—враги внутренние.*

Да: не все крестьяне враги внутренние. У которых земли много, у кулаков деревенских, у мироедов, у кого дружба с начальством да барством, те за правительство стоят, те властям повинуются: свой своему поневоле брат.

Ну, а рабочие? Рабочий первый враг внутренний, первые бунтовщики—рабочие.

Так в один голос говорят нам фабриканты и заводчики, помещики, жандармы, полиция. Рабочие—бунтовщики, подпевают и попы. И чаще всего нас, солдат, посылают усмирять рабочих. Голодным рабочим посылаем смерть вместо хлеба. Офицеры и генералы за эти усмирения большие награды получают, отличаются, хвастают, кто больше рабочих расстрелял, кто больше рабочей да крестьянской крови пролил. А ведь мы, солдаты, знаем, кто такие эти бунтовщики-рабочие: ведь это же братья и отцы наши! Хотят они освободиться от кабалы фабриканта и заводчика, от кабалы правительства самодержавного, хотят всему народу лучшую жизнь устроить. Много жизней уже отдали, сложили свои буйные головы лучшие рабочие за счастье народное, и мы, солдаты, убили их! Нас за это награждают и награждали «царским спасибо». «Спасибо, молодцы-фанагорийцы», писал царь Николай II в 1895 г., когда солдаты расстреляли рабочих Большой Ярославской мануфактуры. Благодарил царь солдат, когда они в 1899 г. убивали рабочих здесь, около Петербуга, на Обуховском заводе. Наградил царь тех солдат, которые убивали рабочих в Петербурге 9-го января 1905 г., наградил и благодарил тех, что убивали и убивают в Москве, в Польше и всюду, по всей России. Чем наградил? Крестиками, медалями, да рублем. Вот вернемся мы домой и покажем эти медали отцам и братьям и скажем им: «вот видите, нас наградили, потому что у нас рука не дрогнула, мы пролили кровь братьев своих. *Мы сражались против врагов внутренних, против рабочих*». Да, товарищи-солдаты, мы слушаемся наших генералов и офицеров, будто рабочие—стачечники—забастовщики—враги внутренние. Мы расстреливаем их, чтобы туга была мошна фабриканта-заводчика. Ну, а фабрикант никогда забастовки не устраивает? Фабриканту можно. Фабриканты меж собой союзы теперь устроили. Ежели на одной фабрике одного города рабочие забастовали, все фабриканты одного города обязаны закрыть свои фабрики и рассчитать всех рабочих. Такая забастовка называется *локаут*. Вот такую-то забастовку устроили фабриканты в Лодзи. Сто тысяч рабочих на улицу выбросили. Издыхай! Умрет рабочий с голоду, на его место десяток голодных рук потянется за хлебом. Разве послало правительство солдат против фабрикантов? Разве заточило оно их в тюрьмы? Мила царскому сердцу мошна купецкая, фабрикантская, а стоны народные заглушить можно залпами ружейными! Вот собираются устроить свою забастовку фабриканты московские, посмотрите, пошлют ли вас усмирять этих толстосумов-грабителей.

А солдаты? Солдаты—враги внутренние? Да, солдаты—враги внутренние. Не все, конечно. Прежде всего *матросы*. Нет такого судна во всем флоте нашем, ни одного флотского экипажа нет, где бы волнений не было. Весь флот бунтовал. Все мы, солдаты, слыхали про бунты на «Потемкине», «Пруте», «Очакове», «Памяти Азова» и др. судах. Во всех портах у нас, где флот стоит, казаков, драгун да пехоту держат для усмирения матросов. На каждого матроса, чай, по солдату держат. Вот какой у нас флот. Матросы бунтуются: недовольны они порядками не-

справдливыми, уже давно поняли горе народное и вместе с народом лучшей жизни добиваются. И мы, солдаты, их усмиряем. Несколько десятков матросов казнили, несколько сот убили во время усмирения, несколько тысяч по военным тюрьмам сидят, на каторгу да в дисциплинарные батальоны сосланы. Все они выходят враги внутренние. Наши братья они, только что мы в солдатской, а они в матросской форме.

Сама армия, сами солдаты—в глазах начальства—люди ненадежные. Стережет их начальство, пуще огня боится, как бы правда в казарму не забралась, строгости большие ввело. Да не помогают строгости. Повсюду в войсках волнения идут. За один только июнь прошлого года в тридцати двух полках волнения были. К народным требованиям присоединяются солдаты. Бунты большие были в Кронштадте, Свеаборге—все роды оружия бунтуются, артиллеристы, саперы, минеры, железнодорожные батальоны, даже драгуны и казаки. Уст-медведицкую станицу громили. В Красноярске железнодорожный батальон вместе с рабочими заперт был, и обстреливали их целые два дня.

Выходит, значит, что и армия закон нарушает, властям не повинуется—*значит и во флоте и в армии враги внутренние*. Солдаты, которые понимают тяжелое положение народное, не могут стерпеть несправедливого порядка. А другие, темные, забитые, покорные,—они волю начальства исполняют и своих же товарищей, и самих себя в кабалу офицерам, генералам, да господам отдают. Есть еще такие войска, что их хотят деньгами купить, все равно, что войско наемное: нанимаются к помещикам да фабрикантам, жалованье от них получают,—в палачи к ним нанимаются эти люди продажные.

Духовенство начальству да правительству покорное. Ежели поп последний пятак с нищего мужика тянет, если он живет в пьянстве и разврате, но начальству покорен,—он хорош. Если он начнет изобличать начальство, за народ рабочий и крестьянский заступаться начнет, его сейчас же в тюрьму, в монастырское заточение. Он сейчас же становится врагом внутренним.

Так и фабриканты, и помещики, и купцы: редко, как белые вороны среди стаи черных коршунов, бывают среди них защитники народа, зато и не угодны они начальству, бьют и травят их и преследуют.

Остаются: государь, князья, министры, чиновники разные, губернаторы, начальство разное, жандармы, полиция, генералы, офицеры—отцы наши, начальники. Они хороши. Они—не враги внутренние. В их руках вся армия, и мы, солдаты, их приказания выполняем: усмиряем врагов внутренних. Что-то не гладко, братцы, выходит! Сколько у нас оказалось врагов внутренних-то! И рабочие, и крестьяне, и студенты, и матросы, и солдаты. Одним словом—весь народ. Кому же народ враг? Себе, что ли, враг он?

И приходится нам, солдатам, ответить нашим начальникам: нет, господа-начальники! Не враги нам рабочие и крестьяне: мы плоть от плоти их, кость от кости,—их защищать должны мы. Не враги нам те

студенты, которых вы избиваете и по тюрьмам сажаете: за народное дело стоят они. Не враги нам матросы и солдаты, которые бунт против вас поднимают: справедливых для всех порядков ищут они, добиваются, всем нам облегчения хотят найти. Не враги нам те священники, те отдельные офицера, которые за народ стоят, против начальства беззаконного и разбойничьего выступают: лучшие они среди вас, а вы казните их своими же руками, а мерзавцы и негодяи живут, над нашим братом измываются. *Враги наши внутренние—это вы сами и есть, господа начальники. Враги наши внутренние—это правительство, убивающее и грабящее правительство, которое не дает народу добиться лучшей жизни. Вы враги, потому что поддерживаете это правительство. Враги наши внутренние—это свора жадная, наемная и продажная жандармов, полицейских и стражников. Враги наши внутренние—это купцы и фабриканты, заводчики и помещики, кулаки и мироеды, что кругом народ опутали, закабалили, ограбили и в лапах своих цепких держат весь рабочий класс, всю бедноту городскую и деревенскую.*

Так должен ответить солдат, когда дядька спрашивает, кто такие враги внутренние.

«А враги внешние?»

Враги внешние, говорит дядька, «*это другие народы, в других государствах, с которыми мы ведем войну*».

Ведем ли мы войну с народами? Нет, с народами нам войну вести не приходится. А дело обстоит таким образом.

Война кому выгодна? Выгодна она прежде всего капиталистам. Как война, сейчас правительство в деньгах нуждается, сейчас заем у капиталистов делает, большие им проценты платит, большую прибыль капиталисты с войны имеют. Сейчас же заказы разные, на оружие, на провиант, на аммуницию: золотой рекой льются денежки, потом и кровью добытые, и текут те реки золота в карманы купеческие, фабрикантские, чиновничьи, офицерские да инженерские, да ворам-интендантам перепадает из этого золота немало. Как стая воронов на трупы павшие бросаются на войну всякие тунеядцы—паразиты, веселые дома поблизости устраивают, миллионы пропиваются и проедаются господами начальниками, рекой льется шампанское, а солдат в это время гнилые и червивые сухари ест или с голоду, без одежды и без обуви погибает. И всяким капиталистам война выгодна: и русским, и немецким, еврейским, японским, французским и английским,—все они на войне наживаются. И всегда почти первые за войну стоят. Только те, что победнее, часто разоряются. Высшие чиновники тоже за войну стоят, стараются: сейчас им командировки всякие прибыльные, ассигновки дают жирные, ждут себе наград, чинов и повышений, да и жалованье большое во время войны идет. Генералы разные отличиться хотят. А поп старается, заплатят хорошо, он и говорит: «Братие, идите с богом, сам бог благословит вас на убийство». И идет с крестом распятого и зовет нас убивать таких же, как

и мы, рабочих и крестьян, только другого народа, другого племени или веры другой.

Вот мы вели войну с японцами. Разве спрашивали нас, хотим ли мы воевать? Разве нам ведомо было, за что, из-за чего война? Разве нужна была нам эта война? Толкнуло нас правительство. А нажился у нас кто? Всякие Базобразовы, Алексеевы, Куропаткины и их присные. Великие воры нажились. А народу сколько горя от этой войны!

Вот и рассудим: у нас правительство, капиталисты, господствующие и властвующие за войну стоят, а в другой стране, у немцев, например, у французов кто?

Там тоже правительство, там те же капиталисты, то же духовенство, чиновничество, и начальство разное.

Вот и выходит, что и враг внутренний, и враг внешний у народа—а, значит, и у нас, солдат,—один и тот же: тут у нас, на родине, в своей стране, правительство наше, капиталисты, чиновничество, все господствующие и властвующие—враги наши внутренние, а в чужой стране, в другом государстве, враги наши внешние—не народы иноземные, не рабочие и крестьяне немецкие, французские и другие, а правительство их, капиталисты ихние, помещики, духовенство ихнее, офицерство, чиновничество и всякое начальство ихнее.

Им надо, чтобы мы своими руками добыли им землю, а они эту землю себе возьмут да пот и кровь будут из нас на этой земле высасывать. Им надо, чтобы мы им новые рынки для их товаров залежалых добыли. Им надо, чтоб мы своими руками им славу, почести, награды и богатство добыли. И говорят нам: «идите, убивайте врагов внешних». И мы идем, и умираем: сотни тысяч трупов русских и японских полегло, сколько мы крови полили, сколько жизней загубили. Пусть скажут нам: защитили мы от врагов внешних нашу родину? Неправда это! Великое разорение принесла нам война эта, а если доставила она кому почести, так те и пороху не нюхали, те теперь на теплых водах народные миллионы проживают.

Еще любят нас морочить, будто мы защищаем веру православную.

Всякий солдат знает, что в армии служат солдаты разной веры: и православные, и католики, и лютеране, и староверы—сектанты, и евреи, и буддисты, и магометане.

Неправославная вера не избавляет от воинской повинности. Теперь рассудить надо: разве католик или магометанин защищает, разве он может защищать веру плавославную? Никакой веры он не защищает, а просто служит из-под палки. Прошло то время, когда войну вели, чтоб покоренных в свою веру обратить. Войну ведут из-за золота, из-за богатства, из-за наживы. А верой только прикрывают обман. Никто на веру православную не покушается. Вон наши пленные, что у японцев в плену были, видели, как у японцев веру православную можно открыто и свободно исповедывать.

А идут на войну тоже все одинаково, какой бы веры ни были, и

умирают тоже одинаково: и пуля и штык не разбирают, какой веры солдат: православный ли он, католик ли, иудей ли, магометанской ли веры. И офицер, когда по зубам бьет, тоже не смотрит, есть ли крест на вороту. Только чтоб глаз отвести, натравливают и посылают солдат на помощь погромщикам и солдатскими руками убивают тех, кто провинился тем только, что в иной вере родился да на другом языке разговаривает.

Вот мы теперь и разобрали, кому служит солдат, узнали, служит ли он отечеству, защищает ли народ свой. Но это не все еще.

В каждой роте, в сотне, эскадроне, батарее имеются ротные командиры и один-два офицера, да в каждом батальоне—батальонный, в каждом полку полковой командир. Да начальники дивизий, начальники штабов, полковых канцелярий, да воинские начальники—всего несколько десятков тысяч офицеров и генералов. Каждому из них в служение денщик полагается, а повыше чином—два и три и четыре деньщика получает начальство. Несколько десятков тысяч солдат в денщиках у господ офицеров, полковников и генералов на службе находится. *Какому отечеству эти несколько десятков тысяч денщиков служат? Какое отечество они защищают?* Разве выносить горшки, убирать за собаками, за лошадьми офицерскими—служба отечеству?

Разве служить за повара, за горничную, за лакея, за няньку, за прачку, за садовника, за кучера офицеру—служба отечеству? Суп варить офицеру, носить от него записочки, за покупками, на побегушках быть, сапоги чистить ему, белье стирать, во дворе убирать, отхожие места чистить—разве это служба отечеству?

Денщик—разве он человек, разве он может голос свой возвысить, защищать себя? В роте, в батальоне офицер еще стесняется, а тут ему человека отдают в полное распоряжение, полную власть над ним дают. И измываются над ним господа офицеры—вся воля их. *Вот для какой военной службы отечеству отрывают несколько десятков тысяч рабочих и крестьян на три-четыре года.* Воистину—хищный, двуглавый орел отечество, которому мы служим.

Все ли одинаково отбывают воинскую повинность?

Нет, не все.

Крестьяне, рабочие, мещане, бедный городской и сельский люд отбывает воинскую повинность в рядах солдатских, солдатскую лямку три-четыре года тянет, всякие несправедливости, часто голод, холод терпит. Никаких у него прав нет. Машина он бессловесная: «Слушаю-с! Никак нет! Так точно!!».

Дворянские, купеческие, помещичьи, фабрикантские сынки—кто богатство награбил, те другую службу несут—офицерскую. Кто победнее из них, конечно, служит солдатом. Но им все же всякие льготы. Образование могут высшее получить, а где же простому, бедному человеку у нас образование получить—скажем, рабочему или крестьянину?! Учимся

мы на гроши медные, университеты не для нас. Льготу по образованию многие ли из простого народу имеют? И в офицерство—кто из нас пройти может да и наше ли дело—народ угнетать?

Для дворян, купцов, богатых людей всякие кадетские корпуса устроены, школы юнкерские, военная академия. Там их сызмальства приучают, как над нашим братом куражиться, как солдата оболванить, там их хорошо дрессируют, чтоб сердце в них человеческое убить, научить их вложить нам душу звериную, безжалостную и вместе покорную, рабскую.

Мудрено, хитро они это устроили, враги наши народные! На воле, дома, в деревне ли, в городе над нашим братом измывается барин, помещик, купец, чиновник, фабрикант-заводчик. Там, на заводах-фабриках, мучимся мы, горбом своим хлеб достаем да мошну толстосумам набиваем потуже. Силы свои, здоровье им отдаем. Там, дома, на пашне своей потом обливаемся, из последнего бьемся, чтоб исполу урожай отдать, аренду помещику выплатить, кулаку-мироеду долг отдать, чиновнику царскому на житье роскошное да веселое, тунеядцам и бездельникам подати отдать. И здесь, в казарме, сынки этих же самых бар-помещиков, купеческие да дворянские над нами хозяева, над нами царствуют.

Наши отцы-командиры любят приговаривать: «все одно для нас,—что первый генерал, что последний солдат». Это на словах только. А на самом деле другое. На деле последний офицеришка лучшего солдата, который умнее его и честнее, и образованнее, оскорбить может, и управы на офицерика не найдем, потому—начальство он!

Ну, а про самую жизнь, про службу солдатскую и офицерскую и говорить нечего—какое тут сравнение может быть?!

Одинаково ли хорошо награждается служба солдатская и офицерская?

Нет, не одинаково.

Офицеру—жалованье, офицеру награды, офицеру почет и почести, офицеру пенсия, сытая, веселая, легкая жизнь.

А солдату—если дадут ему костылей сосновых пару, и на том спасибо, век не износит!

Жалованье господа генералы и высшее начальство получают такое, что солдату, конечно, не из чего платить. *Один генерал Куропаткин во время войны получал столько жалованья, сколько получает около двадцати пяти тысяч солдат.* Это ему заплатило правительство царское за то, что он медленно от японцев удирал, пятился.

Солдат всю жизнь солдатскую в промозглой казарме проводит, а господам генералам дворцы построены. Солдатам в трактирах даже погулять запрещается, а господа офицеры свои офицерские клубы, офицерские собрания, устраивают, по ресторанам веселятся, народные денежки проедают и пропивают. Солдат не может на вокзале в зал первого класса войти, солдату в конке нельзя сидеть—разве признают человека в солдате?! Вон, в Кронштадте в саду надпись висит: «Нижним чинам и со-

бакам вход воспрещается». Для наших отцов мы как собаки. А ведь солдатскими руками насадили этот сад для господ офицеров и их возлюбленных.

Да еще вот награда бывает нашему брату, солдату: медаль, жетон, крестик на ленточке.

Нацепит другой тонкую ленточку с медалью и думает, что все ему завидуют, все любуются. А окончит службу, домой придет, будет искать работы себе на фабрике, на заводе, на железной дороге, в экономии помещичьей,—поможет ли ему медаль эта?

Придет он к помещику землю арендовать, что же, сжалится что ли помещик-то да аренду убавит за медаль солдатскую? Начнет фабрикант рабочих рассчитывать, оставит он у себя солдата за медаль его? Ах, мол, у него медаль, оставить его надо! Держи карман шире! Во, посмотрите, сколько нашего брата с медалями да с крестами по улицам с торбами, котомками ходят: сколько народу руку протягивают, Лазаря поют, милостыню выпрашивают!

Умирает офицер на войне, или ранили его, его семья пенсию получает. Умирает солдат—и семья с голоду должна погибать! А сколько с войны пришло солдат калек—без рук, без ног, без глаз: привезли их в деревни и бросили беспомощных, как обрубки дерева, как ветошь ненужную!

Да, за царем служба даром не пропадет!

Хорошо награждается, справедливо!

Как солдат живет в казарме?

Весело живет солдат.

Начальство очень любит, чтобы мы, солдаты, пели развеселые, похабные песни. Когда мы приходим в казарму, нас учат петь эти песни. Начальствво рассуждает так: солдат поет, ему весело, он забыл горе семьи своей, забыл горе своей родины.

Солдат поет:

Солдатушки, бравые ребятушки!
Где же ваши жены?
Наши жены — ружья заряжены:
Вот где наши жены!
Солдатушки, бравые ребятушки!
Где же ваши сестры?
Наши сестры — сабли востры:
Вот где наши сестры!
Солдатушки, бравые ребятушки!
Где же ваши тетки?
Наши тетки — тухлые селедки:
Вот где наши тетки!
Солдатушки, бравые ребятушки!
Где же ваши дяди?
Наши дяди — полковые б...
Вот где наши дяди!

И так далее.

Так поет солдат. Начальство заставляет: пой песни,—хоть тресни! Гляди орлом—хотя бы горе родины твоей было безмерно! Ешь начальство глазами—только и слышим мы. Забудь отца, мать, родных, товарищей. Пришел солдат в казарму и должен променять жену на ружье, сестру на саблю, тетку на тухлую селедку, дядю на полковую б... Как же начальство добивается этого?

В одной солдатской песне поется просто, как приезжает царь и смотр войскам делает. Царь спрашивает:

Вы здоровы ль, мои детки?
Как живете без меня?

И солдат поет—отвечает:

Мы живем горя не знаем,—
Завсегда песни поем.

Да, братцы-солдаты, мы «завсегда песни поем», а на сердце у другого—грусть, тоска, да начальство велит веселым быть. Мы завсегда песни поем, даже когда идем расстреливать братьев своих. Песней в нас заглушить совесть хотят, горе родное вытравить. Но песни мало. Все пустило в ход правительство для того, чтобы бездушной машиной сделать нас.

Первое средство—*присяга.*

Что такое присяга?

Еще когда дома мы, поп внушает нам, что все власти от бога поставлены, начиная от государя до сельского стражника. Повиноваться властям этим учит нас поп. Так воспитывают нас дома. Даже на церквах другой раз пишут: «Бога бойтесь, царя чтите»!

Потом, когда в солдаты возьмут, присягу требуют. Присяга—это клятва. С нас берут клятву именем распятого Христа, что мы убивать будем, калечить, разорять, насиловать всех, кого прикажут нам наши начальники. А мы знаем, кого они приказывают истреблять, над кем силу показывают. Поп рассказывает нам сначала сказки, будто сам бог велел присягать солдатам, будто в Евангелии разрешено и убийство и насилие над братьями своими. Обещают нам долгогривые царство небесное, если только сдержим нерушимо клятву свою. Бесплатный билет—пропуск в царство небесное обещают, если будем послушно исполнять волю начальников, если много крови прольем по воле их. Им-то самим, долгогривым, хорошо за этот билет заплатили, вот и стараются! Темного, верующего солдата запугивают: ежели, дескать, клятву—присягу нарушишь, в геенне огненной денно и нощно на огне жарить будут и в смоле кипящей варить, и в свинце расплавленном, и железом раскаленным

проткнут, и жилы тянуть будут[1]. Только все меньше верят сказкам этим, не малый ребенок теперь народ, из пеленок-то вырос уже, и плохо помогает поповский обман.

Но все же солдат дает присягу.

Подумаем прежде всего **добровольно ли солдат дает присягу — клевету начальству своему?**

Нет, не добровольно. Силой, из-под палки вынуждают согласие у солдат на убийство братьев своих. Не помогут поповские басни, сейчас на сцену судьи праведные; те басен не рассказывают: по статье такой-то, по параграфу такому-то раба божьего, рядового такого-то отправить в заточение на столько-то лет. Приготовлены для нас тюрьмы исправительные, роты арестантские, батальоны дисциплинарные, холодная Сибирь, а в военное время и царства небесного удостоишься. *Строгие, жестокие наказания сулят нам за отказ от присяги,—какая же это клятва, если у меня ее силой вынудили? Разве я по совести ее даю, разве чувствую сам клятву эту?*

«Присяга»! Темный человек, давший ее, боится нарушить ее: «Ведь присягу давал»,—так рассудит темный солдат. Но надо и то подумать: если я обещал, могу ли я что-нибудь выполнить из своего обещания? Как раздумаем, выходит, что служить отечеству—одно, служить государю и правительству царскому—другое. Все равно, что служить в одно и то же время и господу и дьяволу. Нельзя служить отечеству, когда исполняешь волю своих начальников, насилующих, грабящих, разоряющих наше отечество.

Так что первый нарушитель присяги—это не мы, первый нарушитель присяги—сами же начальники. Они тоже присягают служить отечеству, а первые распинают его. Дядька говорит: солдат должен исполнять всякое приказание своего начальства, даже незаконное, только не против государя. А не говорит нам дядька, чтоб не исполнять нам приказания начальства своего против отечества. Государь, выходит, выше отечества. Вот тут-то весь обман присяги и высказывается.

Значит, присягу с нас силой берут. Да силой же присягу эту нарушать заставляют сами начальники.

Посмотрим, как сам царь исполняет свою присягу, свою клятву, свои собственные слова и обещания.

17 октября царь манифестом свободу объявил. Значит, думай, говори как по душе, пиши в газетах правду, как думаешь, собирайся свободно,—

---

[1] В Троицко-Сергиевском монастыре на монастырской стене внутри храма нарисована большая картина: Страшный суд. Ад нарисован налево, большой просторный, потому что простому народу, мужикам, солдатам ад приготовлен. Там все есть: и костры богатые, и посуда для грешников, и черти со сковородами и вертелами, рогатые и хвостатые. А рай нарисован направо небольшой. Туда только чистую публику пускают. Впереди всех идет в рай государь наш, император Николай Александрович в полном мундире с орденами и медалями. Видно, если и попадет в рай солдатик какой, и там ему покою не будет от начальства разного: все честь будут спрашивать.

никто тебе препятствовать не может. А затем—кровью залили всю родину, когда народ манифесту поверил.

Вышло, как в песне поется:

Царь испугался, издал манифест:
Мертвым свободу, живых под арест.

Издал другой манифест царь насчет Думы государственной: ни один, дескать, закон без согласия Думы не имеет силы. А Думу-то разогнал, испугался. И пишут чиновники царские законы каждый день новые, и законами теми весь народ в цепи закован, шагу народу ступить нельзя. Никакой Думы не спрашиваются.

Ведь у нас какой закон теперь? У нас вот какая конституция: вся Россия на маленькие царства поделена, и каждое царство во власти губернатора, генерал-губернатора, градоначальника отдано. Обыкновенных законов нет, обыкновенные законы не действуют: всюду усиленная или чрезвычайная охрана да военное положение. Каждый начальник в своем маленьком царстве—царь. Казнит, вешает, расстреливает, в тюрьмы заточает. Что уж тут говорить о законе! Царь издал закон, что смертная казнь для женщин отменяется, а женщин казнят. Казнят малолетних: за несколько месяцев около семисот человек казнили.

Вот теперь и рассудите, кто клятву—присягу нарушает?

Присяга для нас узда, чтобы не сбросили насевших на нас господ начальников, присяга для нас шоры, чтобы не видели мы обмана, что кругом нас совершается.

А для наших начальников присяга—кнут, которым нас погоняют, а сами они плюют на нее, на присягу на свою.

Второе средство оболванить нас—служба долгая. Служим мы три-четыре года, прежде служили пять лет, а при Николае Первом и двадцать пять. Долго держат нас в казарме, а разве уж так трудно воинскую науку пройти? Ежели как следует солдатам заняться, в три-четыре месяца всю науку военную пройти можно, что солдату знать нужно. Конечно, для этого надо народ не в темноте держать, а чтобы новобранцы были хорошо грамотные: значит, надо, чтобы народу-то самому учиться можно было. После двух-трех месяцев службы солдат дает присягу, начинает исполнять обязанность строевого, ходить в караул, в дневальные назначается, считается настоящим солдатом. За три месяца и сабельным и ружейным приемам обучается как следует. Не для того начальство солдат держит в казарме несколько лет, что службу трудно выучить, а для того держит, чтобы отвык солдат от дому, забыл родину. В три-четыре месяца, даже в год не так легко отвыкнуть от дому. Если служба короткая, солдат будет думать: «Скоро опять дома буду, скоро крестьянствовать или на заводе работать начну». Такой солдат ближе себя к народу чувствовал бы. А за три года солдат отвыкает от дому. Да и начальство всеми мерами так действует, чтобы он забыл родных и близких.

Третье средство, чтобы нас к убийству народа приучить—служ-

ба вдали от родины. Солдат почти никогда не служит на родине, даже в своей губернии редко когда служит. Ведь если рассудить, то куда дешевле государству бы стоило оставить солдата на родине, и хлопот куда меньше. Разве мало стоит переезд новобранцев на службу да запасных со службы? Но начальство не так рассуждает: народных денег ему не жалко, зато спокойнее себя чувствует оно, когда увозит новобранцев за несколько тысяч верст от его родины.

И выходит из этого вот что:

Берут, скажем татар из Казанской губернии и отправляют их служить в Варшавскую губернию, а поляков из Варшавской губернии посылают в Казанскую. Приедет новобранец в чужую страну, кругом его люди ему незнакомые, другой раз и на языке-то ему незнакомом говорят. Начальство довольно этим бывает. Если волнение какое бывает, выведет он солдат из казармы и велит стрелять в народ. Ежели бы это было на родине, дрогнуло бы, может быть, сердце солдатское, не поднялась рука смертоносная: земляков жаль, может родственников бы увидел, мать, отца. А тут люди чужие, незнакомые. И льется кровь. Татарин, русский поляка расстреливают, а там, на его родине, поляк его деревню разоряет, его братьев убивает, тамбовец москвича, а москвич какого-нибудь латыша расстреливает.

Вот зачем увозят нас вдаль от родины, держат нас в чужих краях. Но этого мало: *держат нас в чужих краях в четырех стенах.* Если придет к нам кто, сейчас же ему допрос учиняют, как будто к преступнику, к арестанту пришел. Так же вот в тюрьмах, когда к арестанту придешь. И когда нам, солдатам, итти надо, тоже над нами всяких соглядатаев, старших да ефрейторов приставляют. К народу нас близко не подпускают, чтобы мы про горе народное правды не услышали. Следят за нами надсмотрщики разные. Не то что разговор какой, друг-дружку опасаемся, а и узнать-то про жизнь запрещается. Захочет солдат газету почитать честную, рабочую или крестьянскую, надо разрешение спросить, можно ли. Да! Спросить у ротного, а ротный еще черносотенную газету да правительственную разрешает, а честную в руки брать не смей! То же и с книгами. Много теперь хороших книг про рабочую жизнь про крестьянскую, про солдатскую есть, про землю и волю, про устройство государственное у нас в России и в чужих краях. Но не для нас, солдат, книжки эти. Дают нам читать про солдатские подвиги да про отличия генеральские—и правды ни на грош нет в книгах, для солдат дозволенных.

То же и с письмом. Товарищи-солдаты, *только арестантские письма читаются начальством да солдатские.* Когда письмо придет арестанту в тюрьму, его начальство распечатает, прочитает, а потом и арестанту его передаст. Когда письмо солдату придет, его тоже начальство прочтет, и только тогда отдаст солдату. Боятся с родины солдату правду писать—все равно не дойдет, не передадут. Написали бы про родное горе, про несправедливости и разбойничанье чиновников царских, про кабалу по-

мещичью, фабрикантскую, а вместо того пишут про тетку Маланью да про телушку Машку. Когда шпионы кого-нибудь подозревают, из вольных арестовать собираются, они письма его пересматривают, распечатывают. *Так что выходит—мы все на подозрении у начальства, все на арестантском положении.*

Еще много средств у начальства солдатского, чтобы заставить нас забыть своих и близких, заставить нас быть покорной скотиной. В казарме солдат тянется перед начальством своим, а выйдет он на улицу, словно все еще в казарме. Гляди направо и налево, тянись во фронт перед генералом, козыряй всякой кокарде. А господа офицеры—им делать-то нечего—только и шлендают по улицам, тротуары меряют, честь с солдата требуют. Только и думает солдат: как бы не прозевать начальство. А не досмотришь, честь не отдашь—взыскание, под арест попадешь, не в очередь дежурить пошлют, в караул под ружье поставят. Так забивают голову солдата службой солдатской, ни о чем другом подумать ему нельзя.

Как же выбиться солдату из тяжелого положения? Может ли солдат улучшить жизнь свою? Может ли так сделать, чтоб не служить орудием против народа в руках врагов народа?

Не может ничего сделать солдат, если он вздумает действовать в одиночку.

Будь тысячу раз прав солдат, будь совершенно ясно, что виновато начальство, управы солдату на начальство свое не найти. Ворон ворону глаз не выклюет, вор вора не выдаст. Большое начальство покрывает маленькое. Рука руку моет, и обе чистые бывают. Захочет солдат пожаловаться, должен доложить своему ближайшему начальству, а если миновал ближайшего начальника,—значит, нарушил дисциплину. А ближайший-то начальник не доложит дальше. На смотру, бывает, солдат захочет предъявить претензию, и страшно: ведь весь он в руках своего начальства: искалечат его, забьют, изведут господа-начальники! Мало ли у них способов для этого. Уедет начальство высшее, а над солдатом тот же командир полка, батальона, роты, те же фельдфебель и дядька останутся, а над фельдфебелем и дядькой тоже начальство,—и будут все они зло вымещать на солдате, который правду сказал. И ничего из этой жалобы, кроме обиды солдату, выйти не может. *В одиночку нельзя, но вместе, если действовать целой частью войсковой,—тогда можно заставить итти на уступки.*

Во многих войсковых частях волнения были. Заявляли солдаты требования разные, чтобы пищевое и аммуничное довольствие улучшили, чтоб срок службы сократили, чтобы лучше с солдатами обращались, жалованье бы прибавили; были и такие требования, чтоб больше свободы дали солдатам: чтобы им собираться можно было, дела обсуждать свои и народные, чтобы газеты, книги всякие им читать можно было. Где

солдаты и матросы больше поняли, там требования не только для солдат выставлялись, но для всего народа: требовали Учредительного собрания, которое бы новые порядки в России установило, какие всему народу выгодней, какие депутаты установить захотят.

Правительство, которое с народом борется, очень опасается, как бы солдат вместе с народом не пошел. Как случится это—конец правительству самодержавному, настанет время для него тяжелое, всю власть сам народ в руки возьмет.

Правительству очень выгодно задобрить солдат. Пошло оно на уступки: срок службы на год убавило, улучшило немного довольство пищевое и аммуничное, чаем, сахаром да мылом солдат подкупить мало. Пока народ волнуется, пока солдаты нужны, чтобы народ усмирять,—готово правительство уступить кое в чем, если дружно солдаты действуют. Как ослабнет волнение народное, усмирит правительство народ штыками солдатскими да нагайками казацкими,—отнимает оно у солдат то, что силой было вырвано. Если нет волнения народного, ничего не стоит правительству с солдатскими волнениями справиться: найдутся солдаты темные, найдутся войска продажные, пойдут своих же братьев усмирять, свое собственное дело губить пойдут.

Чтобы крепче была борьба солдатская, не в одиночку действовать надо, а союзами солдатскими.

Как же создать те союзы солдатские?

Как пришел новобранец в часть свою, пусть подбирает себе товарищей надежных и крепких. Пусть каждый поближе друг к другу присмотрится. Выбирать надо друзей-товарищей умеючи, людей надо крепких и стойких, чтобы в беде не выдали, друг за дружку бы держаться могли, пострадать бы за дело готовы были. В каждой роте такие товарищи пусть составят солдатский союз. Как настанет время требовать, действовать—чтобы дружно можно было выступить. Если всюду такие союзы составить, создать, можно требовать всем полком, гарнизоном всем поддержать можно требование. В каждой части есть теперь солдаты, которые на воле в союзах крестьянских да рабочих побывали уже: им это дело все же знакомое, им-то и приниматься за дело это ближе всего.

Если есть союзы ротные, можно устроить союзы батальонные, чтобы всем батальонам дружно действовать. А устроили союзы батальонные, можно составить и союз полковой.

Если всюду будут такие союзы военные, крепка будет борьба солдатская. Если научатся солдаты союзом действовать, всегда их легче будет поддержать союзу рабочему и крестьянскому.

Партия Рабочая (Социал-демократическая)—она и теперь всюду старается устроить союзы военные—солдатские. Хочет эта Партия Рабочая крепко связать борьбу рабочую и солдатскую, чтобы за одно боролись, одного добивались: освобождения народного от всякой кабалы.

Можно ли улучшить положение в армии, можно ли одной солдатской борьбой добиться этого?

Одной солдатской борьбой почти ничего добиться нельзя. Необходимо теперь же солдатам добиться, чтобы служба была короткая, не больше года одного: труднее будет тогда оболванить нас, в машину обращать, чтоб служили мы на родине: не так легко будет послать нас против братьев наших—рабочих и крестьян. Необходимо, чтоб могли мы в свободное от занятий время куда угодно ходить в частном платьи, чтоб нам свободными себя людьми, а не одетыми в шинель болванами чувствовать: тогда сможем мы с народом ближе сойтись. Надо нам теперь же добиться, чтоб нам всякую газету, всякую книжку в казарме читать можно было, чтобы нам все знать, что у нас на родине делается и в чужих краях: а так мы как безглазые, как скоты бессловесные—не видим ничего, ни о чем нам говорить нельзя. Надо нам добиться теперь же, чтоб нам в свободное время можно было собираться и толковать о своих делах и народной нужде: не забудем, что скоро домой пойдем.

Но всего этого если добьемся, то тогда только, когда народ поддерживать будем. Без народа—что мы? Дадут нам еще по куску мыла, посулят нам сахару и чаю, пару портянок выдадут и успокоятся. А мы попрежнему будем народ губить, будем ему смерть нести и разорение.

Только тогда перестанем мы народ губить, только тогда перестанем мы служить врагам своим, когда постоянная армия будет распущена.

Как же, значит, государство останется без армии, без защиты останется?

Постоянная армия должна быть распущена, и заменить ее надо народной милицией, всеобщим народным вооружением.

Мы уже видели: немного надо времени, чтобы выучиться воинскому искусству. Теперь время у нас в казармах уходит на словесность глупую, ненужную, заучиваем мы, как зовут теток и дядей государевых, генералов разных как величать запоминаем. Уходят у нас месяца, когда учимся мы носки вытягивать, на парадах маршировать, всяким церемониям учимся китайским, а искусство-то военное времени немного требует. Можно в несколько месяцев выучиться оружием владеть как следует. Ведь победили же нас японцы, не хуже нас владеть оружием умеют, а служат меньше нас.

Рабочая социал-демократическая партия поэтому требует: постоянная армия должна быть распущена. Чтобы государство без защиты не осталось, чтобы нельзя было никому захватить его или ослабить, весь народ взрослый вооружается. Как вырос парень, обучают его военному искусству и выдают оружие. И отпускают домой. Да и обучается он тоже у себя на родине. Если враг какой нападает,—весь народ выйти может, и не будет той силы, которая одолеть бы могла вооруженный на-

род. Так что нечего бояться, если войной против нас пойдет государство иностранное. И в других государствах Рабочая Партия этого же добивается. Не надо будет отрывать от дома каждогодно миллион взрослых работников—рабочих и крестьян.

А главное—сам себя защищать сможет народ. Теперь народ безоружный: правительству с ним легко справиться. А тогда и послать-то правительству будет некого: разве пойдет народ против самого себя?! Теперь вот правительство народ разорило совсем, все больше налогов и податей взыскивает и взыскивает силой, силой же солдатской в кабале у помещиков да у фабрикантов да на своих же казенных заводах держит. Пусть испробует это сделать, когда все взрослое население будет вооруженное, а постоянной армии не будет! Случится забастовка, правительство посылает солдат, водопроводчиков, железнодорожников, на электрических станциях, в пекарнях, даже в помещичьих экономиях забастовавших солдатами заменяет и тем силу отнимает у стачечников, тем крепче их закабаляет хозяевам: пусть бы попробовало оно это сделать, когда все забастовщики будут вооруженные, а солдат постоянных не будет! Издает правительство законы несправедливые, нарушает оно, отнимает права народные, и беззащитен народ, бессилен он против правительства, когда в руках у правительства мы, солдаты, темные, покорные, послушные и оружием помогаем правительству. А попробовало бы правительство отнять, нарушить права народные—будь мы с оружием в руках в рядах этого народа, тоже вооруженного!

Да, товарищи солдаты: если будет всеобщее вооружение народное, крепки будем мы, защитить себя сможем и от нападения другой страны, защитить сможем себя, если захотят у нас отнять права завоеванные! И всякий взрослый будет—солдат. И всякий из нас будет действительно служить отечеству, защищать право народное. Не будем мы подневольными рабами, не будет над нами начальства бесчисленного, генералов с эполетами, в каждом селе, в деревне каждой, в городе каждом, в каждом квартале будет у нас свое войско народное, народное ополчение. Начальников сами выберем себе достойнейших и опытных, которым верим.

Будем крепки мы, будет крепок народ, защищаемый народной милицией!

Но, товарищи солдаты! Теперь нет у нас народной милиции, народ теперь безоружный перед нами, а мы—в руках правительства самодержавного. **Можем ли мы теперь притти к народу на выручку, можем ли теперь народу помочь оружием своим?**

Можем и должны, товарищи!

Не забудем, товарищи, кем были мы до службы: так же служили у хозяев, так же работали, крестьянствовали, мучились, обиды и притеснения, кабалу и обирательство терпели, как отцы наши, братья и товарищи. И тогда нас, вольных людей, солдатами стращали. Теперь мы сами—солдаты. Теперь нами грозятся, теперь нашей силой пользуются.

Не забудем, товарищи: в казарме, с нашими начальниками, нам три-четыре года жить, а потом всю жизнь проживем с теми, против кого теперь посылают нас. Пойдем мы снова на фабрику, на завод, на железную дорогу служить, спустимся в шахты темные, пойдем к помещику на поклон, пойдем к купцу богатому, к хозяину суровому—будут нас в три шеи гнуть, будут кровь из нас пить, пот выжимать, жилы вытягивать. Не забудем, товарищи: плохо народу теперь, будет плохо и нам. Добьется народ лучшей жизни, будет лучше и нам. Будем же готовиться поддержать народ своим оружием. Как восстанет народ, выйдем к нему с братской душой и не смерть понесем ему, а избавление. Как восстанет народ, перейдем на его сторону.

Будем сами вместе с народом ковать счастье народное, разорвем наши цепи тяжкие!

Пусть помнит каждый солдат: из народа он вышел, к народу вернется он. Будем помнить мы: народ—союзник наш, а кто против народа, кто против народных требований, тот враг нам, смерть тому!

Нависла над миром военная сила. Угрожает она народам всем, мешает народам жизнь устроить светлую, радостную, счастливую. И мы, военные, мы, солдаты подневольные, бороться, добиваться будем, чтобы силу нашу военную теперь же обратить на завоевание счастья народного. И пусть будет кличем нашим:

Не надо постоянной армии!
Да здравствует народная милиция!

Составил солдат социал-демократ Володя.

Печатаются и скоро выйдут в свет целый ряд новых брошюр *.

---

* Последние две строки напечатаны на последней странице обложки. *Ред.*

ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ВКП(б)

(Тезисы, утвержденные дирекцией института Ленина)

I. ОСНОВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ НАУЧНОЙ ИСТОРИИ ВКП (б)

Создание научной истории партии является боевой задачей, для решения которой в настоящий момент имеются налицо основные предпосылки. Такими предпосылками является созданная в результате почти десятилетнего существования соответствующих отделов ЦК (Истпарт ЦК ВКП(б) и Институт Ленина) и местных истпартов большая документальная и мемуарная база, с одной стороны, и создание кадра товарищей, систематически работающих в области истории ВКП(б),—с другой. Исключительно большое значение имеет окончание в ближайшие месяцы работы по выпуску 2-го и 3-го издания Сочинений Ленина, а также значительно продвинувшееся вперед опубликование литературного наследства Ленина в Ленинских сборниках. Этим самым расширяются возможности пользования таким основным источником по истории ВКП(б), как ленинские работы. Научный аппарат 2-го издания представляет также значительную ценность для изучения истории ВКП(б), поскольку он содержит богатый фактический материал, проливающий в ряде случаев новый свет на отдельные, мало изученные моменты.

Наряду с этим Институтом Ленина в основном закончена работа по собиранию большевистской литературы и архивных фондов партии и начата работа по систематизации и публикации их. Частично изданы и подготовлены к печати Институтом Ленина ряд протоколов съездов партии, а также партконференций (Парижской 1908 г., конференции и военно-боевой конференции РСДРП 1906 г.).

В ближайшее время заканчивается издание двух обобщающих коллективных работ по истории ВКП(б): работы под редакцией т. Е. Ярославского и работы т. А. С. Бубнова для БСЭ.

Обе работы, ставящие перед собою специальные задачи: первая—быть учебником для комвузов, вторая—быть частью энциклопедии, являются известным шагом к созданию научной истории ВКП(б). Появление их не снимает, однако, задачи создания научной истории партии, проникнутой единой ленинской схемой, всесторонне и полно охватывающей процесс развития большевизма и всей многообразной деятельности партии и

базирующейся на строго научной разработке соответствующей документальной базы. Такая история партии может быть создана на основе учета опыта предыдущих попыток в этой области путем систематической коллективной работы, руководимой и координируемой Институтом Ленина.

Определенным шагом вперед в деле подготовки коллективной работы по научной истории партии является выработка совещанием по преподаванию истории ВКП(б) в феврале 1930 г. тезисов по вопросу об истории ВКП(б) как науке. Эти тезисы суммировали работу партийной мысли в данной области. Указывая на ряд сдвигов в разработке историко-партийных проблем, они отмечают также наличие у отдельных историков партии механических и идеалистических тенденций по вопросу об истории ВКП(б) как науке.

Важнейшим элементом научной истории ВКП(б) является методология истории партии, в основном данная в работе т. Ленина и до сих пор недостаточно еще разработанная. В этом отношении имеет также большое значение ряд замечаний т. Сталина: «Вопросы ленинизма», «Об оппозиции» и друг.).

В качестве попытки поставить один из серьезнейших вопросов методологии истории партии—вопрос о периодизации—надо указать на известную брошюру т. А. С. Бубнова—«Основные вопросы истории ВКП(б)».

II. СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ВКП(б) ПО ПРОБЛЕМАМ, ПЕРИОДАМ И ОРГАНИЗАЦИЯМ

Дадим самую сжатую характеристику проделанной работы в деле изучения как отдельных проблем истории партии, так и освещение ее работы, по периодам, а также по отдельным организациям и национальным компартиям.

а) Состояние изучения по проблемам

Одним из основных элементов изучения истории партии является разработка ряда основных проблем по истории партии, что возможно лишь на основе овладения ленинской методологией. Ряд дискуссий по проблемам этого порядка показал, как мало еще усвоена ленинская точка зрения по этим вопросам. Из числа поставленных, но далеко не разрешенных еще вопросов истории партии надо отметить следующие: проблему закономерности в истории партии, вопрос о периодизации, проблему «наследства» или идейных истоков большевизма, вопрос о социальных корнях оппортунизма в русском рабочем классе, о роли большевизма и вопрос об исторических корнях большевизма в международном рабочем движении, вопрос о смене стратегических планов и проблемы перерастания. Некоторые из этих вопросов породили ряд дискуссий на протяжении последних 5—6 лет.

Особое внимание историко-партийной мысли привлекла к себе *проблема «наследства»*, что является естественным, так как вопрос о соотношении между «крестьянским социализмом» народников и пролетарским

социализмом Маркса и Ленина тесно связан с вопросом о союзе пролетариата с крестьянством и о руководящей роли пролетариата в этом союзе. На этом участке теоретического фронта, так же как и в области политики партии, наметились два вида уклонений от ленинской линии: в сторону принижения руководящей роли пролетариата в этом союзе путем попыток идеализации революционно-демократического движения 60-х, 70-х гг. и в сторону отрицания возможности прочного союза пролетариата и крестьянства в буржуазно-демократической революции путем повторения струвистско-меньшевистской критики народничества, как сплошь реакционного.

Наиболее значительными звеньями этой дискуссии явились: 1) Полемика, связанная с выступлением т. Мицкевича в 1923 г., о русских якобинцах, которое было подвергнуто критике со стороны т. Батурина; 2) Выступление т. Стеклова в 1928 г. с неверной оценкой роли Чернышевского в деле формирования марксизма, в России, вызвавшее возражение со стороны т. Покровского; 3) Последнее выступление т. Теодоровича в связи с 50-летием «Народной воли», в котором им был затушеван мелкобуржуазный характер «крестьянского социализма» народовольцев, в связи с чем возникла оживленная дискуссия в прессе и в Обществе историков-марксистов. Во всех этих выступлениях было допущено извращение ленинской постановки вопроса о «наследстве».

Наряду с этим в ходе дискуссии, отчасти и вне связи с ней проявилась тенденция к стиранию грани между революционным демократизмом и либерализмом (т. Невский), что идет в разрез со всей ленинской установкой в этом вопросе, и затушевывание значения революционного «наследства» народничества. Дальнейшая коллективная разработка этой проблемы возможна лишь на основе преодоления этих двух неверных теоретически и вредных политически тенденций.

К этой дискуссии тесно примыкает дискуссия в связи с выступлениями в печати т. Ваганяна, пытавшегося свести роль Ленина к позиции не вполне последовательного и стойкого ученика Плеханова, и критикой этих взглядов со стороны тт. Ярославского, Бубнова и др. Здесь речь шла опять-таки об идейных истоках большевизма, но не в связи с народническим наследством, а в связи с вопросом о роли Плеханова и Ленина в с.-д. движении 90-х годов и в старой «Искре».

По этой же линии попыток принижения роли и значения ленинизма идут и некоторые литературные выступления К. Радека, пытавшегося изобразить ленинизм, как идеологию, тактику и организацию рабочего класса в *буржуазно-демократической* революции, и выступление т. Зиновьева, сводящего ленинизм к идеологии пролетариата в крестьянской стране. Все эти выступления органически связаны с общим походом троцкизма и «новой оппозиции» против ленинизма и ленинской линии партии.

Проблема идейных истоков большевизма требует к себе большего внимания, чем то, которое ей уделялось до сих пор.

Из других дискуссий надо отметить вопрос *о социальных корнях*

оппортунизма в рабочем движении. Дискуссия эта возникла в 1924 г. в связи с выходом книги В. Астрова «Экономисты как предтечи меньшевиков». В ней приняли участие т. Батурин, Лелевич и др. Спор шел о том, какие прослойки в русском рабочем классе являлись по преимуществу социальной базой оппортунизма: сырые «полукрестьянские» низко оплачиваемые слои или «рабочая аристократия». Этот же вопрос частично подвергся обсуждению в связи с вопросом о социальной базе оборончества в период империалистической войны и явлением «добросовестного оборончества» в 1917 г. (М. Н. Покровский). Надо отметить совершенно недостаточную проработанность этого важного и актуального вопроса.

Из спорных проблем, привлекавших к себе значительный интерес, является *проблема перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.*

Дискуссия открылась статьей К. А. Попова, развернулась в связи с его докладами на конференции историков-марксистов и на научно-исследовательской группе Института Ленина. Эта теоретическая дискуссия связана с критикой теории перманентной революции Троцкого и разоблачением попытки Каменева и Зиновьева извратить взгляды Ленина по вопросу о внутренних силах русской революции и социалистическом характере Октябрьской революции.

Наряду с этим надо отметить разработку ряда проблем истории партии в генеральной дискуссии с троцкизмом, пытавшимся фальсифицировать историю ВКП(б), навязать партии ряд антиленинских установок и подменить ленинизм троцкизмом.

Борьба партии с этими попытками нашла свое отражение главным образом в работах т. Сталина: предисловие к сборнику «На подступах к Октябрю», «Основные вопросы ленинизма» и «Об оппозиции».

Выступления правой оппозиции и в частности т. Бухарина с попытками искажения ленинизма и оппортунистического истолкования ряда моментов партийной истории и необходимость отпора им также породили значительную литературу, осветившую ряд существенных моментов в области истории партии (разногласия по вопросу о государстве между Лениным и Бухариным в 1916, 1917 гг., о ленинской и бухаринской теории империализма).

Из вышеизложенного видно, как тесно переплетались дискуссии на историко-партийном участке идеологического фронта с общепартийной борьбой против оппортунистических мелкобуржуазных шатаний и уклонов. Ряд установок, данных т. Сталиным в борьбе за линию партии, проливает новый свет на важнейшие проблемы прошлого партии, дает исходные пункты для работы исследовательской мысли в этой области.

Надо отметить, что эти установки, к сожалению, недостаточно использованы для изучения таких вопросов, как борьба за классово-монолитную партию, проблемы «примиренчество и централизм», проблемы «попутчиков» внутри партии и др.

Ряд важнейших проблем истории партии не привлек к себе до сих

пор необходимого внимания, напр. большевики на международной арене. Здесь сказалась и слабость работы над изучением фактической стороны истории партии, и слабость разработки ленинской методологии ее. Институт Ленина (в частности его научно-исследовательская группа и ж. «Пролетарская революция») и общество историков-марксистов должны стать центрами работы критической мысли партии, направленной к разрешению коренных вопросов истории партии и ленинизма на основе непримиримой борьбы с оппортунистическими тенденциями в области изучения истории партии.

б) Освещение истории партии по периодам

Что касается изучения истории партии по периодам, то здесь имеется значительная неравномерность продвижения вперед на различных участках. Таких участков мы условно намечаем шесть: 1) предыстория большевизма «как течения политической мысли и как политической партии» (1880—1903 гг.); 2) эпоха первой революции и кануна ее (1903—1907 гг.); 3) период реакции и подъема (1907—1914 гг.); 4) период войны (1914—1917 гг.); 5) эпоха пролетарской революции и гражданской войны (1917—1920 гг.) и 6) эпоха нэпа.

1) Период до II съезда партии является сравнительно наиболее разработанным. Сюда относятся прежде всего два известных очерка истории партии т. Батурина и т. Лядова, затем ряд работ т. Невского: «Очерки истории РКП(б)», «Южно-русский рабочий союз», работа т. Сергиевского «Партия русских социал-демократов», книга В. Астрова «Экономисты—предтечи меньшевиков». Сюда же следует отнести и литературу, возникшую в связи с полемикой между тт. Ярославским и Ваганяном о роли Ленина и Плеханова в «Искре». Что касается документальной базы, то она довольно значительна. Особенный интерес представляют материалы «Ленинских сборников», освещающих эпоху «Искры». Мемуарная литература этого периода не особенно богата.

Целый ряд проблем этого участка истории партии остался совершенно не разработанным, имеются «провалы» в картине развития с.-демократии до II съезда, из них наиболее значителен период между I съездом и созданием «Искры». Совершенно недостаточно разработана история «Союзов борьбы» (что сказалось в дискуссии о I съезде партии), недостаточно изучена также борьба «Искры» за завоевание местных комитетов.

2) Эпоха 1903—1907 гг. Слабее разработан период кануна революции 1905 г. и революции 1905—1907 гг. Здесь нет таких фундаментальных работ, какие мы имеем для предыдущего периода, хотя документальная база его весьма значительна (особенно ценны материалы «Ленинских сборников» эпохи раскола и 1905 г.) и есть ряд монографий по истории классовой борьбы за этот период, напечатанных в сборниках «1905 год» под редакцией М. Н. Покровского. Из статей и докладов по этому периоду надо отметить статью т. Крамольникова о III съезде в одном из сборников «1905 год».

Важнейшие проблемы этого периода: проблема перерастания буржу-

азно-демократической революции, проблема вооруженного восстания, проблема размежевания и объединения. Требует особого изучения военно-боевая работа партии, борьба за руководство крестьянским движением, вопрос формирования самостоятельной большевистской партии в эпоху раскола и в годы революции, вопросы партийного строительства при переходе от нелегального положения к полулегальному.

3) По эпохе реакции и подъема дело обстоит особенно плохо. Документальная и мемуарная база этого периода крайне незначительны. Особенно по эпохе реакции (1907—1910). Из сборников и материалов надо отметить ценный сборник Московского истпарта «В годы реакции» и сборники «Из эпохи «Звезды» и «Правды» (3 выпуска), изданные Истпартом ЦК ВКП(б) и содержащие наряду с воспоминаниями и статьями и документальный материал, а также книгу Ольминского «Из эпохи «Звезды» и «Правды», книгу Каменева «Между двумя революциями» и сборник статей к 10-летию «Правды»—«Путь Правды». Этот период требует особого внимания как по линии создания документальной и мемуарной базы, так и по линии организации исследовательской работы. Важнейшие проблемы его: борьба партии на два фронта и примиренчество, соединение легальной и нелегальной работы и формы руководства рабочим движением, проблема кадров и др.

4) По эпохе империалистической войны имеется значительная документальная и мемуарная база, частью опубликованная, частью предназначенная к публикации в ближайшее время в «Архиве партии» и «Ленинских сборниках». Из книг мемуарного по преимуществу характера надо отметить работу т. Шляпникова «Канун 1917 г.» и воспоминания большевиков депутатов IV Думы тт. Самойлова и Бадаева. В качестве обобщающей работы по этому периоду надо указать на статью Баевского в I т. «Очерков истории Октябрьской революции» под редакцией Покровского, хотя и далеко не исчерпывающую вопроса. Необычайное богатство этого периода проблемами и актуальность этих проблем требуют коллективной работы и по этому несколько более освещенному периоду, чем предыдущий отрезок истории партии. Основными проблемами, требующими разработки, являются: 1) ленинское учение об эпохе империализма и пролетарской революции и его извращения со стороны Бухарина и Троцкого; 2) большевизм на международной арене; 3) подготовка перехода от лозунгов буржуазно-демократической революции к лозунгам пролетарской революции. Большой интерес представляют изучение антивоенной работы партии, борьба с меньшевиками за руководство рабочим движением и строительство партии в условиях военного подполья.

5) По периоду революции 1917 г. и гражданской войны (1917—1920 гг.) имеется значительная документальная база как по истории революции, так и по истории партии, монографии по революции 1917 г. («Очерки по истории Октябрьской революции» под ред. М. Н. Покровского) и гражданской войне и мемуары ряда активных участников этого периода. Из работ, освещающих отдельные проблемы этого периода,

надо указать на ряд работ Сталина, Молотова и др., работы т. Шляпникова: «1917 г.» и т. Кина «Об объединительных тенденциях в партии», книги т. Сорина о «левом коммунизме» и о «Рабочей группе» и т. д.

Из крупнейших проблем этого периода надо отметить проблему восстания как искусства, проблему формирования «армии революции» (Сталин), вопрос о ленинском генеральном плане социалистического строительства 1917—1918 гг. и др.

6) По эпохе нэпа. Систематическая разработка истории партии еще не начата. Большое значение для изучения истории партии этого периода имеет сборник статей т. Сталина «Об оппозиции». Кроме того надо отметить сборники «Рабочая оппозиция» и «Новая оппозиция» 1927 г. и др. материалы. Из важнейших проблем этого периода надо указать на проблему «смычки» в условиях нэпа, борьбу партии против правых и левых мелкобуржуазных шатаний и уклонов, проблему взаимоотношения партии и госаппаратов.

в) По организациям и национальным компартиям

В зачаточной форме находится научная разработка истории местных организаций и национальных компартий. Работа местных истпартов до сих пор шла исключительно по линии собирания воспоминаний и публикации документов. Наиболее ценным из этой литературной продукции является хроника, выпущенная к юбилею революции 1917 г. В качестве попыток дать связное изложение истории местных организаций на протяжении одного периода надо отметить книгу В. Троцкого по Самарской организации, Г. Флеера по Ленинградской и И. Меницкого по Московской. Все они, особенно последние две, являются недостаточно систематизированным подбором материалов охранки без серьезной попытки его критически проверить и сделать какие-либо обобщающие выводы.

Из попыток дать историю национальных компартий надо отметить как более серьезные—книгу т. Н. П. Попова по КП(б)У и книгу Ф. Махарадзе по компартии Грузии.

Наконец надо указать на оппортунистические тенденции у некоторых авторов в области изучения истории национальных компартий (Украины, Белоруссии и др.), которые пытаются объяснить возникновение нацкомпартий, как результат синтеза большевизма и национально-социалистических группировок (РУП, Белорусская Соц. Громада), так наз. теория «двухкоренности».

г) Учебники и популяризация

Дело изучения и дело преподавания истории ВКП(б) естественно тесно связаны друг с другом. Останавливаясь на попытках систематического изложения истории партии, надо отметить известные очерки по истории партии т. Батурина, долгое время служившие настольной книгой по истории ВКП(б). Сюда же в известной степени относятся вышедшие в 1924—1926 гг. книги т. Зиновьева и В. Невского: «История ВКП(б)»—краткий очерк. В настоящее время в качестве учебных пособий наиболее распространенными являются: «История ВКП(б)» (под ред. Е. Ярослав-

ского, т. I, 3—4), «Краткие очерки по истории ВКП(б)» Е. Ярославского, ч. 1 и 2 и «Очерк истории ВКП(б)» Н. Н. Попова. Последняя вышла в 10-м издании. Существующие учебники, так же как и хрестоматии по истории ВКП(б), страдают тем недостатком, что они не вполне приспособлены к преподаванию истории ВКП(б) ни в смысле своей структуры и популярности языка, ни в смысле соответствия объема материала по отдельным проблемам тому месту, которое может быть уделено им в соответствующих учебных курсах. Надо отметить попытку создания учебника по истории ВКП(б) на основе определенной программы АППО ЦК и МК ВКП(б) для вечерних партшкол II ступени группой товарищей из Методкомиссии АППО МК ВКП(б) по истории ВКП(б), недавно закончивших эту коллективную работу.

По линии популяризации отдельных моментов истории ВКП(б) сделано мало. Сюда надо отнести главным образом юбилейную литературу подчас невысокого качества. Из наиболее значительных популярных работ по истории ВКП(б) надо отметить: Керженцев «Страницы истории ВКП(б)», В. Адоратский «Большевики в годы реакции», Е. Ярославский «Большевики в 1917 г.», В. Сорин «Учение Ленина о партии».

III. СОСТОЯНИЕ РАБОТЫ В ОБЛАСТИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ПАРТИИ В ИНСТИТУТЕ ЛЕНИНА И ДР. ОРГАНИЗАЦИЯХ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Ввиду того, что до последнего времени все силы Института были поглощены работой по подготовке 2-го издания Сочинений Ленина, лишь теперь в связи с окончанием этой работы возможно приступить к развертыванию коллективной разработки научной истории партии в целом и отдельных моментов ее. В связи с этим недавно организован кабинет истории ВКП(б) в Институте Ленина, где начинает разворачиваться работа по изучению истории партии. В первую очередь организуется работа по эпохе империалистической войны и по 1917 г. В этой работе принимают участие работники Института, слушатели ИКП и отдельные товарищи, работающие в области истории ВКП(б).

В крупнейших местных истпартах подготовляется ряд работ по истории Октябрьской революции и истории партии и издаются историко-партийные журналы «Красная летопись» (Ленинград) и «Летопись революции» (Харьков).

В Институте красной профессуры на историко-партийном отделении идет изучение эпохи войны в семинарии т. Бубнова, эпохи 1917 г.— в семинарии т. Кина и народничества—в семинарии т. Невского.

В историко-партийной секции Общества историков-марксистов на очереди стоят доклады о борьбе на два фронта, о классовой борьбе в переходный период и о ленинском понимании нэпа и военного коммунизма.

Одним из видов концентрации научных сил является научно-исследовательская группа при Институте Ленина, проработавшая ряд проблем истории партии и ленинизма (за последнее время доклад т. Борилина).

Серьезное значение в деле мобилизации и концентрации научно-исследовательских сил в области истории партии приобретает журнал института «Пролетарская революция», который за последнее время приобретает все более характер научно-исследовательского органа. В 96 вышедших номерах журнала имеется богатый не только мемуарный и документальный, но и статейный материал.

IV. ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Итак, несмотря на большие пробелы в изучении истории партии и ряд неисследованных проблем, все же в настоящее время имеется достаточно подготовленная база для углубленной научно-исследовательской работы в области изучения истории партии, а также постепенного создания новых кадров историков партии в центре и на местах.

На этой базе возможен переход к плановой научной разработке истории партии. На этой почве начался процесс концентрации работы по изучению истории ВКП(б) и изживания распыленности, раздробленности и параллелизма.

Организующим центром работы партийной мысли в области истории ВКП(б) должен стать Институт Ленина, вокруг которого необходимо сплотить всех товарищей, работающих в этой области. Это сплочение возможно на базе непримиримой борьбы со всеми уклонениями от ленинской линии на этом участке идеологического фронта. Институт Ленина совместно с Институтом красной профессуры и О-вом историков-марксистов должен развернуть большую научно-общественную работу по изучению важнейших вопросов истории ВКП(б) и оживить работу критической мысли партии вокруг обсуждения спорных проблем партийной истории и ленинизма.

Дело изучения истории партии необходимо сочетать с выполнением боевой задачи по созданию соответствующих кадров.

В связи с этим насущно необходимым является создание при Институте Ленина Института по воспитанию кадров из историко-партийного отделения ИКП. Это должно быть крупнейшим шагом в деле концентрации сил, работающих в области истории партии, ленинизма, партстроительства и истории Коминтерна. Этим самым создается мощный центр научно-исследовательской работы в этих областях.

Рост научно-исследовательских сил в крупнейших пролетарских центрах, с одной стороны, и назревшая необходимость создания научной проработки истории отдельных парторганизаций и нацкомпартий,—с другой, ставят в порядок дня реорганизацию истпартов в ряде крупнейших центров в историко-партийные научно-исследовательские институты.

На основе учета всего опыта изучения истории партии в предыдущие годы и на основе имеющихся реальных предпосылок Институт Ленина должен в течение ближайших месяцев разработать конкретный перспективный план научной разработки истории ВКП(б).

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

НЕСКОЛЬКО СПОРНЫХ ВОПРОСОВ

По поводу работы Я. Резвушкина «Учение Ленина о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую» [1]

1. ИЗЛОЖЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИДЕЙ ЛЕНИНА

а) Две перспективы

Как Ленин представлял себе в период первой русской революции развитие России *после* завершения буржуазно-демократической революции?

Я. Резвушкин, на наш взгляд, дает недостаточный ответ на этот вопрос.

Предварительно заглянем в «Две тактики социал-демократии в буржуазно-демократической революции». Здесь мы находим два *несходных* между собою ответа на поставленный в начале вопрос.

Ответ один:

«Марксисты безусловно убеждены в буржуазном характере русской революции. Что это значит? Это значит, что те демократические преобразования в политическом строе и те социально-экономические преобразования, которые стали для России необходимостью, сами по себе не только не означают подрыва капитализма, подрыва господства буржуазии, а наоборот, они впервые очистят почву настоящим образом для *широкого и быстрого*, европейского, а не азиатского *развития капитализма*, они впервые *сделают возможным господство буржуазии как класса*» (т. VI, стр. 328. Курсив мой.—*М. С.*)

Ответ другой:

«Мы не должны бояться (как боится Мартынов) полной победы социал-демократии в демократической революции, т. е. революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, ибо такая победа дает нам возможность поднять Европу, а европейский социалистический пролетариат, сбросив с себя иго буржуазии, в свою очередь поможет нам *совершить социалистический переворот*» (т. VI, стр. 358. Курсив мой.—*М. С.*)

Один ответ предполагает так называемый «американский путь» развития *капитализма* в России, другой ответ предполагает перерастание буржуазно-демократической революции в *социалистическую*. Как «примирить» эти два разных ответа на вопрос о развитии России после завершения буржуазно-демократической революции.

В нашей литературе мы находим различные попытки «примирения» этих двух ответов Ленина.

Есть объяснение, которое берет один первый ответ, оставляя в тени другой. Так, например, А. С. Мартынов в своей работе «Ленин и аграрный вопрос в России», подводя итог полемике Ленина с Парвусом и Троцким о «рабочем правительстве», пишет: «*Даже если бы Ленин думал* в 1905 г., что наша революция может после победы превратиться из буржуазной в социалистическую, и

[1] См. К. Попов и Я. Резвушкин, О перерастании бурж. демокр. революции в социалистическую. Гиз. 1929.

что мы должны держать на это курс, даже и в этом случае он не торопился бы с выставлением требования чисто рабочего правительства» [1]. Из этой фразы следует, что Ленин в 1905 г. вовсе не думал, «что наша революция может после победы превратиться из буржуазной в социалистическую». Это не обмолвка А. С. Мартынова. Нет. Он действительно считает, что Ленин в 1905 году прямо не говорил: «мы не только совершим буржуазную революцию, мы выйдем за ее рамки...» [2] Ленин этого «не говорил» и те его высказывания о выходе «за рамки» буржуазной революции вытекали «только из логики борьбы». Иначе и быть не могло—думает А. С. Мартынов—ибо все равно «революция, зайдя дальше экономически возможного, потом вынуждена будет отступить...» [3]

Рассуждение А. С. Мартынова сводится к следующему: Ленин в 1905 году считал возможным для России, после победы буржуазно-демократической революции, только один путь развития, именно путь развития капитализма и подготовки пролетариата к социалистической революции в «нормальных» условиях «нормального» парламентского режима, а «выход» из рамок буржуазной революции Ленин считал возможным только «для того, чтобы действительно осуществить» буржуазную революцию.

Противоположное объяснение мы находим у Г. Зиновьева в «Ленинизме» и у Я. Резвушкина в его работе.

Я. Резвушкин прямо пишет, что «Ленин *всегда говорил* о неизбежном и притом революционном переходе от демократического этапа революции к социалистическому», что «Ленин всегда видел и указывал *на неизбежность* перехода от буржуазного этапа революции к социалистическому» [1].

Если можно попытаться «примирить» «американскую возможность» и «социалистическую возможность», как делает Д. Кардашев [2], то уже никак нельзя «помирить» А. Мартынова и Я. Резвушкина. У Ленина мы встречаем перспективы развития России и по «американскому» пути («Самое широкое, свободное и быстрое» развитие капитализма, обеспечивающее «господство буржуазии как класса») и возможность перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую (переход «от борьбы за свободу к борьбе за социализм»). А. С. Мартынов берет только одну первую возможность, Я. Резвушкин—только одну вторую.

До победы буржуазной революции Ленин противопоставлял «американскую возможность «прусской возможности и *боролся за американскую* возможность против прусской. Однако это не значит, что *борьба за американский* тип развития «снимала» возможность прусского пути развития. Прусский тип развития «снимался» бы только в случае победы американского типа.

Победа американского типа означала доведение буржуазно-демократической революции до конца, ее победу. Ленин считал возможной такую победу и боролся за нее. Пролетариат и крестьянство могли завершить буржуазно-демократическую революцию, могли обеспечить американский путь развития, но Ленин никогда не забывал, что такая возможность не единственная, что была

---

[1] А. С. Мартынов, Ленин и аграрный вопрос в России, изд. «Красн. новь», 1924 г., стр. 34.

[2] Там же, стр. 40. Курсив мой.—*М. С.*

[3] Там же, стр. 41.

[1] К. Попов и Я. Резвушкин, О перерастании, стр. 84—85. Курсив мой.—*М. С.*

[2] См. ниже.

другая возможность, прусская, что существует опасность победы прусского пути и что, если победит прусский тип, «снимается» американская возможность. В 1909 году Ленин спорил с И. И. Степановым-Скворцовым по этому вопросу. «Разногласие в том, утвердился ли в России настолько буржуазный аграрный строй, чтобы сделать объективно невозможным крутой переход от «прусского развития аграрного капитализма к «американскому» развитию аграрного капитализма». И. И. Степанов считал, что в России уже невозможен переход от прусского пути к американскому, что прусский путь уже настолько прочно «утвердился», что возможность американского пути «снимается». Ленин утверждал обратное: «Я не отрицаю возможности «прусского пути»; я признаю, что марксист не должен ни «ручаться» за один из этих путей, ни связывать себя только с одним из них; я признаю, что политика Столыпина делает еще шаг вперед по прусскому пути, и что на этом пути на известной ступени может наступить диалектический перелом, *снимающий* с очереди все надежды и виды на «американский» путь. Но я утверждаю, что *сейчас* этот перелом, наверное, еще не наступил» [1]...

До победы буржуазной революции Россия могла пойти *по одному из двух возможных путей* развития: *либо* по американскому, *либо* по прусскому. *После* победы буржуазной революции Россия могла *пойти только по одному пути* развития,—пишет А. С. Мартынов,—именно по американскому пути развития капитализма. Так, по мнению А. С. Мартынова, думал и об этом говорил и писал Ленин. Верно, что, по мнению Ленина, перед Россией стоял только один путь развития,—пишет Я. Резвушкин,—но этот путь есть «неизбежное» перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Вопрос стоит так: как Ленин представлял себе развитие России *после* победы буржуазно-домократической революции. Либо он считал, что победа буржуазно-демократической революции обеспечивает развитие в России «американского» капитализма и на этом останавливался—тогда прав А. С. Мартынов; либо он считал, что победа буржуазно-демократической революции в России обеспечивает «неизбежное» перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую,—тогда прав Я. Резвушкин; либо он считал, что победа буржуазно-демократической революции «открывает» *две* возможности развития: *или* американского типа развития, *или* перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую,—и тогда не правы ни Мартынов, ни Резвушкин.

Но можно ли вообще противопоставлять «американскую возможность» и «социалистическую возможность».

Д. Кардашев считает, что нельзя:

«Американскую» концепцию пути исторического развития России нельзя противопоставлять *социалистической концепции* того же исторического пути, а необходимо *вторую диалектически вывести* из первой» [1].

Дальше Д. Кардашев объясняет почему «нельзя противопоставлять» эти две концепции»:

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. XV, ч. 1, Гиз, 1926 г., стр. 313.

[1] Д. Кардашев, Проблема перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую в свете ленинской теории «американского» и «прусского» пути развития России. «Пролетарская революция», № 5 (88) за 1929 г., стр. 58.

«Центр тяжести проблемы «прусского» и «американского» путей развития России лежит не в том, что оба эти исторически преходящие пути являются путями капиталистическими, а в том, что «американская» возможность, положенная Лениным в основу его теории революционно демократической диктатуры, оплодотворившая эту теорию, имела своей целевой установкой максимальное *стимулирование* развития производительных сил России. Поскольку это стимулирование, на определенном поворотном пункте двух исторических эпох, *объективно* не могло иначе быть реализовано как через посредство прорыва капиталистической системы и выхода на социалистический путь строительства,—«американская» возможность тем самым *неизбежно* должна была *перерасти* в возможность социалистическую»[1].

Собственно говоря, Д. Кардашев становится на ту же точку зрения, на которой стоит Я. Резвушкин. «Американскую возможность» нельзя противопоставлять «социалистической возможности» потому, что первая «перерастает» во вторую, а это перерастание возможно лишь в случае перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Если «американскую возможность» нельзя противопоставлять «социалистической возможности», потому что первая «перерастает» во вторую, то такое утверждение имеет смысл лишь при условии *обязательного*, «неизбежного» перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Необходимо отметить, что такое утверждение противоречит другому утверждению Д. Кардашева. Вывод о том, что «нельзя противопоставлять» эти две возможности, базируется на предпосылке *неизбежного* перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Между тем, Д. Кардашев считает, что, по мнению Ленина, буржуазно-демократическая революция 1905 года *не обязательно* перерастает в социалистическую: «Пролетариат, который в качестве вождя и руководителя воинствующей мелкобуржуазной демократии доводит вместе с нею буржуазно-демократическую революцию до конца, удерживает завоеванные демократические позиции и в дальнейшем либо *переводит ее на социалистические рельсы* (буржуазно-демократическая революция *перерастает* в *социалистическую*), либо *терпит поражение*»[1].

Так вот, как же быть в том случае, если пролетариат после завершения буржуазно-демократической революции «терпит поражение»? В этом случае, очевидно, нельзя говорить о перерастании американской возможности... в социалистическую возможность. В этом случае, очевидно, надо говорить об «американском» пути развития капитализма. Если Д. Кардашев перевод революции «на социалистические рельсы» противопоставляет поражению пролетариата (после победы буржуазно-демократической революции), то он *обязан* «американскую возможность» противопоставлять «социалистической возможности». Если пролетариат в союзе с крестьянством проводит «буржуазно-демократическую революцию до конца»

[1] Там же, стр. 60.

[1] Д. Кардашев, Проблема перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую в свете ленинской теории «американского» и «прусского» пути развития России. «Пролетарская революция», № 2—3 (85—86), стр. 121.

и «удерживает завоеванные демократические позиции», то этим самым *снимается* «прусский тип» развития; если *после* этого («в дальнейшем») пролетариат терпит поражение, то этим самым снимается «социалистическая возможность». Остается «третья» «американская возможность»—не правда ли, т. Кардашев?

Таким образом, Д. Кардашев в своей работе не решает поставленный выше вопрос: как Ленин представлял себе в период первой русской революции развитие России после завершения буржуазно-демократической революции. С одной стороны, Д. Кардашев говорит, что «нельзя противопоставлять» «американскую возможность» «социалистической возможности», а надо говорить о перерастании первой «возможности» во вторую, и, таким образом, приписывает Ленину утверждение о «неизбежном» перерастании буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, но, с другой стороны, Д. Кардашев считает возможным «поражение пролетариата» *после* завершения буржуазно-демократической революции и таким образом признает, что после завершения буржуазно-демократической революции перед Россией открывались два пути: либо перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, либо «поражение пролетариата», т. е. «американский» путь развития капитализма.

Для более полного выяснения взглядов Ленина на развитие России, после завершения буржуазно-демократической революции в период 1905 года, необходимо рассмотреть еще следующий вопрос: может ли «вообще» завершиться буржуазно-демократическая революция, не перерастая в социалистическую? Такая абстрактная (без указания эпохи) постановка вопроса оправдывается тем, что некоторые товарищи почти так абстрактно решают этот вопрос.

В эпоху буржуазных революций эти революции завершаются, не перерастая в революцию социалистическую.

В эпоху мировой пролетарской революции буржуазно-демократическая революция не может разрешить всех своих задач, не перерастая в революцию социалистическую. В частности «наша» буржуазная, февральско-мартовская революция 1917 года не могла разрешить всех буржуазных задач, не перерастая в революцию социалистическую. Об этом, насколько мне известно, нет разногласий в среде революционных марксистов. Из многочисленных, за последнее время, высказываний по этому вопросу приведу одно, наиболее компетентное. В передовой «Большевика» за 1927 г., № 21 читаем: «Меньшевики, утверждавшие, что революция 1917 года является революцией буржуазной, не поняли тех громадных классовых сдвигов, которые произошли в экономическом и политическом развитии России между двумя революциями, и особенно изменений, внесенных мировой империалистической войной. Они не осмыслили того факта, что, с одной стороны, в революции 1917 года необычайно окрепли элементы социалистической революции, а с другой стороны, того факта, что радикальное разрешение требований буржуазно-демократического характера *не могло произойти* без перехода к революции социалистической» [1].

Это положение подчеркивалось также на I Всесоюзной конференции историков-марксистов и в научно-исследовательской группе института Ленина (в обоих случаях по докладу К. По-

[1] Курсив мой. — *М. С.*

пова); причем оно (данное положение) распространялось на все буржуазно-демократические революции, происходящие в современную эпоху[1].

Бесспорно, что в 1917 году «радикальное разрешение требований буржуазно-демократического характера не могло произойти без перехода к революции социалистической», также бесспорно, что «в современную эпоху всякая буржуазно-демократическая революция будет неизбежно перерастать в социалистическую»; однако нас сейчас интересует другое, а именно: как в 1905 году Ленин представлял себе соотношение между полным разрешением задач буржуазно-демократической революции, с одной стороны, и ее перерастанием в революцию социалистическую, с другой?

На I Всесоюзной конференции историков-марксистов М. Мишин критиковал утверждение К. Попова, что Ленин в 1905 году считал необходимым условием перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую полное завершение буржуазно-демократической революции. Доказывал М. Мишин неправильность такого утверждения опытом 1917 года: революция 1917 года доказала, что буржуазно-демократическая революция не может вообще разрешить всех своих задач, не перерастая в социалистическую. Что буржуазно-демократическая революция в 1917 г. не могла выполнить всех своих задач, это верно, но этого и не отрицал К. Попов в своем докладе. Указывая на полную победу демократической революции, как условие ее перерастания, он говорил об эпохе первой русской революции и о взглядах Ленина в *этот период* на завершение буржуазно-демократической революции.

Надо прямо сказать, что в этом вопросе К. Попов прав. Радикальное разрешение буржуазно-демократических задач в 1905 г. Ленин считал *предварительным* условием перехода к революции социалистической. Мы не нашли у Ленина ни одной фразы, где бы соотношение между завершением буржуазно-демократической революции и ее перерастанием в социалистическую в период первой революции было поставлено по-иному. Если в 1917 г. положение было таково, что выполнение важнейших задач буржуазно-демократического характера было невозможно без перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, то в 1905 году Ленин считал необходимой предпосылкой перехода к социалистической революции предварительное разрешение основных задач буржуазно-демократического характера[1].

И здесь снова встает перед нами тот вопрос, от которого мы несколько ушли вперед: как Ленин представлял себе развитие России после завершения буржуазно-демократической революции в период первой русской революции?

Ответ на этот вопрос таков: победа буржуазно-демократической революции в 1905 году открывала перед Россией два пути: либо «американский тип» капитализма, либо перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. «Либо буржуазия свергает революционную диктатуру проле-

[1] «...В современную эпоху всякая буржуазно-демократическая революция чревата перерастанием, событиями мирового значения, т. е. всякая буржуазно-демократическая революция будет неизбежно перерастать в социалистическую»... Из выступления Кина в Институте Ленина. См. «Пролетарская революция», № 5 (88) за 1929 г., стр. 180.

[1] «Труды I Всесоюзной конференции историков-марксистов». Изд. К. А., т. I. Доклад К. Попова и прения по докладу.

тариата и крестьянства, либо эта диктатура зажигает Европу и тогда...» [1]. Здесь Ленин прямо указывает на *две* возможные перспективы развития России после завершения буржуазно-демократической революции.

Как до завершения буржуазно-демократической революции возможны были два пути развития России: либо «прусский», либо «американский», так после ее завершения Россия могла пойти по одному из двух возможных путей: либо по «американскому» пути, либо по пути перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Как до победы буржуазно-демократической революции Ленин видел возможность двух путей и не «связывал» себя «только с одним из них», не «ручался за один из этих путей» [2],— так после завершения буржуазно-демократической революции Ленин не связал бы себя только с одним из двух возможных путей, не ручался бы только за один из них. Как до победы буржуазно-демократической революции Ленин боролся за «американский» путь *против* «прусского» пути, так после победы Ленин стал бы бороться за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистичеескую *против* «американского» пути развития капитализма в России.

Правда, в плане перерастания не исключена возможность развития капитализма в раскрепощенной деревне [3], но это не «американский» *путь* развития капитализма; это только его начало, которое «обрывается» перерастанием буржуазно-демократической революции в социалистическую. «Для Ленина рисовались три пути нашей революции: первый путь—реформистский, «прусский» путь, второй путь—основанный на «американском» пути развития капитализма у нас в деревне и третий путь—максимально возможный—это перерастание, которое отрицает первый путь и обрывает второй» [1]. Так, в период первой русской революции смотрел Ленин на возможности исторического развития России: до победы буржуазно-демократической революции шла борьба между прусским и американским путями, после победы демократической революции борьба поднялась бы на новую высшую ступень: либо американский путь капитализма, либо перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

б) Корни контрреволюционности русской буржуазии

Я. Резвушкин утверждает, что корни контрреволюционности русской буржуазии надо искать в особом, *крестьянском* характере русской буржуазной революции.

«Буржуазия в крестьянской буржуазной революции,—как говорит Ленин,—становится контрреволюционной силой».

«Таким образом, в соответствии с эволюцией либеральной буржуазии, которая вытекала из общего характера русской буржуазной революции, как ре-

---

[1] Ленин, Картина временного рев. правительства. Сочинения, т. VII, стр. 331.

[2] См. письмо к И. И. Степанову-Скворцову.

[3] «Громадный рост производительных сил—вся деревенская интеллигенция, все технические знания бросаются на подъем сельскохозяйственного производства, избавления от пут (культурники, народники и т. д.). Гигантское развитие *капиталистического* прогресса...». Ленин, Картина временного революционного правительства. Сочинения, т. VII, стр. 380.

[1] К. А. Попов, Заключительное слово в научно-исследовательской группе Института Ленина, «Пролетарская революция», № 5 (88) за 1929 г., стр. 193.

волюции буржуазно-крестьянской, Ленин приходил в конце концов к выводу о контрреволюционности русской буржуазии, к оценке русской революции как *буржуазной революции, без революционной буржуазии*» [1].

Верно, что «национальная особенность» русской буржуазной революции заключается в *крестьянском* характере этой революции, но непонятно, как *эта* особенность толкает русскую буржуазию к контрреволюции. Отвлечемся пока от других особенностей русской революции и представим себе, какую позицию должна была бы занять буржуазия в революции, если бы отмеченная выше особенность русской революции была *единственной* ее особенностью. «Гвоздь» революции—«крестьянская борьба за землю» (Ленин). Противоречит ли переход помещичьей земли к крестьянам классовым интересам русской буржуазии? Нет. Даже наоборот: интересы промышленности требуют широкого внутреннего рынка, а развитие внутреннего рынка упирается в крепостническое землевладение и крестьянское малоземелье. Таким образом крестьянский характер русской буржуазной революции должен был скорее оттолкнуть буржуазию от контрреволюции.

Все дело в том, что отмеченная выше особенность нашей буржуазной революции *не* единственная. Другая особенность русской буржуазной революции заключается в том, что ее гегемоном является пролетариат. Вот *эта-то* особенность и есть «источник» контрреволюционности русской буржуазии. Я. Резвушкин указывает в своей работе и на этот «источник» контрреволюционности русской буржуазии. Он, очевидно, считает, что русская буржуазия контрреволюционна и *потому*, что революция *крестьянская* и потому, что «классовая борьба пролетариата с буржуазией... делала ее контрреволюционной силой» [1]. Очевидно, Я. Резвушкин, допустил эту ошибку потому, что Ленин очень часто связывал вопрос «об особой роли крестьянства» с вопросом об источниках контрреволюционности русской буржуазии. Но «связывал» эти два вопроса Ленин не как причину и следствие, а поиному. «Связь» крестьянской революции с контрреволюционностью русской буржуазии не прямая, а посредственная, именно: *пролетариат*, становящийся во главе крестьянской революции, *толкает* буржуазию к контрреволюции. Контрреволюционность русской буржуазии Ленин выводит не из остроты аграрного вопроса, а из ее классового положения.

«По взгляду большевиков, на пролетариат ложится активная задача довести до конца буржуазно-демократическую революцию, быть вождем ее. Возможно это лишь при том условии, если пролетариату удастся повести за собой массы демократической мелкой буржуазии, особенно крестьянства, в борьбе с самодержавием и с предательской либеральной буржуазией. Неизбежность предательства этой буржуазии выводилась большевиками еще тогда, до открытого выступления главной либеральной партии к.-д., *выводилась из классовых интересов буржуазии, боявшейся пролетарского движения*» [2].

Буржуазия в русской революции контрреволюционна не потому что революция крестьянства, а потому, что во главе крестьянской революции становится пролетариат.

[1] К. Попов и Я. Резвушкин, стр. 114. Курсив автора.

[1] Там же, стр. 119.

[2] Ленин, Сочинения, т. XI, стр. 272.

2. КРИТИКА ТРОЦКИЗМА

а) Метод критики троцкизма

В тактике троцкизма Я. Резвушкин исходит из правильного положения: «перманентная революция Троцкого есть разновидность меньшевизма». Мимоходом отметим следующее: Я. Резвушкин правильно говорит, что «разновидность» предполагает как общее, так и различное, но он недостаточно четко разграничивает, в чем же именно состоит общее у Троцкого и прочих меньшевиков и в чем различное.

Мы считаем, что *общее* для всех меньшевиков (и Троцкого в том числе) заключается: 1) в либеральном понимании русского исторического процесса[1], 2) в неверном понимании теории диктатуры пролетариата[2], 3) в неверном понимании теории пролетарской революции[1].

Мы считаем, что о *различии* между Троцким и прочими меньшевиками можно говорить лишь в связи с оценкой конкретных путей и характера русской революции; «о троцкизме, как о самостоятельном течении, можно говорить только лишь в связи с вопросом об оценке характера и перспектив развития революции»[2].

Это мимоходом.

Перейдем к методу критики Я. Рез-

---

[1] М. Н. Покровский еще в 1922 году отмечал сходство вводных глав к «1905» с плехановским «Введением» к «Истории русской общественной мысли». В сборнике «Марксизм и особенности исторического развития России» М. Н. Покровский вскрывает классовые корни зарождения и эволюции либеральной «философии истории» России: от Чичерина—Соловьева-Ключевского, через Струве и Милюкова к Плеханову и Троцкому.

С. Дубровский в работе «К вопросу о сущности азиатского способа производства...», подходя к критике исторической теории меньшевизма несколько с иной точки зрения («азиатофильство»), тоже устанавливает сходство Плеханова и Троцкого в оценке русского историчесского процесса. Да это сходство может «прощупать» каждый, кто захочет сравнить плехановское «Введение» к «Истории русской общественной мысли» с вводными главами Троцкого к «1905».

[2] Что такое диктатура пролетариата по Ленину?

Диктатура пролетариата есть власть, опирающаяся на союз пролетариата и трудящихся масс крестьянства для «полного свержения капитала», для «окончательного создания и упрочения социализма».

Что такое диктатура пролетариата по Троцкому?

Диктатура пролетариата есть власть, вступающая «во враждебные столкновения» с «широкими массами крестьянства» и ищущая разрешения противоречий *лишь* «на арене мировой революции пролетариата».

Чем отличается эта «теория перманентной революции» от известной теории меньшевизма об отрицании идеи диктатуры пролетариата?

По сути дела ничем.

Сомнения невозможны. «Перманентная революция» не есть простая недооценка революционных возможностей крестьянского движения. «Перманентная революция» есть такая недооценка крестьянского движения, которая ведет к *отрицанию* ленинской теории диктатуры пролетариата.

«Перманентная революция» т. Троцкого есть разновидность меньшевизма» (Сталин, «На путях к Октябрю», 2-е изд. Гиз, 1925, стр. XIX—XX).

[1] «Перманентная революция» т. Троцкого есть отрицание ленинской теории пролетарской революции, и, наоборот, ленинская теория пролетарской революции есть отрицание теории «перманентной революции».

«Чем отличается теория т. Троцкого от обычной теории меньшевизма о том, что победа социализма в одной стране, да еще в отсталой, невозможна без предварительной победы пролетарской революции в основных странах Западной Европы?

По сути дела ничем.

Сомнения невозможны. Теория «перманентной революции» т. Троцкого есть разновидность меньшевизма» (Сталин, там же, стр. XXVIII).

[2] «История ВКП(б)» под ред. Е. Ярославского, т. III, Гиз. 1929, стр. 902.

вушкиным теории перманентной революции Троцкого.

Я. Резвушкин берет все высказывания Троцкого, и старые и новые, и из этих высказываний «конструирует» предмет своей критики—теорию перманентной революции Троцкого. Между тем теория перманентной революции, как она сложилась у Троцкого «в промежуток между 9 января и октябрьской стачкой» (Троцкий, «1905», стр. 4), позднее была в отдельных «пунктах» значительно *изменена* самим Троцким. Дело обстояло таким образом: историческая действительность отвергала (и неоднократно) теорию «перманентной революции»; Троцкий не сказал—тем хуже для исторической действительности,—нет, он видоизменил свою теорию, «подгонял» ее под действительность, идущую мимо его теории. Как гимназист, не умеющий решить задачки, подгоняет ее под ответ, помещенный в конце учебника, так Троцкий, не способный решить проблемы путей русской революции, задним числом «подгонял» свое неверное решение проблемы под историческую действительность. «Уроки Октября» достаточно яркий к тому пример: ведь как Троцкий бьется с фактом февральской *буржуазной* революции: она-де и не имеет никакого самостоятельного значения, она-де «не заключала в себе никакой устойчивости», она-де результат «временных условий, какие создала война» и т. п.[1],—и все это нужно Троцкому потому, что в его теории перманентной революции *нет* «национальной» буржуазной революции.

Возьмите вы все основные работы Троцкого, написанные *до* революции 1917 г., и во всех этих работах найдете тезис о невозможности в России «национальной», буржуазной революции.

Вот один из многочисленных отрывков, где Троцкий развивает эту свою мысль:

«*Национальная буржуазная революция в России невозможна за отсутствием подлинно-революционной буржуазной демократии.* Время национальных революций прошло, по крайней мере для Европы—так же, как и время национальных войн. Между теми и другими глубокая внутренняя связь. Мы живем в эпоху империализма: это не только система колониальных захватов, но и определенный внутренний режим. Он противопоставляет не буржуазную нацию старому режиму, а пролетариат—буржуазной нации»[1].

Сопоставим с этой цитатой другую цитату из работы Троцкого, написанной им в 1928 году (эту работу «Перманентная революция и линия Ленина» цитирую по работе Я. Резвушкина):

«Таким образом, во всех этих цитатах (речь идет о многочисленных цитатах Троцкого, которые он привел из своих старых работ.—*Я. Р.*)—их число можно бы удвоить, утроить и удесятерить—перманентная революция изображена как такая революция, которая сплачивает вокруг организованного в советы пролетариата угнетенные массы города и деревни; *как национальная* (читать, как буржуазная.—*Я. Р.*) *революция, которая поднимает пролетариат к власти и тем самым открывает возможность перерастания демократической революции в социалистическую*».

После этой цитаты из Троцкого Я. Резвушкин пишет:

«Выходит, что и раньше Троцкий го-

---

[1] Троцкий, «Уроки Октября». См. Сочинения, т. III, ч. 1, стр. XVII—XIX.

[1] Троцкий, Борьба за власть. «Наше слово» 17 октября, 1915 г., см. «1905», стр. 289.

ворил и понимал свою теорию как теорию перерастания. Но здесь Троцкий, несмотря на употребление ленинского термина—перерастание—*явно воспроизводит* свою теорию перманентной революции»[1].

Как раз наоборот—тов. Резвушкин: Троцкий здесь «*отказывается*» от одного из своих центральных тезисов, который он отстаивал и против Ленина в течение 12 лет. Раньше Троцкий утверждал, что «национальная буржуазная революция в России невозможна», теперь он говорит, что «перманентная революция» и есть «национальная» революция. По существу мы имеем здесь отказ Троцкого от одного из кардинальных пунктов теории «перманентной революции», правда, по форме этот отказ произведен таким образом, что может кой-кого сбить с толку.

К критике троцкистской теории перманентной революции нужен исторический подход, а у Я. Резвушкина как раз это именно и отсутствует. «Исторический подход» не в том смысле, чтобы показать, как Троцкий все время говорит одно и то же (как мы видели на одном примере, дело обстоит не так), а в том смысле, чтобы показать, как Троцкий, под непрерывными ударами исторической действительности, опровергающей его особую теорию, изменяет ее, «подгоняя» под действительный процесс революции[2].

Отсутствие такого исторического подхода у Я. Резвушкина и приводит к тому, что он, цитируя обе приведенные мною цитаты из Троцкого (из «Борьбы за власть», на 307 стр., а из «Перманентной революции и линии Ленина» через 15 страниц), не видит того, что это не «воспроизведение», а отказ от одного из важнейших тезисов троцкистской теории перманентной революции.

Троцкий должен был объяснить действительность, исходя из своей теории, или, обратно, он должен был объяснить свою теорию, исходя из действительности. А так как теория «перманентной революции» «оказалась» не соответствующей действительности или, обратно, действительность отвергла теорию Троцкого, то он должен был «согласовать» свою теорию с действительностью. Это «согласование» теории с жизнью Троцкий производил (и все еще производит) по двум линиям: 1) по линии исправления и дополнения своей теории, 2) по линии исправления и дополнения самой действительности.

Я. Резвушкин удачно показал, как Троцкий «исправляет» действительность, но он совсем не показал, как Троцкий «исправляет» свою теорию.

б) Об основной ошибке теории перманентной революции

В связи с недостаточным подходом к критике троцкистской теории перманентной революции у Я. Резвушкина имеется неправильное объяснение основной ошибки Троцкого[1].

---

[1] К. Попов и Я. Резвушкин, стр. 336—337. Курсив в цитате из Я. Резвушкина мой.—*М. С.*

[2] Или возьмите, например, вопрос о победе пролетарской революции в одной стране: когда тезис Троцкого о невозможности победы *пролетарской революции* в одной стране был опровергнут Октябрьской революцией, тогда Троцкий «подменил предмет спора»; он этот вопрос заменил *новым* вопросом: о победе социалистического строительства в одной стране.

[1] Во избежание недоразумений еще раз подчеркиваю, что у нас идет речь *не* об исторических и *не* об общетеоретических предпосылках троцкизма (в *этом* троцкизм целиком совпадает с меньшевизмом), а об оценке Троцким характера и перспектив развития русской революции (т. е. как раз о том, чем Троцкий выделяется от других меньшевиков).

Я. Резвушкин правильно пишет, что Ленин считал основной ошибкой Троцкого «игнорирование буржуазного характера» русской революции[1].

Мы видим, что «игнорирование буржуазного характера» русской революции означало у Троцкого отрицание самой возможности «национальной» буржуазной революции, что это положение Троцкого было опровергнуто жизнью и что в 1923 г. Троцкий, по сути дела, «отказался» от этого тезиса. «Прыжок» Троцкого через буржуазную революцию заключался в утверждении: «национальная буржуазная революция в России невозможна».

Я. Резвушкин «прыжок» Троцкого через буржуазную революцию видит не в этом: он считает главным образом на основании «Перманентной революции и линии Ленина», что Троцкий признавал возможность буржуазной революции в России, а его прыжок через буржуазную революцию, по мнению Я. Резвушкина, заключается в том, что Троцкий «в буржуазной революции говорит о рабочем правительстве».

«Конкретно же игнорирование, «прыжок» через буржуазно-демократическую революцию в 1905 году у Троцкого нашло выражение в том, что он в буржуазно-демократической революции говорил не о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, а о рабочем правительстве. Но это рабочее правительство в понимании Троцкого отнюдь не являлось социалистическим правительством. Таким образом Троцкий в своей теории имеет в виду какую-то особую форму рабочего правительства в *буржуазной* революции. Правда, Троцкий говорит, что «не может быть речи о какой-то особенной форме пролетарской диктатуры в буржуазной революции». Но этим Троцкий лишь обнаруживает, что у него существует большая путаница в вопросе о власти. Троцкий говорит о невозможности того, что как раз у него имеется. В вопросе о власти обнаруживается вся теоретическая беспомощность Троцкого перед лицом того *противоречия*, которое имеется в его теории. Суть этого противоречия, как мы видим, сводится к тому, что Троцкий говорит о рабочем правительстве в *буржуазной* революции»[1].

Я не имел возможности читать работу Троцкого «Перманентная революция и линия Ленина»; может быть в этой работе Троцкий действительно говорит «о рабочем правительстве в *буржуазной* революции», но в старых работах Троцкий говорит не об этом; в работах, написанных до 1917 г., Троцкий говорит о рабочем правительстве, перед которым станут «*объективные социалистические задачи*». В старых работах (до 1917 г.) Троцкий говорит о «столкновении» рабочего правительства с «хозяйственной отсталостью страны», причем эта «хозяйственная отсталость страны», стоящая в непримиримом противоречии с «социалистическими задачами» рабочего правительства, заводит рабочее правительство в тупик, выход из которого «на мировой арене пролетариата».

«Перед революционной властью будут стоять объективные социалистические задачи, но разрешение их на известном этапе столкнется с хозяйственной отсталостью страны. В рамках национальной революции выхода из этого противоречия нет. Перед рабочим правительством с самого начала встанет за-

[1] К. Попов и Я. Резвушкин, стр. 308.

[1] К. Попов и Я. Резвушкин, стр. 324.

дача: соединить свои силы с силами социалистического пролетариата Западной Европы»[1].

Ошибка Я. Резвушкина в том, что он «заставляет» Троцкого отвлечься от западно-европейской пролетарской революции; он «конструирует» теорию перманентной революции Троцкого без «государственной помощи» западно-европейского пролетариата. Между тем основная черта теории «перманентной революции» в том и заключается, что эта теория исходит из предпосылки *обязательной* «государственной помощи» западно-европейского пролетариата. «Рабочее правительство» в России может удержаться *только* при «государственной поддержке» западно-европейского пролетариата, *другого выхода* для русской революции *нет*—такова одна из основных черт «перманентной революции». Выбросьте из этой теории «государственную поддержку» западно-европейского пролетариата и у вас уже будет не теория «перманентной революции», ибо Троцкий «государственную поддержку» считал *обязательным* условием победы русской революции. По сути дела Я. Резвушкин так и делает, когда «обвиняет» Троцкого в признании им возможности буржуазной революции и в признании в *этой* революции рабочего правительства.

Я. Резвушкин говорит о противоречивости тезиса «рабочего правительства в буржуазной революции» (если «рабочее правительство», то это социалистическая революция, если же буржуазная революция, то нельзя говорить о рабочем правительстве) и считает, что «это противоречие эклектической теории Троцкого».

Мы считаем, что суть дела здесь не в противоречии *внутри* теории Троцкого, а в противоречии между теорией Троцкого и действительностью. До 1917 года Троцкий говорил о рабочем правительстве, перед которым станут «объективные социалистические задачи»; выполнить эти задачи рабочее правительство могло бы только в случае «государственной поддержки западно-европейского пролетариата. «Национальную» буржуазную революцию в России Троцкий до 1917 года считал невозможной. Февральская революция отвергнула тезис Троцкого о невозможности в России «национальной» буржуазной революции, опыт строительства социализма в России отверг тезис Троцкого об обязательной *«государственной* поддержке» западно-европейского пролетариата. *После этого* печального для троцкистской теории опыта Троцкий вынужден был «дополнить» свою теорию, отвергнутую жизнью. Такие произведения Троцкого, как «Послесловие» к «Программе мира», «Уроки Октября», являются попытками исправления и дополнения теории «перманентной революции». Это, так сказать, второе издание теории «перманентной революции». Это издание надо было сравнить с первым изданием, особо разобрать каждое и показать, что оба издания не верны, ибо нельзя «исправить и дополнить» теорию, целиком отвергнутую жизнью.

Повторяю, что я не имел возможности читать «Перманентную революцию и линию Ленина», но те цитаты, которые приводит в своей работе Я. Резвушкин, наводят на мысль, что в этой работе Троцкий снова, и в довольно значительной степени, пересматривает, исправляет и дополняет свою теорию перманентной революции. Повидимому, это будет уже «третье издание» теории перманентной

[1] Троцкий, Наши разногласия, см. «1905», 3-е изд., стр. 286.

[2] К. Попов и Я. Резвушкин, стр. 325.

революции. Так вот, может быть, в «третьем издании» теории перманентной революции Троцкий действительно говорит о «рабочем правительстве в буржуазной революции», и тогда критика Я. Резвушкиным этого тезиса Троцкого имеет смысл.

Во избежание недоразумений необходимо добавить, что и до 1917 г. Троцкий говорил о «буржуазном» характере русской революции, но, говоря так, он почти всегда брал в кавычки слово «буржуазный». Это значит, что Троцкий считал русскую революцию «буржуазной» в том смысле, что перед ней «непосредственно стоят буржуазные цели», но в смысле движущих сил и *перспектив* развития революции Троцкий ясно говорил о невозможности в России буржуазной революции. Россия стоит прежде всего перед буржуазной революцией, но «буржуазная революция в России невозможна»,—вот суть троцкистского тезиса о буржуазной революции в России. Из такого представления о буржуазной революции никак нельзя было сделать вывода о «рабочем правительстве в буржуазной революции».

Кроме этого необходимо указать, что в некоторых старых статьях Троцкого есть фразы, из которых при желании можно сделать вывод о «рабочем правительстве в буржуазной революции». Таков, например, отрывок из статьи «На пути во вторую Думу», помещенный во II томе его «Сочинений» под названием «Перспективы дальнейшего развития революции». Этот отрывок и использовывает Я. Резвушкин для доказательства того, что Троцкий и раньше выставлял тезис о «рабочем правительстве в буржуазной революции».

«О том, что Троцкий программу пролетариата, ставшего у власти, не всегда считает программой *диктатуры пролетариата*, свидетельствует он сам. В отрывке «О перспективах дальнейшего развития революции» Троцкий пишет:

«Из анализа социально-политических отношений я прихожу к выводу, что *решительная* победа демократической России над крепостнической должна передать кормило в руки пролетариата; что проведение в жизнь всех основных лозунгов демократии будет совершено организацией, прямо и непосредственно *опирающейся на городских рабочих, а через них на всю народную плебейскую тактику*».

«Значит,—комментирует Я. Резвушкин,—проведение всех основных лозунгов демократии Троцкий возлагает на власть пролетариата. Но мыслит ли он, что «демократическое обновление» страны будет являться *программой диктатуры пролетариата*, а следовательно, будет ли «господство пролетариата» диктатурой пролетариата? Оказывается,—далеко нет».

«Нет,—говорит Троцкий в этом же отрывке,—я исхожу из более ограниченной мысли, что полное демократическое обновление страны немыслимо без милиции, без выборной бюрократии и выборного суда. Разве это программа диктатуры пролетариата? Кажется, нет. Почему же рецензенту (т. е. Иорданскому.—*Я. Р.*) моя критика (буржуазной демократии.—*Я. Р.*) «непонятна» вне идеи непосредственной борьбы за рабочее правительство? Не знаю. Может быть, просто вследствие его собственной непонятливости».

«Отсюда видно еще раз,—пишет далее Я. Резвушкин,—что если для Троцкого аксиомой является, что при решительной победе пролетариата у власти оказывает пролетариат, то это еще не означает, что господство пролета-

риата является социалистической диктатурой пролетариата»[1].

Нам представляется, что суть отрывка, из которого приведены цитаты, не в том, в чем видит ее Я. Резвушкин. В этом отрывке Троцкий *противопоставляет* свою критику буржуазных партий, с одной стороны, анализу «социально-политических отношений», на основе которых он приходит к выводу о «рабочем правительстве», с другой.

«Мои «безбрежные мечтания»,—объясняет Троцкий Иорданскому,—опираются на более серьезные соображения, критики которых я, повторяю, еще только жду. Что же касается моей полемики с буржуазными партиями, то она, оставляя часть всей агитационной деятельности нашей партии, только усиливает буржуазную демократию»[2].

В критике буржуазных партий Троцкий исходит из «всей агитационной деятельности нашей партии», т. е. из чисто меньшевистских *тактических* предпосылок. «Я говорю своей критикой, что... буржуазная демократия... должна развить демократическую программу и революционную тактику до конца... Я исхожу из той... мысли, что честная и последовательная демократия... должна поднять знамя полного народовластия». «Я думаю, что подобная критика не только не препятствует росту оппозиционных сил, но, наоборот, оказывает ему незаменимую услугу, так как неизменно поддерживает левое крыло демократии против ее правого крыла».

Ведь это же чисто мартыновская «критика» буржуазной демократии. Это и есть «знаменитая» тактика «подталкивания» буржуазии к власти. Чем это отличается от следующего мартыновского положения: «Борьба за влияние на ход и исход буржуазной революции может выразиться только в том, что пролетариат будет оказывать революционное давление на волю либеральной и радикальной буржуазии, что более демократические «низы» общества заставят его «верхи» согласиться довести буржуазную революцию до ее логического конца»[1].

Буквально ничем не отличается.

Иорданский обвинял Троцкого в том, что его критика буржуазных партий понятна лишь с точки зрения «непосредственной борьбы за власть между буржуазией и пролетариатом». Троцкий возражал, что это не верно, что «моя критика» буржуазных партий исходит из тех же предпосылок, на которых стоит и Иорданский, и что, исходя из *этой критики*, Троцкий не приходит к идее диктатуры пролетариата. Он прямо говорит, что его критику буржуазных партий надо брать «*вне идеи непосредственной борьбы за рабочее правительство*».

После этого Троцкий пишет: «Правда, *из анализа социально-политических отношений* я прихожу к выводу, что решительная победа демократической России над Россией крепостнической должна передать кормило в руки пролетариата»[2].

Мы уже видели, что к такому выводу «из анализа социально-политических отношений» Троцкий пришел потому, что по этому анализу «национальная буржуазная революция в России невозможна *за отсутствием подлинно-революционной буржуазной демократии*».

Одно дело критика буржуазных партий, исходя из которой нельзя притти к выводу о рабочем правительстве, дру-

[1] К. Попов и Я. Резвушкин, стр. 322—323.

[2] Троцкий, Сочинения, т. II, ч. 1, стр. 452, 453, 454.

[1] Мартынов, Две диктатуры, стр. 78.

[2] Троцкий, Сочинения, том II, ч. 1, стр. 453.

гое дело анализ «социально-политических отношений», исходя из которого «я прихожу к выводу» о рабочем правительстве,—разъясняет Троцкий непонятливому Иорданскому свою «разносторонность».

Но как же в этом случае объяснить две противоположных оценки буржуазной демократии, которые встречаются у Троцкого. В самом деле: либо мы сами идем к власти (борьба за рабочее правительство), либо подталкиваем к власти буржуазную демократию (мартыновская тактика); либо буржуазная демократия есть, тогда можно ее (если не подталкивать к власти, то хотя бы) критиковать, либо буржуазной демократии вовсе нет, тогда нельзя же в самом деле критиковать (а тем более подталкивать к власти) пустое место.

Здесь мы должны иметь в виду: 1) что троцкизм, как и всякий оппортунизм, есть течение довольно «эластичное», 2) что Троцкий, после первой революции, не дал ни одного *своего тактического лозунга*, который вытекал бы *из его особой концепции* характера и перспектив революции, 3) что беспринципность Троцкого в вопросах организационных, отталкивавшая его от большевиков, толкала его к меньшевикам в вопросах тактических, 4) что Троцкий, исходя из желания повести за собой всю партию, делал шаги и к меньшевизму и к большевизму»[1].

Так что, когда Я. Резвушкин берет критику Троцким буржуазных партий и *отсюда* делает вывод о буржуазной революции, или когда Я. Резвушкин берет анализ «социально-политических отношений», данный Троцким, и *отсюда* делает вывод о рабочем правительстве, то он правильно излагает Троцкого; но когда Я. Резвушкин «соединяет» рабочее правительство с буржуазной революцией, то он не учитывает того факта, что Троцкий сам противопоставлял свою теорию перманентной революции, с одной стороны, и критику буржуазных партий, с другой. Ведь к идее рабочего правительства Троцкий приходит исходя из анализа «социально-экономических отношений», в котором буржуазная демократия «отсутствует» (это и есть теория «перманентной революции»), а к критике буржуазных партий Троцкий подходит с точки зрения подталкивания буржуазии к власти, исключающей борьбу за рабочее правительство (уже не теория «перманентной революции», а «классический» меньшевизм).

М. Степанов

---

[1] Например, статья «Революция и ее силы», вышедшая в 1906 г. в издательстве большевиков «Новая волна», несомненно является шагом Троцкого к большевизму. Троцкий в этой статье делает уступку большевизму в крестьянском вопросе, причем характер этой уступки чрезвычайно оригинален. В этой статье Троцкий пишет, что «революция забилась в тупик» и что из этого тупика ее может вывести (думаете «государственная поддержка» западно-европейского пролетариата» — нет) «революционная стихия в лице деревни». В этой статье Троцкий предлагает опираться *не на рассудок крестьянства, а на его предрассудок*: «пока крестьянство не изживет в революционной борьбе своих иллюзий (т. е. предрассудков. М. С.), оно не может стать опорой порядка...—пишет Троцкий —... *а иллюзии крестьянства так огромны*, что революционное кипение деревни будет еще длиться неопределенно долгое время» («Сочинения», т. II, ч. 1, стр. 438—452). Статья «Революция и ее «силы» чрезвычайно любопытна и вряд ли ее можно понимать как выражение собственных взглядов Троцкого, скорее она является попыткой изложить большевистские взгляды на крестьянство. Надо ли добавлять, что большевистские взгляды изложены Троцким неверно, что, следовательно (если наше предположение верно), Троцкий не понимал большевистской оценки крестьянства.

РЕЦЕНЗИИ

А. В. БАКУЛИН. Записки об уханьском периоде китайской революции. Научно-исследовательский институт по Китаю. Госиздат, 1930 г. стр., 280, тир. 5 000, цена 2 р. 50 коп.

Рецензируемая книга распадается на две части. В первой—автор приводит в форме дневника запись событий, которые он имел возможность в большинстве случаев непосредственно наблюдать в Ханькоу в самый разгар китайской революции, с конца 1926 до середины 1927 г. Вторая часть составлена из материалов и официальных документов, относящихся к тому же времени.

Автор не претендует на обобщающие выводы, он не собирается давать углубленный анализ событий этой интереснейшей главы китайской истории. Он ставит перед собой более скромные задачи. Он знакомит читателя с фактическим материалом, излагает в большинстве случаев как очевидец, «что и как происходило в исторические дни революционного Уханя». Благодаря этому его работа приобретает специальный интерес.

Книга Бакулина затрогивает исторический отрезок, известный как Уханьский период китайской революции. Крупнейшие победы одерживает национально-революционная армия. Она теснит северных реакционных милитаристов, овладевает огромнейшими территориями. Существенные и весьма чувствительные удары наносятся по международному империализму. Небывалого подъема достигает революционная борьба рабочего класса. Широкой, необъятной волной разливается крестьянское движение. Китайская революция идет в гору. А вместе с ростом революционного протеста усиливается и обостряется борьба между пролетариатом и буржуазией за гегемонию в революции.

Дневник автора сразу вводит читателя в круг этих полных драматизма событий. Живые, непосредственные наблюдения автора красочно передают картину развивавшейся тогда борьбы, позволяют ощущать пульс тогдашней политической жизни Китая. Беглые впечатления автора, отмеченные отдельными штрихами, дополняют обрисовку тогдашней политической обстановки в Китае.

Середина ноября 1926 года. Автор переносит вас в Ханькоу, на территорию английской концессии. Перед вашими глазами некогда грозный полисмен маячит теперь на посту с опущенными руками, поблекший, не в силах в чем-либо противодействовать революционно настроенной толпе. А вот перед вами колоритная фигура китайского кули. Мирившийся вчера с рабскими условиями труда, китайский рабочий сегодня пробуждается к политической жизни. Ширится стачечная борьба, захватывающая буквально все предприятия, начиная с крупных до самых мелких. «И вдруг кули, которого еще вчера никто не считал человеком, прекращает работу, дерзко говорит со своим мастером, гонит штрейкбрехеров с предприятия, используя при этом организованную им же самим рабочую дружину—с дубинками и пятиконечными звездами на синих фуражках. И нет этому кули сопротивления...»

Наряду с этим развивается крестьянское движение. Вначале идет оно по руслу частичных требований: снижение налогов, уменьшение арендной платы, отстранение от власти плохих чиновников и джентри. Но вскоре крестьянская борьба развертывается вокруг лозунгов захвата власти и раздела земли. Все более ярким пламенем разгорается антимилитаристическая борьба. Революционно настроенные массы городской бедноты запружают улицы Ханькоу. В первых числах января 1927 г. героическим приступом толпа захватывает английскую концессию. Дневник автора, посвященный этим дням, передает горячее дыхание трудящихся масс, штурмующих без руководства вождей и вопреки воле гоминьдановских лидеров, твердыни международного империализма. Руководство компартии не возглавляет и не организует этой борьбы. Оно целиком поглощено верхушечным комбинаторством. В политотчете ЦК от

8 января высказывается следующая, характерная для тогдашнего руководства мысль: «По нашему мнению, создать хорошие отношения между Ван Цзинвэем и Цзян Кай-ши и между другими генералами—самая важная задача, стоящая перед нами. Если мы не сможем разрешить ее, то и все национальное движение будет абсолютно разрушено». С этой точки зрения понятно, что Чень Ду-сю расценил захват концессии как случайный инцидент, нарушивший действительную революционную работу.

Но не только с массовым движением и деятельностью компартии знакомят читателя авторские дневники. Перед вами проходит целая галлерея портретов гоминьдановских вождей, командиров национальной армии. Вот Тан Шен-чжи, который путем «кропотливого» собирания средств сколотил себе солидный капитал, большую часть которого он предусмотрительно хранит в английском банке. «Он владеет землей в компании с несколькими буддийскими храмами и в то же время участвует в скупке земель с каким-то орденом миссионеров. Он состоит акционером многих торгово-промышленных компаний, в том числе и в компании по содержанию публичных домов в Чанша. Имеет свой пароход на Янцзе, дома и отели в Чанша» и т. д. А вот другой портрет. «В качестве характерного типа тех генералов, которые остались в Ухани, следует назвать Лу Цзо-луна, бывшего комдива 7 войск У пэй-фу. Своей изменой он облегчил южанам захват города. По обычаю добровольно сдающихся генералов оставляют целыми и невредимыми, и они получают новое назначение. И Лу Цзолун получил новое назначение, даже с повышением—ныне он командир 15-го корпуса национальной революционной армии. Он имеет несколько домов в Ханькоу, дом с усадьбой в Хуайджоу, до ста квадратных ли земли, занимается все время скупкой земель у мелких землевладельцев, сдавая ее от себя через субарендаторов мелким крестьянам. Имеет до 10 млн. долл. денег, вложенных в банк...»

Заслуживает внимания еще та часть дневника Бакулина, в которой дается характеристика левого крыла гоминьдана. Интересна приведенная автором выдержка из речи одного из лидеров т. н. «Левой лиги гоминьдана» Кам Най-гуаня, который 4 декабря 1926 г. в числе прочего заявил следующее: «У левых гоминьдановцев в данное время нет необходимого, как политического, так и организационного, единства. Это единство—организационное и идейное—необходимо ныне создать. Если у Дай Цзи-тао (политический лидер правых) теперь нет уже храбрости бороться с коммунистами, то у нас она есть. Мы готовы на эту борьбу, и мы добьемся того, чтобы идеология коммунистов не имела слишком большого распространения в гоминьдане и чтобы коммунисты не отнимали у гоминьдана массового движения». Наряду с этим из уст этих же «левых» раздавались требования по адресу рабочих подчинить свои классовые «узкие» интересы общенациональным. И здесь руководство компартии, вместо того чтобы сплачивать и объединять борющиеся массы, продолжало свою линию на заигрывание и капитуляцию перед гоминьдановскими вождями. Плоды этой ошибочной установки общеизвестны.

Мы не станем излагать всего дневника т. Бакулина. Укажем лишь, что читатель найдет в нем немало материалов о тех перипетиях революционной борьбы, которые характеризовали уханьский период. Усиливающееся давление империалистических держав, нарастающее недовольство буржуазии массовым движением, углубляющийся экономический кризис, все большие колебания вправо гоминьдановской головки,—все это достаточно картинно описано в рецензируемой книге. Дневник обрывается 6 июня, когда Ухань стоял перед изменой и перебежкой на сторону реакции ряда военных главарей, когда уханьские лидеры негласно благословляли всяческие репрессивные меры по отношению к рабочему и крестьянскому движению, когда разоружались рабочие пикеты, подвергались на периферии разгрому пролетарские организации. Уханьский центр продолжал еще существовать. Но логика борьбы толкала ухань-

ских лидеров в объятия нанкинской реакции и раздельное существование Уханя от Нанкина,—как заключает автор,—с каждым днем становилось все более бессмысленным. Из дневников Бакулина читатель почерпнет немало фактов и доказательств оппортунистических ошибок руководства киткомпартии в эти критические дни, ошибок, обрекавших китайскую революцию на поражение.

Половину книги занимают хорошо подобранные и систематизированные по разделам чрезвычайно интересные материалы и документы. Хорошо представлен рабочий вопрос, крестьянское движение и уханьский гоминьдан. Слабее в документах освещена политика интернационалистов и деятельность киткомпартии. Особенное внимание заслуживает доклад Мао Цзэ-дуна после его объезда Хунани в январе—феврале 1927 г. Этот доклад дает яркое представление о развертывавшейся аграрной революции в китайской деревне. Бесчисленная толпа рабов-крестьян низвергает там своих врагов-людоедов». Мао Цзэ-дун—один из теперешних вождей легендарной красной армии, о героических походах которой телеграф ежедневно нам приносит известия, уже тогда решительно выступал против оппортунистической теории, навеянной буржуазным влиянием, о так называемой «чрезмерности» крестьянской борьбы. «Революция—это не банкет, не стихотворение, и не вышивка: для революции требуются резкие меры, бурное движение. Один класс низвергает другой. Революция в деревне обозначает, что класс крестьян свергает класс землевладельцев. Крестьянам нужно для этого применение насилия, в противном случае они ничего не смогут добиться».

В заключение, чтобы у читателя не сложилось превратное представление, мы вынуждены остановиться на одном ошибочном утверждении т. Бакулина. Речь идет об аграрной платформе, принятой в октябре 1926 года пленумом ЦК киткомпартии. На 51 стр. рецензируемой книги автор пишет, что эта платформа была утверждена Исполкомом Коминтерна. И далее автор указывает, что в этой платформе были выдвинуты лозунги только частичных требований крестьян, в то время как вопросы захвата крестьянами власти и земли были обойдены. Это не совсем точная характеристика октябрьской аграрной платформы. Но дело не в этом. По наведенным нами справкам ИККИ никогда ее не утверждал и мы поэтому считаем необходимым предостеречь читателя от неверной оценки позиции ИККИ по китайскому вопросу. Как раз в ноябре 1926 года VII пленум ИККИ дал развернутые тезисы по китайскому вопросу.

Если не считать этого ляпсуса, то в остальном книга т. Бакулина должна быть признана полезной и должна быть широко рекомендована.

П. Миф

М. АБУЗИАМ. Восстание в Палестине. Издание «Московский рабочий», стр. 86, тираж 3 000, цена 60 коп.

Восстание в Палестине является поворотным пунктом для национального освободительного движения не только в Палестине, но и всего арабского Востока. Брошюра т. Абузиама именно и является попыткой дать оценку августовским событиям в Палестине под углом зрения их громадного революционизирующего значения для трудящихся масс не одной только Палестины, но и Арабистана вообще. Цель автора не просто нарисовать картину событий, но дать анализ движущих сил этих событий и выявить те непосредственные социально-экономические и политические факторы, которые явились предпосылками к восстанию. Каковы же эти предпосылки? Массовая экспроприация крестьянских земель объединенными усилиями империалистов, сионистов и туземных помещиков, хронический кризис в стране, усиление налогового гнета империалистическим правительством, полицейский террор. С другой стороны, мы имеем возросшую политическую активность рабочего класса и крестьянства, выразившуюся еще задолго до восстания в целом ряде забастовок и аграрных волнений, растущую классовую солидарность между еврейскими и арабскими рабочими, рост влияния компартии,—все эти условия сделали возможным бурный подъем революционной

волны, которая, к сожалению, не получила должного руководства. Рядом фактов автор целиком опровергает буржуазную и социал-фашистскую ложь о том, что стимулом к восстанию явилась якобы исключительно религиозно-национальная ненависть арабских трудящихся масс к евреям. Этим самым все эти писаки хотят затушевать основной вопрос—борьбу угнетаемых масс Палестины, как и др. арабских стран с империализмом. Понятно, что сионизм, являясь прямой агентурой английского империализма, создает и предпосылки к национальной розни между отсталыми слоями арабского и еврейского населения, однако не эта рознь является стимулом августовских событий. Нападение арабских партизанов на английские военные части и на правительственные учреждения в Яффе, Наблусе и др. городах, широкое стихийное движение бедуинских и феллахских масс,—вот это, а не черные провокации реакции, являются «*определяющим, решающим моментом для августовских событий*» (стр. 64).

И именно на фоне этого массового движения реально и выпукло определяется роль различных социальных группировок и их место в новых грядущих боях пролетариата и крестьянства за освобождение от ига империализма. Феодально-помещичья туземная аристократия вкупе с буржуазной верхушкой пытается придать восстанию национально-религиозный характер и направить его по руслу погромов, одновременно принося раболепные заверения английской администрации в своей лойяльности и даже покорности. Еврейская буржуазия, «первенец» английского империализма, старается превзойти своих арабских конкурентов в шовинистической свистопляске, науськивая еврейских трудящихся против арабских рабочих, аплодируя зверствам, совершаемым над беззащитными женщинами и детьми. Часть мелкобуржуазной арабской интеллигенции занимает межеумочную позицию, подымая свой голос против национальной розни, но не делая никаких твердых попыток использовать боеготовность широких масс к наступлению против империализма. Что касается еврейской гистадрут, этой социал-фашистской опоры II Интернационала на арабском Востоке, то она целиком проявила себя как наиболее реакционная сила, являющаяся оплотом контрреволюции. Единственной подлинно-революционной организацией, пытавшейся указать верный путь восставшим массам, являлась палестинская компартия, смело выступившая с призывом к борьбе против британского империализма. Однако при всем самопожертвовании и личной отваге, которую проявили члены ПКП, все же партия в целом благодаря слабой еще своей связи с рабочим классом и крестьянством не сумела возглавить движение. Больше того, будучи застигнута событиями врасплох, партия не сумела вывести на улицу даже и тех рабочих, которые идут за нею. Ошибки, совершенные партией, в оценке т. Абузиама, заключались в следующем: 1) партия переоценила силу влияния реакционных исламских вождей на арабские массы и не учла мощности повстанческого движения; 2) воззвания партии не содержали в себе настоящих лозунгов действия: а) партия не поставила вопроса о захвате земли; б) воззвания партии не призывали к созданию феллахских и бедуинских ревкомов; в) партия слабо оттенила лозунги о национальном объединении всех арабских стран и создании всеарабской рабоче-крестьянской федерации (стр. 82). «Не пассивный интернационализм, не простое абстрактное братание должны проповедывать большевики в подобные моменты. ПКП должна была широко агитировать необходимость смелого наступления на империалистическое правительство, на туземную арабскую и еврейско-сионистскую буржуазию» (там же).

Можно сказать, что автору рецензируемой брошюры удалось не только дать в основном правильную оценку движущих сил палестинского восстания, но и определить основные вехи дальнейшего развития революционного освободительного движения в Палестине и сопредельных странах. Тем более досадно поэтому, что в своей брошюре тов.

Абузиам допускает ряд сугубо неверных установок по вопросам большой принципиальной важности.

Начнем хотя бы с анализа, данного автором возникновению политического сионизма. Оказывается, все дело в том, что «у евреев, живущих в царской России, сжатых тисками гнета, гонений со стороны царизма... появляется мысль о переселении «в страну отцов»—Палестину, о создании там своего национального еврейского государства (стр. 9). Мы понимаем, что, рассчитывая главным образом на рабочего читателя, интересующегося восстанием, а не генезисом сионизма, автор не мог подробно остановиться на нем, все же такое упрощенное толкование политического движения, характеризуемого в резолюции II конгресса Коминтерна как «яркий пример обмана рабочего класса угнетенной нации», является неправильным и вредным. Сказать, что «сионизм родился только из-за слабости еврейской буржуазии» (там же) и совершенно упустить другую сторону медали, а именно, что сионизм уже с самого своего возникновения является политическим орудием еврейской буржуазии в борьбе против революционного движения еврейских рабочих,—это значит забыть основное о сионизме.

Неправилен подход автора и к результатам сионистской колонизации в Палестине. Совершенно верно определяя сионистов, как прямых агентов английского империализма, он в то же время недооценивает хищнической сущности сионизма, заявляя, что «итог всей долголетней сионистской деятельности в Палестине равен нулю» (стр. 22). Нет сомнения, что как движение, претендовавшее поставить наголову и разрешить еврейский вопрос, сионизм целиком и полностью обанкротился, но «достижения» сионизма состоят в том, что он успел ограбить на миллион слишним дуламов земли арабских тружеников, веками кровью своей и потом обрабатывавших ее.

Тов. Абузиам, понятно, говорит и об этом, но как говорит? «За десятки лет своего существования сионисты приобрели в Палестине *всего* (курсив мой.—*Авигдор*) около одного миллиона дуламов земли» (стр. 13). Но ведь это «всего» составляет около 13% всей обрабатываемой земли, разве мог это автор забыть? Вообще же трудно себе представить, что капитал в 25 млн. фунтов стерлингов, ввезенный сионистами в Палестину (стр. 15), так-таки и сгинул, не оставив следа. Должно быть, это не совсем так. Автор впадает здесь в противоречие с самим собою, так как дальше он заявляет, что «небольшая кучка колонистской финансовой аристократии (?) имеет экономическую базу в стране и жаловаться на судьбу не может» (стр. 16). Что касается возведения еврейских кулаков-колонистов в финансовую аристократию, то это скорее всего является lapsus linguae у автора, но что этим кулакам не приходится жаловаться на свою судьбу, в этом мы с ним согласны. Жаловаться приходится, конечно, не им, а арабскому феллаху, согнанному с той земли, на которой уселись эти пауки.

Ошибочна в некоторых местах и оценка, даваемая автором арабскому национальному движению. Роль национальной арабской буржуазии в революционном освободительном движении послевоенного периода значительно переоценена в брошюре. Приписывать национальной буржуазии безоговорочно роль организатора и руководителя Сирийской революции 1925—1927 гг.—это значит не заметить революционной инициативы масс, далеко опередившей до и, особенно, во время восстания инициативу вождей, не заметить, что часто вопреки воле последних массы сами шли на штурм империализма, сами же находя и соответствующие формы борьбы. Иначе трудно себе объяснить и этот внезапный отход национальной буржуазии Сирии и Палестины от освободительного движения тотчас же по подавлении Сирийской революции. В том-то и дело, что массы переросли своих «вождей» и поэтому стали ненавистны последним. Особенно неверно и политически вредно ставить национальную буржуазию и ее партию Истиклал на одну доску рядом с компартией. Делать так—это значит стирать нестираемую линию, отделяющую

партию пролетариата от партии феодально-клерикальной и буржуазно-помещичьей верхушки. «Главный штаб Сирийского восстания—национальная партия *Истиклал работала в тесном контакте с компартией* (курсив везде мой.—*А.*). Представители палестинских и сирийских националистов *участвовали вместе с коммунистами в антиимпериалистической* лиге, революционные *националисты, как и коммунисты*, жестоко преследовались властями» (стр. 40). Где же тут, скажите, подчеркнута классовая революционная сущность, отделяющая коммуниста даже от революционных националистов?

Следующую крупную ошибку совершает автор в недооценке взаимоотношений сил между империализмом и арабской реформистско-предательской буржуазией. Недооценка эта выражена в следующей фразе: «Лейбористское правительство, *вынужденное заключить политический договор с Египтом* (курсив мой.—*А.*), стало перед вопросом об обеспечении охраны Суэца. Этот факт заставил «рабочее» правительство усилить резервную базу военными силами на другом берегу канала— в Палестине» (стр. 56). Заявлять так—это значит не понимать смысла того кабального договора, на который соглашается египетская буржуазия, предавшая интересы освободительного движения 15-миллионного трудового населения страны и перешедшая на другую сторону баррикады. Ведь именно согласно этому договору Египет и Судан окончательно становятся английскими колониями и этот же договор делает Англию единственным «охранителем» Суэцкого канала.

Если можно здесь говорить о вынужденности, то не «рабочее» правительство, а египетская буржуазия была вынуждена подписать этот акт рабства. Странно, как этого не понимает автор брошюры.

К сожалению, подобного рода ошибки, какие мы уже привели, у автора не единичны. Так, например, на стр. 80 он заявляет, что после полной почти консолидации туземной буржуазии на основе предательского соглашения с европейским империализмом «наступил период затишья. Молодежь берется за учебу, взрослые (?) начинают думать об экономическом возрождении». Одним словом, наступило идиллическое спокойствие, паиньки школьники добросовестно выполняют классные уроки, взрослые же, как это им и подобает, занимаются серьезными делами. Все бы казалось хорошо идет, «но как раз в это время выступает на арену арабский рабочий и вслед за ним идет арабская молодежь» (там же). Прямо-таки загадочное явление! Вдруг, откуда-то появился арабский рабочий, который безо всяких имевшихся к тому причин нарушил создавшийся было мир и благодать. А главное, что и паиньки-мальчики—арабская молодежь тоже «вдруг» стала отчаянным шалуном и «пошла по стопам пролетариата» (стр. 81). При всем нашем уважении к диалектике, такая внезапная метаморфоза арабской буржуазной молодежи, пока в большинстве еще находящейся под влиянием национал-реформистов, нам совершенно непонятна.

То же и относительно арабского рабочего. Арабский рабочий Палестины до восстания был классом в себе, восстание дало могучий толчок росту его классового сознания, и он лишь теперь начинает просыпаться к активной политической борьбе. До восстания в Палестие из 45 000 арабских рабочих было всего около 1 700 чел., организованных в профсоюзы (стр. 45 и 46), но и эти находились главным образом под влиянием националистов. «Рабочий класс Палестины, по словам автора, только начинает свое революционное развитие, только формируется, ...но он уже доказал свою способность руководить широким народным движением» (стр. 83—84). Не спешит ли и здесь автор с некоторыми выводами? Арабский рабочий получил громадный урок во время августовского восстания, урок, который несомненно научит его под руководством своей партии в тесном союзе с крестьянством стать во главе революционного движения, быть гегемоном революции, но это не значит, что он уже был им. Наоборот резолюция Политсекретариа-

та ИККИ о палестинском восстании констатирует следующее: «Рабочий класс отчасти остался пассивен, но во всяком случае он не выступал как самостоятельная сила и тем более не пытался овладеть гегемонией над движением».

Мы повторяем, что все эти ошибки и противоречия снижают ценность в общем очень интересной брошюры тов. Абузиама, и мы хотели бы надеяться, что к следующему изданию эти ошибки будут им выправлены.

Авигдор

Н. Н. БАТУРИН. Сочинения. Изд. И-та Ленина. М. 1930. 632 стр., тир. 3 000 экз., ц. 4 р.

Н. Н. Батурин—один из первых историков партии. Его «Очерк истории социал-демократии в России» является систематическим изложением тех занятий, какие он проводил в подпольных рабочих кружках. Этот очерк вышел из печати еще в 1906 г. и выдержал 12 изданий, часть «Очерков из истории рабочего движения 70-х и 80-х годов» были впервые напечатаны в «Календаре для всех на 1908 год», выпущенном издательством «Зерно» и явившемся для того времени ценной энциклопедией по рабочему движению.

В годы предвоенного подъема рабочего движения Батурин принимает самое непосредственное и активное участие в легальной рабочей прессе («Звезда» и «Правда»), после Октябрьской революции сотрудничает в «Правде», где помещает ряд корреспонденций о рабочем движении за границей. При организации Свердловского университета Батурину, как общепризнанному знатоку в вопросах истории рабочего движения, поручается ведение курсов по истории социализма, рабочего движения в России и коммунистической партии. Естественно, что и в работе специальной партийной организации по изучению истории партии (Истпарт) Н. Н. Батурин принимает самое активное участие и помещает ряд статей, освещающих отдельные моменты из истории партии в журнале Истпарта «Пролетарская революция». Такая революционно-публицистическая и особенно историко-партийная работа, продолжавшаяся почти четверть века (Н. Н. Батурин вступил в партию в 1901 г., умер в 1927 г.), не могла не оставить богатого литературного наследства. Вместе с тем работы Н. Н. Батурина не носят узко злободневного характера, а имеют общее значение и являются необходимым материалом и источником для всякого, изучающего историю партии. Поэтому решение Института Ленина собрать и издать все оставшееся после Н. Н. Батурина нельзя рассматривать как одно только желание отдать должное умершему товарищу, но оно отвечает и прямой задаче Института—содействовать ознакомлению широких масс с основными историко-партийными материалами и трудами.

Институт Ленина отнесся очень внимательно к собиранию и изданию сочинений Н. Н. Батурина. К сожалению, далеко не все работы Батурина оказалось возможным собрать. Пожар крымского санатория «Эриклик», где последние годы своей жизни лечился Н. Н. Батурин, уничтожил его основные труды, которым он посвятил много времени—«История большевизма», «Происхождение христианства» и стенограммы лекций по «Истории ВКП(б) и основам ленинизма», читанных в Воронежском с.-х. институте. Уничтожение архива «Правды» при наводнении 1923 г. не позволило установить авторство ряда статей того периода, когда Н. Н. Батурин работал в «Правде».

Сочинениям предпослан биографический очерк Н. Н. Батурина, в котором использовано большинство воспоминаний о Батурине. Этот очерк является лучшей иллюстрацией к историческим работам самого Н. Н. Батурина. Биография Н. Н. Батурина рисует стойкого и самоотверженного революционера, которого никакие преследования и невзгоды не могли отклонить с пути борьбы за социализм, не могли поколебать его взглядов.

Исторические сочинения Батурина тем выгодно отличаются от целого ряда других «историй», что он мало говорит о «делавших историю» лицах, а больше о социальных причинах явлений. Под-

ставляя на место безыменных революционеров самого Н. Н. Батурина, каким он рисуется из его биографии, читатель ясно поймет, почему большевизм оказался силой, одинаково успешно отражавшей как удары царизма, так и разлагающее влияние меньшевизма.

«Очерк истории соц.-дем. в России» достаточно известен, чтобы говорить о нем подробнее. По этой книге изучали историю партии тысячи ее членов. И хотя свою работу Батурин написал еще в 1906 г., когда в его распоряжении не могло быть тех возможностей, материалов и источников, какие имеются сейчас, однако и до настоящего времени работа Батурина не потеряла своей ценности. Основная черта этой работы—ее популярность наряду с научностью. Батурин ясно понимал, что популярность ни в каком случае не должна заменяться упрощенчеством и вульгаризацией. В своей статье «Рабочая газета» (стр. 242—274), напечатанной в № 1 «Звезды» в январе 1912 г. он очень часто показывает, как «рабочая газета» не должна превращаться в газету «для рабочих». И это требование Батурин умел полностью осуществлять во всех своих работах. Вместе с тем он резко обрушивается на всех историков, допускающих в своих работах небрежность в формулировках, неточность в изложении и объяснении событий.

Особенно резко критикует он в ряде статей исторические работы В. И. Невского. Ознакомление с этими статьями Батурина очень полезно, так как учит массового читателя, с какой серьезностью и требовательностью необходимо подходить к изучению исторических событий. Очень показательна для характеристики как самого Батурина, так и ценности всех его работ, даже небольших статей, фраза Н. Н. Батурина, приводимая в воспоминаниях Лепешинского: «Я не умею подготовлять книги к печати так, как блины пекут. По истории партии не прогуливаюсь, а серьезно подрабатываю ее». Поэтому исторические работы или воспоминания, написанные так, что авторы переносят свое сегодняшнее большевистское «я» на давно прошедшие события и пытаются подкрасить их под «стопроцентный ленинизм», вызывали всегда резкую отповедь со стороны Батурина. Эти его статьи, печатавшиеся в «Пролетарской революции», сохранили всю злободневность. Особенно интересны две статьи Н. Н. Батурина «О наследстве «русских якобинцев» (стр. 373—380) и «Еще о цветах русского якобинства» (стр. 392—405), направленные против попыток С. Мицкевича привести истоки большевизма к Ткачеву и народовольцам. Н. Н. Батурин дал в свое время уничтожающую и подробно мотивированную критику этих попыток, как «жестоко искажающих историческую перспективу». Однако то обстоятельство, что через 5 лет эти споры снова повторились и чуть ли не в тех же самых утверждениях, с ссылками на те же статьи и фразы Ленина и др., лишний раз показывает, как полезно было бы многим нашим «историкам» перечитывать уже вышедшие раньше работы.

Другая статья Н. Н. Батурина, «Группа «Борьба» (стр. 359—361), посвящена воспоминаниям Ю. Стеклова. И именно теперь, когда в связи с юбилеем главного организатора и вдохновителя группы «Борьба» Рязанова естественно ожидать возросшего интереса к этой страничке партийной истории, своевременно дать массовому читателю резкую, но полностью соответствующую исторической правде характеристику этой группы, данную Н. Н. Батуриным: «Самая целомудренная ортодоксия в области голых формул отлично уживалась с самым безнадежным соглашательством, сводившим на-нет всю чистоту и ортодоксальность взглядов» (стр. 361).

Итак, работы Н. Н. Батурина сохранили и сохранят свою ценность, и собрание его сочинений должно стать настольной книгой не только для историка партии, но и для широких партийных слоев, так как без знания прошлого нельзя понять настоящего. Работы же Н. Н. Батурина дают в популярной форме строго научное изложение истории классовой борьбы пролетариата.

А. Бур

М. ПОТАШ. Народнический социализм. Гиз, 1930 г., стр. 176, тираж 10 000, цена 50 к.

В литературе, посвященной истории революционно-народнического движения 70—80-х гг., мы наблюдали до сих пор определенную диспропорцию: исключительное обилие мемуаров и воспоминаний, богатейшая публикация документов и материалов этой эпохи, с одной стороны, и почти полное отсутствие работ, обобщающих и систематизирующих весь этот огромный фактический материал,—с другой стороны. Если в отношении изучения и восстановления фактической истории движения сделано очень много, если четкий марксистский анализ этого движения, его идейных основ, классовых корней и объективного значения дан в основном в работах Ленина, то зато в отношении популяризации истории народнического движения, разработки и оформления огромнейшего сырого материала, накопившегося по этому вопросу, сделано очень мало, причем, из всех сторон народнической истории в популяризации нуждается прежде всего изложение идейных основ этого движения, его противоречивой, чрезвычайно сложной и в то же время по-своему стройной мелкобуржуазной идеологии народнического социализма. В этом отношении книга тов. Поташа, посвященная проблеме народнического социализма, заполнила существующий пробел, снабжая читателя довольно популярной, небольшой по размерам брошюрой, правильно ориентирующей его в основных вопросах народнической идеологии. Автор сознательно ограничил свою задачу изложением прежде всего идейных основ народничества, оставляя в стороне детальное изучение фактической истории этого движения. Это одновременно достоинство книги и вместе с тем ее недостаток: ибо перенося центр внимания на характеристику народнической идеологии, подробно излагая основные направления этой идеологии и ее дальнейшую эволюцию, автор, ограничив свою задачу, получил возможность более широкого и глубокого толкования этой стороны народнической истории. Но оставив за пределами брошюры фактическую историю движения, тов. Поташ, тем самым, несомненно снизил популярность работы, как бы исходя из того, что основные факты народнического движения уже даны, уже известны читателю.

Правильная марксистско-ленинская оценка народнического социализма, выдержанная во всей брошюре, является основной заслугой книги т. Поташа. Важнейшие и наиболее существенные проблемы народнической идеологии: проблема просветительства и народничества, проблема взаимоотношения народничества и утопического социализма, характеристика основных направлений народнической идеологии, оценка классовых корней и объективного значения народничества, анализ ленинской и плехановской оценки народничества и различий между ними,—все это очень четко, удачно и в основном верно (хотя и несколько бегло в связи с размерами брошюры) освещено и формулировано автором.

Тов. Поташ правильно подчеркивает наличие в народнической идеологии «трех основных течений революционной мысли в России—*бакунизм, лавризм* и русский *бланкизм (ткачевизм)*» (стр. 85) и дает подробную характеристику каждому из этих течений в отдельности. Недостатком этого раздела брошюры является то, что тов. Поташ не взял эти направления в их соотношении, в их связи друг с другом, даже порой в их взаимном переплетении. В самом деле, несмотря на, казалось бы, явную противоположность бакунизма и бланкизма (ткачевизма), особенно в вопросах отношения к политической борьбе, можно наметить некоторые моменты связи между этими двумя направлениями. Бакунизм и бланкизм роднит общая мысль о близости социалистической революции, о совпадении экономического и политического переворота и, наконец, черты заговорщической организации есть и там и тут, несмотря на то, что теоретически бакунисты—ярые враги такого типа организации и сторонники партии, построенной на принципах федерализ-

ма, а не централизма [1]. Чрезвычайно показательна в этом отношении фигура Нечаева, как фигура своего рода анархиствующего бланкиста, идейно очень тесно связанного с Бакуниным, но в то же время являющегося основоположником заговорщического типа организации в России. Эта проблема противоположности и связи бакунизма и бланкизма стоила хотя бы беглого внимания автора. Недаром в голове тогдашнего революционного народника иногда так любопытно и своеобразно переплетались элементы всех трех вышеназванных идейных направлений. Но в то же время в этом вопросе наблюдается и другая закономерность: в определенные периоды народнической истории выдвигается на первый план и занимает господствующее положение какой-либо из оттенков народнической идеологии. И здесь неизбежно напрашивается вопрос о том, не проделала ли в некоторой мере народническая идеология определенный круг от *ткачевизма* и заговорщичества 60-х гг. к своей противоположности—*лавризму* (господствующему течению начала 70-х гг.) и через лавризм к *бакунизму*, чтобы потом, в конце 70-х и начале 80-х гг., опять вернуться к исходному пункту—к *ткачевизму*? В чем причина такой смены направлений и имела ли она место на самом деле, автор опять-таки обходит молчанием. Тем самым он дает лишь описательную характеристику существующих направлений, не вдаваясь в более подробный анализ.

Очень удачно тов. Поташ трактует другую проблему народнической идеологии—проблему соотношения социализма и политической борьбы, показывая, что даже «Народная воля», сделав шаг вперед в этом отношении, не могла выйти за пределы того порочного круга, который характерен для всех народников, не исключая и народовольцев, в решении этого вопроса. В данном случае Маркс еще на примере «истинных социалистов» в Германии показал, что мелкобуржуазная идеология вообще не в состоянии правильно решить эту проблему, и те противоречия, которые характеризуют эту идеологию по вопросу об отношении к политической борьбе, еще более подчеркивают и подтверждают ее мелкобуржуазный характер.

Народников больше всего пугала мысль, что свержение самодержавия в России и политический переворот приведут к господству капитализма в России и тем самым к ускорению гибели мелкого производителя. Выход отсюда был либо в проповеди аполитизма, политического индиферентизма, в противопоставлении борьбы за социализм политической борьбе, либо в мечтах об одновременности политического и экономического переворота, в проповеди захвата власти путем заговора. В противоположность мелкой буржуазии *пролетариат не боится буржуазной революции, не боится капиталистического развития и последствий его*. Ибо пролетариат, как указывает Ленин, часто страдает не только от развития капитализма, но и от недостаточности его развития, и политическая борьба, хотя не дает облегчения положения рабочих при капитализме, но помогает «*облегчению условий борьбы с* буржуазией» (Ленин, Сочинения, т. I, стр. 189). Поэтому Ленин всегда подчеркивал, что «русские с.-д. никогда не закрывали глаза на то, что политическая свобода, за которую они борются, принесет пользу прежде всего буржуазии» (Ленин, Соч., т. IV, стр. 156) и в то же время решительно призывал пролетариат к политической борьбе с буржуазией.

Мелкая же буржуазия, *которая боится буржуазного развития*, ибо законы развития капитализма не за нее, а против нее, выступает как противница политической борьбы (на определенном этапе), ибо переход политической власти в руки буржуазии окончательно конституирует буржуазное общество, вырывает базу из-под ног мелкой буржуазии, уничтожает мечты о возврате назад, отнимает надежды на особый специфический путь развития и, учреждая в России политический строй Запада, тем самым сближает судьбу капиталисти-

[1] Последний момент отмечает также и т. Поташ на стр. 73 своей брошюры, но к сожалению только вскользь, мимоходом.

ческого Запада и России. Противоречие по этой линии между мелкобуржуазной и пролетарской идеологией прекрасно формулировано у Ленина: «народник *боится* данного общественного развития, ибо он заметил уже эти противоречия» (противоречия капиталистического развития.—*Э. Г.*). «Ученик» (марксист.—*Э. Г.*) *верит* в данное общественное развитие, ибо он видит залоги лучшего будущего лишь в полном развитии этих противоречий».

Вопрос о народническом наследстве, о преемственной связи между народничеством и пролетарской партией тов. Поташ разрешает также совершенно правильно, базируясь прежде всего на ленинских указаниях по этому вопросу. Жаль только, что при характеристике позиций «Черного передела», очевидно совершенно невольно, весь ход изложения может привести читателя к выводу, что «Черный передел» знаменовал собой как бы отход от народничества, и что эта организация являлась в определенной мере переходной от народничества к марксизму. А между тем, вряд ли автор сознательно намечал подобный вывод. Вызывает сомнения также и то, что глава о возникновении марксизма дана в разделе «Эволюция народничества», что может, опять-таки против воли автора (ибо в целом брошюра направлена против такого вывода), создать впечатление, что эволюция народничества одной своей стороной шла по линии превращения его в марксизм.

А между тем, здесь возможна лишь персональная связь—переход отдельных народников и народовольцев на почву марксизма, но невозможна непосредственная эволюция определенных черт народнической идеологии или отдельных организаций, отдельных течений народничества в марксизм.

Брошюра т. Поташа вышла из печати как раз в период исполняющегося 50-летия «Народной воли». Юбилей несомненно поднял интерес и заострил внимание на вопросах народнического движения. В этом смысле книга издана как нельзя более кстати. Правда, как оговаривает т. Поташ в предисловии, работа уже находилась в печати, когда началась дискуссия в Обществе историков-марксистов, посвященная 50-летию «Народной воли». Поэтому автор не подверг в своей работе критическому разбору те точки зрения, которые выявились в этом споре. Но это не имеет существенного значения. Ибо совершенно правильно трактуя не в критической, а в положительной форме проблему народнического социализма, т. Поташ, тем самым дает правильную и четкую установку, помогающую читателю стать на верную точку зрения и самому разобраться во всех вопросах спора. Книга несомненно рассчитана и имеет все основания рассчитывать на самое широкое распространение. Отмеченные нами мелкие недочеты не меняют основного значения брошюры, которую в целом можно горячо рекомендовать как лучшее из имеющихся пособий и по данному вопросу.

Э. Генкина

НОВЫЕ КНИГИ

История ВКП(б) и ленинизм

Горев Б. Война в истории марксизма. Изд. Комакадемии. Тираж 5 000, стр. 31, ц. 15 к.

Шийк А. Расовая проблема и марксизм. Труды научно-исследовательской ассоциации по изучению национ. и колониальных проблем. Выпуск VI, М. Тираж 1500, стр. 396, ц. 3 р. 50 к.

Ярославский Ем. О новейшей эволюции троцкизма. Изд. Комакадемии. Тираж 25 000, стр. 30, ц. 15 к.

Революционное движение и классовая борьба в России

Бонч-Бруевич В. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. Изд-во «Федерация». Тираж 5 000, стр. 411, ц. 2 р. 95 к., переплет 20 к.

Генкин И. Хождение по мукам. Ис-

тория одного каторжанина. Издан. политкаторжан. Тираж 22 000, стр. 12, ц. 25 к.

Дружинин Н. А. В. Якимова. Изд. 2-е политкаторжан. Тираж 15 000, стр. 47, ц. 20 к.

Дубенская Е. Т. И. Лебедева, член ЦК партии «Народной воли». Изд. политкаторжан. Тир. 15 000, стр. 27, ц. 20 к.

Корнилова-Мороз. Перовская С. Л. Изд. политкаторжан. Тираж 15 000, стр. 45, ц. 20 к.

Корнильев Я. Кровавые протесты в Бутырках. Изд. политкаторжан. Тираж 22 000, стр. 77, ц. 25 к.

Краснов М. Из жизни. Изд-во политкаторжан. Тираж 22 000, стр. 72, ц. 25 к.

Левин Д. Октябрьская революция и Брестский мир. Изд. РАНИОН. М. Тираж 3 000, стр. 95, ц. 1 р.

Мошинский И. Н. Товарищ Артем. Изд. политкаторжан. Тираж 22 000, стр. 73, ц. 25 к.

На боевом посту. Сборник, посвященный 60-летию Д. Б. Рязанова. Гиз. Тираж 3 000, стр. 652, ц. 5 р.

Никитин Е. Д. Новинское освобождение. Побег 13 каторжанок из Московской женской тюрьмы. Изд. политкаторжан. Тираж 7 000, стр. 109, цена 50 к.

Пыжов Н. Крестьянская республика. Воспоминания руководителя крестьянского восстания в Сорочинцах в 1905 году. Изд. политкаторжан. Тираж 22 000, стр. 70, ц. 25 к.

Сибиряков С. Прыжок. Случай побега из Кишиневской тюрьмы. Изд. политкаторжан. Тираж 22 000, стр. 61, ц. 20 к.

Стеклов Ю. Еще о Н. Г. Чернышевском. «Зиф». Тираж 3 000, стр. 164, ц. 1 р. 65 к.

Стрельцов И. Красный путь 22-й дивизии. Воспоминания чапаевца. Самара. Тираж 10 000, стр. 52.

Тхоржевский С. Пугачевщина в помещичьей России. Изд. политкаторжан. Тираж 4 000, стр. 207, ц. 1 р. 50 к.

Фроленко М. Сочинения, т. I. Под редакцией и с примечанием И. Теодоровича. Изд. политкаторжан. Тир. 5 000, стр. 331, ц. 2 р. 50 к.

Чернышевский Н. Г. Литературное наследие, том III, Письма под редакц. Л. Б. Каменева. Гиз. Тираж 3 000, стр. 702, ц. 6 р. 75 к.

Чуднов М. Под черным знаменем. Записки анархиста. Предисловие Б. И. Горева. Изд. «Молодая гвардия». Тир. 7 000, стр. 222, ц. 1 р.

Международное революционное движение и Коминтерн

Васильев Б. Итоги расширенного президиума ИККИ. Февраль 1930 г. Гиз. Тир. 60 000, стр. 64, ц. 10 к.

Гельц Макс. От белого креста к красному знамени. Авторизованный перевод с немецкого А. Г. Ромм. Предисловие Германа Реммеле. «Зиф». Тир. 5 000, стр. 276, ц. 2 р., пер. 35 к.

Лавер и Маркуччи. Красные искры. Очерки борьбы итальянского комсомола против фашизма. «Молодая гвардия». Тираж 15 100, стр. 45, ц. 15 к.

Лесков А. На международном фронте. Гиз. Тир. 30 000, стр. 64, ц. 15 к.

Михайлов Я. Парижская коммуна и церковь. Изд. «Атеист». Тираж 10 000, стр. 90, ц. 70 к.

Реммеле Г. Война и революция. Изд. «Московский рабочий». Тираж 20 000, стр. 112, ц. 35 к.

Хаяма. Профдвижение в Японии. Изд. ВЦСПС. М. Тираж 5 000, стр. 107, ц. 60 к.

ОБ ИНСТИТУТАХ ПО ИСТОРИИ ПАРТИИ

Центральный комитет ВКП(б) постановил реорганизовать Ленинградский, Украинский и Закавказский испарты в институты по истории партии и революции.

Этим постановлением производится огромный сдвиг в работе истпартов и намечаются широкие перспективы для дальнейшего развертывания научно-исследовательской работы на местах по истории партии и революции.

Поставленная XV съездом задача по составлению научной истории партии не может быт осуществлена без изучения истории партийных организаций на местах. Историю партии можно написать только при коллективном творчестве, при условии привлечения к этой работе десятков организаций. Составление научной истории партии требует иных форм и методов работы.

Перед местными истпартами стоит задача развернуть работу по изучению своей партийной организации, своего революционного движения и увязки его с общим движением и историей партии, показать, какое отражение получили общие директивы партии на местах и как они проводились в жизнь. Истпарты должны изучить истоки рабочего движения и показать, как из небольших подпольных кружков выросла могучая партия, приведшая к власти рабочий класс; показать, как шла и развивалась работа в подполье во времена подъема революционного движения в 1905 году, в эпоху жесточайшей реакции и во время империалистической войны, проследить все этапы роста развития партии и вписать свою главу в общую историю партии и революции. Нет города, где мы не нашли бы следов подготовительной работы партии, ее героической борьбы. Собрать весь материал, обработать его, выявить работу партии и участие рабочего класса в трех революциях—является актуальнейшей задачей.

Что же сделано для изучения истории партийных организаций на местах? Центральный истпарт организовался в 1920 году, а истпарты на местах значительно позже, и большинство их существует не более 5—6 лет, но они уже имеют свою историю. Вначале это были комиссии при агитпропах, в задачи которых входило главным образом собирание воспоминаний, документов, фотографий и других историко-революционных материалов. Издания истпартов состояли в своем большинстве до последних 2—3 лет из сборников воспоминаний, биографий, сырых документов. Воспоминания носили субъективный характер, в них главное внимание уделялось не столько истории партии, сколько стремлению увековечить свое «я». События зачастую искажались, и мемуары, являясь интересным чтением, очень мало способствовали выявлению настоящей истории партии. Другим недостатком истпартовских работ того времени было стремление скрыть имевшие место ошибки в данной организации и у ее отдельных работников. Соглашательский угар, охвативший в начале революции большую часть организаций, искривление партийной линии в национальном вопросе, в крестьянском, различного рода уклоны,—все это не находило правдивого отражения в ранних работах истпартов, и истпарты давали выхолощенную историю партии. Зачастую работники истпарта обнаруживали полную беспечность в отношении истории прошлого, а иногда и полное

незнание этого прошлого. Так, в ряде книжек, выпущенных местными истпартами, вы встретите утверждение, что до 1917 года большевистских организаций не было, и большевики появились только в 1917 году в ряде крупных центров, где на самом деле большевистская организация имела в период II съезда 1905 года и в позднейшие годы свои подпольные организации и рабочие кадры.

Такие неверные утверждения объясняются тем, что у нас мало сохранилось документальных данных, особенно по периоду реакции и империалистической войны. Материалы по периодам между II, III и IV съездами, по революции 1905 года имеются в довольно значительном количестве и дают возможность восстановить работу партийных организаций. Но эпоха реакции, когда партия существовала годами без партийных съездов, зачастую без оформленных верхушечных центров, когда, загнанная в глухое подполье, работа велась в кружках, не связанных между собой, когда о существовании и работе кружков узнавалось после их ареста—этот период работы партии на местах восстановить чрезвычайно трудно. Почти единственным источником являются жандармские архивы и воспоминания отдельных товарищей. Но жандармские архивы сохранили только дела тех организаций, которые провалились. А ведь не все попадались; притом картину движения эти архивы сохранили в довольно одностороннем жандармском освещении, так как товарищи обычно показаний не давали. Воспоминания отдельных товарищей также не могут явиться документальной базой для истории, так как многое забыто, перепутано, проходит через призму своих переживаний. Да и многие ли пишут вообще? Эпоха подъема дает опять значительный материал. Организации крепнут, развивается легальная рабочая печать, растет и ширится рабочее движение. Период империалистической войны дает брешь и перед февралем партийные организации в ряде мест, особенно их верхушечные части, разгромлены. Вот это положение, что в февральские дни начали складываться как бы заново партийные организации,—хлынули из тюрем и ссылок тысячи людей,—приводит к мысли историков, не знающих вчерашнего дня в революции, что до февраля большевистских организаций не было, и большевики появились вместе с революцией 1917 года.

Но если в ряде мест плохо обстоит дело с изучением истории партийных организаций эпохи реакции и империалистической войны, то еще хуже—как бы это ни казалось на первый взгляд парадоксальным—обстоит с выявлением материалов по истории первых лет гражданской войны. В местах наиболее обостренных гражданских боев, где власть переходила из рук в руки, где партия работала в подполье, не имея своего печатного органа, где решения принимались на ходу, не записывались и документы уничтожались, там восстановить события можно только по материалам наших врагов, где линия партии и ее деятельность не только не находила надлежащего отражения, но сознательно замалчивалась или искажалась. Второй источник,—это случайно сохранившийся материал и документы у отдельных участников событий и воспоминания. Истпарт ЦК и истпарты на местах провели значительную работу по собиранию воспоминаний, организации групп содействия, устройству вечеров воспоминаний, стенографированию докладов и воспоминаний и их коллективной проверке. При Истпарте ЦК работало больше 30 групп, куда входило до 500 ч., давших значительный материал по истории гражданской войны. Но материал этот оказался сугубо субъективным и, хотя он дает возможность восстановить отдельные моменты и иногда является единственным для освещения событий, но все же исторически верным его считать не приходится и по этим материалам научной истории партии не составишь. К недостаткам этих воспоминаний относится еще и то, что товарищи освещают в своих воспоминаниях события так, как они сейчас понимают их, делая это сознательно или бессознательно. Стремления замазать или не вспомнить ошибки очень сильны. Но самое главное, что эти воспоминания почти не дают пред-

ставления об участии масс, о работе партийной организации в целом. Пишутся длинные мемуары, в которых первое место принадлежит самому автору и его ближайшим соратникам. Иной умудрится исписать сотни страниц, и вы так и не узнаете даже состава организации. Ну, и затем обычный недостаток мемуаристов всего мира—мешать быль с вымыслом и принимать за действительность то, что, по мнению автора, должно было бы быть.

Чтобы можно было приступить к составлению научных монографий по истории партии, необходимо прежде всего собрать и привести в порядок архивные документы и обеспечить истпарты соответствующими научными кадрами. К сожалению, с тем и другим до сих пор у нас обстоит неудовлетворительно.

К собиранию архивных документов приступлено весьма недавно, и многие документы погибли уже за последнее время из-за преступно небрежного отношения к ним. Об этом можно было бы написать особую статью и рассказать, как из-за недопустимой небрежности погибли ценнейшие документы и, что даже сейчас, несмотря на постановление ЦК ВКП(б) о создании единого партархива и его филиалов, во многих местах не приступлено к концентрации материалов из-за непредставления соответствующего помещения. Огромное значение для развертывания работы институтов по истории партии имеют, конечно, кадры. За последние годы, в связи с углубившимися задачами, ставшими перед истпартами, к истпартработе привлекаются работники более подготовленные, но к сожалению и до сих пор в ряде мест истпартработа считается работой второго разряда. Приходится признать, что вопрос по обеспечению истпартов соответствующими кадрами на ближайшее время трудно разрешим.

Между тем истпарты должны сейчас вплотную приступить к концентрации, изучению и обработке архивных материалов, составлению революционной хроники, изучить фабрично-заводские архивы, собрать материал по истории рабочего и крестьянского революционного движения и в первую очередь по истории партийной организации,—и на основе всего этого, путем тщательной проверки и сопоставления материалов и документов, составить научную монографию по истории партии и революционного движения в данном районе, которая явится материалом для составления истории партии в целом. Конечно, научная история партии не есть механическое сцепление отдельных частей. Научная история партии будет составляться на основании изучения центральных и местных материалов, которые послужат базой для обобщения событий и анализа их.

Правда, за последние два-три года литературно-издательская работа местных истпартов значительно изменилась. Истпарты, вместо издания трафаретных сборников сырых материалов и воспоминаний, приступили к составлению научных монографий и революционных хроник. Истпарты работают сейчас по общему плану, принятому на 5-м всесоюзном совещании истпартов: к работе истпартов привлечены товарищи с научными навыками, и партийные организации в ряде мест уделяют теперь работе истпартов значительное внимание. Но чтобы развернуть истпартработу по-настоящему, нужно ее и поставить по-новому; вот почему решение ЦК ВКП(б), принятое 16 апреля, о реорганизации трех крупных истпартов в институты является огромным сдвигом в развитии истпартовской работы и обеспечивает правильную ее постановку и дальнейшее развитие. Истпарты с их ограниченными возможностями (ничтожные штаты, отсутствие издательских возможностей, незаметное положение, какое они занимают в партийных организациях и пр.) не могут удовлетворить возросших требований, поставленных перед ними, и вопрос об их дальнейшем укрупнении и реорганизации должен быть разрешен в ближайшее время. ЦК ВКП(б) подошел к реорганизации истпартов со всей серьезностью и разрешил открытие пока только трех институтов лишь потому, что создание институтов без возможности обеспече-

ния их научными кадрами он считает нецелесообразным. Необходимо учесть опыт организуемых сейчас институтов, поставить их работу на надлежащую высоту, укомплектовать их научными силами, обеспечить средствами, соответственным руководством и только тогда приступить к дальнейшей реорганизации.

Производить одновременно реорганизацию всех имеющихся сейчас 30 истпартов было бы в высшей степени неправильно. В институты мы превращаем те истпарты, которые всей своей предшествующей работой подготовили себя к переходу на высшую ступень, именно: сконцентрировали вокруг себя научные силы, издали значительное количество историко-партийных материалов и организовали партийный архив. Реорганизованные сейчас истпарты эту необходимую базу создали и можно сказать, что их работа пойдет по линии дальнейшего развертывания и углубленного изучения истории партийной организации и революции.

Вновь созданные институты должны стать центром историко-партийной мысли в крае, объединять вокруг себя научные силы и способствовать взращиванию кадров.

М. Эссен

ОТДЕЛЕНИЕ ЕДИНОГО ПАРТАРХИВА В ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Директива ЦК ВКП(б) о создании Единого партийного архива с отделениями в 26 областных и краевых центрах дана была 28 июня 1929 г., т. е. почти год тому назад.

Однако концентрация материалов по областям далека от окончания, и эта медлительность чаще всего объясняется отсутствием достаточных помещений в областных центрах. В частности это относится и к Ивановской области, где для партийного архива обещано помещение в здании, которое с осени 1930 г. только еще начнет строиться. А пока архив находится в тяжелых условиях: имеются всего две небольших комнаты, куда едва-едва удастся поместить архивы бывшей Ив.-вознесенской губ. Обработка же материала и даже распаковка тюков и ящиков происходит в одной комнате с Истпартом.

Между тем в область входит еще ряд крупных округов, как Костромской, Ярославский и Владимирский, имеющие свои богатые архивы. С самого начала организации партийного архива истпарты этих округов настаивали на оставлении архивов у них на местах, мотивируя тем, что историю крупных организаций изучать без архивов невозможно. Не имея соответствующего помещения Ивановский истпарт пошел на это предложение и решил в качестве временной меры сконцентрировать архивы в четырех пунктах—Иванове, Ярославле, Костроме и Владимире. Однако на практике оставление архивов в округах себя не оправдало, явившись лишь тормозом для дальнейшей работы по объединению архивов. Сравнительно благополучно обстояло дело лишь в Иванове и Владимире.

В Иванове, где партархивом ведает специально выделенный заведующий, имеется архивариус, архив бывшего Ив.-вознесенского губкома партии с 1917 по 1927 г. и архивы укомов с 1917/18 по 1925/26 гг. приведены в порядок, выделено 90 фондов, в том числе фабричные партколлективы, волкомы, ячейки, фракции учреждений и профсоюзов,—всего 6 000 единиц хранения. Материалы с мест продолжают поступать и, по заявлению заведующего партархивом, архивы бывш. Ив.-вознесенской губ. скоро будут исчерпаны.

Во Владимире собирать партийные архивы начали с 1925 г. в связи с предстоявшим тогда 10-летием Октября, и таким образом удалось собрать материалы Владимирского губкома ВКП(б) с 1917 по 1929 г. и укомов с 1917 по 1924 г., всего 5 300 дел.

В Ярославле же и Костроме объединение архивов почти не начиналось, приемка и обработка материалов при отсутствии штатных единиц ведется добровольцами и носит, в особенности в Ярославле, чисто случайный характер. А поскольку работа Истпарта в том и

другом месте находится на точке замерзания, отрыв архивов от областного центра является безусловно вредным для дела.

Следует особо остановиться на том, что на местах очень часто даже руководители партийных и комсомольских организаций, не говоря уже о низовых работниках, недооценивают значение архивов, которые являются основной базой для изучения истории партии. На партийные документы смотрят как на ненужный, старый хлам, от которого стараются так или иначе поскорее избавиться.

Так, например, при обследовании положения архивов на местах заведующему Ивановским областным партархивом в некоторых районах секретари организации откровенно высказывали, что часть материалов пошла в утиль-сырье, а часть—на растопку печей. Материалы Ивановской губсовпартшколы продавались на рынке в качестве оберточной бумаги. А в комсомольских организациях ему нередко приходилось слышать и такие заявления:

— Если вам нужны наши архивы, приходите да берите, а нам этим заниматься некогда.

В Костромском округе, по сведениям, имеющимся в окружкоме, комсомольцы в Молвитине сдали архив в Госторг, т. е. на утиль-сырье.

По единодушным заявлениям как в Иванове, так и в округах, очень много архивных материалов уничтожено прежде, чем организовался Единый партархив.

Общим явлением приходится признать также и тот факт, что в большинстве организаций—окружных, районных и низовых—из архивов 1917 г. сохранились в лучшем случае отдельные дела или небольшие фонды,—иногда разрозненные бумаги, а чаще всего ничего не сохранилось. Почти то же можно сказать и о 1918 годе и почти о всем периоде гражданской войны. И лишь начиная с 1920 г. отложение архивных материалов приобретает более постоянный характер.

Е. Попова

РАБОТА ИСТПАРТОТДЕЛА ТАТОБКОМА ВКП(б) С НОЯБРЯ 1929 г. ПО АПРЕЛЬ 1930 г.

Выполнение годового литературно-издательского плана работы частично тормозилось переброской архивов Татцентрархива, и это не дало возможности полностью использовать архивные материалы для научно-исследовательской работы. Подготовляются к печати работы по истории «вилочного восстания», имевшего место в кантонах ТР в 1920 г. Эту работу ведет группа тт.: Корбут, Тагиров, Еникеев. По 1905 г. пишется работа «Эпоха первой революции в Казани» т. Троицким. По периоду реакции за 1908—1911 гг.—т. Виноградовым, по истории групповой борьбы в Татреспублике пишет т. Рубинштейн, по крестьянскому движению в 1905 году—т. Фирсов. Разработан план работы истпартотдела на 3 года.

Из подсобной сети работает только группа подпольщиков, на ее заседаниях заслушалось несколько воспоминаний.

Музей. К XII годовщине Октябрьской революции была организована выставка в Заречьи (рабочий район), пропущено 5 000 рабочих; к ленинским дням организован уголок Ленина по местным материалам и новая экспозиция по материалам Музея Института Ленина; в феврале совместно с Домом Красной армии организована выставка к XII годовщине Красной армии, посещаемость повысилась до 3 750 чел. в месяц. Приобретены диапозитивы на историко-революционные темы, предполагается ряд лекций в клубах, школах и пр.

Партархив. Ведется работа по выявлению и приведению в порядок фондов по городу, концентрации же архивов кантонских до сих пор не производили ввиду посевной кампании: предполагается провести объединение архивов после окончания областной партконференции.

Юбилейная часть. Истпартом были отмечены юбилеи: XII годовщина Октябрьской революции, VI годовщина смерти Ленина, X-летие «вилочного восстания». Эти события отмечались поме-

щением статей в газетах, выставками совместно с Музеем революции и затем проводилось специальное собрание группы подпольщиков, посвященное пребыванию Ленина в Казани. Готовится брошюра к юбилею «вилочного восстания». Что касается подготовки к 25-летию 1905 года, юбилейная комиссия будет создана после конференции (в июне). Намечаются к изданию следующие брошюры по 1905 году; 1) Большевистская организация и революция 1905 г. в Казани—Троицкий; 2) Очерк по массовому рабоче-крестьянскому революционному движению татар 1902—1907 гг. (на двух языках); 3) Крестьянское движение в 1905 году. Предположено развернуть выставку в Музее революции, посвященную III съезду РСДРП и отражению его в местной организации, ведется подготовительная работа к выставке по 1905 г., приуроченной к декабрю. По 10-летию ТР готовится юбилейный сборник, при участии истпартотдела подготовляется юбилейная выставка.

Гафуров

О РАБОТЕ ИСТПАРТА СРЕДАЗБЮРО ЦК ВКП(б) ЗА ОКТЯБРЬ—МАРТ 1929/30 г.

Полугодие октябрь 1929 г. — март 1930 г. в жизни Истпарта Средазбюро ЦК ВКП(б) характеризуется значительным расширением и углублением его работы. Основное затруднение и недостаток в работе Истпарта в условиях многонациональной Средней Азии со дня создания Истпарта было—малочисленность актива вообще и особенно истпартовского актива из среды товарищей из коренных национальностей Средней Азии и из лиц, владеющих местными языками.

Естественно также и то, что Истпарт со штатом из 2 человек не мог вести большой работы по выявлению и привлечению истпартактива к работе и тем более вести широкую разработку многочисленных проблем.

В начале истекшего полугодия в Истпарте появилась возможность объединить в своих руках идеологическое руководство историческими кафедрами среднеазиатских курсов (Саку и главным образом Сагу), а также среднеазиатским отделением Общества историков-марксистов (партийная часть которого одновременно является теперь и истпартактивом) и наконец привлечением к истпарту старых партийцев-туркестанцев, непосредственных участников ревдвижения в Средней Азии Истпарту удалось сплотить вокруг себя ядро истпартовского актива численностью около 60 человек, в числе коих имеется значительный процент товарищей из коренного населения начинающих научных работников, а также европейцев, владеющих местными языками.

Существенным недостатком является то, что большая часть этого актива находится в Ташкенте, но выявление и привлечение к участию в работах Истпарта местного, республиканского актива также начало налаживаться, и вокруг уполномоченных истпарта на местах повсюду уже созданы небольшие активы.

Привлечение к работе истпарта товарищей из коренного населения, а также товарищей европейцев, владеющих местными языками, дало возможность вести разработку таких вопросов, как деятельность Мусбюро РКП, джадидизм, союз трудящихся мусульман, деятельность парторганизаций среди коренного населения, революция в Хиве и Бухаре, басмаческое движение и др. не только по источникам на русском языке, но также и на всех местных языках Средней Азии.

Научно-исследовательская работа истпарта затруднялась вследствие неподготовленности к обслуживанию научных работ со стороны архивов, библиотечек и Музея революции.

Все архивы были приспособлены только для простого хранения фондов. Единый партархив при Истпарте, Цуардел, архив Истмола и Истпрофа не имели, кроме того, никакой увязки в своей работе; таким образом материал по одному вопросу часто оказывался разделенным между этими четырьмя архивами и документальным фондом Музея.

Задача собирания документов не была налажена ни одним из архивоов и проводилась далеко не организованно также и Музеем революции. Необходимо было объединить работу всех этих учреждений, что и было проведено под руководством Истпарта.

Работа по объединению партархивов всех нацкомпартий заканчивается в ближайшее время.

Единый партархив, при увязке в работе с другими архивами, по количеству и ценности сосредоточенных в них материалов, представляет собою крупнейшую научную базу для работ по всем проблемам ревдвижения в Средней Азии.

Что касается библиотеки, то проводится объединение мелких библиотек в единую историческую библиотеку, насчитывающую до 50 тыс. томов с задачей обслуживания лиц, ведущих научно-исследовательскую работу по истории партии и истории революции.

Музей революции, до октября прошлого года выполнявший по существу роль своеобразного выставочного отдела истпарта был значительно укрупнен путем слияния с отделами культуры бывш. Главного среднеазиатского музея и с Центральным художественным музеем и значительно пополнен научными работниками, в том числе и товарищами из коренного населения. Это слияние вывело Музей революции на путь широких возможностей и сделало основным содержанием его работы освещение истории классовой борьбы и социальных отношений на исторических и этнографических материалах. На ряду с этим к основным отделам Музея, изучающим Среднюю Азию присоединили вспомогательный отдел, показывающий на исторических и художественных материалах основные элементы европейской культуры, в тесной ее связи с колониальной политикой, историей рабчего движения и пролетарской революцией. Все это поставило Музей и всю его работу на уровень большого научного учреждения.

Пополнение Музея революции работниками, компетентными в области истории и истории революции в Средней Азии, и ближайшее руковдство его работой со стороны Истпарта создали такие условия работы, когда Музей смог, наряду с работой по перестройке своей работы, в связи с слиянием трех музеев в один, организовать филиал на территории бывшего старого города Ташкента и провести в течение полугодия 6 выставок-передвижек: 1) 10-летие соединения Туркестана с центром; 2) 11-летие январских событий в Ташкенте (левоэсеровская авантюра); 3) 5-летие нацразмежевания; 4) 10-летие ликвидации Закаспийского фронта; 5) 12-летие РККА, и 6) ленинская выставка.

В настоящее время Музеем готовится выставка по Таджикистану, открытие которой приурочивается к партсъезду в Сталинбаде, с тем чтобы по окончании этого бюджетного года выставку расширить до размеров Таджикистанского музея революции.

Каждый из юбилеев нашел широкое отражение на страницах местной печати. В наиболее крупных центрах края проводились торжественные заседания партийных и общественных организаций. Юбилей ликвидации январского восстания (левоэсеровской авантюры) был отмечен опубликованием новых материалов, дающих более четкое, чем было до сих пор, представление о контрреволюционной роли в этих событиях левоэсеровских организаций в Туркестане.

В течение последнего полугодия значительно развернулась также и издательская деятельность истпарта: 1) продолжается работа по изданию сборника «Революция в Средней Азии»—издано 2 номера, готов к печати 3-й номер и готовится 4-й; выпущен № 1 сборника «Кизыл Шарк» на узбекском языке и сданы в печать №№ 2 и 3, намеченные к выходу в мае—июле с. г..; 3) сдан в печать сборник № 1 на таджикском языке; 4) подготовлен к печати сборник по комсомольскому движению; 5) находится в печати работа «Кокандская автономия», изданная на узбекском языке.

Кроме того, за этот период закончены работы, оставшиеся от прошлого года: 1) Рябинский, «Слияние с левыми эсерами; 2) Божко, «Английская интервенция в Закаспии»; 3) Главацкий, «Революция в Бухаре» и др.

По истории партии за этот период разработаны «III съезд КПТ» и «Уклоны в нацкомпартиях Средней Азии».

В настоящее время находятся в разработке: «IV съезд КПТ» и «Мусбюро РКП в Туркестане», «Джадидизм в Туркестане», «Библиография по ревдвижению в Средней Азии» и «Восстание 1916 года».

Кроме того в портфеле издательства находится около 20 статей на русском и местных языках, касающихся отдельных моментов национально-революционного движения и истории партии в Средней Азии.

К 25-летнему юбилею революции 1905 года, наряду с организуемой Музеем революции большой выставкой в Ташкенте и рядом передвижных выставок по крупным районным центрам края, а также небольших стандартных выставок в фабрично-заводских клубах и обычного широкого освещения вопроса в среднеазиатской прессе, Истпарт наметил и подготовляет к печати следующие издания: 1) сборник на всех основных среднеазиатских языках и на русском, освещающий развитие революции 1905—1907 гг. в Средней Азии; 2) брошюру «Влияние революции 1905 года на национально-освободительное движение в Средней Азии»; 3) партия в Средней Азии в 1905 г.

Кроме того по договоренности с нацгизом будут переведены на местные языки общие популярные брошюры, которые будут изданы центром.

Все основные работы истпарта обсуждаются обычно на собраниях Общества историков-марксистов совместно с истпартактивом. Наблюдавшаяся в прошлом несогласованность в работе Среднеазиатского отделения Общества историков-марксистов и Истпарта в настоящее время изжита совершенно.

Работа Истпарта в течение последнего полугодия по всем направлениям в общем проходила успешно, особенно успешно проведена работа в части выявления и сплочения актива истпарта и создания предпосылок для широкой научно-исследовательской работы в области истории и истории революции в Средней Азии. Работа истпарта приняла широкие размеры благодаря включению в план его работ вопросов огромнейшего культурного и политического значения, как общей марксистской историографии Средней Азии, подготовки кадров в области изучения истории компартии и революционного движения Средней Азии и т. д.., тем самым значительно выводя истпартоовские функции далеко за рамки партучреждения со штатом в 2 человека, как это имеет место в истпарте Средазбюро ЦК ВКП(б), почему в постановлении совещания отдела местных истпартов и имеется пункт, отмечающий необходимость реорганизации этого истпарта в Институт.

Среднеазиатское бюро ЦК ВКП(б), считая размер работы истпарта значительно шире существующих организационных форм, постановило еще в марте с. г. реорганизовать истпарт в Среднеазиатский научно-исследовательский институт истории и истории революции (САНИИР) и фактически истпарт Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) уже прекратил свое существование, как таковой, осталось только оформить его переход на положение Института в центре.

К. Гиясов

РЕЗОЛЮЦИЯ СОВЕЩАНИЯ РАБОТНИКОВ ОТДЕЛА МЕСТНЫХ ИСТПАРТОВ ИНСТИТУТА ЛЕНИНА О РАБОТЕ ИСТПАРТОВ СРЕДАЗБЮРО ЦК ВКП (б) И ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО КРАЙКОМА

На совещании отдела местных истпартов Института Ленина с заведующими Среднеазиатским и Дальневосточным истпартами от 20 мая с. г. были вынесены следующие резолюции.

А. По докладу т. Гиясова о работе Среднеазиатского истпарта:

1. Совещание отмечает, что Среднеазиатским истпартом недостаточно развернута литературно-издательская дея-

тельность. Мало выпущено литературы как на русском, так и на национальных языках. В качественном отношении эта литература также не вполне удовлетворительна.

2. Однако за последнее полугодие произошел сдвиг в работе истпарта в области организационной, выразившийся в том, что Среднеазиатский истпарт приступил к концентрации историко-партийных архивов, созданию научно-исторической библиотеки, к сгруппированию вокруг истпарта научных работников, взявших на себя выполнение работ по плану истпарта. Нужно также отметить, что истпарт добился и определенного перелома со стороны партийных организаций в своей работе.

3. Истпарту необходимо в дальнейшем обратить внимание на разработку вопросов по истории партийных организаций и Октябрьской революции, особенно на национальных языках; усилить издательскую деятельность и провести работу по концентрации архивных материалов и обеспечения себя собственными кадрами.

4. Вопрос о создании Института в Средней Азии в текущем году не намечался всесоюзным совещанием истпартов, а также не был согласован с Институтом Ленина и не ставился на утверждение ЦК ВКП(б) (который относится крайне сдержанно к организации институтов на местах). На заседании Секретариата ЦК за 16 апреля было постановлено разрешить открытие только 3-х институтов вместо пяти, намеченных Институтом Ленина.

5. Однако, стоящая перед Среднеазиатским истпартом задача по изучению в 4 национальных республиках (Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан и Киргизия) истории партийных организаций, гражданской войны, басмачества, крестьянского движения, интервенции и ряда сложных вопросов национальных и классовых не может быть выполнена надлежащим образом в рамках истпарта, имеющего ограниченные штаты и смету, и вопрос о реорганизации истпарта в институт должен быть поставлен в ближайшую очередь вместе с вопросом о реорганизации истпартов на Среднем Кавказе, Урале и Сибири.

6. Для проведения 25-летнего юбилея 1905 г. Среднеазиатскому истпарту необходимо образовать особую комиссию в таком же составе, как указано в постановлении по докладу Дальистпарта, и принять активное участие в проведении кампании по названному юбилею.

В крупнейших республиканских центрах организовать выставки, посвященные революции 1905 г., и увековечить отдельные исторические моменты постановкой памятников на местах этих событий.

Выпустить популярные брошюры по 1905 г. на местные темы на национальных языках.

Просить Центральную комиссию по проведению юбилея 1905 г. о заблаговременном снабжении национальных республик выпускаемыми комиссией общими брошюрами по 1905 г. с тем, чтобы истпарты национальных республик смогли перевести такие брошюры на свои языки и своевременно распространить их.

Б. По докладу т. Станкевича о работе Дальневосточного истпарта:

1. Совещание отмечает, что, несмотря на крупнейшие исторические события, происходившие в разное время на территории Дальнего Востока под руководством нашей партии, изучение этих событий совершенно не налажено и к ним почти не приступлено. Поэтому перед Дальневосточным истпартом стоит основная задача—развернуть свою работу как в направлении организационном, так и литературно-издательском.

2. Необходимо в крупнейших центрах края (Владивосток, Чита, Благовещенск, Хабаровск, Николаевск, Никольск-Уссурийский, Стретенск, Завитая) добиться через крайком и местные партийные организации выделения истпартуполномоченных, у которых истпартовская работа должна быть основной партийной нагрузкой.

Планы работ как Далькрайистпарта, так и истпартуполномоченных должны быть проведены и включены в планы соответствующих партийных комитетов.

3. Добиться через Далькрайком перед советскими органами создания в краевом центре Музея революции, а также и в крупнейших округах края, где для этого имеются соответствующие условия, во всяком случае в имеющихся окружных историко-краеведческих музеях должны быть оборудованы отдельные комнаты по истории революции, партии и гражданской войны.

4. В текущем году Дальистпарт должен выпустить сборник, посвященный 10-летию освобождения края от Колчаковщины и ряда крупнейших районов от интервенции; в сборники обязательно должна быть включена статья по истории Дальневосточной партийной организации, о написании ее т. Станкевичу необходимо договориться с кем-либо из бывших дальневосточных партийных работников, находящихся в данное время в Москве (С. Черемных, П. М. Никифоров, М. Губельман или кто-либо другой).

5. Необходимо составить и издать хронику ревдвижения по 1917 г., подбирая материал и подготовляя издание такой хроники и по последущим годам.

6. В связи с 25-летним юбилеем 1905 г. необходимо в спешном порядке провести через Далькрайком выделение особой комиссии по проведению этого юбилея. Такие же комиссии должны быть выделены и в округах. В комиссию входят представители от истпарта, культурно-пропагандистского отдела партийного комитета и научных работников (или обществоведов, занимающихся историей партии и революции), от истпрофа, истмолов и музеев революции.

7. В ознаменование юбилея 1905 г. необходимо в двух-трех главнейших пунктах края (Чита, Владивосток) поставить памятники, увековечивающие исторические события, происходившие в данных пунктах (организация рабочих читинских жел.-дор. мастерских для защиты против Ренненкампфа, расстрел рабочих дружинников, восстание моряков во Владивостоке, всеобщая забастовка и проч.), при этом имея в виду, что памятниками мы отмечаем не заслуги и подвиги отдельных героев, а движение и героические выступления масс. В музеях революции и в уголках организовать выставки, посвященные событиям 1905 года.

8. К названному юбилею необходимо выпустить популярную брошюру по 1905 г., освещающую события этого периода, происходившие во всем крае.

9. Дальистпарт и истпарт-уполномоченные должны принять активное участие в проведении юбилейной кампании по 1905 году, выделяя и привлекая докладчиков—участников исторических событий.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

1

В № 90 «Правды» от 1 апреля т. г. помещена рецензия т. П. К—цева на «Предметный указатель к 1-му изданию Сочинений Ленина», выпущенный Институтом Ленина.

В центральной решающей части своего отзыва об «Указателе» тов. П. К—цев заявляет, что «Указатель пестрит пропусками главнейших высказываний Ленина по многим основным вопросам», перечисляет ряд таких, по его мнению, «основных, грубейших пропусков» и приходит к выводу, что они «мешают найти хотя бы основные из высказываний Ленина». Таким образом, тов. П. К—цев совершенно опорачивает «Указатель». Достигает он этого главным образом при помощи очень нехитрого приема: он констатирует, что то или иное «высказывание» Ленина не нашло себе места под рубрикой, в которой хотел бы его видеть он, т. К—цев, и совершенно умалчивает, что оно находится в «Указателе» под другими рубриками, под которыми поместила его редакция, вопреки мнению т. П. К—цева. Этим самым, вместо того чтобы оспорить правильность разнесения «высказываний» Ленина по тем или иным рубрикам, т. П. К—цев создает у читателя впечатление, что «главнейшие высказывания» *совсем* пропущены в «Указателе». Читатель, имеющий на руках «Предметный указатель» и первое издание Сочинений Ленина, если не захочет верить на слово т. П. К—цеву, разумеется, легко вскроет всю незамысловатость такого приема. Но у доверчивого читателя впечатление, нужное т. П. К—цеву, несомненно, останется. Для этого доверчивого читателя и необходим настоящий ответ на рецензию.

Свое перечисление «основных и грубейших пропусков» т. П. К—цев начинает с национального вопроса и национальной программы партии. Он прежде всего указывает, что «здесь» (стр. 73—74 «Указателя») совершенно выпало письмо Шаумяну и письмо Гюисмансу. Между тем, ссылка на письмо Шаумяну содержится как раз на стр. 74, в рубрике «Национальный вопрос в эпоху промышленного капитализма и буржуазно-дем. революции» (указание на т. XX, ст. 1226, стр. 434), и на той же странице находится ссылка на рубрику «Бунд и национальный вопрос», в которой (стр. 16) имеется указание на письмо Гюисмансу («Доклад И. К. Межд. Соц. Бюро»)— т. XX, ст. 1228, стр. 447. Примерно также обстоит дело с заявлением П. К—цева, что «почему-то не привлекли внимание составителей» высказывание Ленина по национальному вопросу на II конгрессе Коминтерна и тезисы Ленина по национальному и колониальному вопросу к этому конгрессу. Как раз, на стр. 74 под рубрикой «Национальный и колониальный вопрос в эпоху империализма» мы имеем ссылку на рубрику «Национально-освободительное движение на Востоке», а в этой рубрике (стр. 73) имеем указание на т. XVII, ст. 1043, стр. 275—276, и ст. 1036, стр. 212—213, 215, а это и есть речь и тезисы Ленина по национальному и колониальному вопросу на II конгрессе Коминтерна. Ошибка тут есть— надо было и под рубрикой «Национальный и колониальный вопрос в эпоху империализма» сделать *непосредственную* ссылку на эту речь и тезисы, но, как видит читатель, «грубейшего пропуска» основного высказывания Ленина здесь все-таки нет.

Еще хуже дело с указанием т. П. К—цева, что «составители ухитрились пропустить несколько специальных статей и выступлений (Ленина), целиком посвященных вопросам кооперации», поскольку это указание касается эпохи диктатуры пролетариата. Во-первых, *буквально ни одна* из перечисленных т. П. К—цевым работ Ленина, отно-

сящихся к этой эпохе, не является «целиком посвященной» кооперации. Во-вторых, *только* одна из этих речей (на заседании ВЦИКа—т. XVI) говорит мимоходом о кооперации вообще, а остальные говорят либо об общей политике партии по отношению к середняку, о союзе с ним, либо специально о высших формах кооперации—*о производственном* кооперировании мелкого сельского хозяйства, о с.-х. товариществах, артелях и коммунах. Поэтому, в-третьих, эти речи разнесены в «Указателе» по рубрикам «Коллективизации сельского хозяйства» (стр. 44), «Крестьянство среднее и отношение к нему советской власти и партии» (стр. 58) и «Союз рабочего класса и основных масс крестьянства» (стр. 108), за исключением впрочем речи на заседании ВЦИКа, в которой есть место об овладении кооперации рабочим классом, отнесенное, как этого не заметил т. П. К—цев, к рубрике «о кооперации» (стр. 47). Во всем этом читатель легко убеждается, если перечисленные т. П. К—цевым речь на съезде земельных отделов и коммун (т. XV), выступление на VIII съезде партии (т. XVI), речь на заседании ВЦИК (т. XVI), речь о работе в деревне и речь на 1-м съезде земельных коммун и с.-х. артелей (т. XVI) сличить со ссылками под указанными рубриками на стр. 44, 47, 50 и 108 на т. XV, стр. 955 и на т. XVI, ст. 974 и 975, 1004, 977, 1005 и 1007.

Единственная из указанных т. П. К—цевым статья Ленина, «целиком посвященная» вопросам кооперации, относится не к эпохе диктатуры пролетариата, а к 1910 г. Это «Вопрос о кооперативах на Межд. соц. конгрессе в Копенгагене». Она не отнесена в «Указателе» к рубрике «Кооперация», это несомненная ошибка, но она тоже вовсе не пропущена, а указана в рубрике «II Интернационал» (стр. 23, ссылка на т. XI, ст. 396), где ссылка на нее, несомненно, тоже обязательна. Точно так же под другими рубриками разнесены и остальные пять указанных т. П. К—цевым работ Ленина до эпохи диктатуры пролетариата, в которых имеются места и страницы о различных видах кооперации. Не будем спорить с т. П. К—цевым, что их следовало указать и в рубрике о кооперации, но читатель, мы думаем, согласиться, что «*грубейшими* пропусками» отсутствие ссылки в этой рубрике на «Друзья народа», «Экономическое содержание народничества», «Грядущую катастрофу», «По поводу одной газетной заметки», «Черновой набросок программы» и «Проект программы партии 1900 г.» назвать нельзя. Это пропуски, но не «основные» и не «грубейшие», ибо не в «кооперации» суть перечисленных работ в целом, и даже тех мест, которые говорят в них о тех или иных видах кооперации.

Если эти последние указания рецензии т. П. К—цева все же содержат в себе некоторую долю основательности, то, переходя к другим рубрикам, т. П. К—цев опять прибегает к господствующему в рецензии приему оценки «Указателя». В рубрике «ВСНХ» он не находит ссылки на «знаменитую дискуссию о взаимоотношениях ВСНХ и ВЦСПС», в частности на полемику Ленина с Томским, замалчивая, что суть этой дискуссии и этой полемики в вопросе о «коллегиальности и единоначалии», и что поэтому в «Указателе» она отнесена к этой рубрике, а не к рубрике «ВСНХ» (см. стр. 44, ссылка на т. XVII, ст. 1023, 1024 и 1025). Под рубрикой «Культура» т. П. К—цев усматривает пропуск места о национальной культуре в «Критических заметках по национальному вопросу», умалчивая, что это место отнесено в «Указателе» туда, куда следует, т. е. в рубрику «Национальная культура» (стр. 73, ссылка на т. XIX, ст. 1039). В рубриках «Гражданская война» и «Диктатура пролетариата,—говорит тов. П. К—цев,—опущена ссылка на стр. 275 из т. XVI_1 «очень важное замечание Ленина о военном союзе пролетариата и крестьянства» (в «Докладе о продналоге»), и не упоминается, что на это место есть ссылка опять-таки там, где она должна быть—в рубриках «Рабочий класс и крестьянство СССР в эпоху пролетарской революции и диктатуры пролетариата» и «Классы и классовая борьба в переходный период» (стр. 90 и 44, ссылки на т. XVIII_1,

ст. 1083, стр. 257), причем под рубрикой «Диктатура пролетариата» как раз есть ссылка на вторую из этих двух рубрик. Отмечается т. П. К—цевым в рубрике «Парижская коммуна» пропуск «замечательного места из предисловия Ленина к письмам Кугельмана» и замалчивается, что это место содержит в себе не «высказывание» самого Ленина о Парижской коммуне, а отношение *Маркса* к ней и к восстанию парижских коммунаров до его начала и после него в противовес плехановскому отношению к декабрьскому восстанию 1905 г., и что поэтому в «Указателе» оно дано под двумя рубриками: 1) Маркс и Парижская коммуна (стр. 61, ссылка на т. VIII, ст. 267, стр. 193—197) и 2) Плеханов и вооруженное восстание (стр. 82, такая же ссылка). Констатирует т. П. К—цев, что в рубрике «Декрет о мире» отсутствует указание этого декрета на отказ от тайной дипломатии, и замалчивает, что это указание дано под рубрикой «Договоры тайные» (стр. 32, ссылка на т. XV, ст. 883, стр. 15).

Точно так же обстоит дело и с указаниями т. П. К—цева на «пропуски» высказываний Ленина о ЦК в докладе о Брестском мире на VII съезде и в ст. «Странное и чудовищное» (в «Указателе» правильно отнесено к «левым коммунистам и внутрипартийной борьбе»), о НОТе и Тэйлоре в «Очередных задачах советской власти» (в «Указателе»—в рубриках о «Производительности труда в СССР» и «Дисциплина трудовая»), о «Социальных корнях оппортунизма» на стр. 237, т. XVII (в «Указателе»—в рубрике «Рабочая аристократия», а в рубрике «Оппортунизм—социальные корни» и дан ряд других аналогичных ссылок) с указанием на пропуск ст. «Помещики о бойкоте Думы» (в «Указателе» под рубриками «Либерализм и революция 1905—1907 гг.» и «Освобождение и освобожденцы»), и наконец с указанием на пропуск ст. «Несколько мыслей» (в «Указателе»—под рубрикой «Искра» старая»). Единственно правильным из всей этой последней серии указаний т. П. К—цева на «пропуски» является указание на отсутствие в «Указателе» ссылок на место о соревновании «потребительско-производительных коммун» в «Черновом наброске программ». Но разве это «грубейший» и «основной» пропуск?

Не лучше, наконец обстоит дело у т. П. К—цева и с указаниями на пропуски слов, терминов и имен при выделении рубрик в «Указателе». И здесь указания т. П. К—цева правильны в той же минимальной дозе, в какой они правильны и по отношению к «пропускам главнейших высказываний Ленина». Чтобы не затягивать больше и без того затянувшегося ответа, дадим три-четыре примера. Нет,—говорит т. П. К—цев,—«внешней торговли» (и монополии внешней торговли), а на деле на стр. 113 «Указателя» стоит рубрика «Торговля внешняя». Нет,—указывает т. П. К—цев,—«государственной торговли в СССР», а на деле она включена в рубрику «Торговля СССР». Или с именами: нет, по т. П. К—цеву, Карла Грюна, а на деле имеется на стр. 28 «Грюн К.». Пропущены,—говорит т. П. К—цев,—десятки имен, и умалчивает, что пропущены лишь имена тех революционных, научных, литературных и прочих деятелей, о которых Ленин упоминает либо мимоходом, *не останавливаясь* на них, либо в качестве нарицательных (наприм. «Робеспьеры») или которые упоминаются не самим Лениным, а в цитатах, приводимых им из других авторов. Таковы, например, упоминания о Робеспьере, с которого начинает т. П. К—цев, в т. X, стр. 167 и т. XIII, стр. 146, о Демокрите (т. X, стр. 103, 200—300) и о других деятелях, упоминаемых т. П. К—цевым. И это делается в «Указателе» совершенно правильно, ибо совершенно нецелесообразно вводить читателя в заблуждение, заставляя его такими ссылками думать, будто Ленин говорит в соответствующих местах об этих деталях, их работе, идеях и пр. по существу.

Такова рецензия т. П. К—цева. Она далека от сколько-нибудь серьезного отношения к делу. Она, к сожалению, один из тех «наскоков», которые характерны для рецензентов, лишь перелистывающих рецензируемые книги. Институт Ленина и редакция «Предмет-

ного указателя» знают, что в этом указателе очень много недостатков (это первая проба Института с такого рода указателем). Поэтому он и выпущен в ограниченном количестве экземпляров. Институт в праве надеяться, что действительно дельная и деловая, а не кавалерийская критика этого «Указателя» поможет дать *лучший* для 2-го и 3-го издания. Рецензия тов. П. К—цева этому не помогает, ибо принадлежит она к худшему—именно кавалерийскому—виду рецензий.

От редакции «Указателя»

К. Попов

2

Уважаемые товарищи.

В № 10/93 за 1929 г. «Пр. рев.» в статье Кардашева: «К истории зарождения Бюро комитетов большинства» приводится (на стр. 94) след. состав *Северной конференции* большев. организации (в Колпине): *Землячка, П. П. Румянцев, Литвинов, Лядов и А. И. Рыков.* Этот состав конференции автор статьи дает на основании заметки тов. Литвинова М. М., помещенной в Пролетарской революции» № 2/37 за 1925 г. (стр. 86 прим. 1).

Считаю необходимым сделать след. поправки:

1) Тов. *Лядов М. Н.* не был на этой конференции: он в это время делал объезд южных организаций (на-днях при встрече тов. Лядов подтвердил мне это).

2) На конференции был в качестве делегата от Петербургского комитета т. *Эссен А. М.* (Бур).

3) От Нижегородского комитета был *Владимирский, М. Ф.* (это указывает и Литвинов в своей заметке в «Прол. револ.» № 2(37).

Состав конференции был таков: Землячка (от БКБ), *Румянцев, П. П.* в качестве докладчика по одному из вопросов конференции) и *Эссен, А. М.* (от Петербургского ком.), *Литвинов, М. М.* (от Рижского к-та), *Рыков, А. И.* (От Московского комитета), *Владимирский* (от Нижегородсткого к-та).

С тов. приветом М. Владимирский.

ПОПРАВКА

Зав. Истпартом ЦК Коммунистической партии Грузии т. Жгенти просит отметить ошибку, вкравшуюся в письмо в редакцию т. М. С. Ольминского, помещенное в № 1 (96) за 1930 г. Тов. М. О. Ольминский, отмечая некоторые ошибки, допущенные в аппарате к X тому II изд. сочинений Ленина, пишет, что «Душетская экспроприация была делом большевика Камо, о чем есть печатные сведения» (прим 71). На самом деле фактическая сторона этого дела передана в прим. 71 X тома сочинений Ленина *правильно* и не соответствует действительности утверждения тов. Ольминского. Среди участников (20 чел.) этой экспроприации обвинительный акт не упоминает Камо-Петросяна (дело Тиф. окр. суда по 2 угол. отд. 1908 г. № 240—слушалось в Тиф. окр. суде 17/22 ноября 1908 г.).

Редакционная коллегия: **В. Адоратский, Д. Баевский, П. Горин** (заместитель отв. редактора), **М. Ольминский, М. Савельев** (ответственный редактор).

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

XVI съезду ВКП(б) 3

СТАТЬИ

М. Савельев. Об изучении истории партии (к выпуску сотого номера «Пролетарской революции») 5

П. Горин. Из истории борьбы Ленина за III съезд 10

Г. Крамольников. III съезд РСДРП 25

П. Прагер. К постановке вопроса о некапиталистическом пути развития отсталых стран 55

Я. Бронин. К вопросу об особенностях двух «потоков» мелкобуржуазных шатаний. (Продолжение) 95

ИЗ ИСТОРИИ РАБОЧЕЙ ПЕЧАТИ

К истории рабкоровского движения: М. Павлова. Рабкоры «Искры», «Вперед» и «Пролетария».—**С. И.** Рабкоры «Звезды» и «Правды» 135

К выходу сотого номера «Пролетарской революции»: М. Ольминский. Возникновение Истпарта и журнала «Пролетарская революция».—**А. Елизарова.** Ретроспективный взгляд на Истпарт и журнал «Пролетарская революция».—**В. Адоратский.** Воспоминания о возникновении Истпарта.—**П. Лепешинский.** Четверть века на большевистском литературном посту. (О тов. Ольминском) 154

ТРИБУНА

А. Рындич. К вопросу о классовой природе революционного народничества 176

М. Поташ. Как не следует писать о революционном народничестве и народовольчестве 208

МАТЕРИАЛЫ

Стр.

Неопубликованные документы В. И. Ленина:

О свободной торговле хлебом 224

Приветствие беспартийному совещанию (13 апреля 1921 г.) . 227

В. Б. Катехизис солдатский. С предисловием **Е. Ярославского** . 228

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ ВКП(б) И ЛЕНИНИЗМА

Об изучении истории ВКП(б). (Тезисы, утвержденные дирекцией Института Ленина) 250

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Критические статьи и заметки: М. Степанов. Несколько спорных вопросов (По поводу работы Я. Резвушкина: «Учение Ленина о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую») 259

Рецензии: П. Миф. А. Бакулин. Записки об уханьском периоде китайской революции. — **Авигдор. М. Абузиам.** Восстание в Палестине. — **А. Бур.** Н. Н. Батурин. Сочинения. — **Э. Генкина.** М. Поташ. Народнический социализм . 275

Новые книги: 285

ХРОНИКА

М. Эссен. Об институтах по истории партии. — **Е. Попова.** Отделение единого партархива в Иваново-вознесенской области. — **Гафуров.** Работа истпарт-отдела Татобкома ВКП(б). — **К. Гиасов.** О работе истпарта Средазбюро ЦК ВКП(б). — Резолюция совещания работников Отдела местных истпартов Института Ленина о работе истпартов Средазбюро ЦК ВКП(б) и Дальневосточного крайкома 287

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ К. Попова и М. Владимирского 297

ПОПРАВКА 300